НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА
ВЗЛОМАННОЕ БУДУЩЕЕ
Рассказы гораздо лучше, чем я ожидал. Читал их с удовольствием
Брюс Стерлинг

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Перед вами – удивительный, и даже уникальный в своём роде сборник. Дело в том, что компания Positive Technologies, специализирующаяся на системах киберзащиты, ежегодно проводит в Москве конференцию Positive Hack Days. Тысячи компьютерных гениев со всей России соревнуются… в скоростном взломе банкоматов и мобильных телефонов, моделей систем безопасности атомных станций и военных сетей. Парадокс? Ничуть. Чтобы что-то защитить нужно сначала понять, как это взломать.

А где же тут киберпанк? А вот он: к конференции проводится конкурс рассказов. Финалистов судит сам отец-основатель жанра Брюс Стерлинг, а победителей озвучивает со сцены культовая программа «Модель для сборки». И вот – сборник по итогам двух лет конкурса. Прочтите и убедитесь, что виртуальное завтра наступает уже сегодня!

- Взломанное будущее (сборник)
  - Оживить киберпанк: история этого сборника
  - Киберпанк
    - Игорь Вереснев
    - Юлиана Лебединская
    - Игорь Вереснев
    - Дмитрий Лукин
    - Алекс Тойгер, Алёна Голдинг
    - Наталья Адаменкова
    - Анна Дербенёва
    - Павел Губарев
    - Ирина Лазаренко
    - Николай Немытов
    - Мерси Шелли
    - Сергей Чекмаев
  - Рибофанк
    - Андрей Фролов
    - Дмитрий Богуцкий
    - Александр Матюхин
    - Дмитрий Богуцкий
    - Владимир Венгловский
    - Виталий Вавикин
    - Румит Кин
    - Наталья Духина
    - Павел Губарев

- Ярослав Веров
- Владимир Калашников

Взломанное будущее (сборник)

Оживить киберпанк: история этого сборника

Замечали ли вы, как странно отражаются в кривом зеркале художественной литературы различные профессии? Вот, скажем, сыщикам и следователям очень везёт: ими завалены все шкафы в книжных магазинах. Есть даже целая армия книжных детективов-старушек и детективов-детей, которые с успехом раскрывают самые загадочные преступления. Такое ощущение, что без них в нашей жизни не сделать и шагу.

Хотя, по правде говоря, услугами булочника и мусорщика мы пользуемся гораздо чаще. Но видели ли вы модный роман, героем которого является булочник? Или, может, серия рассказов о жизни мусорщиков вас так поразила, что вы подписались на журнал, в котором эти рассказы публиковались?

Сборник, который вы держите в руках, появился в результате именно таких наблюдений о несоответствии реальности и литературы. История эта началась в 2012 году на ежегодной конференции по практической безопасности Positive Hack Days – куда меня, как автора пары-тройки киберпанковских романов, пригласили выступить с докладом об этом жанре.

Здесь для начала стоит пояснить, каким образом «хакеры» и «безопасность» оказались в одном названии мероприятия. Ведь если судить по новостям в газетах, это вроде как противоборствующие стороны. На практике же хорошая защита всегда должна знать, каким будет нападение. Поэтому значительную часть современной киберзащиты составляет работа тех, кого скромно называют «исследователями защищённости». Суть их работы – проверка на прочность для улучшения защиты. Тот же взлом, только «в белой шляпе».

Итак, представьте хакерскую конференцию. В одном зале идёт доклад, где показывают, как легко проникнуть через Интернет на атомную электростанцию и химический завод. В другом докладе в это время сравнивают кибероружие Китая и Индии. В фойе проходят конкурсы по взлому банкоматов и мобильных телефонов, причём некоторым удаётся сделать это всего за несколько минут. А в углу бегает по рельсам поезд игрушечной железной дороги под контролем реальной системы управления – и в ней за два дня конференции находят достаточно дыр, чтобы устроить паровозику катастрофу. Тем временем участники мастер-класса по конкурентной разведке взламывают почтовые ящики и аккаунты социальных сетей, чтобы добыть

секретные данные… Такой вот страшноватый практикум по реальной кибербезопасности наших дней.

И вот посреди всего этого мы начинаем обсуждать киберпанк. И выясняется, что современная художественная литература и кино как-то пролетают мимо. Какая там фантастика! Мы давно живём в стране победившего киберпанка, это цифровое будущее уже здесь, оно лежит в наших карманах, управляет нашими движениями, программирует наши сны, но адекватно отразить и осмыслить этот дикий кибермир почти никто не берётся. Классика жанра, которую уважают представители профессии под названием «информационная безопасность», – это книги Уильяма Гибсона и Брюса Стерлинга, фильмы «Хакеры» и «Нирвана», далёкая романтика 90-х.

Ну да, в современных книжках и фильмах тоже иногда мелькают парни с компьютерами. Но как-то у них «без огонька». А может, есть и «с огоньком», просто оно не доходит до широкой публики?

Мы решили исправить этот крен в общественном сознании – и оживить киберпанк. Начали с того, что в 2014 году пригласили на PHDays IV создателей культовой радиопередачи «Модель для сборки» (МДС), предложив им прочитать со сцены пару киберпанковских рассказов для участников конференции.

Вышло неплохо. Однако оба рассказа, которые читала «Модель…», были написаны более десяти лет назад. Проверенная временем классика – это да, но надо двигаться дальше, искать новые таланты. Поэтому в 2015 году организаторы PHDays объявили конкурс рассказов, посвящённых непростой жизни человека в мире глобальных коммуникаций и цифровых суррогатов.

На конкурс поступило более двухсот заявок. В жюри вошли Глеб Гусаков (писатель-фантаст, руководитель издательства «Снежный Ком»), Алексей Андреев (он же Мерси Шелли, писатель-фантаст), Владислав Копп (бессменный ведущий передачи «Модель для сборки») и Сергей Чекмаев (писатель-фантаст, редактор проекта «Модель для сборки»). Выбранные ими рассказы-финалисты были переведены на английский и отправлены главному судье – одному из «отцов киберпанка» Брюсу Стерлингу.

Честно говоря, мы побаивались, что Стерлинг назовёт эти тексты полным отстоем. Как оказалось, до получения рассказов он думал примерно то же самое. Но когда стал читать, то сообщил: «They are better stories than I expected. I enjoyed reading them».

В общем, мэтру понравилось. Так что на конференции PHDays

V ребята из «Модели для сборки» читали со сцены уже самый свежий киберпанк – рассказы победителей конкурса «Взломанное будущее». А обладатель первого места получил квадрокоптер. Это был своего рода намёк на будущее: взлом квадрокоптеров демонстрировали на PHDays следующего года.

В 2016 году мы повторили и конкурс рассказов. А его судьи тем временем заметили, что за два года набралось достаточно неплохих текстов для того, чтобы издать их отдельной книгой. Помимо первых трёх мест каждого года, в этот сборник вошли ещё несколько рассказов с высокими оценками жюри, а также три рассказа самих членов жюри (надеемся, это последнее даст читателям ответ на классический вопрос «А судьи кто?»).

Ну а если этого сборника вам покажется мало – напоминаем, что конференция Positive Hack Days проходит каждую весну в Москве (phdays.ru), и именно там творится самый настоящий киберпанк. Следите за анонсами конкурса «Взломанное будущее», слушайте «Модель для сборки»… и поменяйте наконец ваш смешной пароль.

Алексей Андреев / Мерси Шелли

Киберпанк

Игорь Вереснев
За пригоршню ржавых биткойнов

Цезарь как всегда опоздал. На этот раз ждать его пришлось почти час. Поэтому, едва дверь за спиной толкача захлопнулась, Шлак кинулся к нему:

– Есть?

В том, что именно Цезарь толкает моему объекту кнар, я не сомневался – остальные больно уж зелёные. Но доказательств у меня пока не было.

Тонкие губы Цезаря под такими же тонкими усиками сложились в ухмылку.

– Есть, есть. А что, когда-то не было?

– Так давай, не тяни! – не выдержала и Соната. – Сил же никаких не осталось!

Судя по биометрии, мой подопечный тоже сгорал от нетерпения. Но Цезарь не спешил. Обвёл компанию цепким взглядом, задерживаясь на каждом. Поинтересовался:

– А вы сделали, что я сказал?

Подростки заугукали, закивали. Но как-то недружно. Потому Цезарь уточнил:

– Всё сделали?

Я понятия не имел, о чём идёт речь. Видно, разговор состоялся до того, как я взял своего объекта на поводок. Но интонация Цезаря мне не нравилась. Ещё больше не нравилось, что у объекта участилось сердцебиение. Он явно волновался. И Цезарь это заметил.

– Корень? – Он резко ткнул пальцем в моего подопечного. – Ты поставил заплатку?

Объект шмыгнул носом, полез в карман за смартом. Цезарь не унимался:

– Я для чего вам её скинул? Или ни разу не грамотные? Не хватало спалиться из-за всякой трухи.

Худшие мои опасения подтверждались. Цезарь предусмотрел, что датчики зафиксируют воздействие кнара на организмы юных балбесов, и операционка откликнется на всплеск необычной мозговой активности вполне предсказуемо: включит запись дампа. А далее дело техники – первое плановое посещение семейного доктора и тайное станет явным. Как именно заплатка должна предотвратить запись дампа, меня мало интересовало. Главное – она могла затереть мой эксплойт!

Объект нашёл программулину Цезаря, ткнул в неё пальцем.

Не попал – я чуть-чуть подкорректировал движение. Но фокус не удался. Цезарь выхватил у парня смарт и активировал установку. Изображение на моём экране мигнуло, перевернулось вверх тормашками. Погасло. Всё, объект соскочил с поводка. Троянский код, так старательно внедрённый в его дешёвенькую ОС Хомо III, уничтожен.

В сердцах я саданул ладонью по подлокотнику кресла, охнул от боли, потряс пальцами. Потом пошёл к холодильнику, достал банку пива, подержал в руке, пока холод не унял боль. Открыл крышечку, сделал долгий жадный глоток. И что теперь, начинать заново? Или нарытой информации заказчику будет достаточно? В конце концов я не на спецслужбы работаю! Мои заказчики сегодня – пращуры незадачливого школяра Кореня, то бишь Корнелия Удалова, заподозрившие, что их чадо балуется кнаром. Кибернаркотиком, говоря человеческим языком.

Мы научились жить долго, оставаясь при этом бодрыми и здоровыми. И превратились в трусов. Мы боимся инфаркта и диабета, энуреза и лейкемии, эболы и аллергии на кошачью шерсть, депрессии и лихорадки Зика, болезни Паркинсона и раннего облысения, импотенции и близорукости, кариеса и аневризмы. А сильнее всего мы боимся оказаться один на один с собственными недугами. Потому мы пичкаем наши тела имплантатами, стимуляторами, корректорами, датчиками, сигнализаторами, снабжаем хард софтом – драйверами, серверами, мониторами. И чтобы вся эта начинка работала надёжно и бесконфликтно, чтобы прозрачно, гибко и удобно следить за собственным организмом, человеку необходима программная оболочка – операционная система.

Однако первая неоспоримая мудрость древних гласит: что один программер накодил, другой всегда хакнуть может. Разумеется, влезть в чужие мозги, поковыряться в памяти, прочесть чьи-то мысли хомохакер не способен при всём желании, это чистой воды фантастика. Зато взломать ПО, перехватить биометрию или первичные сигналы, поступающие на контроллеры, – другое дело. Подключить параллельный интерфейс, видеть, слышать, обонять и осязать то же, что и объект хакинга, отслеживать, как изменяются его сердечные ритмы, давление, активность мозга. А если ты соображаешь в перекодировке сигналов соматической нервной системы, то появляется и обратная связь с объектом. Можно заставить человека что-то не увидеть, или не услышать, или ткнуть куда-нибудь пальчиком неосознанно. Любого человека, независимо от того, какое ПО на нём стоит. Ибо вторая мудрость в том, что

неуязвимого ПО нет, есть взломщики-дилетанты.

Я стараюсь с обратной связью не злоупотреблять и умения свои особо не афиширую – слава мне не требуется. Возможно, когда-нибудь я займусь серьёзным бизнесом или пойду на службу к правительству. Но пока хомохакинг для меня скорее хобби, позволяющее заработать немного биткойнов, чтобы не клянчить у маман и не париться с поисками работы. Оказываю анонимные услуги супругам, жаждущим покопаться в тайнах друг друга, или родителям, свихнувшимся на тотальном контроле своих чад. Да мало ли! Дела житейские.

Очередной заказ ничем не отличался от предыдущих. «Я подозреваю, что моя жена изменяет мне со своим боссом. Можете ли вы помочь мне узнать правду?» И в аттаче – номер карты соцстрахования потенциального объекта, чтобы собрать данные из открытых источников. Спустя час я знал, что Ирма Витер – двадцать девять лет, замужем, детей нет – работает помощником инновационного директора корпорации «От сердца к сердцу», проживает вдвоём с мужем в хауз-тауне М-22. А также её подробную биографию, аккаунты в соцсетях, музыкальные пристрастия, списки друзей детства и ворох прочей информации, совершенно мне не нужной и не интересной. Да, самый обычный заказ. Я сообщил клиенту стоимость услуги – пятьдесят процентов предоплата, – и ещё через десять минут аванс пришёл на мой адрес. Хомохакинг начался.

Первый этап – самый простой, но в то же время он требует определённой сноровки и скрупулёзности. Мои мушки-киберпомощницы атаковали таун М-22 с первыми лучами солнца. Прошмыгнули сквозь жабры воздухозаборников, поднялись по лестничным пролётам, затаились, поджидая объект. Я никогда не пытаюсь провести кибера в чужую квартиру или, скажем, в мобиль. Во-первых, потому что это явная уголовщина, а вычислить владельца серийного кибера на порядок проще, чем создателя безликого программного кода. Во-вторых, уважающие себя граждане держат дома скан-церберов, отслеживающих всякую нерегламентированную киберактивность. Зато в помещениях общественного пользования хауз-таунов, где постоянно вертится всякая ремонтная мелюзга, затеряться проще простого. Конечно, проделать операцию первичного знакомства вне стен тауна ещё надёжнее. Но кто в наше время совершает пешие прогулки по мегаполису? Разве что отъявленные маргиналы, которых никто никогда не заказывает.

Ирма Витер вышла из квартиры в 8:21, и я тут же усадил мушку под воротник её пиджака. Это надо делать быстро и

аккуратно, чтобы объект не заметил атаку. В лучшем случае он брезгливо смахнёт мушку и подсознательно сделается внимательнее, так что посадить запасную будет куда сложнее. В худшем – заподозрит хакинг, обратится в полицию. Тогда вся операция насмарку. Придётся или возвращать аванс, или уговаривать заказчика отложить затею на неделю-другую, пока объект не успокоится. У меня бывали такие провалы на заре моей хомохакерской юности. Три года назад, хе-хе.

Объекту понадобилось семь минут на то, чтобы спуститься с тридцать четвёртого этажа хауза на минус пятнадцатый подземной парковки и сесть в подогнанный автопилотом мобиль. За это время мушка просканировала установленное ПО, записала отчёт и раньше, чем Ирма Витер захлопнула дверь бежевой «ауди», выпорхнула из-под воротника и отправилась восвояси. Меньше чем через час она сидела у меня на столе и сливала информацию в ридер. Начинался второй этап хакинга.

Второй этап – это искусство. Проанализировать весь хард и софт объекта, найти уязвимости, выявить нестыковки, люфты, обломки мёртвых программ, прочий мусор, годный для вторичной переработки. Дилетанты пытаются получить доступ к объекту чужими скриптами, часто не понимая принцип их действия. В дешёвых операционках семейства «Хомо», чьи владельцы вдобавок не заморачиваются своевременной загрузкой обновлений, такое проходит. В ОС Бионик, тем более в Бионике М – никогда. И это хорошо. Их обладатели думают, что в комплекте с дорогой операционной системой приобрели неуязвимость своего «внутреннего мира». Они уверенны и спокойны. И по-своему они правы – дилетантам до них не добраться. Но они не знают вторую мудрость древних. Я не пользуюсь штамповкой. Каждый раз я готовлю эксплойт заново. Конечно, у меня есть набор заготовок. Но дьявол, как известно, в мелочах.

Здоровье Ирмы Витер защищала ОС Бионик М2. Ни разу не взломанная, судя по отсутствию мусорного кода, с минимумом сторонних драйверов, с включенным на всю катушку файрволом. Неуязвимая. Почти. У Ирмы Витер стоял замечательный кардиодетектор производства корпорации «От сердца к сердцу», не иначе, подарочный вариант, эксклюзивная вещь. При необходимости он мог выполнять функции не только детектора, но и стимулятора, и нанохирурга, и операционного ассистента. А если чуть-чуть дописать его драйвер… В общем, эксплойт к Ирме Витер стоил мне бессонной ночи и красных слезящихся глаз. Мой личный Бионик – без «М», да – порекомендовал незамедлительно воспользоваться черничным аппликатором.

Третий этап – самый ответственный. Если что-то не учёл на втором, то вся операция идёт насмарку: либо файрвол объекта выявит и нейтрализует попытку взлома, либо эксплойт окажется неработоспособным, и накинуть на объект поводок не получится. Самое пакостное, что от тебя уже ничего не зависит, сложи пальцы крестом и жди результат.

Моя мушка снова поймала Ирму Витер в дверях квартиры. Сегодня на женщине был джемпер крупной вязки. Тоже неплохо – мушка притаилась между нитями. И отправила операционной системе запрос на получение общей биометрии. Ничего подозрительного, на такие запросы наши операционки отвечают постоянно: когда выходим из дому и входим в офис, садимся в машину и спускаемся в подземку, покупаем видеокамеру и делаем заказ в ресторане – вещи и механизмы, окружающие нас, должны знать, что желающий воспользоваться их услугами человек здоров и адекватен. Ничего подозрительного… если не учитывать, что запрос моей мушки содержал в себе эксплойт. Я помолился Великому Хакерскому Богу, чтобы объект за те двое суток, что прошли после сканирования, не устанавливала себе какое-нибудь обновление или неучтённый драйвер, и стал ждать.

Мушка управилась с запросом раньше, чем Ирма Витер добралась до минус пятнадцатого этажа парковки. Эксплойту для активизации времени понадобилось куда больше. Но маленькое окошко на моём экране всё же ожило. Операционная система Ирмы Витер транслировала запрошенную биометрию удалённому доктору. Задача для файрвола стандартная и потому разрешённая без уточняющих вопросов. Вот только удалённым доктором в этот раз был я, а в составе биометрии передавалась первичная информация от зрительных и слуховых анализаторов объекта. В окошке мелькали граффити на стенах магистрального тоннелепровода, из динамиков монотонно урчал двигатель. Ирма Витер ехала в офис. Хакинг перешёл на четвёртый, завершающий этап: получение плюшек и прочих вкусностей.

Обычно хомохакеры на этом работу заканчивают. Производят окончательный расчёт с клиентом и переадресуют на него установленный канал биометрии. Но я не спешу. Не из-за того, что боюсь внезапного отказа эксплойта, таких случаев в моей практике не было. Наверное, мне просто нравится смотреть на мир чужими глазами.

Неторопливость сослужила мне полезную службу. Потому что Ирма Витер готовила подвох, какого я не ждал. Вернее, его приготовила корпорация «От сердца к сердцу».

Пучеглазый с глубокими залысинами охранник у входа в офис улыбнулся мне – Ирме Витер, разумеется! – пожелал

доброго утра. И неожиданно заявил:

– Обычная процедура. Присядете?

– Алекс, шевелись побыстрее, – судя по всему, объект отмахнулась от предложения. – Жми свою кнопку.

– Ну, некоторым дамам дурнеет… – принялся оправдываться охранник. И в самом деле нажал какую-то кнопку на пульте перед собой.

Динамики по-комариному пискнули, картинка в окошке поблёкла, сделалась чёрно-белой, погасла. А у меня челюсть отвисла. Нет, это не могло быть гибелью эксплойта! Как-то уж слишком резко всё случилось. Блокировка передающего сигнала? Или…

Целый день я ждал ответ на свой вопрос. И в 18:13 я его получил – окошко ожило, биометрия возобновилась как ни в чём не бывало. Эксплойту вновь понадобилось время, чтобы активироваться после перезапуска операционной системы, так что попрощаться с охранником я не успел, Ирма Витер уже выводила «ауди» с парковки.

Я запросил логи системы, и худшие предположения подтвердились: чип-интегратор был отключён от электропитания с 8:43 по 18:07. Это казалось невероятным – несколько тысяч человек оставались без медицинского наблюдения в течение всего рабочего дня! С другой стороны, корпорация, производящая лучшее в мире кардиологическое оборудование, разрабатывающая драйвера для операционных систем семейства «Бионик», могла себе это позволить. Хозяева «От сердца к сердцу» показали мне средний палец – выключенную систему невозможно взломать в принципе.

Перед заказчиком я извинился, описал ситуацию, предложил вернуть аванс – вообще-то это против правил, но я не крохобор. Он ответил через полчаса. Он не настаивал на возврате аванса. Наоборот, попросил что-нибудь придумать. И увеличил гонорар втрое. Со стопроцентной предоплатой. Вернуть пятьдесят биткойнов, даже если ты их считаешь уже своими, не так и трудно. Вернуть три сотни, свалившиеся тебе в кошелёк… я не смог.

Трое суток я пытался понять, как отключают питание чипа-интегратора, пробовал это предотвратить. Безрезультатно. А потом я увидел решение во сне. Пресловутая красная кнопка и палец охранника, жмущий на неё. Жмущий! Отключение срабатывает не автоматически, что естественно, – вряд ли боссы корпорации захотят рисковать собственным здоровьем.

Я не смог взломать интегратор, зато я взломал охранника. По привычной схеме, с мушками, сканированием и черничным

аппликатором. Заказчик терпеливо ждал. Зато я ждал с нетерпением! Обойти систему защиты «сердечников» стало для меня делом принципа и хакерской ценностью. И этот день наступил. Охранник жил под ОС Бионик М, и у него тоже стоял эксклюзивный кардиодетектор. Но внутрь офиса у охранника допуска не было, потому обесточивать свой чип-интегратор ему не требовалось.

– Доброе утро!

– Доброе утро, Алекс. Что, обычная процедура?

– Конечно. Присядете?

– Давай, жми свою кнопку.

Клац. Алекс промахнулся, сам того не заметив. И не увидел, что индикатор на панели не позеленел, остался жёлтеньким.

– Хорошего рабочего дня!

– И тебе не хворать.

Ирма Витер вошла в фойе офиса, поздоровалась с кем-то из сослуживцев, направилась к лифтам. Получилось! Не в силах удержаться, я вскочил, сплясал джигу. Затем смахнул выступившую на лбу испарину и отправил клиенту ссылку удалённого доктора. Теперь я точно покончил с этой задачей! Пусть заказчик сам следит за развлечениями жёнушки.

Но побороть искушение хоть одним глазком заглянуть в так тщательно скрываемую внутрикорпоративную жизнь «сердечников» я не смог. Разумеется, ничего заслуживающего внимания там не увидел. Что интересного в работе помощника директора? Сортировка почты, чтение входящих, подготовка исходящих, планирование контактов. Одно могу сказать наверняка – клиент в своих подозрениях ошибся. Если жена ему и изменяла, то не с боссом. Я видел лишь вполне корректные отношения руководителя и подчинённой. Вопрос закрыт.

Однако вечером клиент вновь напомнил о себе. И попросил повторять процедуру доступа, пока он не убедится окончательно в супружеской верности, пообещав за каждый день доплачивать по сотне. Сто биткойнов за одно нажатие кнопки?! Вернее, ненажатие. Я вдруг ощутил себя миллионером. Возможно, этот тип параноик, шизофреник или просто псих? Меня его безумие не касается, пока он готов платить.

Всё случилось на третий день хакинга корпорации «От сердца к сердцу», через полчаса после перерыва на ланч. Моя подопечная как раз поливала цветочки, выставленные на подоконнике.

– Ирма, мне нужен полный отчёт по седьмой лаборатории за месяц, – инновационный директор стоял в дверях кабинета.

– К завтрашнему совещанию?

– Да. Но я хочу предварительно просмотреть его сегодня вечером.

– Хорошо, я сейчас подготовлю.

Ирма Витер подошла к столу, села за компьютер, ввела пароль. И ещё один – к защищённой области данных. Я понятия не имел, чем занимается их седьмая лаборатория, но пароль! Я увидел и запомнил последовательность введённых объектом символов! Интересно, пароль можно продать конкурентам «сердечников», и если да, то за сколько? Я никогда прежде не занимался подобным, но если оно само в руки плывёт…

Я не успел додумать эту интересную мысль – на экране творилось нечто странное. Не на моём – на том, что висел над столом Ирмы Витер. Документы, таблицы с расчётами, схемы листались там всё быстрее, и в такт им всё быстрее бегали по сенсор-планшетке пальцы объекта. Нет, наоборот, движения женщины заставляли мелькать картинки перед её глазами. Она что-то ищет? Визуальный метод – самый непродуктивный.

Мне хватило полминуты, чтобы понять – она не ищет, она просматривает всё подряд. Чересчур быстро, чтобы человеческий мозг мог запомнить поступающую информацию. Но она и не предназначалась для человеческого мозга Ирмы Витер. Посаженный на поводок объект стал инструментом, терминалом удалённого доступа.

– Э, э, э! Мы так не договаривались! – возмутился я. Клиент на моё возмущённое послание не ответил.

В кабинете Ирмы Витер затрещал интерком. Она не реагировала, удалённый доктор, управляющий её телом, слишком спешил, чтобы отвлекаться. Управляющий?!

Я сообразил, что не давал полного доступа на объект. Только чтение данных биометрии – заказчик ведь хотел посмотреть и послушать! Хакинг внутри хакинга? Это не лезло ни в какие ворота! Меня разводили как котёнка! Отключить заказчика от канала биометрии я не мог – получив полный доступ, он легко блокировал любые мои запросы. Единственный выбор, который мне оставался, это либо отключиться самому и постараться забыть о том, что случилось, утешаясь заработанными пятью сотнями, либо продолжать наблюдение. Да, я повёл себя наивным котёнком. Но превращаться в страуса было ещё глупее.

Изображения в окошке удалённого доктора мелькали с чудовищной скоростью. Схемы, схемы, схемы… Ирма Витер изо всех сил боролась с чужим принуждением: сердечный ритм нарушился, дыхание то и дело прерывалось, внутричерепное давление ползло к красной отметке, анализаторы выброса адреналина в кровь били тревогу. Но поводок захлестнул её

намертво: пальцы послушно сновали по планшетке, глаза неотрывно следили за экраном.

Я не увидел, а услышал, как босс вышел из кабинета.

– Ирма, ты что, оглохла?

Босс подошёл ближе, взглянул на экран. И – понял.

– Что?! Нет!

Он рванул меня – Ирму Витер, разумеется! – в сторону, прочь из-за стола. Пытаясь удержать экран в фокусе, женщина крутанула головой так, что захрустели шейные позвонки. А потом показатели биометрии зашкалило окончательно, я и представить не мог, что такой хакинг возможен! Ирма Витер внезапно развернулась и ударила. Мышечный тонус хрупкой, отнюдь не спортивной женщины оказался таков, что инновационный директор отлетел к окну, ударился спиной о подоконник, упал, цветочные горшки посыпались ему на голову.

Впрочем, директору следовало отдать должное – самообладание он не потерял. Не закричал, не попытался убежать или снова ринуться в атаку. Ежесекундно мегабайты промышленных секретов корпорации улетали невесть куда, и он сделал самое верное, что мог в таких обстоятельствах: вызвал охрану.

С вызовом охраны я уже домыслил – едва директор сунул руку в карман пиджака, как поводок опять толкнул Ирму Витер к компьютеру. Задыхающуюся, полуживую, но ещё способную видеть и перебирать файлы.

– Гад ты! – крикнул я в адрес безымянного заказчика. То, что никакой это не «муж», я давно понял. – Ты же её до инсульта доведёшь. Или до инфаркта!

Я ошибся. Ни инсульт, ни инфаркт Ирме Витер не грозил.

В кабинете по ту сторону канала биометрии громко бахнуло. И ещё раз. И ещё. Инновационный директор вынимал из внутреннего кармана пиджака не смартфон – пистолет. Да, этот способ прервать взлом системы был куда быстрее, чем звать охрану.

Первая пуля вошла Ирме Витер в спину, задев позвоночник, две следующие – в голову. Голографический экран рванулся навстречу, выпадая из фокуса. Картинка от зрительного сигнала быстро мутнела, теряла яркость. Но я успел разглядеть, как брызнули на стол густые тёмные капли, расплылись лужицами. Из-за нарушенной цветопередачи и бинокулярности они казались просто пятнами ржавчины…

Затем изображение и звук в окошке удалённого доктора пропали. Столбик биометрии выдал безжалостный диагноз. Чувствуя, как начинают щипать глаза, я заорал, прекрасно

осознавая, что заказчик меня не слышит:

– Гад! Мерзавец! Убийца! Думаешь, подставил меня, да? Думаешь, до тебя никто не докопается? Думаешь…

Окошко удалённого доктора свернулось. И всё остальное, что было у меня на экране, исчезло. Вместо этого его вдруг заполнили столбцы непонятных данных. Буквы, цифры. Никакого смысла. Я ошарашенно выпучил глаза.

– Что за нафик?

Я ткнул пальцем кнопку сброса. Не тут-то было! Компьютер не воспринимал ни одну мою команду, даже команду отключения. Они хакнули его, пока я возился с Ирмой Витер! А теперь хакают меня. Нагло, в лоб, через канал первичных зрительных данных…

Я хотел вскочить из-за стола. Не вышло. Хотел зажмуриться, закрыть глаза ладонями – и это не получилось. Чужой эксплойт лез в мою операционную систему, перехватывал нервные импульсы, блокировал команды соматической системы.

Извернувшись, я врезал пятками по ножкам стола, опрокинул его. Сенсор-планшетка, жалобно хрупнув, улетела в угол, экран распался. Я тоже свалился на пол, сурово приложившись плечом и локтем. Но боль – это мелочи! Неизвестно, какая часть враждебного кода успела внедриться в операционку – вот это страшно. Несомненно, с моего компьютера уже исчезли все следы заказа на взлом Ирмы Витер. Последняя зацепка, последняя ниточка, способная привести службу кибербезопасности к заказчику, была лишь в моих мозгах. Добраться до этого «софта» таинственный хакер не мог никак. Но он мог ударить по «харду»!

Я выудил из кармана смарт… и отбросил как ядовитую змею – экран заполняли знакомые коды. И что теперь делать? Я обвёл взглядом комнату. Невольно передёрнул плечами при виде двери балкона. Сорок первый этаж… После того что этот мерзавец сделал с Ирмой Витер, я не сомневался – он не остановится ни перед чем. Если шелл-код откроет полный контроль над моим Биоником… Не «если», а «когда», не стоит тешить себя иллюзиями. Нужно немедленно перезагрузить операционку, затереть вредоносный код. Но как это сделать, если все мои гаджеты хакнули и заразили?

Я потерял пять минут, заставляя себя поверить, что – никак. И всё это время эксплойт разрушал изнутри мой софт, чтобы взять хард под контроль.

Софт и хард… Я хищно оскалился. Бесполезно взламывать софт, когда хард отключён. Когда его вовсе нет!

Я ринулся на кухню. Вывалил на пол столовые приборы, присел над этой кучей, пальцем попробовал заточку каждого

ножа. Этот пойдёт!

Я так спешил, что не снимал футболку, а просто разорвал ворот, освобождая левое плечо. Где-то здесь, под ключицей, притаился чип-интегратор, вместилище операционной системы. Я принялся нещадно давить себя пальцами, в надежде найти эту крупинку. Ага, кажется, оно.

Резать собственную кожу было страшно. И больно. И противно – когда хлынула кровь. Но я закусил губу и терпел. Я резал и ковырял, резал и ковырял. И выдернул-таки графеновую чешуйку!

«Вай-фай», – напомнил я себе. Вырезать мало, надо уничтожить. Раздавить, растереть в мокрое пятнышко!

Бионик наконец умер. Я растянулся на полу во весь рост, перевёл дыхание. Я получил свободу. Больше никто не мог взять меня на поводок, никто не мог управлять моими мышцами, не мог заставить сделать непоправимое.

Но к радости свободы почему-то примешивалась слабость. Я открыл глаза. И только сейчас увидел: насквозь пропитавшуюся кровью футболку, алые лужицы на полу. Я слишком увлёкся, выковыривая чип. Кровь не хлестала из раны – до артерии я не добрался, на счастье. Но какую-то вену задел, не иначе.

Мне стало страшно. Когда с рождения твоё здоровье оберегают умные программы и всемогущие чипы, ты привыкаешь не думать о нём. Если бы моя операционка функционировала штатно, сюда бы уже неслись бригады экстренной службы спасения, мне бы и пальцем не пришлось шевелить, чтобы их вызвать. Ладно, чёрт с ним, с вызовом спасателей я бы и сам справился… но гаджеты, гаджеты! Хакер-убийца лишил меня и этой возможности.

Что делать, я не знал. Но то, что ничего не делать – самое худшее, понимал прекрасно. С трудом поднялся на ноги. Зажимая ладонью рану, доковылял до двери. Вывалился на площадку. На разукрашенную весёлыми оранжево-голубыми мультяшными динозавриками нашу площадку хауз-тауна. Направо – коридор с бронированными прямоугольниками квартирных дверей, налево – шахты лифтов. Мне показалось, что на площадке необычно темно. Потом понял – это у меня в глазах темнеет!

– Помогите! Кто-нибудь, помогите… – Я хотел крикнуть, но получилось жалкое блеянье. Не из-за слабости. Мне никогда в жизни не приходилось кричать по-настоящему громко. Мне не приходилось звать на помощь. Помощь являлась прежде, чем я успевал о ней подумать.

Слева зашуршало. Я уставился на табло возле лифтовых дверей, изо всех сил щурясь, чтобы удержать расплывающуюся

надпись в фокусе. И улыбнулся с облегчением. Кабина поднималась как раз на мой этаж, кто-то из соседей, должно быть.

Ноги не хотели держать, и я позволил себе медленно осесть на пол, привалиться спиной к стене. Ничего, уже не страшно. Ещё минута, и меня найдут.

Найдут?! Внезапный озноб заставил дёрнуться. Я вспомнил, как хакнул охранника, которого мне никто не заказывал. Хакнул, чтобы провести свой объект к месту назначения, выполнить поставленную задачу. Хакнул ради одного движения пальцем…

Кабина лифта остановилась, победно звякнув. Кто там внутри? Мой спаситель? Или надёжно зафиксированный поводком «пациент» удалённого доктора?

Юлиана Лебединская
Тень и Элиза

– Она спит?

– Не беспокойся, лекарство крепкое.

Хотелось обнять сестру, но тени не умеют обниматься.

– Тебе она никогда не нравилась, верно?

– Почему же, вначале…

…Вначале.

Вначале был призыв. Мауи-9 подверглась нападению. Об этом сообщили по всем рекомендованным каналам. Каждый день начинался и заканчивался посланием на чип: «Особо рекомендовано! Свежая новость. Усвойте без замедления!»

И он усваивал.

И миллионы других усваивали.

«Маленькой слаборазвитой планете, что не так давно стала частью Союза Шести, грозит опасность. Справка: Мауи-9 находится в двух световых годах от Новой Земли, к Союзу Шести присоединилась тридцать восемь лет назад…»

«Космолёт Федерации зафиксирован на орбите Мауи-9».

«Федералы так и не простили Мауи-9 их выбора. Союз Шести выступает на защиту своей планеты…»

«Нас опередили. Боевики Федерации высадились в главном космопорту Мауи-9. Космопорт уничтожен. Это был красивейший космопорт во всём Союзе Шести планет, построен в честь присоединения к нему Мауи-9. Старый космопорт всё ещё наш».

«Федералы рассеялись по планете и бесчинствуют – регулярно обстреливают города планеты, грабят магазины, убивают женщин. Жители Мауи-9 создают отряды сопротивления, однако их сил и военного вооружения не хватает, чтобы дать достойный отпор».

И огонь. Голограммка перед глазами. Пламя, везде пламя! Изувеченные тела «девятых» – так похожих на людей, только со странным золотистым оттенком кожи. Крики, разрушенные стены зданий, разбитое ти-ви на асфальте перед двухэтажным домом с выбитыми стёклами.

Сволочи!

Эдик напился. А почему, чёрт возьми, и нет? Друзья закатили прощальную вечеринку – ему и товарищам, которые тоже вошли в состав седьмого космодесанта боевого корабля «Глаз стрекозы». С девочками вечеринка, как положено. У многих уже от одежды

одни каблуки остались, хотя нет, это не каблук, это генмодификация ноги. К чёрту!

Он ткнулся носом в пышные женские груди, и тут же в ушах пикнуло, перед глазами вспыхнула голограмма.

Огонь!

«Особо рекомендовано! Усвойте немедленно! Свежайшая информация! Усвойте! Усвойте! Усвойте!»

Пятилетнюю девочку разорвало на части, по асфальту размазало золотистые внутренности. Над изувеченным телом рыдает мать со спутанными седыми волосами. Мрази-Федералы, не видят, куда палят. Им, сволочам, всё равно, что противник с допотопным автоматом, что мирный житель.

Ничего, ничего! Мы идём, встречайте нас!

К нему подошла Элиза, поднесла отрезвляющую смесь. Во девка, а! Он в чужие сиськи мордой тычется, а она его лекарствами поит. Друзья говорят: повезло! Мол, такую сговорчивую бабу попробуй найди. Оно и так, но Эдика никогда не привлекала серая покорность. Вот Наташка, снайпер их, другое дело. Эдик поискал глазами высокую ладную фигуру с красноватым водопадом волос, завязанных в хвост. Огонь-девка. Хорошо, что с ними летит.

И Сашка – тоже. Кореш его. Сколько любовных подвигов на пару совершили, пришла пора подвигов новых.

Повоюем. Зададим жару. Век нас помнить будут.

Он взял стакан из рук Элизы. В её глазах читалась любовь и беспокойство. За него. За всех них.

* * *

– Она словно сошла со страниц романов. Только вначале я считала её Мелани Гамильтон. Все обычно любят Скарлетт, а я всегда восхищалась Мелани, правда, думала, что в жизни таких людей не бывает. Первое впечатление от Элизы: надо же, она существует!

– Вечно ты со своими древними книгами… – Тень театрально вскинула руку, ладонь прошла сквозь сестру.

Ника усмехнулась и продолжила:

– Но потом я поняла, что она – не Мелани. Она – Мизери Стивена Кинга.

– Ты сообразила это гораздо раньше меня.

– А потом… – Ника вздохнула, прикрыла ладонью рот.

– Потом я умер.

Но умер он раньше.

В старом космопорту Мауи-9 их встретили. Свои. Военные с Новой Земли, с Лазурной Гавани, с Первого Причала, даже одно существо с Фиолетового Рассвета выползло. Но ни единого «девятого».

«Усвойте! Жители пострадавшей планеты приветствуют своих спасителей!» Улыбающиеся лица, слёзы радости на глазах, золотистый ребёнок на руках у новоземского воина с улыбкой а-ля «реклама зубного импланта».

Эдик моргнул, отгоняя усвоенное. Посмотрел на реальность.

Дорога на военную базу была безлюдна, золотистые человечки разбегались, едва завидев их аэромобили – чёрные плоские ромбы в небе. Аборигены поспешно запирали двери, захлопывали окна убогих домишек – одно-, двух-, реже трёхэтажных. И так – весь путь. Некоторые дома были полуразрушены, некоторые – лишь с выбитыми стёклами, иногда встречались и сгоревшие дотла. Но больше всё же целых, хоть и убогих, низеньких – высоток здесь, похоже, совсем не водилось. И везде одинаково перепуганные золотистые, спешащие убраться подальше от бронированных аэромобилей. Да и сами аэромобили, как и редкие серебристые аэробусы – подарки Союза Шести, – странно смотрелись на улицах аутентичных городков.

– Чего это они? – Эдик кивнул на стайку детишек, что испуганно сжались в кучку при их появлении.

– Союзников боятся, – пожала плечами Наташа.

– Здесь чипы не работают, вот западло! – вставил Сашка. – А нас и не предупредили. Как же теперь информацию выбирать без рекомендации?

– Отставить разговоры, – рявкнул капитан Радоев. – Здесь у вас будет только один выбор: стрелять или подыхать.

– «Девятые» так и не согласились на установку на планете Системы Рекомендации Информации, хотя это и входило в условие присоединения к Союзу Шести, – красивым грудным голосом сообщила Наташа.

Она была единственная, кто мог безнаказанно говорить после команды «Отставить разговоры». Эдику, как и прочим, подобного не позволялось, даже несмотря на близкое знакомство капитана с его матерью, Селеной Лапиной.

– Я это перед отлётом усвоила, – продолжила Наташа. – Им федералы мозги хорошо промыли. Страшилок про СРИ нарассказывали. Они и испугались.

Эдик моргнул. Из заявлений Наташи не было понятно – чего же всё-таки боятся золотистые? Федералов или их рассказов о СРИ? Но уточнять не решился.

Он умер в первый же месяц на Мауи-9. Если душа мертва, кому нужна физическая оболочка, верно? Он стрелял, в него стреляли, он расставлял мины и минные растяжки – был лучший в этом деле, нюхом чуял, куда именно ступит неприятель. Интуит. Вот где дар, обнаруженный ещё в детстве, раскрылся. Сколько он пытался найти ему применение – всё тщетно было. Странные ощущения, смутные предчувствия не выливались ни во что осознанное и оставались лишь невнятными образами. Здесь же – чёткое понимание: мину надо ставить именно в этой точке, ни сантиметром дальше, ни миллиметром ближе.

Потом случались короткие передышки – и снова бои. Вроде всё просто и понятно: вот враг, вот цель, но что-то, над чем поначалу не задумывался, не давало покоя…

– Наташа, послушай, – он прижался к женщине под жёстким одеялом, – я одного не могу понять. Спросил Радоева, он матом выругался, трибуналом пригрозил. А я ведь только хотел… Среди федералов же нет золотокожих. Жители Мауи-9 – единственные, кого мы знаем с таким оттенком кожи.

– И что?

– Но с нами воюют они! «Девятые». Золотокожие. Других здесь нет! Только мы и они. Друг против друга. Где же отряды сопротивления, которые на нашей стороне? И где бойцы Федерации?

Снайпер взглянула на него, словно на неразумное существо с Фиолетового Рассвета.

– Маскируются, конечно.

И повернулась на другой бок.

А он открыл почту – на допотопном планшете, прихваченном предусмотрительной Наташей вместо временно бездействующих чипов. Прочёл послания от матери и Элизы. Обе волнуются. Обеим он рассказал про Наташу, с которой делил койку, едва корабль вышел из гиперпрыжка, а они – из анабиоза. Всё равно больше не о чем рассказывать – письма с описанием военных действий не проходили, хоть ты тресни. Оно и правильно – враг не дремлет. И что ответила Элиза на известие о его фронтовом романе? «Как я рада, что о тебе есть, кому позаботиться». Что у неё в голове?.. Или так сильно любит, или дура. Впрочем, на дуру не похожа. Пишет о новой своей разработке. «Тени умерших». Что за ерунда? Такое впечатление, что полписьма стёрто. Какие-то новаторские изобретения в генетике и информационных технологиях.

Ничего не понятно. Спать.

А на следующий день был аэробус. Жители разрушенного за

неделю городка с жизнерадостным названием Ясно-Утро спешили прочь от пылающих домов. Кто – в соседние, пока нетронутые города, кто – в космопорт, мечтая убраться подальше от ставшей адом планеты.

– Расставь «кузнечиков», рядовой.

На пропускной пункт они приехали за час до прибытия аэробуса. Вокруг – чисто поле… Хотя не такое уж чистое – большую часть сам заминировал. Груда булыжников, изображающих защитную стену, усталые бойцы Союза Шести, молодые пацанята, в основном, не новоземские, в потрёпанном камуфляже. И персональная переносная палатка капитана. Туда его Радоев и вызвал.

– «Кузнечиков»? – мотнул головой Эдик. – Где? Ожидается нападение на беженцев?

– На трассе, в секторе А. Выполнять!

– Но…

Он похолодел. Прикрыл глаза, вызывая картинку трассы, прикидывая расположение мин вертикально-направленного действия, больше известных как «кузнечики» – взлетающих на шесть-семь метров вверх. Стандартный пассажирский аэробус летит на высоте десять метров.

– Но… В этом секторе аэробус идёт на снижение…

– Рядовой Эдуард Лапин, вы получили приказ. Выполнять!

– Я не понимаю, господин капитан.

Радоев приблизился вплотную.

Чёрные усы, чёрные глаза и нелепая татуировка с многоглазой стрекозой на лбу. Отличительный знак их космодесанта. Эдуард Лапин вдруг порадовался, что себе не успел такую сделать, и тут же отмахнулся от неуместной мысли.

– Разве вам, рядовой, обязательно понимать приказы, чтобы выполнять их? – прошипел в лицо капитан.

Рядовой Эдуард Лапин вспотел. Взглянул в лицо командиру, облизал пересохшие губы и всё-таки выдавил:

– Погибнут люди.

– «Девятки», ты хотел сказать, рядовой, – презрительно фыркнул капитан и вдруг схватил Эдуарда за грудки. – Ты думаешь, мне легко? Золотистых, говоришь, среди союзников нет? Люди от «кузнечиков» погибнут? Мы Союз Шести должны спасти, понимаешь? Что значит несколько жизней по сравнению с безопасностью двадцати с лишним планет?! Выполнять приказ! Иначе самого посажу на «кузнечика». Пошёл!

Он вышел прочь на ватных ногах. У одинокого булыжника распустился цветок с непроизносимым названием и крупными мясистыми лепестками разных оттенков синего – от фиалкового

до бирюзового. Только на Мауи-9 такие растут. Рядом стояла Наташа. Красноватые волосы собраны в неизменный хвост, кепка защитного цвета, золотистые глаза. Почти такие же, как кожа тех, с кем мы воюем.

– Наташа…

Она стремительно подошла, положила руки ему на плечи. Словно в рекомендованном ти-ви-шоу.

– Знаю. Ты получил приказ. Так надо – чтобы спасти Союз Шести.

– От кого?

Он сам испугался своего вопроса, а Наташа и вовсе отшатнулась.

– Федералы напали на Мауи-9, на Союз Шести, на нас. Но всё оказалось ещё хуже, чем мы думали. Среди «девятых» много предателей. Они воюют против Союза Шести, вот и ответ на твой вопрос о золотокожих солдатах. Ты должен выполнить приказ.

– В этом аэробусе нет солдат!

Тяжёлая рука легла на плечо. Он обернулся. Сашка. Рядовой Александр Снегирь. И с ним ещё двое бойцов из их десанта.

– Идём, друг, – оскалился рядовой Снегирь. – Приказано помочь тебе с установкой мин.

– И ты… Да что с вами?

– Приказ есть приказ, – холодно сказала Наташа.

И он выполнил.

Дальнейшее помнил смутно. Мины сработали точно, когда серебристый эллипсоид аэробуса пошёл на снижение – он, как всегда, не ошибся. Часть людей – «девятых»! «девятых»! – погибли на месте, кто-то выскочил из окна, сломал руки-ноги, кто-то умудрился выжить при падении аэробуса, выскочить, избежать осколков «кузнечиков», броситься в поле и нарваться на мину там… Тех, кто долго не нарывался, добивала Наташа из снайперской винтовки.

А потом он увидел глаза. Чёрные глаза перепуганного золотистого мальчонки, выглядывавшего из облезлых кустов при дороге. Как остался живым и незамеченным в этом аду, непонятно. Рядовой Эдуард Лапин даже подумать ничего не успел, а тело уже кинулось вперёд, схватило мальчугана и помчалось прочь, через поле. Он знал, что поле заминировано, но также помнил – чувствовал – расположение каждой мины, ведь ставил их сам. И был уверен – погони не будет. Стрелять в спину? Возможно. Но не сразу. Пока опомнятся…

Боль обожгла ногу, потом вторую, острое жало впилось в позвоночник, он рухнул в метре от собственной растяжки, глаза заслонила красная пелена. Темноглазый золотокожий мальчонка

прижался к нему и заскулил. Кажется, его не задело. Темно, как же темно, тёплое у бока, детские глаза, где его глаза? Смотреть в глаза.

– Иди, – прохрипел рядовой Эдуард Лапин, нащупав взгляд. – Видишь… тропка… трава слегка… примята… Различаешь? Ступай… по ней… Не сворачивай… Чётко… Ступай.

Дошёл или нет – он уже не увидел.

– Как надоели смерти. Нелепые, никому не нужные, – Ника вскочила, зашагала по комнате.

Маленькая, хрупкая, со смешной короткой стрижкой. Отважная.

– Я на всё пойду. Сама умру, лишь бы остановить это безумие.

– Не умирай. Живи. Должен ведь жить кто-то, кто понимает…

Рядовой Эдуард Лапин пришёл в себя на больничной койке, в лазарете на базе. И пожалел, что не умер. Он не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, позвоночник перебит качественно. Наташа – меткий стрелок, профессионал в своём деле, как и он. На этом их сходство заканчивалось.

– Ты трус! – процедила ему Наташа в единственный свой визит. – Жалкий трусливый раб. Ты предал наше дело, пожалел врага. Видеть тебя не желаю.

– Тебе повезло, – сказал рядовой Александр Снегирь, – ПВС у тебя признали, а иначе сразу бы под трибунал. А ещё капитан сказал, что на тебе репортаж хороший сделали для усваивания. Так что повезло вдвойне. Чего смотришь, будто не узнаёшь? Это же я, Сашка…

Он отвернулся. А вскоре его отправили домой.

– Не вздумай высовываться, рядовой, – отрезал напоследок капитан Радоев, и стрекоза на его лбу нервно дёрнулась. – Дома для всех ты герой. Пока ещё живой, а не тень героя, понял? О матери подумай и о сестре, усвоил? Селене скажи, я всё, что мог, сделал.

Чип заработал, едва он ступил на Новую Землю. Ха-ха, «ступил» – это громко сказано. Его – парализованного, привязанного ремнями к каталке – выкатил электронный медбрат корабля. И тут же…

«У вас одна тысяча двадцать четыре неусвоенных материалов. Отсортировано по свежести и важности. Особо рекомендовано! Усвойте!»

Лицо. Его собственное перекошенное лицо, и черноглазый мальчишка, прижатый к груди. «Отважный боец Союза Шести

спасает ребёнка Мауи-9 от захватчиков Федерации, несколькими минутами ранее расстрелявших аэробус с беженцами. Все беженцы погибли».

Он корчится на минном поле, глаза навыкате, горло хрипит.

«Боевики Федерации едва не убили нашего героя, спасшего мальчика-беженца. Вражеский снайпер прятался в кустах…»

Мальчик. Спасшего… Спасся! Спасся?.. Сюжет закончился, начался новый.

«Особо рекомендовано! Усвойте!»

«Новое изобретение генетического отдела Корпорации, возглавляемого Элизой Хорни, поможет пережить горечь внезапной утраты. Проект «Тени» вернёт вам дорогого человека хотя бы на время, позволит попрощаться с теми, кого отобрала у вас Федерация, сказать всё, что не успели, и медленно свыкнуться с мыслью о потере».

Эдуард с трудом вынырнул из информационного потока, мотнул головой. Ну и бред. Одно бредовее другого. Хорошо, что лежу, а то бы упал…

И бросил сообщение Элизе: «Забери меня».

– Я не мог показаться матери в том состоянии. Это убило бы её на месте. Я… так думал тогда.

Сестра взяла его ладонь в свои. Она приловчилась складывать ладони так, что получалось почти настоящее прикосновение. Невесело усмехнулась.

– Знаешь, мама никогда не хотела делать тебя тенью. Говорила: если Эдичек вдруг погибнет, я буду помнить его живым, а не непонятно каким, полупрозрачным. Другие матери смотрели на неё, словно на говорящее существо с Фиолетового Рассвета.

Он вздохнул. Мать спокойно пережила известие о его ранении, не впала в истерику – как он боялся – при виде сына, распростёртого на кровати, уже, правда, прооперированного и с действующими руками. Ника рассказывала, что и известие о его смерти она перенесла стоически. Но когда увидела тень…

– Кто же знал, что мой спаситель станет моим палачом? И не только моим. Всей семьи.

Элиза бросила на его лечение все силы. Как ведущий врач Корпорации и руководитель отдела генетики, задействовала все доступные ей средства, привлекала лучших специалистов. Под её чутким руководством ему сделали три операции, но до конца он так и не восстановился – выращенные специально для него нервные волокна повели себя непредсказуемо. К рукам и верхней

части тела чувствительность постепенно возвращалась, а ноги по-прежнему оставались бесполезными отростками. И боли в позвоночнике до конца не прошли. Но, по крайней мере, он жил.

Из госпиталя Элиза забрала его в свою квартиру – просторную, в центре главного Мегаполиса Новой Земли. Она отказалась от мысли нанять медсестру, а уж тем более подключить сиделку-автомат. Вместо этого взяла бессрочный отпуск, чтобы ухаживать за ним, – благо её сбережений и его «бонусов героя» хватало года на три спокойной жизни. Она вставала к нему ночью, когда он орал от болей, делала уколы, каждые два-три часа переворачивала с боку на бок, обтирала вспотевшее тело влажными салфетками, кормила с ложечки, меняла под ним простыни-памперсы, пока его руки достаточно не окрепли, чтобы делать всё это самому…

И любила. Каждый её взгляд, каждый вздох говорил о том, что Элиза беззаветно его любила. И они оформили брак, сделав Элизу официальным его опекуном. Мать с сестрой, к его удивлению, навестили Эдуарда лишь раз – в госпитале.

Со временем молодожёны даже сексом заниматься приловчились, благо интим-индустрия во все века процветала.

Впрочем, было нечто, что волновало Эдуарда Лапина больше, чем брак и личная жизнь, и даже больше, чем ставшие редкими, но всё ещё сильные боли. Он научился отрешаться от бесконечно лживого информационного потока: «Усвойте! Наши герои освободили очередной городок от злобных федералов-захватчиков», «Усвойте! Захватчики совместно с предателями-«девятками» расстреляли детскую больницу» – и плевать, что следы на стене больницы могли оставить только снаряды новейшего оружия Союза Шести…

Но отрешиться мало – он искал правду.

Никого из их десанта эта война не насторожила, все продолжали, как заведённые, талдычить усвоенное. Но ведь должен быть хоть кто-то, кроме него, кто понял… кто знает… кто может объяснить… Слегка оправившись, он рыскал по глубинам Сети, собирал крохи информации.

Вот, например («рекомендация ниже среднего»): среди бойцов пятого космодесанта участились случаи ПВС, которые закончились массовыми самоубийствами. А ему ведь тоже ПВС приписывали…

Или вот («к усваиванию не рекомендуется»): корабль с ветеранами, находившимися на Мауи-9 с первых дней военной операции, затерялся в глубинах космоса. Вылетел с «золотой» планеты и… растворился. Даже осколков не обнаружено. Конечно же, обвиняют Федерацию, но Эдуард понимал – не всё так просто.

Ветераны могли бы многое рассказать.

А вот…

«Внимание! Категорически не рекомендовано!»

…форум Вернувшихся с Мауи-9…

«Крайне ненужная информация! Вредная. Мусор!»

…«Зайти на форум».

Фонтан боли разрывает мозг, Эдуард хватается за виски, катится по кровати, падает на пол, стискивает зубы, царапает пальцами ковёр, зелёный пушистый ковёр Элизы.

Форум Вернувшихся захлопнулся. Боль отступила.

«Рекомендовано! Для снижения стресса прослушайте расслабляющую песенку: „Вот те раз, вот те раз – тебя смыло в унитаз“!»

«Рекомендовано! Позитивные новости из зоны боевых действий на Мауи-9. Наши герои одержали очередную победу. Усвойте!»

«Рекомендовано!..»

К чёр-р-р-рту!

Ему нужна информация. Элизы дома нет – редкий случай, но он знает, где хранится морфий. Подтянуться на руках, отползти от кровати – к бару, в другой конец комнаты. Там аптечка. Подтянуться. Дотяну-у-уться! Пальцы цепляют полупрозрачный пластиковый бокс с лекарствами, он падает на пол – Эдуард едва успевает откатиться, но бокс задевает щёку, та загорается огнём. Неважно. Шприц, ампула.

Он должен попасть на форум.

Второй раз боль была сильной, но терпимой. Интересно, остальные так же сюда попадают? Посредством морфия? Или чего посильнее?

Архив форума.

«На Мауи-9 обнаружены залежи ценных пород, неизвестных науке…»

«Федерация или Союз Шести – к кому присоединится Мауи-9?»

«Жителям Мауи-9 обещана полная автономия в составе Союза Шести планет».

«Почему планет более двадцати, а Союз по-прежнему Шести планет?»

«Правительство Мауи-9 отказалось от введения повсеместной Системы Рекомендации Информации».

«Жители «золотой» планеты отказываются переезжать из своих городов, что затрудняет добычу породы. Из-за отказа от СРИ их практически невозможно переубедить…»

«Накануне четвёртого юбилея Мауи-9 хочет выйти из состава

Союза Шести».

«Правительство Федерации беспокоится за безопасность «золотокожих»…»

– Милый! Милый, что с тобой?

Зажужжали, закрываясь, двери, посыпались на пол магнитные карточки-ключи. Элиза бросилась к нему, опустилась рядом.

– Как ты здесь очутился? – Она взглянула на осколки ампулы. – Морфий? Что случилось? Я же на пару часов всего вышла…

Она подхватила его подмышки, шелковистые чёрные волосы скользнули по лицу Эдуарда, обдали приятным запахом миндаля и перво-причального тюльпана. Элиза дотащила его до кровати, уложила в постель.

– Элиза, всё ложь, вокруг нас ложь. Нас одурачили, вдолбили в голову полную хрень, а мы пошли убивать. Недоумки. Котята слепые. Даже существа с Фиолетового Рассвета разумнее нас. Да послушай же!

Элиза слушала, кивала и улыбалась. Почти все их разговоры сводились к тому, что она слушала, кивала и улыбалась. Удобно – с одной стороны. Но сейчас ему нужен толковый собеседник, а не услужливое поддакивание. Он едва дождался, пока Элиза прекратит кудахтать, убедится, что с ним всё в порядке, и оставит в покое.

А после кинулся рассылать сообщения всем подряд – боевым товарищам, знакомым по учёбе, сестре. Мать беспокоить не стал. Многие контакты оказались заблокированы, другие просто не ответили, от сестры пришла странная фраза: «Я уже не заноза в заднице?»

– Она нас к тебе не подпускала. С тобой невозможно было связаться…

– Она на какое-то время переключила все мои контакты на себя, говорила, так необходимо, пока я не восстановлюсь.

– А нам заявила, что ты не хочешь нас видеть. Я не поверила, приехала сюда, но она меня и на порог не пустила. Уверяла, это ты велел меня прогнать, назвал занозой в заднице. И улыбалась при этом… Словно глыба ледяная улыбнулась. Или василиск древний. Я ей не поверила. Вернулась ещё раз. Тогда меня не пустили даже в здание. Охранник сказал – твой приказ.

– Бред. Она всех так распугала. А я ничего не замечал. Сначала из-за боли. Потом весь ушёл в поиски правды о войне. Я копал и копал, делился с ней, но Элизу это не интересовало. Её вообще ни черта не интересовало, кроме проклятых теней и… меня. Впрочем, я тоже не слушал её рассказов о проекте «Тени». А

зря…

К тому дню, когда прикатила робомедсестра, он уже многое выяснил. Союз Шести развязал эту войну даже не ради некой ценной породы, большей частью – чтобы спровоцировать Федерацию перед межпланетным сообществом. Федерация же, несмотря на громкие обещания защитить жителей Мауи-9, реальную помощь оказывать не спешила, поддерживала золотокожих бойцов ровно настолько, чтобы их не смели с лица планеты. Два космогиганта решали свои проблемы, и не было им дела ни до разрушенной планетки, ни до поломанных судеб простых солдат вроде него.

Он собрался поделиться размышлениями с Элизой – пусть хоть кивнёт в ответ, и то хлеб, но тут зажужжали двери, и в комнату вкатил зеленоватый цилиндр, сообщил что-то о плановом квартальном обследовании и велел дать руку. Он закатил рукав рубашки, всё ещё витая в своих мыслях. Рядом топталась сконфуженная Элиза. Эдуард вдруг взглянул на неё, как… как в первый раз. Бледная кожа, тёмные большие глаза, чёрные волосы разметались по плечам. Она выглядела такой юной. И уставшей.

«А ведь она, считай, похоронила себя в этой квартире».

Эдуард успел подумать, что надо бы хоть чем-то её порадовать, как в вену впилась игла. И он заснул.

А проснулся в аду.

У него больше не было тела. Но была память. Он избавился от боли, но вместе с ней ушла и жизнь. Он больше не был привязан к кровати, мог свободно передвигаться по комнате, по квартире, но толку с того? Он больше не был собой, он стал… тенью?

– Что ты сделала? Что! Ты! Со мной! Сделала?! – Он бросился к Элизе, к своей жене, своему ангелу-хранителю, а та сидела в кресле и невозмутимо наблюдала за его метаниями.

Как он выглядит со стороны? Эдакий полупрозрачный призрак из тупого ти-ви? А в зеркале отразится? Метнулся в прихожую, к зеркальным дверцам гардероба. Ох! Лучше бы не отражался.

– Что ты сделала?!!

– Ты был мёртв, – глухо заговорила Элиза. – Твоё ранение… Мы так и не вылечили его до конца. А я не смогла бы без тебя.

Он взвыл. Заметался по квартире, пролетая сквозь стены. А можно на улицу? Вдохнуть свежего воздуха впервые за… Ладно, не вдохнуть. Просто ощутить свободное пространство. Он кинулся к балкону, но нарвался на невидимую преграду.

– Ты не можешь выйти без меня. Ты завязан на мне, на мой чип. Все тени…

Тени… Тени! Оу-у-у-у-ы-ы-ы!

– Замолчи! Не хочу ничего слышать. Оставь меня.

Он метнулся к потолку, забился в угол, за навесным горшком с модифицированной лианой, она шевелилась и расползалась по комнате. Гадость. Так. Успокоиться. Вспомнить всё, что он слышал о проекте «Тени». Создан из-за внезапно большого количества погибших на Мауи-9. Первым бойцам обещали, что они едут едва ли не на курорт, вернутся скоро, с лёгкой победой и вечной славой. «Тени умерших» – синтез новейших информационных и генетических технологий. В зависимости от глубины душевной травмы родных, «тень» создаётся на срок от недели до шести месяцев. Интересно, какой срок дали Элизе?

– Эй! Когда это закончится? Сколько мне здесь торчать? Неделю? Месяц? Полгода?

Элиза встала с кресла. Свела брови.

– Я не понимаю. Обычно тени ведут себя спокойно, облегчают участь родственникам и жёнам. Это прописано в программе.

– Ты не ответила на вопрос!

– Мне, как ведущему разработчику проекта, разрешили оставить тебя навсегда. Пока я жива, будешь существовать и ты. Мы будем вместе. До конца.

Казалось, его крик сотряс стены. Но Элиза даже не поморщилась.

Три дня он бесцельно метался по квартире на глазах у изумлённой Элизы. Бился бы об стены головой, если б мог. Завывал бы ночами, не будь это так пошло – воющий призрак.

Нет. Не выть и не биться. Успокоиться. Выход. Искать выход. Если он подключён к чипу Элизы, должен быть способ отключиться или хотя бы переключить, уменьшить срок… как-нибудь. Стояла глубокая ночь, Элиза спала. Он примостился рядом с ней на кровати и вдруг отчётливо услышал пульсацию. Словно стучало его сердце, только находилось оно… в голове у Элизы. Чип! Он ощущал его, как часть себя. Чип звал, манил его, как Источник жизни. И он услышал бы его раньше, не бейся в истерике. Он сосредоточился, нащупал невидимую «пуповину» и нырнул сквозь мириады нейронов к Источнику.

Информация навалилась на него сотней разнообразнейших образов. Понадобилось немалое усилие, чтобы вычленить из них один – «Эдуард».

«…быть с ним быть с ним быть с ним…

…восстановление позвоночного столба с помощью генетических технологий, частичное восстановление, дефект выращенных волокон… запрограммировать дефект…

…он мой он мой он мой…

…никто к нам не войдёт – покоя не испортит – никто не нужен нам – он мой он мой он мой…

…хотят забрать его – куда не надо влез – отдать его? – но он уйдёт без боли – хотя бы так – потом ко мне вернётся – навсегда – он мой он мой он мой…

…что-то не так, она где-то просчиталась, он мыслит и много, в программе ошибка, коррекции не поддаётся – на такой долгий срок теней ещё не делали, но разве она могла иначе?

…что я наделала? неважно, я их умнее, никто не узнает, отчёт будет чистым, главное – мы вместе, навсегда, он мой, и он – привыкнет…»

Он вынырнул из Источника, отпрянул от кровати, где спало… это существо. Если бы тень могло стошнить, его бы вырвало. Метнулся к ненавистной лиане, затрясся всем призрачным телом. Он сможет скинуть горшок ей на башку? На вид тяжёлый. Бах – и всё закончится. Для обоих. Сосредоточиться и… Нет, лучше не так. Он вытрясет из неё признание, расскажет обо всём, что увидел в её чипе и… Нет, не так. Он не скажет ничего. Не выдаст такой козырь. Он поступит иначе.

Днём он потребовал свидание с родными. Так и сказал: «свидание». И захохотал в ответ на ледяное: «Ты не в тюрьме».

«Значит, выпусти меня». – «Ты – аномалия. Все остальные были благодарны за лишние дни жизни». – «Что ж, отключи меня». – «Ты отключишься с моей смертью».

Она не врала.

– Бедная мама. Когда она увидела тебя…

– Я жалею, что позвал вас обеих, а не тебя одну. Жалею и о многом другом. Об убитых на Мауи-9. Кого мы убивали? Тех, кто нам доверился. Это не у них «девятая планета», это все мы – в девятом круге.

Ника печально улыбнулась.

– Ещё одна древняя книга.

– А здесь – моя персональная льдина, в которую я вмёрз.

Мягкий толчок сообщил о завершении передачи данных – с чипа Элизы на Никин чип, в особую «незримую» секцию.

– Готово, – Ника поднялась, тронула рукою полупрозрачное плечо. – А за ней, судя по всему, скоро придут…

– Тогда тебе пора уходить. Из этой квартиры, из

Мегаполиса…

– Без неё и тебя не станет.

– Мы это уже обсуждали.

– И всё-таки, если ты передумал, я ведь теперь знаю, как это делается. Только скажи.

– Не передумал. За свою жизнь я натворил разное – и плохое, и, надеюсь, хорошее. За последние полгода, благодаря доступу к чипу Элизы, мы узнали и научились многому; теперь тебе и нашим друзьям из Вернувшихся не составит труда донести правду до людей – и о войне, и о Союзе Шести.

Он помолчал, мотнул головой.

– Она ведь знала. С её уровнем доступа к информации она знала всё про эту войну и молчала. А самое страшное – ей было всё равно. Её это просто не интересовало. Потому она и не поняла ничего о природе моей аномалии.

Ника закусила губу и ничего не сказала. Молчал и он. Все слова прощания казались пустыми и глупыми.

– Как бы там ни было, за своё равнодушие она заплатит, – заговорила вновь сестра. – Её считают чуть ли не главой ополчения, а она и не в курсе даже. Никому так и не пришло в голову, что сливать важнейшую информацию и сплачивать сопротивление способна тень… Может, её и не убьют сразу?

– Чип в любом случае вырубят. Как на Мауи-9. А если нет, побуду ещё немного в личном аду. Днём больше, днём меньше. Главное, дело своё сделал. Всё, что мог в своём положении.

И могу уйти. Наконец-то уйти…

Игорь Вереснев
Погоня за Дестроером

Девица была длинноногая, белокурая, голубоглазая, с маленьким ротиком, ямочками на щеках, пушистыми ресницами и чуть вздёрнутым носом.

– Привет! – Она опустилась на соседний шезлонг, смерила меня изучающим взглядом. – Коктейлем угостишь?

Я отложил «Пентхауз», полюбовался её молочно-шоколадным загаром, затянутым в бело-голубое бикини. Хорошо сделано, в меру красиво, в меру сексуально, без нарочитой похотливости. Улыбнулся.

– Легко! Какой предпочитаешь? «Мохито», «Дайкири», «Пина колада»?

Девица тоже улыбнулась, демонстрируя белоснежные зубы.

– «Голубую лагуну» принеси.

Голос её звучал уверенно, я бы сказал – требовательно. Девица ждала, что я сорвусь с шезлонга и пошустрю к снек-бару. Я бы так и сделал, будь я тем, за кого она меня принимала. Но она ошиблась.

Не вставая с шезлонга, я дотянулся до бортика бассейна, макнул пальцы в перегретую жарким тропическим солнцем воду. Ап! И ловко выдернул высокий стакан. Стенки его тут же запотели – кубики льда в голубой жидкости едва начали таять.

– Держи! – Я протянул стакан девице. – Приятного аппетита.

Маленький ротик раскрылся, розовые губки сложились в букву «О».

– Где… как ты это сделал?

Она осторожно протянула руку, словно опасалась, что стакан – иллюзия. Взяла, рассмотрела недоверчиво. Поднесла к губам соломинку.

– Настоящая «Голубая лагуна», – признала удивлённо. – Только холодный чересчур. У тебя что, трансмиттер с коктейлями где-то спрятан?

– Подогреть? – Я проигнорировал вопрос.

Девица хихикнула, отрицательно покачала головой. А глаза так и стреляли вокруг. Не иначе, пытается найти «спрятанный трансмиттер».

Мои уши уловили отдалённый гул. Ага, спектакль начинается. Я прикинул остаток коктейля в стакане девицы – успеет допить? По всему выходило – не успеет, «холодный чересчур», не рассчитал я с температурой.

– Ладно, заканчивай, выходи в реал, – посоветовал.

– Что? Куда выходить?

– В реальный мир. Скоро здесь будет весьма неуютно. И больно.

Девица не поверила, вновь собралась хихикнуть. Но гул нарастал слишком быстро, чтобы игнорировать его, и земля под ногами завибрировала.

– Смотрите, смотрите, что это?! – закричали на берегу.

– О боже! Это же…

Девица повернулась на крики. Губки её опять нарисовали букву «О». Она медленно поднялась с шезлонга.

– Цунами! – кто-то произнёс заветное слово. – Уходите отсюда! Спасайтесь!

Отдыхающие и впрямь принялись собирать вещи, одеваться – медленно, неторопливо. Люди не хотели верить собственным глазам. Боялись поверить.

– Уходи в реал, быстро! – повторил я девице. Покосился на приближающуюся к берегу тёмную полосу. – Через пять… через три минуты от этого отеля ничего не останется. Здесь будет ад.

Девица молчала, смотрела на меня так, будто не понимала, о чём я говорю. Рука, державшая стакан с коктейлем, задрожала. Вокруг начиналась суета, паника, люди покидали пляж. Вот один перешёл на бег, второй. Идиоты! Надеются укрыться за стенами отеля от тридцатиметровой волны, несущейся со скоростью экспресса? Спасение совсем в другой стороне.

Стакан со звоном разбился о плитки, холодная жидкость брызнула мне на босую ногу. Девица развернулась, побежала, смешалась с толпой. Я пожал плечами, подумал, не сделать ли и себе коктейль напоследок? И внезапно услышал за спиной:

– Так это ты – Дестроер?

Меня пробрало холодом от неожиданности. Резко обернулся… Никого, лишь тень бывшего здесь миг назад человека. А затем тысячетонный водяной молот ударил по мне, и я перестал существовать.

Я съехал с шоссе на обочину, заглушил двигатель. Открыл дверцу, выбрался из машины. Неспешно подошёл к обрыву, огороженному металлическим канатом. Отличное место. Лежащий в долине между двумя горными кряжами городок – как на ладони. Вечерело, в городе уже светились окна домов, на улицах зажигались фонари, разноцветная иллюминация витрин и рекламных щитов. Эдакая картинка из прошлого, когда жизнь для большинства людей была проста и понятна.

Я услышал шорох шагов неподалёку. Под обрывом

раскинулся то ли лес, то ли парк, и оттуда по крутой тропинке к шоссе поднимался человек. Девушка. Спортивный костюм, кроссовки на ногах, в ушах наушники плеера. Вечерняя бегунья. Я приветливо помахал рукой, улыбнулся. Девушка скользнула по мне взглядом. Белокурая, длинноногая. Что-то в её лице мне показалось знакомым. Словно встречал недавно.

– Добрый вечер! – поприветствовал, когда она поравнялась со мной. – Приятной пробежки!

– Спасибо, – поблагодарила она. Остановилась, обернулась к обрыву. – Любуетесь городом?

– В некотором роде. Прикидываю, как лучше уничтожить ваш завод.

– Завод? – Девушка нахмурила лоб. – Какой завод?

– Вон тот. Нефтехимический, если не ошибаюсь, – я указал на панораму внизу.

Пушистые ресницы широко распахнулись. Девушка попятилась от меня, быстрее, быстрее. Развернулась, рванула прочь. Я не собирался её удерживать. Пусть бежит, кто знает, вдруг сегодня спасётся? Я вспомнил, где видел её – у отеля, разрушенного цунами. Не её, разумеется. Но внешности им явно лепили по одному шаблону.

Убежать девушке было не суждено. Чёрная полицейская машина выскочила невесть откуда, взвизгнула тормозами, рявкнула динамиком:

– Оставаться на месте, не шевелиться!

Я выругался с досады – не вовремя, мне бы ещё минут пять, чтобы связать воедино ниточки и потянуть… Лучше десять. Самое обидное – всего два часа, как я догрузил себя в этот мир. Так быстро засекли коннект или это случайное совпадение? Я метнулся в сторону, и тут же от машины захлопали пистолетные выстрелы. Поздно! В руках у меня уже был гранатомёт.

Взрыв бензобака разнёс полицейскую машину в клочья. Куски металла горячим дождём посыпались вокруг меня, пламя дохнуло в лицо, опалило брови, волосы, заставило зажмуриться на секунду. Впрочем, эту секунду я потратил не зря – превратил гранатомёт в автомат. Когда открыл глаза вновь, понял – стрелять не в кого. Дымящееся колесо катилось в мою сторону. Стукнулось о канат ограждения, упало набок.

Девушка-бегунья лежала на полпути от меня к полицейской машине. Я поднялся на ноги, невольно скривившись от боли – ушиб колено, когда падал, – подошёл к ней, наклонился. Осколки пробили девушке грудь, разорвали живот. Но она была ещё жива. Не исключено, что её можно спасти – если немедленно доставить в реанимацию. Однако в ближайшие дни всем реанимациям

округа и без того забот хватит. Я ощутил, как начинает дрожать земля под ногами.

Теперь, рассматривая девушку так близко, я окончательно убедился, что она похожа на свою предшественницу. И ещё кого-то она мне напоминала. Давно знакомого и почти забытого.

Веки раненой задрожали, приподнялись. Девушка увидела меня, шевельнулась, попыталась что-то сказать. Просила о помощи? Не смогла, только кровавая пена запузырилась на губах. Смешно, насколько крепко люди держатся за иллюзию.

– А ей ведь очень больно, Дестроер.

Я резко обернулся. У обрыва, на том самом месте, где меня застукал полицейский патруль, стоял человек. Чёрный кожаный плащ до колен и такие же чёрные волосы, только виски серебрятся сединой, лицо изрезано морщинами, – незнакомец был не молод. От немедленного выстрела меня удержало то, что оружия в его руках не было и он их не прятал в карманы.

– Если не хочешь её спасти, хотя бы прекрати мучения, – незнакомец пристально смотрел на меня.

– Нет. Они слишком заигрались. Приходится делать им больно снова, снова и снова. Чтобы заставить вспомнить, где они находятся.

– А ты сам помнишь?

Я засмеялся.

– Ты что, из спецслужб? Типа переговорщик? Ну, и где твои коллеги? Опаздывают? А хочешь, скажу тебе кое-что страшное? – Он молчал, продолжая разглядывать меня, и я объяснил: – Ты напрасно теряешь время. Больше того, ты его уже потерял! Советую немедленно отключаться.

Земля под ногами содрогнулась так, что я едва не потерял равновесие. Новорождённый вулкан пробил себе путь к поверхности как раз там, где недавно находился нефтехимический завод. Поздний вечер разом сменился ярким солнечным полднем – огненное солнце полыхнуло над городком, над долиной. Незнакомец что-то закричал мне, но крик утонул в грохоте извержения. Я не переспросил, лишь засмеялся. Дело сделано, задерживаться смысла нет.

Обрывать коннект я люблю красиво и эффектно, потому чуть подправил траекторию вылетевшей из жерла вулканической бомбы. Двухтонный раскалённый докрасна булыжник превратил в ничто, в воронку, меня, умирающую девушку, остов патрульной машины. Незнакомец исчез за секунду до падения бомбы.

Поля спелой пшеницы расстилались здесь от горизонта до горизонта, словно золотисто-жёлтое море. Лишь поодаль

зеленели островки-фермы да поднимались маяки водонапорных башен. И уж совсем далеко угадывалась тёмная полоска городка с цитаделью-элеватором. Но здесь, на перекрёстке просёлочных дорог, я был один. Никто и ничто не мешало мне готовить очередной спектакль.

Налитые спелой тяжестью колосья клонились к земле, в бледно-голубом, будто выцветшем небе свистел жаворонок, солнце не проделало и половины пути до зенита, но палило немилосердно, соломенная шляпа не помогала. Я снял её, вытер пот со лба. Отцепил с ремня флягу, сделал глоток. Вода успела нагреться за те без малого три часа, что я провёл здесь.

Я вернул на место флягу, затем шляпу. Посмотрел на городок с элеватором. Пожалуй, пешком далековато. Рассчитывал на приятную прогулку, но не учёл солнцепёка. Впрочем, солнцепёк ненадолго, спектакль вот-вот начнётся.

Первый порыв ветра прокатил волну по пшеничному морю, закрутил пылевой смерчик на просёлке. В небе всё так же светило солнце, пел жаворонок, но с севера уже наползала иссиня-чёрная туча. Предчувствуя скорый ливень, ласточки носились над самой землёй.

Над дорогой закурилось облако пыли – ярко-лазоревая малолитражка неслась во все свои небогатые лошадиные силы. А ведь нам по пути, прикинул я. И поднял руку с оттопыренным большим пальцем. Если здесь играют по правилам, должны подвезти. Пейзане – люди душевные и доверчивые.

Машинка остановилась.

– Залезайте скорее! – поторопила сидевшая за рулём женщина, едва я открыл дверь. – Видите, какая туча?

Ждать повторного приглашения я не стал. Плюхнулся на сиденье, и малолитражка лихо рванула с места.

В салоне было в меру прохладно – кондиционер работал исправно. Но вовсе не от смены температуры меня прошиб озноб. Водитель походила на бегунью и любительницу коктейлей, точно старшая сестра. Те же светлые волосы, маленький рот, ямочки на щеках. Возможно ли такое совпадение? Неужели этот образ так популярен? Впрочем, имелись и различия. И главное из них – не возраст этой женщины, а её вполне заметный животик. Она была на седьмом, а то и восьмом месяце беременности.

Женщина заметила, что я её разглядываю, улыбнулась.

– Вы, случайно, не в нашу коммуну направляетесь?

– Именно в вашу.

– Здорово! Тогда давайте знакомиться. Я – Лиза, а вас как зовут?

– Дест.

– Необычное имя. Вы, наверное, издалека приехали?

– Очень. Из другого мира.

Женщина широко распахнула ресницы, хихикнула и стала ещё сильнее походить на своих «сестёр». Ей было любопытно услышать мою историю, потому я начал рассказывать.

– Когда-то мой мир очень походил на этот. Люди строили дома, выращивали пшеницу, добывали руду, уголь и нефть, выплавляли металлы, изготавливали самолёты и зубочистки, устраивали революции и войны, свергали одних правителей и возвеличивали других. В общем, жили так, как привыкли за тысячи лет существования цивилизации. Иногда богаче и комфортней, иногда беднее и тяжелее. И всегда, во все времена, люди мечтали о сытом и праздном будущем. Но никто не ожидал, что будущее наступит вдруг, в один день.

Началось с того, что некий умник изобрёл квантовый преобразователь реальности. Я не физик, не возьмусь объяснять досконально принцип его работы. Соль в том, что виртуальные частицы квантового вакуума более подходящий материал для машин, домов и бифштексов, чем металл, кирпич и говядина. А главное, материал этот неисчерпаем и практически дармовой для того, кто имеет к нему доступ. Себестоимость любой вещи – это цена её математической модели. Матмодель новой «Хонды» стоит двести тысяч евро. Дорого? А если сделать тысячу таких «Хонд», сколько будет стоить одна? Матмодели бигмака и чизбургера дороже – десять миллионов. А если сделать сто миллиардов бигмаков, во сколько обойдётся один? Почти даром! Софтверные компании построили спутниковую сеть КПР, накрыли поверхность планеты слоем управляемой реальности, и Золотой век наступил. То, о чём предки и мечтать не могли, на потомков посыпалось, словно из рога изобилия.

Но вскоре в этом раю обетованном обнаружился один изъян – человек. Из восьми миллиардов населявших мой мир людей семь оказались лишними. Они привыкли зарабатывать себе на жизнь исключительно руками, а с ручной работой вышла незадача. Материальным производством теперь занялись не строители, металлурги и фрезеровщики, а информ-аналитики, программисты и администраторы массивов данных. Хоть авиалайнер, хоть туалетная бумага изготавливаются по одной простой схеме: составляется математическая модель вещи, затем она преобразовывается в массив логических кубитов трансмиттера, затем каперной сети даётся команда на декогеренцию. И вуаля – вещь переходит в локальное состояние! Всё, что можно смоделировать, можно создать.

Разумеется, набить желудки семи миллиардам бездельников

труда не составило. Куда тяжелее было уничтожить их свободное время. Праздность и невостребованность – опасный коктейль. Семь миллиардов не хотели ощущать себя лишними в новом мире. Они могли задать семь миллиардов ненужных вопросов. От них требовалось избавиться.

Транснациональные софтверные корпорации знали, как решить эту задачу. Для сытых бездельников они создали виртуальные миры внутри своих квантовых компьютеров. Ничем не отличающиеся от мира реального. Вернее, отличающиеся единственным – там никто не был лишним, каждому находилась работа по душе и способностям. Семь миллиардов ушли в виртуал, поменяв реальную жизнь на иллюзию.

Женщина за рулём поёжилась.

– Какой страшный у вас мир получился. А что было дальше?

Я хотел ответить, что «дальше» у моего мира пока нет. И не будет, если ничего не предпринимать. Потому что в виртуальных мирах люди и размножаются виртуально. Но я не успел – в шум автомобильного двигателя вплёлся новый звук. Стук вертолётных винтов.

Я быстро опустил стекло на дверце, и стрекот сразу стал громче. Чёрный вертолёт шёл прямо на нас.

– Что там такое? – спросила водитель. И громко охнула. Просёлок впереди перегородили четыре патрульные машины, не оставляя никакой возможности проскочить. Стволы автоматов и гранатомётов, нацеленные на нас, ждали команду «Огонь!».

– Убирайся, быстро! – скомандовал я женщине, хватаясь за руль. – Нравится рожать, так рожай по-настоящему!

– Что?! Куда?

Она попыталась затормозить, но я столкнул её ногу с педали.

– В реал! Я не дорассказал: мой мир называется «планета Земля». Он и твой тоже!

Я перегнулся через неё, распахнул дверцу с водительской стороны, сильно и резко толкнул, выпихивая с кресла.

– Что вы… А!

Она вывалилась из машины, и я тут же крутанул руль. Малолитражка описала окружность, чуть схватила обочину, подпрыгнула на ухабе, и я выжал газ. Да, я понял, что там был за ухаб. Но я слишком спешил, чтобы осторожничать.

Зазвенело и рассыпалось заднее стекло, лобовое покрылось сетью трещин – полицейские стреляли мне вдогонку. Ерунда, далеко. И у меня есть фора, чтобы они не догнали чересчур быстро.

Пшеница вдоль обочины разлетелась в клочья, просёлок взорвался пылевыми гейзерами. А вот это серьёзней –

вертолётные пулемёты включились в дело. Я завертел руль, заставляя малолитражку выписывать петли от обочины к обочине, словно заяц. Рассуждая логично, выбросить заложницу из машины – явная глупость. Но здесь белобрысая была не заложницей, а помехой. И я не изверг, чтобы мучить её сверх необходимого.

Крупнокалиберные пули ударили в багажник, в крышу, разворотили пассажирское кресло. Машина пошла юзом, и стоило труда удержать руль, вернуть власть над ней. Я гнал навстречу чёрной клубящейся туче. До спектакля оставались считаные секунды.

Реактивный снаряд вонзился в землю в метре позади машины. Малолитражка взмыла в воздух, сделала кульбит, приземлилась на капот, на крышу, сминая салон, разбрызгивая остатки стёкол, кувыркнулась, опрокинулась набок, замерла. Я выбрался из неё, упал в вытоптанную, перемешанную с землёй пшеницу. Внутри всё болело. Интересно, сколько рёбер сломал? И лодыжку вдобавок. Булькал из пробитого бензобака бензин, жирным вонючим пятном расползался по земле, подбирался к ногам. Сил, чтобы отползти, не было. Да и не важно.

Вертолёт развернулся и снова летел в сторону перевёрнутой машины. Заметили меня, поняли, что жив, – у дула пулемёта заплясал огонёк… и исчез во вспышке, куда более яркой.

Бело-огненный столб перечеркнул мир, соединил чёрную тучу и золотое поле. Нет, до поля он не дотянулся самую малость, наткнулся на железку, молотящую воздух винтами. Гром и взрыв соединились в одно. Чёрные ошмётки разлетелись в стороны, посыпались огненным дождём в сухую пшеницу. Второй разряд угодил в колонну патрульных машин – я не видел, в какую именно из них, – огненный гриб вспыхнул над полем, разбросал алые споры в благодатную почву. Гроза началась раньше времени, не дотянула до городка-коммуны. Но пшеничное поле она выпалит дотла.

– Ей больно, Дестроер. До сих пор больно.

Я повернул голову, догадываясь, кого увижу. Незнакомец одет был не по сезону – в том самом кожаном плаще. Стоял у воронки, смотрел мне в глаза.

– Кто ты такой, чёрт тебя побери?!

– Кто я – не суть важно. Главное для тебя – понять, кто ты. Женщина не погибла сразу под колёсами твоей машины, но ты убил ребёнка в её чреве. Тебе нравится причинять боль и страдание?

– Да! – Я скрипнул зубами от боли и злости. – Я разрушаю иллюзию, уничтожаю ложь! Боль – лучшее средство для этого.

Следующий грозовой разряд я направил прямо в нас. Точнее, в себя – незнакомец исчез за миг до удара.

Цифровой замок поддался, не привередничая. Я налёг на ручку двери, по возможности тихо сдвинул её в паз. В машинном отделении царствовали полумрак, басовитое урчание и шелест агрегатов, запах металла и смазки, мерцали зелёные и жёлтые огоньки на контрольных панелях. Всё банально и обыденно. Невозможно представить, что над головой, над тонкой титановой скорлупой обшивки – полукилометровая толща океана. Что от исправности этой машинерии зависит не только работа подводного завода, но и само его существование, жизнь обслуживающего персонала.

Я прошёл внутрь, огляделся, выбирая самый уязвимый узел. Блок воздухоочистки и регенерации? Неплохо, но у них наверняка есть кислородные баллоны, успеют провести эвакуацию. Электроподстанция? Чересчур сложно, несколько контуров защиты. Завод легче взорвать, чем обесточить. Взрывать в мои планы не входило – слишком быстрая смерть, ничего не успеют понять… А вот это – подходяще! Блок управления шлюзами. Впустить океан под купол – давление воды обеспечит заполнение достаточно быстрое, чтобы персонал не успел покинуть завод, но время, чтобы испугаться, у них будет. Испугаться и почувствовать боль.

– Эй, вы кто такой? – внезапно раздалось за спиной. – Что вы здесь делаете?

Я обернулся. В дверях стояла женщина в синем рабочем комбинезоне. Светлые волосы убраны под берет, хмурые складки на лбу, недоумение в голубых глазах. Ресницы уже не казались такими пушистыми, в уголках маленького рта появились морщинки, формы под комбинезоном заметно оплыли. Но это была та самая внешность. Или всё же та самая женщина? Женщина, которую я знал в реале. Очень хорошо знал.

– Как вы сюда попали? – продолжала допытываться она. – Посторонним здесь находиться запрещено.

Четвёртый раз подряд. Таких совпадений не бывает. Это могло означать одно – коннект взломан. Возможно, в реале к моему бункеру уже несутся чёрные машины полицейского спецназа, моё бесчувственное тело уже выволакивают из ванны с термопастой…

Наверное, что-то нехорошее отразилось на моём лице. Женщина попятилась.

– Я вызываю охрану, – повернулась, бросилась прочь.

Это всё решило. К чёрту мнительность! Найти меня в реале

не так-то легко, пусть умники от полиции ещё попотеют.

Я сделал нож. Хороший, удобный метательный нож, как раз по руке. На самом деле я не умею метать ножи, но здесь это не важно. Главное – верить в своё умение.

Нож вонзился ей в шею, выше ворота комбинезона, задел позвонки. Женщина споткнулась, раскинула руки, то ли охнула, то ли икнула, повалилась ничком, грузно стукнувшись об пол. В то же мгновение рядом с ней возник человек в чёрном плаще. Он не старался придать «естественность» своему появлению, просто сгустился из воздуха. Как нож секунду назад. Как я сам несколько ранее.

Незнакомец присел на корточки рядом с женщиной, коснулся её шеи, выискивая пульс, затем тронул рукоять ножа. Кажется, он пытался его вытащить, но отчего-то не смог.

– Жива? – поинтересовался я.

– Пока да. Ты не убиваешь сразу, тебе нужна боль.

– Разумеется. В прошлый раз я объяснял, зачем. Ты… – я запнулся. Если верить внешности, незнакомец годился мне в отцы. И я почти привык к нему. – …вы долго собираетесь меня преследовать?

– Сколько потребуется, чтобы ты начал думать, а не действовать. Ты спрашивал, кто я такой? Я один из тех, кто создавал сеть КПР. Я руководил сектором квантпрограммирования в корпорации «Навь», в частности, занимался уязвимостями системы. Спустя пять лет после того, как меня проводили на почётную пенсию, я представил руководству компании доклад. Преобразователь реальности – это, фактически, дополнительный модуль квантового компьютера. А тот, в свою очередь, как любой компьютер, может быть заражён вредоносным ПО. Хакерские атаки, попытки взлома трансмиттеров, каперное пиратство начались чуть ли не с первого дня функционирования сети. Естественно, злоумышленники постараются добиться и большего, создание каперного вируса – дело времени. Как думаешь, что сделало руководство с моим докладом? Его положили под сукно. Дескать, угроза заражения КПР слишком уж гипотетическая. Мне ничего не оставалось, как представить доказательства – самому написать подобный вирус. Да, это оказалось сложнее, чем представлялось. Модель-вирус я написал, но опоздал, оказался в роли догоняющего. Мне пришлось пуститься за тобой в погоню, Дестроер.

Он замолчал. Сначала я ждал продолжения, не понимая, к чему он клонит. Потом понял. И не смог удержать смех.

– Вы подозреваете, что я – вирус, сетевой червь?! Что я существую только в виртуальных мирах? Спасибо, повеселили. За

это я расскажу вам, кто я такой на самом деле. С одним условием – вы забираете свои слова о злоумышленниках. Мои родители никогда не «умышляли зла», наоборот. Мой отец был независимым журналистом, непримиримым противником создания каперной сети. Он писал книгу о том, чем оборачивается для человечества «квантовый рай»: о бегстве от реальности, последующей за ней деградации, интеллектуальном рабстве. Отец не успел закончить, его убили, застрелили на пороге собственного дома. Естественно, полиция не нашла ни заказчика, ни исполнителя. Убийство не остановило друзей отца, они продолжили борьбу. И борьба сделалась жёстче. Потому что недостаточно сказать людям правду, – нужно заставить эту правду услышать! Их обвинили в каперстве, поставили вне закона, но это ложь, они не занимались нелицензионной декогеренцией. Группа сопротивления «Явь» разработала шелл-код для альтернативного управления «виртуальными вселенными». Зачем? Чтобы разрушить лживую идиллию, выгнать людей назад в реальность, заставить думать о будущем.

Человек в плаще вдруг улыбнулся, покачал головой.

– Интересная легенда. Однако ты ни разу не упомянул о своей маме. А без этого история будет неполной и твои мотивы невнятны.

Я открыл рот, готовый объяснить ему свои «мотивы». И внезапно услышал – торопливые шаги, бряцанье оружия в коридоре. Охрана бежала к машинному отделению. Вряд ли женщина могла предупредить их о моём прибытии. Значит, экс-программер? И весь разговор он затеял лишь бы тянуть время? Я мог сделать пистолет и расстрелять его в упор. Но я прекрасно помнил молнию и вулканическую бомбу. Он не станет ждать, уж он-то прекрасно понимает, где находится.

Я молча отвернулся к агрегатам. Открыть шлюзы и затопить станцию я не успевал, но что-нибудь более грубое и простое…

– У тебя в запасе двадцать секунд. Вполне достаточно, чтобы вспомнить маму, – окликнул меня программер. – Думаю, сейчас для тебя это важнее, чем убить ещё полтысячи человек.

Я резко повернулся к нему, бросил зло:

– Пошёл вон! Мои воспоминания тебя не касаются!

Он смотрел на меня и улыбался пять секунд. Затем исчез. А в следующее мгновение дверь распахнулась, кто-то из охранников заорал:

– На пол, быстро!

Ввязываться в дурацкую перестрелку я не собирался, выполнять приказ – и подавно. Я экстренно оборвал коннект.

Всё же тип в чёрном плаще задел меня за живое. В этот раз, вернувшись в реал, я поднялся из своего бункера на поверхность – в старый родительский дом. Может быть, это покажется наглостью: устроить лежбище под домом государственных преступников. Но не зря говорят: хочешь, чтобы вещь осталась незамеченной, – положи её на самое видное место.

Дом стоял в дальнем пригороде столицы, в ряду двух десятков таких же заброшенных, ещё строенных, а не декогерированных в один миг из квантовой пустоты особнячков. Я намеренно не поднимал жалюзи на окнах, не протирал пыль, не убирал паутину в углах – дом должен выглядеть нежилым. Он и был нежилым, обитал я десятью метрами ниже, в «секретном» подвале, куда вела лестница из подвала обычного.

Но сегодня я кое-где пыль вытер – на забранных под стекло фотографиях, что украшали стену родительской спальни. На этой – мама совсем молодая, ещё до знакомства с отцом. Сидит в шезлонге на берегу океана, в руке – длинный тонкий стакан с «Голубой лагуной». Здесь – постарше, в спортивном костюме, стоит, прислонившись к металлическому канату ограждения на краю обрыва. А вот – улыбается из окна автомобиля. Видно только её лицо, но я знаю – на фото нас двое, она и не родившийся пока ещё я. И, наконец, последняя её фотография, недавняя, уже в подводной лаборатории, где остатки группы сопротивления нашли убежище. Полицейский спецназ не хотел рисковать с штурмом или пытаться взломать систему управления шлюзами – лабораторию уничтожили глубоководными бомбами. Я в тот день был «в командировке» на суше, потому уцелел. Единственный.

Мне отчаянно захотелось сорвать эти фотографии со стены и растоптать. Моя мама никогда не была аватар-моделью, потому я не мог встретить в виртуале её двойников! Но не это главное – я не знал и никогда не видел в реале эту женщину! Хотя помнил её прекрасно.

Я не порвал фотографию. Я провёл по ней ладонью, «смывая» чужое лицо, пытаясь «проявить» под ним настоящее. Но единственное, чего я добился, – пустое пятно на фото. На втором, на третьем, на четвёртом… Потому что мир, который я считал реальным, реальным не был!

Я развернулся, ожидая увидеть экс-программера. В доме было по-прежнему пусто.

– Что, думаешь, доказал, убедил? – заорал я в пыльную пустоту. – Это всего лишь взлом коннекта, понял?! И я доберусь до того, кто это сделал!

Я добрался. Создатели ложной реальности оставили кое-какие следы, маркеры. А я – хороший хакер, возможно, самый лучший теперь, после гибели группы «Явь». Я отследил взломщиков моего коннекта и моей памяти. Чтобы получить информацию о руководстве корпорации «Навь», доступ в её главный офис, подробный план здания и необходимое снаряжение для спектакля, мне понадобилась неделя в реальном мире. Мир этот отличался одним от того, в котором я «жил», – в нём не существовало дома моих родителей, дверь из бункера открывалась на городском пустыре, обнесённом забором с предупреждающими табличками, подготовленном для декогеренции очередного центра развлечений. Промедли я ещё неделю, возвращаться в реальность оказалось бы некому…

На верхний, триста тридцать третий этаж хрустальной иглы, пронзающей облака, я поднялся без задержек, хоть пришлось миновать шесть постов охраны, – карта VIP-гостя воистину творит чудеса. Только в приёмной бросившаяся навстречу мне помощница главного босса остановилась в двух шагах, растерянно захлопала ресницами.

– Извините, но вы же не…

– Почему? Может быть, он изменил внешность? – улыбнулся я в ответ. И уверенно направился к двери конференц-зала.

– Постойте, там совещание!

– Я знаю.

Секретарша вскочила было из-за стола и тут же вновь села. Я почти видел, как она жмёт тревожные кнопки под столешницей. Это не имело значения. Последний спектакль будет коротким.

Дверь в конференц-зал оказалась заперта изнутри, но моя VIP-карта была немного больше, чем пропуск, – ох уж эта приверженность софтверов к цифровым запорам! За длинным столом сидели пятеро мужчин – вся верхушка «Нави». Шестая, женщина, нынешний руководитель сектора квантпрограммирования, стояла у демонстрационного экрана. Я едва не захохотал, увидев её наяву. Так вот с кого лепили облик моей «мамы»! Чуть постарше той, что в машине, но моложе, чем в подводном городе. А за стеклянными стенами было яркое солнце, бездонное синее небо и ослепительно белые облака в сотне метров под нашими ногами.

– Что это значит? – сердито уставился на меня президент компании. – Как вы сюда попали?

– О, извините! Я прерву ваше совещание всего на несколько минут, – заверил я. – Хочу узнать, как вы подменили мне память?

– Да кто вы такой?! – повысил голос председатель. А главная программерша уже поняла, ответила раньше меня:

– Это… Дестроер.

Я кивнул, подтверждая её слова. Выражение лиц мужчин за столом начало меняться. Вместо раздражения и возмущения теперь были удивление, страх.

– Послушай, Дест, я объясню, – женщина шагнула ко мне. – В действительности всё не так, как ты думаешь.

О да, в действительности всё было не так. Возможно, её рассказ заинтересовал бы меня. Но тут дверь зала распахнулась, четверо охранников ввалились в зал.

– Брось оружие! На пол! Быстро!

Должно быть, знакомая команда что-то заклинила в моих синапсах. Вместо того чтобы нажать кнопку взрывателя бомбы, прикреплённой у меня на поясе под пиджаком, я сделал то, что делал обычно. Активировал подходящий эксплойт и выхватил из пустоты пару пистолет-пулемётов, отпрыгнул в сторону, под защиту массивного дубового стола и восседавших за ним боссов, выстрелил. Зазвенела, разлетаясь на тысячу осколков, стеклянная стена, боссы попадали на пол, полезли под стол. Охранники попытались обойти меня, вынудить истратить боезапас и затем прикончить. Но я уже всё понял. Я давил и давил на спусковой крючок, разнося конференц-зал в щепы. Мой боезапас пополнялся бесконечно.

Наконец четверо в чёрной форме неподвижно застыли на полу. Я обернулся к боссам. Одному из вице-президентов пуля раздробила плечо, он придерживал руку и тихо поскуливал, но живы были все. Удивления на их лицах не осталось, один страх. Вернее, ужас.

– Дест, я всё объясню! – Программерша решилась встать.

– Не нужно, я и так понял. Извините, «мама».

Один пистолет-пулемёт я демонстративно «убрал». И нажал спусковой крючок второго. Я был уверен, что она немедленно оборвёт коннект. Но нет. Алые пятна расплылись на белой блузке, женщина отшатнулась, взмахнула руками. Она стояла слишком близко к несуществующей более стене, чтобы упасть на пол.

Я подошёл к краю, успел увидеть, как фигурка с раскинутыми в стороны руками вонзилась в белое облако и исчезла в нём. Потом посмотрел на боссов.

– Послушайте, любую проблему можно уладить! – просипел вице-президент по связям с общественностью.

Наверное, он был прав. Я так и поступил – нажал кнопку взрывателя. Мощности бомбы хватило, чтобы хрустальная игла «Нави» стала на один этаж короче.

Я стоял на пустыре, на том самом месте, где должен

находиться люк моего бункера. Ни люка, ни бункера не существовало. Зато тип в чёрном плаще поджидал меня.

– Вы были правы, я сетевой червь, – усмехнулся я. – Мне не выбраться из виртуальных вселенных в реальность.

Экс-программер покачал головой.

– Ты невнимательно меня слушал, Дестроер. Софтверам не нужны «виртуальные вселенные», им нужны реальные потребители «квантовых благ», покорные и безропотные. Мой доклад не лёг под сукно, как оказалось. Его засекретили и пустили в дело. И создали тебя – самовоссоздающийся интеллектуальный трансмиттер, червя сети КПР. Идеального террориста, безжалостного и неуничтожимого. Чтобы оправдать любые урезания свобод, любые ограничения на тайну личной жизни. Чтобы оправдать всё! А «виртуальные вселенные»… они существуют исключительно в твоём воображении.

Мне понадобилась почти минута, чтобы осмыслить услышанное. Холодная испарина заставила передёрнуть плечами.

– Хотите сказать, я убил десятки тысяч людей, искалечил сотни тысяч – в реальности? Почему же вы меня не остановили?!

– О, это задача не тривиальная. Вся сеть КПР заражена тобой. Уничтожение экземпляра червя приводило лишь к тому, что ты восстанавливался в другом месте, уверенный, что произошёл разрыв коннекта. Остановить тебя можно единственным способом…

– Взломать исходный код, – догадался я. – Подсадить в тело вируса другой вирус. Вы – вирус в вирусе?

– Нет, не я. Воспоминания о твоей маме. Они заставили тебя усомниться, начать искать правду. И найти её, в конце концов. Выбраться из иллюзорной «виртуальности» в реал.

Мы снова помолчали.

– Что будет дальше? – спросил я.

– Твои создатели были уверены, что контролируют тебя. Что контролируют сеть КПР и вместе с ней – весь мир. Ты доказал, что это не так. Управляемая реальность чрезмерно сложна для людей.

Он смотрел пристально, словно хотел удостовериться, что я понял его. А мне вновь стало холодно до дрожи, захотелось немедленно разорвать коннект, сбежать в уютную ванну с термопастой. Но теперь я знал – бежать некуда.

Это очень больно – расставаться с иллюзиями.

Дмитрий Лукин
Чёрная дыра

Я неизлечимо болен, и для моих коллег это очевидно.

Кто-то смотрит сочувственно, кто-то свысока. Особенно задирают носики девчонки в отделе «Обслуживание частных лиц». Симпатишные, но дюже высокомерные и заносчивые. Я для них – любимая тема. Если больше поговорить не о чем, обязательно мне начинают кости перемывать. Помню, сидят однажды, чай пьют и, подхихикивая, обсуждают мой экстерьер (весь в проводах, в одной руке – паяльник, в другой – отвёртка). Отвели душеньку, посмеялись и дружно пришли к выводу: безнадёжный случай. Я как раз сидел под столом, за которым они чай пили, – копался в роутере на предмет новых протоколов. И почему банковский дресс-код позволяет юбки выше колен?!

Имя моей болезни – честность. Она передалась мне от отца и, скорее всего, передастся моим детям. Пару раз я пробовал излечиться, но ничего не вышло.

Вы можете подумать, что я неадекватный тип, и будете не правы. С мозгами у меня всё в порядке, соображаю я здраво. Другое дело, что толку с этого – по нулям. Болезнь всё девальвирует.

То есть не совсем так… Сейчас-то я богат. Есть и хата в центре, и тачка приличная в гараже, и жена-красавица домашний очаг бережёт… Стоп! Опять побежал впереди паровоза. Такое со мной часто случается. Давайте всё по порядку.

Я вам про здравость своего мышления уже рассказывал. Сейчас обосную. Слышали когда-нибудь словосочетание «финансовое мошенничество»? Для меня это плеоназм вроде масляного масла. Разве «финансы» и «мошенничество» не синонимы? Если один человек имеет право в частном порядке печатать деньги (пусть даже под видом банковских кредитов), а другой – нет, это чистой воды мошенничество. Очевидно, что каждый захочет урвать кусочек существующей денежной массы (если уж печатать не дают) и восстановить справедливость (болящих в расчёт не берём). Финансы сами по себе – суть мошенничество и провокация. Чувствуете адекватность мышления? Я после Бауманки пять лет изучал банковское дело в Финансовой академии и протоколы проверяю не только под столом длинноногих свиристёлок. В начальственных кабинетах тоже много чего наслушался. Так что в вопросе я разбираюсь.

Казалось бы, что ещё надо? Перспективы открываются – о-го-го! Бери лопату, веник – греби бабло и заметай следы. Но мой ясный ум и тут оказался бессилен против наследственной болезни. Порой она обретала поразительное красноречие: «Да, финансисты – мошенники. И что с того? Ты ведь не хочешь стать таким же?»

Хакерство долго оставалось моей единственной отрадой. (Мы же договорились, что про женитьбу и тачку вы ещё не в курсе.) Помните наш главный девиз? Коды и данные – общенародное достояние, или информация должна быть свободной. Святые слова. Кодов и данных у меня было выше крыши. А толку? Что со всем этим добром делать честному человеку? Вот я и писал вечерами свою «Чёрную дыру», даже не зная, смогу ли когда-нибудь её активировать.

Впрочем, я опять немного отвлёкся. У нас ещё будет время поговорить о моей честности. А сейчас я вам расскажу о шестёрочниках из «3F». С них-то, собственно, всё и началось. Уроды портили мне кровь, ещё когда я был ребёнком, и довели отца до инфаркта – такое сложно забыть.

Тогда наши чиновники в очередной раз озаботились модернизацией страны. Обсыпанное нафталином словечко вынули из ветхого чемодана, потрясли, сдули пыль советской эпохи и под новым соусом запустили в народ. ДВИЖЕНИЕ В БУДУЩЕЕ НА ВОЛНЕ ПРОГРЕССА! На модернизацию выделялись деньги, и снова выделялись, и снова… И каждый раз денег оказывалось недостаточно.

Как пошутил мой отец, вместо модернизации одни выделения.

Коснулись эти выделения и нас. Не обошла напасть. Решено было перевести весь город на экологически чистое энергоснабжение. А заодно и пригород. В рамках эксперимента. Прокатит у нас – по всей России-матушке то же самое забабахают. Готовились к этому делу чинуши основательно. Года два местные СМИ вопили об экологии, чистой энергетике и «толерантной» окружающей среде. А потом началось освоение бюджетных денег. Первым делом бомжеватые ребята разобрали опоры ЛЭП и увезли их вместе с проводами. Трансформаторами и прочей мелочёвкой тоже не брезговали. Железо, алюминий, медь – все эти атрибуты устаревшей энергетики наверняка кому-то очень пригодились. Но мы молчали: у нас же теперь всё будет по последнему слову техники! Я вообще радовался как ненормальный. Бегал вокруг рабочих и чуть ли не вопил от восторга. Краем уха услышал, что нам закупили самые современные солнечные батареи. Работают

даже в пасмурную погоду. У них каждый фотончик в дело идёт. Как тут было не радоваться?! Наконец-то в нашем пригороде происходит что-то интересное!

Мне было десять лет.

Управились ребятки за два дня. Начали в субботу утром, а в понедельник уже ни одного проводка в пригороде не осталось. Не тронули только подземные кабели, ну и по домам, слава богу, не ходили.

Как исчезли газовые трассы, мы даже не заметили.

Отец сразу понял, что это не к добру. Какие батареи с нашими туманами и дождями? – возмущался он и говорил что-то о предгорьях, об особой климатической зоне. На мои утверждения про каждый фотончик просто махнул рукой.

Город модернизировали за три месяца, а когда дошли до нас, кто-то раскопал заявление отца в мэрии и чиновники прозрели: они вдруг поняли, что из-за хронических дождей и туманов установка солнечных батарей в пригороде представляется бесперспективной. Решение, что и говорить, оказалось очень мудрым, а главное – своевременным. В самом городе тоже от экологически чистой энергетики пришлось отказаться. Даже в солнечные дни толку от батарей было мало. Энергии хватало только на три лампочки. Говорили про некачественные комплектующие. В общем, одну зиму горожане помёрзли, а потом дело запахло бунтом. Мэр обещал всё уладить и слово сдержал. Город кое-как электрифицировали, а до пригорода провода не дотянули. Денег не хватило.

Люди перешли на печки и дизельные генераторы. Экология от этого лучше не стала, но «зелёные» после освоения бюджетных денег почему-то потеряли к нам интерес, а местные СМИ постоянно находили куда более злободневные темы. Модернизированный пригород с печным отоплением их не волновал. Куда подевались закупленные солнечные батареи, в которых «каждый фотончик работает», осталось загадкой.

Деньги на всё это безобразие были выделены компании «ЗF».

А теперь вернёмся к моей феноменальной честности.

Уже на третьем курсе Бауманки я понял, что чертежи редукторов – это не ко мне. Вот диспенсер – другое дело. А если к нему ещё утилитку грамотную написать, будет совсем хорошо. Вы когда-нибудь получали в банкомате крупную сумму мелкими купюрами? Не очень приятное впечатление. Моя утилитка решила этот вопрос. Программа работала так, чтобы количество банкнот в кассетах оставалось примерно одинаковым. Я был уверен, что совершил революцию, и очень переживал, когда

преподы не оценили моё творчество. Позже я узнал, что утилитку никто из них и не рассматривал. Для зачёта хватило чертежей диспенсера.

И всё же я не зря старался. О моих чертежах заговорили. Когда на сотню редукторов попадается один диспенсер, это немудрено. Через неделю после зачёта ко мне подошёл директор головного офиса банка «Русский простор». Шикарный костюмчик, прилизанная причёсочка – всё, как полагается. Его заинтересовала моя утилитка. Использовать её он не собирался, собственные «Diebold» его вполне устраивали, но почему бы не предложить работу талантливому пареньку? Паренёк, как вы понимаете, с радостью согласился.

Тогда-то я и попробовал первый раз вылечиться. Мы как раз устанавливали новые терминалы для оплаты сотовой связи и коммунальных услуг. Всего-то делов – написать заплатку, перечисляющую на нужный счёт, скажем, одну копейку с каждой транзакции. Такую потерю никто не заметит, а если учесть количество платежей по Москве, я мог бы озолотиться. Коммуналку решил не трогать. Хватит и телефонов. Идея мне нравилась тем, что я как бы никого не обворовывал. Ну что такое для вас одна копейка? То-то же.

Но где взять чистый счёт? В этих вопросах я ещё не шарил и решил посоветоваться со знающими людьми. Проблема тут же решилась. Люди оказались настолько знающими, что и заплатку сами написали. Я должен был её только вшить. Сообразили на троих. Не знаю, на что они рассчитывали. Думали, я не стану проверять заплатку? Ну-ну! Ребятки всё сделали грамотно, только почему-то одну копейку заменили на пять рублей. А это уже минута или две в переводе на разговор. Болезнь моя обострилась. Влип я конкретно. Мне пришлось хорошенько напрячь мозги и в экстренном порядке изучать природу чистых счетов. Хорошо, хоть добрые люди заняли крупную сумму на полгода.

Через два дня после установки терминалов на счёт нашей троицы стали капать денежки. Не так много, как хотелось бы, но мы были довольны. Главное – халява! Поступления постепенно увеличивались. Две недели мы радовались жизни, а потом руководство банка решило унифицировать криптографические алгоритмы и протоколы обмена на платёжных терминалах и банкоматах, а заодно и заменить ПО в терминалах. Унификация происходила без меня: я подключал банкоматы в питерских филиалах. Незапланированная трёхдневная командировка.

Халява закончилась.

Умные люди огорчились, но всё равно остались довольны. Мы помянули наше мероприятие в уютном баре на Арбате и

расстались лучшими друзьями. Думаю, они так и не узнали, что никакой заплатки я никуда не вшивал, а деньги на наш счёт приходили прямиком из моего кармана. Через две недели он опустел.

В общем-то, всё закончилось хорошо. Мне удалось слезть с крючка. Я остался честным человеком, и моему отцу не придётся краснеть за меня на том свете. Умные люди по-прежнему считают меня своим парнем, только слишком уж занятым.

Это был хороший урок. Я понял главное: хочешь провернуть гениальную аферу – молчи, всё делай сам и никаких умников на пушечный выстрел. Иначе – крах.

Кстати, деньги добрым людям я вернул уже через три месяца.

Кажется, меня опять занесло не туда. Я вам уже рассказывал о свиристёлках под вывеской «Обслуживание частных лиц»? Слава богу, у нас есть вывеска и для организаций. А под ней сидят девчонки поумнее. Они понимают, что с «безнадёжным случаем» лучше дружить. И разговоры у них куда интереснее. Я пока Ирке Колесниковой ноутбук чинил, много чего услышал. Она-то меня и просветила насчёт шестёрочников. Знаешь, говорит, почему триэфовцев сатанистами называют? «Это которые главные по распилу?» – «Угу». – «И почему?» – «Потому что F – шестая буква английского алфавита! Всё? Работает?» – «Получите и пользуйтесь!» – «Спасибки!»

И даже в щёку чмокнула. Не побрезговала.

К шестёрочникам я подбирался долго. Когда узнал, что они клиенты нашего банка, обрадовался. Думал, случайность. Но всё оказалось чуток сложнее. У шестёрочников были счета практически во всех банках с активами больше десяти миллиардов рублей. Не с моими зубами кусать такого зверя. Я продолжал «копать», но скорее уже по привычке. Мозг отказывался выдавать идеи и не видел решения.

Чтобы не слететь с катушек, я решил переключиться на «железо». Устроил в нашем отделении глобальный апгрейд системам безопасности. Увяз в этом на долгие месяцы, расставляя сети для потенциальных грабителей. Что называется, подошёл к вопросу с душой.

И что вы думаете? Попалась-таки одна птичка! Да ещё какая! Тоже, кстати, юбочка выше колен.

Днём, ближе к обеду, сигналит у меня левый наушник, а на браслете красная лампочка мигает. Я улыбнулся: хакнуть нас пытались красиво, это вам не какие-нибудь юные дарования. К делу подписали серьёзных ребят. Иначе бы у меня весь браслет

радугой полыхал и в ушах по-другому пищало. А так только одна система и сработала.

Плавно перемещаюсь к серверу и вижу: грабят банкомат у главного входа. Парнишка даже очки тёмные не надел. Действительно, зачем? При такой тщательной работе это ни к чему. Красавец! И не волнуется совсем. Увеличиваю его мордочку на весь экран и сохраняю для истории (параллельно со стандартной WebATM – X в банкомате работала моя собственная система видеонаблюдения).

Остаётся найти сообщника.

Сеть у нас беспроводная. Значит, кто-то «колдует» с ней прямо в зале. На первый взгляд всё как обычно. Подозрительных личностей нет. Пройдёмся-ка пеленгатором сразу по всем. Вот она, красавица в тёмных очках. В сумочке рукой колобродит. Стоит третьей к окошку «Приём платежей». Беленький пиджачок, юбочка, всё на уровне. А в сумочке источник радиоизлучения, направленный прямо на банкомат. И щёлкает эта сумочка наше 1024-битное шифрование как семечки.

Пока я снимал девушку сразу на три камеры, её дружок уже получил деньги. Запросил пятьсот рублей, а банкомат выдал пять тысяч. Вот и квитанции поползли. Одна из банкомата, другая из моего принтера. Виртуозная работа. Такого исполнения классической коммутации «на ходу» в варианте для беспроводных сетей я ещё не видел (синий огонёк на браслете мигнул только два раза). Скорость перехвата потоков нереальная.

Выхожу в зал с идиотской улыбкой и громко хлопаю в ладоши. Мне можно. Я безнадёжный случай. Девушка в тёмных очках глянула на меня, а потом, так и не дождавшись своей очереди, спокойно пошла к выходу. Наверное, устала ждать.

Я догнал её на середине дорожки между ступеньками и калиткой. Пока избавился от наушников и браслета, пока галстук поправил…

– Девушка, постойте!

Остановилась. Повернулась.

– Я заканчиваю в шесть. А в шесть пятнадцать можем встретиться у калитки. Это приглашение на чашечку кофе. Согласны?

– Исчезни!

– Прикажете любоваться вашими фото и «пальчиками»? Я их много наснимал, пока вы обворовывали нас на пять тысяч. Фоток вашего дружка у нас тоже много.

– Я не понимаю…

– Дайте мне ваши очки и сумочку. Орудия преступления должны остаться здесь.

– Я не понимаю.

– Тогда пойдёмте в банк, и я вам всё покажу. Будете дальше притворяться, вызову милицию. Вы всё еще не понимаете, госпожа Игнатенко?

– Твою мать! На чём же я срезалась? И откуда у вас мои «пальчики»?

– Сначала сумочку и очки.

– Не могу. – Она достала из кармана пиджака красную ксиву и сунула её мне под нос. – Я и есть милиция. Сумочку не отдам, это государственное имущество. Мы проверяем надёжность банковских систем. Настоящие грабители пятью тысячами не ограничились бы.

– Мне всё равно. Преступление есть преступление. Даже если его совершают люди в погонах. Даже если леди в погонах. Вы нас не предупредили, стало быть – обворовали.

– Я верну вам пять тысяч.

– Разумеется. Но сначала – очки и сумочку.

– Или вызовешь милицию?

– Хуже. Расскажу всем о ваших методах работы. Устрою громкий скандал с фотографиями и фамилиями. Меня прижать нечем. Я человек честный. Сумочку и очки. Тогда сделаю вид, что ничего не заметил. Даже деньги обратно положу.

– Шантажист! – Она сняла очки и протянула их мне вместе с сумочкой. – Так на чём же я срезалась?

– Да вы всё правильно сделали. Я ведь не зря вам аплодировал. Так, лёгкий рассинхрон при прерывании потоков. Они продублированы ещё и в инфракрасном диапазоне. Но это личная разработка, так что не переживайте. Было, правда, ещё кое-что. Так… нюансы, долго рассказывать.

– Предатель! У своих же хлеб забираешь.

– Кто бы говорил! В шесть пятнадцать возле калитки.

– А смысл?

– И не спешите сообщать о провале. Возможно, я верну вам компьютер с экраном.

– С какой радости?

– Радость сугубо личная: одногруппницу встретил. Маш, ты правда меня не узнаёшь? Мы вместе учились в Бауманке. Тогда-то я твои «пальчики» и наснимал! Всё, пока…

Я убежал не оглядываясь.

Это был изумительный вечер, плавно перетекающий в ночь. Открытое платье, полумрак ресторана, красное бургундское, воспоминания о юности…

Под утро я всё-таки спросил о шестёрочниках.

– Бесполезно, – сказала Маша. – Эти твари слишком высоко сидят. Материалы мы, конечно, собираем, но ходу им не даём. Жить, знаешь ли, охота.

– А нельзя ли как-нибудь ознакомиться…

– Собрался на войну?

– Шутишь? Куда нам, партизанам, на войну.

– Ладно, посмотрю, что можно сделать… Но там сотни томов. Зарубежные банки, подставные фирмы… Тебе это интересно?

Я расплылся в довольной улыбке.

– Соберёшься партизанить – звони. Глядишь, помогу. Светает, кажется.

– Ещё бургундского?

Следующие два года всё текло своим чередом. Я целые дни просиживал над «Чёрной дырой», грабить нас никто не пытался, короче – скука смертная, даже рассказать нечего.

Единственное, что припоминаю, – это случай в хранилище. То ли уборщица с цветами перестаралась и от души побрызгала водичкой немного не туда, то ли инкассаторы напортачили, – мы так и не поняли. Но в результате непонятных деяний хранилище осталось без замка. Электроника полетела напрочь. А дело к ночи. Рабочий день закончился. Пошли разговоры о диверсии с целью ограбления. Начальство – в ужасе. Ничего лучше не придумали, как посадить меня с двумя охранниками прямо в комнату-сейф и закрыть нас на механический замок. Пока мы внутри в карты резались, директор снаружи вахту нёс. Самое смешное было, когда нас открыли. Но ничего, обошлось. Деньги с пола пособирали, пересчитали и снова по мешкам разложили. Отличный получился покер, скажу я вам. Лучше любого энергетика.

Был и ещё один забавный случай, когда меня чуть не уволили. По крайней мере, пригрозили. Заговорились мы как-то с новым охранником прямо у входа. Слово за слово, и вдруг он выдаёт:

– А ты бы смог хакнуть наш ящичек?

– Да чего его хакать? Открывай и бери деньги. – Я вынул ключ и пошёл к банкомату.

– Так не честно! С ключом всякий может!

– На, попробуй. – Я протянул ему ключ.

– Не-е, не надо. – Он замахал руками, открещиваясь от меня. – А без ключа слабо?

– Можно и без ключа, но скучно. Ты бы что-то интересное предложил.

– Спорим на бутылку хорошего коньяка?

– Идёт!

Как назло мимо проходил директор.

– О чём спорите?

Я пожал плечами, охранник тоже.

– Уволю обоих! Если бы вы ещё на банкомат не пялились…

– Да ничего серьёзного! – сдался охранник. – Я просто спросил, сможет ли он хакнуть этот банкомат. Чисто теоретически!

Директор схватил охранника за грудки:

– Лёша, ты идиот! Он ещё студентом проектировал банкоматы нового поколения и софт к ним писал. А наши «ящики» вообще все перепрошил. Нашёл с кем спорить!

Так я коньячку и не попил.

Где-то посередине между этими двумя казусами мы с Машей поженились.

Всё-таки есть в мире справедливость. Ясным солнечным утречком я узнал, что компания «3F» собирается реализовать грандиозный проект по облагораживанию обратной стороны Луны, и почувствовал, как моя болезнь отступает. Это было приятное ощущение. То-то наши СМИ последние годы всё про космос верещали. Готовили население к государственному проекту. Повод для новых выделений создан. Завтра президент подпишет указ, и уже ничто не помешает облагораживанию обратной стороны Луны. Цена вопроса – триллион рублей.

Я долго ждал этой минуты. Бюджетные деньги к шестёрочникам текли постоянно, да всё на благие цели. Улучшение медицинского обслуживания, помощь детям-сиротам, постройка жилья для малообеспеченных и далее в том же духе (про чистую энергетику вспоминать не будем). Как тут вмешиваться?! Болезнь не позволяла. Разве можно последние копеечки у сирот забирать?! Но обратная сторона Луны – это уже слишком.

Я никогда не считал «Чёрную дыру» вирусом. Десять лет потратить на вирус? Ну уж нет! Извините! Все эти годы я создавал новую форму виртуальной жизни, новый искин, заточенный только на одну цель.

Меня охватили сомнения. Я позвонил жене.

– Привет, – сказала она.

– Привет, Маша.

Я замолчал.

– Чего звонишь-то?

– Посмотрел новости и захотел услышать твой голос.

– А, поняла! Всё-таки решился? Удачи!

Я активировал «Чёрную дыру» в тот же вечер.

Ни одно выделение на обратную сторону Луны не дошло до получателя. Деньги «испарялись» в пути. Загадочным образом обнулились счета компании «3F» во всех крупных банках. Прозрение наступило не сразу. По телевизору ещё крутились ролики о ходе облагораживания, когда прошла первая волна разоблачений. Поставщики кричали в камеру, что не получили ни копейки. Прокуратура занялась полномасштабной проверкой деятельности шестёрочников за последние двадцать лет. Сотни томов, описывающих их махинации, наконец-то приобщили к уголовному делу. Выяснилось много интересного, но куда делись выделения на обратную сторону Луны, так и осталось загадкой.

Чиновники, как обычно, в один голос утверждали, что денег нет. В этот раз они говорили чистую правду, а народ, как обычно, не верил.

Скандал разгорался за скандалом. Начались «посадки». В конце концов президент закрыл программу по облагораживанию обратной стороны Луны. Триста миллиардов рублей исчезли бесследно. СМИ наперебой выдвигали версии, одна фантастичнее другой.

Чуть позже в пригороде одного захолустного городка в каждом доме без лишнего шума появились новейшие энергетические системы на солнечных батареях, способные в пасмурную погоду выдавать мощность двадцать киловатт.

Сейчас я очень богатый человек. Только знаете, это совсем не радует. «Чёрная дыра» продолжает работать, и я не знаю, что с ней делать. Она засасывала на мои счета сомнительные транши и после закрытия скандальной программы, а вот интернаты, больницы и благотворительные фонды решила обойти стороной. Пенсионеров тоже почему-то не жаловала. Зато симпатизировала бюджетникам. Многих врачей и учителей осчастливила. Но в основном всё ко мне ручейки направляла. Сверх всякой меры. Нет, я, конечно, готов с утра до вечера бегать почтальоном ко всем нуждающимся, но это даже не капля в море. Столько денег просто невозможно обналичить. Кажется, теперь она тоже это поняла. Девочка живёт и развивается. Но самое страшное – она унаследовала мою болезнь. Я вложил в неё душу и, наверное, свою ненависть к мошенничеству. Не знаю, что произойдёт дальше. Даже предположить не могу. Возможно, она просто грохнет всю банковскую систему. Это был бы оптимальный вариант. Но боюсь, нас ждёт что-то другое, что-то очень честное и

справедливое.

Так почему меня прошибает холодный пот?

Алекс Тойгер, Алёна Голдинг
Афропанк

Грязь, грязь, грязь реки,
Будь послушной в моих руках,
Стань куклой… Танцуй, кукла!
Живи, кукла…
Мамаэ Ошун
Папаи Огун Бейра Мар…

Утро началось с того, что Игумби-сата попросил меня запереть дверь. И не просто запереть, а замуровать – так, чтобы больше не открылась.

– Но я не смогу выходить из дома! – сказал я.

– Это ничего, – успокоил Игумби-сата.

Тогда я пошёл и нарубил веток с ближайшего баобаба. Всем в Африке известно, что баобаб – лучшее средство для заколачивания двери. Я нарубил веток, вернулся в дом и принялся за дело, а Игумби-сата сердито сказал:

– Ты дурак, Улело-баш.

Я побросал ветки и не знал, как мне быть теперь.

– Зачем ты забиваешь входную дверь? – продолжал Игумби-сата. – Ведь так никто не сможет войти в дом, и я – твой Игумби-сата – умру с голоду!

Он лёг на дно своей клетки и показал, как будет мёртвым. Я догадался, что он умер не взаправду – ведь я пока не заколотил дверь. Но мне всё равно стало очень грустно.

– Что же делать, Игумби-сата? – спросил я. – Как я должен поступить с дверью?

– Ты дурак, Улело-баш, – проскрипел неживым голосом Игумби-сата. – Нужно запереть заднюю дверь.

Тут я обрадовался, а потом опять опечалился. Ведь в моём доме не было задней двери, только передняя, и её нельзя было трогать, ведь тогда Игумби-сата умер бы окончательно.

– Бэкдор-р-р, бэкдор-р-р! – подбодрил меня прикинувшийся совсем умершим Игумби-сата, и я принялся искать заднюю дверь.

Я внимательно осмотрел все окна, подоконники и надоконники. Поздоровался с жуками за плинтусом, а они радостно пошуршали усами. Потом я открыл окно в потолке. За этим окном был необитаемый чердак. Я увидел, что все чердачные привидения на месте, и спустился вниз. После этого я

решил проверить большой чёрный подвал. Этот подвал не имел конца, и в нём никогда ничего не было видно. Я открыл окно в полу и убедился, что внизу темно и полный порядок. И правда, какие могут быть дела в темноте?

Так я не нашёл заднюю дверь и сел отдохнуть. Я присел у дальней стены и спросил сам у себя:

– Где же эта дверь?

– Я здесь, – сказала стена.

Это я сначала подумал, что отвечала стена, но на самом деле говорил кто-то другой. Я хорошо знаю, как разговаривают стены, а тот голос был совсем не таким. Он звучал тихо и хитро – прямо как у бродячего Убулембу-адса. Я встал и оглянулся, но там не было никого. Убулембу-адс обычно приходит через главный вход и начинает звать за собой. Он зовёт в лес и затягивает в бесконечную паутину, а этот голос никуда не звал и шёл из стены. Так я догадался, что это очень хитрый Убулембу-адс – надо быть настороже! Я решил сделать вид, что не понял коварства, и опять сел на пол.

Я хитро сидел у стены и делал вид, что никого не узнал, а тихий голос говорил такую речь:

– Я знаю, что ты ищешь заднюю дверь по имени Идиди-бэкдор, – говорил голос.

– И я могу тебе помочь, – продолжал голос. – Я могу помочь, ведь я и есть та самая дверь!

Я услышал эти слова и обрадовался, потому что уже успел соскучиться по Игумби-сата. А теперь, когда нашлась эта дверь, я смогу её заколотить. Тогда всё закончится, и Игумби-сата снова будет как живой.

Я встал и громко сказал:

– Здравствуй, задняя дверь, мне нужно срочно тебя замуровать!

– Замечательно! – ответила дверь. – Я с радостью помогу тебе.

Я обрадовался ещё сильней, а дверь сказала, что очень-очень хочет, чтобы с ней поскорее уже сделали что-нибудь. Тогда я взял в руки молоток и хотел начать, но потом понял, что не вижу дверь! И тут она сказала так:

– Я невидимая задняя дверь. Чтобы я стала видимой, ты, Улело-баш, должен принести топор!

Я быстро сходил за топором, а невидимая дверь объяснила, что с ней нужно делать дальше. И вот я начал рубить стену. Очень скоро я вырубил щель в мой рост. Рядом я вырубил ещё одну. И две щели поперёк – внизу и вверху. Потом я принёс петли и вбил их в стену, а дверь сказала, что это хорошо. И тогда я стал

радоваться, а прямо передо мной была новая дверь Идиди-бэкдор. Она раскачивалась на петлях и тихо поскрипывала очень лукавым голосом. Теперь, когда дверь стала видимой, я мог заколотить её. Но дверь сказала вот что:

– Зачем тебе заколачивать меня, Улело-баш? Я очень хорошая и притом задняя. Давай лучше будем дружить.

Мне очень понравилась Идиди-бэкдор, и я хотел согласиться. Но потом я вспомнил про Игумби-сата и начал думать. Я думал долго, а дверь всё это время поскрипывала странным голосом. И пока она хитро скрипела, что-то невидимое тихо подсматривало в щель. В конце концов это невидимое решило подсматривать изнутри, и оно проникло в дом. Невидимое вошло, и я увидел, что это зомби.

– Здравствуй, Улело-баш, – сказал зомби и сразу ушёл.

Я хотел думать дальше, но тут зомби опять появился в задней двери.

– Здравствуй, Улело-баш, – произнёс он и снова ушёл.

Я очень удивился, потому что он поздоровался уже второй раз. Я хотел пойти следом, чтобы узнать, зачем он так поступил, но тут зомби вошёл в третий раз. Он опять поздоровался и собирался уйти, но я поймал его за руку и спросил, почему он здоровается так часто.

– До свидания, Улело-баш, – ответил этот приветливый зомби.

Потом он ушёл, а его рука осталась у меня. Я хотел побежать за ним и отдать руку, но зомби появился в четвёртый раз. Он вошёл и поздоровался со мной, и обе его руки были на месте. Я вспомнил, что все зомби в Африке на одно лицо. И тогда я догадался, что их приходило несколько штук.

– Здравствуй, новый Умлайезо-зомби, – сказал я. – Я не отдам эту чёрную руку, потому что она не твоя. Теперь я всё понял и вам меня не провести.

– До свидания, Улело-баш, – ответил зомби и немедленно вышел.

Мне стало интересно, сколько их всего прячется за задней дверью. Я хотел выглянуть наружу, но вдруг вошёл ещё один. Не успел он поздороваться, как следом за ним появился следующий, а потом ещё и ещё. Они уже не успевали здороваться, а только толкались и радостно пыхтели в дверях. Всем известно, что если зомби собираются вместе, то они начинают ходить туда-сюда. А когда они ходят туда-сюда через узкую Идиди-бэкдор, никто другой не может выйти или войти.

Скоро зомби стало ещё больше, поэтому я решил воспользоваться главным входом. Я открыл переднюю дверь, но в

неё тоже повалили приветливые зомби. Теперь они могли входить и выходить в обе двери, а я не мог ни в одну!

Тогда я решил спросить совета у мертвящегося Игумбисата, ведь он пока не умер по-настоящему, однако я не смог добраться до его клетки – слишком тесно было вокруг.

– Зачем пришли все эти Умлайезо-зомби? – вскричал я.

– Отказ в обслуживании! – хрипел в ответ Игумби-сата, и я не мог понять, зачем он такое говорит.

Я хотел спросить у кого-нибудь ещё, но зомби умели только входить, выходить и быть вежливыми, а задняя дверь Идиди-бэкдор почему-то перестала общаться со мной. И я вспомнил пророчество, о котором любил рассуждать Игумби-сата. Он рассказывал об этом пророчестве всякий раз, когда я чистил клетку. Там было что-то о тёмных людях, которые не то придут, не то уйдут. Игумби-сата не помнил точно, но утверждал, что все подробности записаны где-то в доме и для надёжности прикрыты толстым слоем мусора. Я чистил грязь в клетке, но ни разу не мог найти там пророчества, а Игумби-сата радостно хихикал и скрипел. Ещё он любил петь о девушке со странным именем, и после этих песен я сразу забывал о тёмных существах… Теперь эти существа пришли!

Я начал пробираться к клетке с пророчеством, но из этого моего начинания ничего не вышло – слишком много зомби толпилось на пути. Тогда я попытался ползти, но вместо этого оказался прижат головой к полу. А потом я услышал новый звук.

– Пинг, – сказал кто-то в большом чёрном подвале.

– Пинг, пинг!

Я приоткрыл подвальное окно и ждал, что оттуда тоже кто-нибудь придёт. Но там была только темнота.

– Пинг, – сказала темнота.

– Понг, – ответил я.

Тогда темнота на безмолвном языке рассказала мне, что есть одна девушка. Эта девушка знает, откуда пришли все зомби. Она даже знает, куда им следует идти теперь.

Ещё темнота объяснила, что у девушки есть заклинательное слово.

– Хочешь услышать это слово? – так спросила темнота.

Я ничего не ответил. Дело в том, что зомби уже стало совсем много. Они толкались и давили так сильно, что я не мог говорить.

– ША-БАНГ!

Темнота исчезла, и появился яркий свет. А дальше я увидел вот что…

Когда Амака купалась в лесной речке, в её тайную пещеру

проникла рыба. Заплыла и запуталась в длинных водорослях. Амака ойкнула удивлённо и, кажется, что-то сказала вслух. Затем она цокнула языком, перевернулась на спину и поплыла против течения, сама не заметив как.

В пещере было темно, и рыбе стало страшно. А когда рыбам страшно, они свистят – почти как люди. Но Амаке было не страшно, а грустно, потому что непутёвый Улело-баш из висячего посёлка никак не мог выбрать себе жену.

Амака плыла и смотрела в небо, пока не зарябило в глазах. Потом наступила ночь, и на небе стало темно. Амаке казалось, что где-то там есть другая сторона темноты. А за другой стороной бродит Улело-баш. Он собирает жуков и насвистывает такую песню:

У Мейкны высокий лоб и груди как баобабы,
Но у Ези округлый рот.
У Ези рот, как жадные щупальца мухоловки,
Но у Бахати узкий стан.
У Бахати стан, как побег бамбука,
И она прекраснее своих подруг.
Но ни одна девушка не сравнится с Ошун.
Шабанг, шаба-а-анг, о, Ошун!
Шаба-а-анг…

Так пел воображаемый Улело-баш по другую сторону темноты, а Амаке было тоскливо и одиноко – почти как рыбе внутри. Она сморщила нос и принялась замышлять.

Все девушки ревнивы к чужим песням, особенно такие красивые, как Амака. Ей тоже хотелось песню про себя. А когда девушки хотят песен, они разыщут их даже на другом конце петляющей лесной реки. И вот, Улело-баш пел, Амака плыла против течения, а темнота в небе тихонько подглядывала вниз.

Когда Амака доплыла до ржавого берега, она уже успела всё замыслить, а потому отправилась на поиски самого большого баобаба. Всем в Африке известно, что возле баобабов живут весьма опасные существа. Но Амака была смелой девушкой, потому что очень хотела замуж. Она нашла развесистый красно-чёрный баобаб с большим дуплом, рядом с которым жил кто-то опасный и хитрый.

– Я ждал тебя! – изрёк этот кто-то шипящим голосом. – На тебе порча!

– Ты кто? – спросила Амака. Она ещё никогда не видела такого существа.

– Я – Убулембу-адс, – ответило существо. – Я бываю

одновременно здесь и не здесь. Я могу стать тем, кем ты скажешь, чтобы я был. И ещё – за определённую плату я готов снять твою порчу.

Амака ничего не поняла и решила промолчать, потому что была умной девушкой. Но потом она вспомнила про песню, которую пел Улело-баш, и тут же рассказала обо всём Убулембу-адсу.

– Хочешь ли ты, чтобы я снял эту порчу? – опять прошипел тот.

– Я хочу стать женой Улело-баша! – смело ответила Амака, а её щёки резво изменили цвет.

– Сделано, – радостно сообщил Убулембу-адс и издал странный звук.

Амака огляделась вокруг, но нигде не увидела своего нового мужа.

– Где Улело-баш? – спросила Амака. – Зачем ты обманываешь меня?

– Я – Убулембу-адс! – важно объявил Убулембу-адс. – Я не обманываю никогда! Я делаю ровно то, о чём просят.

В доказательство этих слов он протянул глиняный черепок с большим жирным словом «Свидетельство». Ещё там стояла неразборчивая, но очень важная печать, а ниже было нацарапано, что Амака теперь жена Улело-баша из висячего посёлка.

– Ты просила стать женой? Вот здесь написано, что это так, – сипел Убулембу-адс. – Ты не просила привести этого баша сюда.

– Сделай так, чтобы он пришёл! – капризно потребовала Амака.

– Ага-а-а? Ну… нет ничего проще! – задумчиво прохрипел Убулембу-адс и показал два ряда разноцветных зубов.

Он постучал хвостом по стволу баобаба и тут же отполз в сторону. Амака снова покраснела и подскочила к дереву, чтобы наконец поздороваться с мужем. Все знают, что краснота – признак зрелости. И вот, зрелая Амака встала у ствола толстого баобаба и ждала Улело-баша, а из дупла выскочил огромный чёрный зомби.

– Здравствуй, Амака, – сказал энергичный зомби и тут же отправился по неотложным делам.

– Здравствуй, Умлайезо-зомби, – пробормотала Амака, – где мой муж?

Умлайезо ничего не ответил, потому что ушёл уже далеко, зато на его месте появился новый зомби. Не успела Амака спросить его про Улело-баша, как из дупла вылез третий, потом четвёртый, а дальше Амака не умела считать.

– Это всё потому, что на тебе порча, – пояснил Убулембу-

адс. – Надо было снимать порчу, а не замуж идти.

– Зачем все эти зомби? – решила уточнить Амака и приготовилась зарыдать.

– Они отправились к Улело-башу, – проскрипел Убулембу-адс. – Наш баш нынче популярен, все зомби идут за ним. Зомби от Мейкны идут. И зомби от Ези. И даже Умлайезо-зомби от Бахати хотят поздороваться с Улело-башем из зависшего посёлка!

Услышав все эти имена, Амака крякнула и двинулась на Убулембу-адса.

– Я вообще-то ни при чём, – попятился тот. – Хотела мужа? Наберись терпения. Ско-о-оро, очень ско-о-оро…

После этих слов свет сменился темнотой, и я увидел, что падаю в большой чёрный подвал. Теперь, когда я посмотрел странные картинки, я догадался, что зомби порождаются из дупла, в котором засела какая-то порча. Видимо, зомби не любят жить с порчей, поэтому они пришли ко мне. Осталось узнать, как вернуть их назад. Всем известно, что Умлайезо-зомби умеют только здороваться и прощаться, и по этой причине я не мог спросить дорогу у них самих.

Пока я падал, вокруг было много темноты – столько я ещё не видел даже во сне. Что-то трогало меня в темноте, и я не знал, на каком языке с этим говорить.

– Подвал, подвал, я не твой! – закричал я. И тогда темнота закончилась, а я долетел до низа.

Так я оказался посреди леса. Я оглянулся назад, но там не было висячего посёлка и дома с почти мёртвым Игумби-сата. Все зомби тоже куда-то пропали. Вокруг росли секвойи, баобабы и много странной травы. Кое-где с деревьев свисали откормленные питоны, а вдали виднелось стадо неуклюжих слонов. Я встал и хотел искать дорогу назад. Но потом я вспомнил про Убулембу-адса, которого видел через темноту. Этот адс твердил что-то про порчу – наверное, они были знакомы. Когда я вспомнил об этом, то решил разыскать Убулембу-адса и задать ему главный вопрос обо всём. Пусть позовёт зомби назад! Тогда задняя дверь Идиди-бэкдор перестанет обижаться на меня, и мы опять начнём дружить…

– Осторожно, двери закрываются, – вдруг произнёс кто-то.

Я оглянулся и увидел крошечную антилопу.

– Здравствуй, Йокуфака-гну, – сказал я, – мне нужно поскорей доехать до той стороны темноты, чтобы попросить Убулембу-адса кое о чём. А то Идиди-бэкдор и дальше будет дуться и молчать.

– У меня шестой номер, – важно ответила гну, – и я не буду тебя везти. Ты можешь сесть и слезть, но я не тронусь с места.

Я удивился, но не подал вида.

– Чтобы ехать, тебе нужен номер семь, – продолжала гну, – а меня ты никак не сможешь запустить.

– Тогда я сам повезу тебя, – твёрдо ответил я, потому что можно проголодаться, если так много считать.

После этих слов я двинулся вперёд, но тут Йокуфака-гну стала возмущаться и скрипеть рогами. Я уже хотел написать на ней правильные цифры, но гну сказала вот что:

– Не ты владелец – не тебе и номер менять! Ты совсем ослеп, Улело-баш. Тебе нужно правильно открыть глаза, а не рисовать на мне неправильные цифры. Посмотри вокруг – ты уже по ту сторону темноты, ведь здесь светло!

Так сказала Йокуфака-гну и тут же спряталась в высокой траве, а я моргнул, правильно открыл глаза и увидел, что со всех сторон та сторона.

– Спасибо большое! – крикнул я вслед антилопе и вошёл в траву.

С собой я нёс руку зомби. Я прихватил её на тот случай, если проголодаюсь в пути. Каждый мужчина в лесу знает, что рука – лучший способ утолить голод. А ещё, когда тяжело, можно спеть песню. Вот такую:

Когда паук-бабуин сплетёт мне пирогу
В виде краюхи хлеба
Или совсем молодой луны,
Я украшу пирогу звездой
И понесусь к своей возлюбленной
На самое дно реки.
О, Ошун! Шабанг, шаба-а-анг!
О-о-ошун!

Я шёл вперёд, пел и хотел поскорей найти источник всех зомби, а вокруг рос сплошной красно-чёрный лес. Деревья раскачивались совершенно без ветра, и я не мог понять, кому такое нужно. Тогда я пригляделся внимательней и заметил паутину, которая оплела всё вокруг. Я посмотрел на другой конец паутины, и там был Убулембу-адс!

– А вот и я, – сказал он, а я на всякий случай сделал вид, что никого не узнал. – Вообще ты молодец. Ты знаешь, как делать пинг, и знаешь, как делать понг, ты расслышал мой голос в подвале и смог убежать ото всех, – продолжал Убулембу-адс. – Ты хочешь прогнать зомби и считаешь, что их придумал я. Но это не так. Умлайезо приходят и уходят, но никто не избавит тебя от зомби в голове. Только ты сам!

Так сказал Убулембу-адс, а я подумал, что это всё неспроста. И не успел я подумать что-нибудь ещё, как адс ловко выхватил у меня руку зомби и мгновенно её проглотил.

– А теперь я покажу, что в моей сети есть не только паутина, – икнул Убулембу-адс.

Он присел на корточки и напрягся. Потом пошарил под собой и подобрал какой-то предмет. Адс протянул этот предмет мне, и я узнал руку зомби. Она выглядела так же, как раньше, только цвет вместо чёрного стал белым.

– Держи крепче, – заявил Убулембу-адс, – теперь это рука Ифа, и она сможет вывести тебя к радужному источнику.

Я хотел уточнить, что за источник выведется из этой руки и кто такой Ифа. Но Убулембу-адс принялся дёргать за паутину, и красно-чёрные деревья закачались особенно сильно. Круглые листья принялись скакать с ветки на ветку и меняться друг с другом местами. А потом рука Ифа стала трястись и тянуть меня в чащу. Я сжал её изо всех сил, потому что эта рука очень хотела сбежать. Мне даже пришлось идти в ту сторону, куда она меня тянула, а тянула она то туда, то сюда. Я так старался удержать руку, что совершенно забыл попрощаться со странным Убулембу-адсом.

Так мы постепенно вышли из леса, а потом я услышал шум воды. Я заметил, что пальцы на руке Ифа сплелись в очень сложную фигу. Я посмотрел вперёд – туда, куда указывал длинный оттопыренный палец, и там я увидел Амаку, а она увидела меня. Тогда я потерял равновесие и рухнул на четыре конечности. А если девушка видит мужчину на конечностях, он обязан заговорить с ней.

– Добрый день, Амака, – так сказал я и хотел перевести дух.

– А чего его зря переводить? – пробурчала Амака и сразу затихла.

Она была тактичной девушкой, поэтому развернулась спиной и подставила ягодицы солнцу. И правда, как ещё дать мужу понять, что ты его ждёшь, но не хочешь мешать?

От Амаки падала округлая тень, и я не сразу заметил, куда указывает палец Ифа. А направлен он был в сторону баобаба с большим дуплом. Дупло подозрительно темнело и вело куда-то вглубь.

Тут Амака перестала общаться с солнцем. Она подошла и показала мне исписанный черепок с красивой важной печатью, а я сказал, что не умею читать на этом языке. Ещё я сказал, что не могу жениться на ней, потому что вообще пока не женат. Нельзя сделать старшей женой ту, о которой ни разу не пел! Поэтому я тихо поднялся и хотел идти.

– Стой! – скомандовала та, о которой я никогда не пел. Я встал и не мог подыскать песню для такого случая.

– У меня что-то есть, – сказала Амака и затопталась на месте. Все девушки топчутся на месте, когда хотят открыть страшную тайну.

– Что у тебя есть? – спросил я и на всякий случай тихонько засвистел – ведь свист это песня, не женатая на словах.

Амака не стала слушать мои холостяцкие звуки. Она сложила губы уточкой и важно просюсюкала:

– У меня есть по-о-орча!

Так сказала Амака, а потом уточнила, что порча заплыла из реки и пока не вышла обратно.

Тогда я спросил, где эта её порча, а она подвела меня к баобабу и сказала, что, скорее всего, тут. Я заглянул внутрь дупла и решил, что кроме порчи там может жить кто-то ещё. После этого я подумал, что дупло больше похоже на пещеру, которая ведёт в неведомую глубину – навроде той, что в большом чёрном подвале. И тогда я засунул в эту глубину сначала одну руку, потом другую, ну а следом и третью тоже. Чего не сделаешь, чтобы избавить девушку от порчи!

Сзади раздался гул. Я перестал искать порчу, обернулся через плечо и увидел, что с востока приближается тьма. Тогда я обернулся через другое плечо, но и за ним было то же самое. И вот тьма приблизилась и сказала:

– Здравствуй, Улело-баш!

Я понял, что тьма – это много-много зомби. Они теснились со всех сторон и приветливо тянули руки. Ещё там были девушки – знакомые и не очень. Мейкна была, и Ези, и даже Бахати – все на выданье, красавицы, одна толще другой. Я даже стал завидовать их будущему мужу. А когда мужчина завидует, он перестаёт искать порчу в неведомой глубине.

– Не отвлекайся! – раздула ноздри Амака и яростно затопотала ногами.

Я не понял её топота, но решил больше не завидовать направо и налево. Каждый знает, как опасен гнев жены, пусть даже ненастоящей. Я хотел вернуться к древесной темноте, но тут из дупла на свет полезли новые зомби – один чернее другого. Они радостно улыбались и здоровались со всеми вокруг.

Когда тех и этих зомби стало примерно поровну, Амака достала своё свидетельство с печатью. Она начала показывать это свидетельство всем подряд, и зомби радовались написанному. Девушки тоже смотрели на свидетельство, но улыбка почему-то не появлялась на их лицах. Вместо радости они показали Амаке такие же черепки с печатями, а зомби хлопали в ладоши.

Амака меж тем спружинила колени, оттопырила зад и надула щёки. Все знают, как опасны девушки с пружинными коленями и дутыми щеками. Да, Амака сейчас была очень-очень опасной.

– А ну пошли вон! Укус пираньи вам, а не мужа! – так выдохнула Амака и принялась танцевать танец войны.

Я втянул голову в плечи, а руки поглубже в дупло. Амака танцевала, а я торопливо искал её порчу на дне глубокого баобаба.

Когда обе мои руки и даже рука Ифа были по локоть в темноте, я услышал тихий всплеск. Потом я проник глубже, оказался в высокой сырой пещере и не видел там ничего. Впереди что-то шевельнулось и забулькало. Я протянул все три руки, потрогал это что-то и понял, что вокруг упругие стены. Эти стены сдвигались и раздвигались, а сверху свисали длинные водоросли. Когда этих водорослей стало больше, я догадался, что они тянутся ко мне. И вот, водоросли обвили мои руки, я запутался в них и не знал, зачем они извиваются всё сильней.

Тогда я начал свистеть. Я свистел как рыба, которой страшно. Мне и правда было страшно, ведь этих водорослей становилось всё больше и стягивались они всё туже – как те зомби вокруг баобаба.

– Это не водоросли тугие, а твои мозги, – произнёс кто-то знакомым скрипучим голосом.

Я хотел вежливо поздороваться, но не смог шевельнуть ни одним пальцем. Тогда я продолжил свистеть, будто рыба, заблудившаяся в беззвёздной пещере. Ещё я начал шлёпать хвостом и не сразу вспомнил, что хвоста у меня нет.

Стены задрожали сильней, а снаружи послышались крики и звуки какой-то возни.

– Вижу, ты уже нашёл всех своих жён? Или это они нашли тебя? – поинтересовался Убулембу-адс. – Знаешь, как мне надоело царапать свадебные черепки? Сначала все хотят за тебя замуж, а после требуют, чтобы я исполнил желание. И я исполняю всё, что просят, – ведь так я устроен! А когда я исполняю желание, приходят зомби. Их много, и все они чёрного цвета, потому что мысли женщины – сплошные потёмки.

После этих слов Убулембу-адс грустно рыкнул и безысходно взмахнул хвостом.

– Эта Амака ищет порчу не для того, чтобы избавиться от неё. Нет! Она хочет испортить и тебя тоже! Тогда ты станешь для неё бесценным полноценным мужем – так она считает.

Я не мог возразить, потому что водоросли держали крепко. Тогда я стал слушать дальше. А дальше Убулембу-адс уже почти закончил.

– Я бываю везде, но я не знаю всего, – сказал он. – Я не знаю, потому что не могу быть за пределами этого «везде» – в том месте, где зарождаются зомби. Я не могу, а ты можешь – ведь это тебя они искали по всем моим сетям! Так вот, иди и скажи той, кто это затеяла, что зомби рвут паутину, и если так пойдёт дальше, то скоро я не смогу колдовать!

Так закончил свою речь мудрый Убулембу-адс, а я кивнул и издал утвердительный свист. Потом я подумал, что уже слышал похожее от Игумби-сата, но додумать не успел, потому что память моя почти закончилась – так сильно давили водоросли.

– Знаешь, рука Ифа не для того, чтобы тыкать пальцем туда-сюда. Используй по назначению! – проскрипело у меня в голове.

И вот бывшая рука зомби явилась перед глазами. Водоросли почему-то обходили её стороной. Рука задумчиво сжимала и разжимала пальцы, а потом вдруг отвесила мне подзатыльник! Вокруг сразу же посветлело, я заморгал глазами и не мог узнать пещеру. Водоросли перестали извиваться, и я увидел, что они разных цветов. Попадались даже полосатые. Они свисали отовсюду, и я откуда-то знал, что с ними нужно делать теперь.

И вот я начал рукой Ифа распутывать и переставлять эти водоросли в правильном порядке. Сначала бело-оранжевые, потом оранжевые и все остальные за ними. Когда я закончил переставлять, то услышал бубен. Его звуки раздавались всё громче, и тогда я понял, что распутанные водоросли стремительно тянут меня вверх, к свету. Кроме света там был кто-то ещё, и этот кто-то делал своими пальцами странные штуки. Штуки ярко вспыхивали и дёргали за цветные водоросли.

Я оглянулся назад и не увидел дупла, через которое попал в пещеру-баобаб. Мне стало грустно, потому что Амака не успела показать мне свой танец войны и много других танцев тоже. А ещё где-то там остался Игумби-сата в своей клетке и задняя дверь Идиди-бэкдор.

Из-за всех этих мыслей я уже почти собрался повернуть назад, но тут кто-то в моей голове сказал такие слова:

– Плыви, плыви, рыбка. Плыви сюда!

Так сказал чей-то голос, и это был не Убулембу-адс. На самом деле я догадался, кто это был, потому что вспомнил, о ком пел все свои песни. И тогда я поплыл вперёд, на свет.

Когда я приплыл, оказалось, что это подвал – почти такой же, как в моём доме. Я очень обрадовался и думал, что скоро увижу Игумби-сата. Но тут окно надо мной отворилось, и я увидел… её! Я сразу догадался, что это моя старшая жена. Про неё я пел песни и сонничал сны. Старшая жена смотрела на меня сквозь окно. Она

смотрела и будто не видела. Тогда я растолкал все водоросли и хотел вылезти из подвала. Но я смог лишь просунуть голову и открыть рот. Так я впервые предстал перед своей старшей женой.

– Здравствуй, Ошун, вот я пришёл! – громко сказал я.

– Ты кто? – удивилась Ошун, а я не знал, какую песню выбрать теперь.

– Я – твой старший муж, – наконец ответил я, а Ошун зачем-то снова удивилась и спросила, откуда я прознал её ник.

– Я – старший муж, – повторил я, – мне положено знать о тебе всё.

Она удивлялась всё больше и больше, но потом, кажется, поняла, кто я. Она стала весёлой, протянула ко мне руки и начала ими делать танцующие движения. От этого ручного танца в голове родилась песня:

Когда пальцы любимой
Сорвут глиняную лепёшку с моих волос,
Я пойму, что умираю,
Но не разомкну объятий.
О, Ошун! Как ты прекрасна в своём танце!
О, Ошун! Шабанг, шаба-а-анг!

Пока я пел из подвала, моя старшая жена делала руками странные жесты и говорила неведомые слова.

– Прикольный алгоритм! А на первый взгляд – всего тридцать строчек… Та-а-ак, теперь пририсуем тебе модную причёску… – бормотала Ошун.

Наконец она закончила делать дела с моей головой, засмеялась и сказала вот что:

– Я, как бы, не художница… Так что теперь ты у нас панк!

Так заявила старшая жена, а я не знал, что такое панк, поэтому запел новую песню:

Сквозь окно мы вверх посмотрим,
А-а-ах-х – и это уже низ!
В мир Богов мы переходим,
Забывая, чей каприз
Нам позволил измениться –
В зеркалах переродиться,
Раствориться в сотне лиц.

Что-то в этой песне было не так. Я пел и не узнавал слов, потому что мысли теперь шевелились как-то по-новому и стояли

торчком поверх головы. Тем временем Ошун схватила меня за руку, втащила в дом и закружила в танце. И тогда я понял, что нахожусь в мире Богов!

В этом мире всё было по-новому. Не скакали гну и другие звери, Игумби и прочие сата не крутились по своим клеткам, и уж, конечно, никакие зомби не здоровались направо и налево. Даже Убулембу-адс с паутиной остался позади, хотя я чувствовал, что он где-то близко. Я повертел головой в поисках его совета и вдруг увидел свой прежний мир! Через окно он казался совсем плоским и ненастоящим. Я пригляделся внимательней и понял, что это вовсе не окно в подвал, а что-то незнакомое, похожее не то на аквариум, не то на ящик с мусором. Мой мир помещался внутри этого незнакомого окна, и я мог видеть всё, что там происходит. А происходило там много разного. Зомби радостно плясали вокруг баобаба. Амака грозно потрясала всем, чем могла. Мейкна, Ези, Бахати и остальные красотки старались не отставать от Амаки в её потрясании. Это был самый страшный танец войны, от которого всё качалось и шаталось! Тут я сообразил, что если они продолжат раскачивать мир, то мне некуда будет возвращаться с моей старшей женой. И тогда я повернулся к ней, чтобы говорить речь.

Ошун сидела в кресле. На голове у любимой были странные штуки, похожие на маленькие бананы – ими она слушала мой мир. Ещё там были другие штуки, которыми Ошун дёргала за водоросли-нити – те самые, что притащили меня в мир Богов. Она опускала свой палец, рождала щелчок, и нити начинали трястись с новой силой. Эта тряска нитей чем-то была похожа на танец войны. Когда я понял, что нити танцуют тот же самый танец, который танцевала Амака вместе с остальными потрясными девушками, я хотел спросить у Ошун, с кем эти нити собрались воевать. Но она задала вопрос первой.

– Ты знаешь о пророчестве? – вот что спросила моя старшая жена, и я ответил, что знаю.

Тогда Ошун стала очень радостной и попросила немедленно рассказать всё, что я помнил. Она даже перестала дёргать за нити.

– Не получается, – ответил я. – Во мне есть это знание, но я не могу его извлечь.

А я и правда не мог произнести ни слова про клетку Игумби-сата и про то, что было спрятано под слоем мусора. Что-то мешало. Мысли путались, и я не мог собрать в голове даже то, что когда-то знал.

Тогда Ошун нахмурилась, а потом сказала, что нужно взломать последнюю защиту. Я не понял, кого нужно защищать, и

на всякий случай приготовил новую песню. Но тут старшая жена протянула руку и снова что-то сделала с моей причёской.

Внезапно мне тоже захотелось прикоснуться к её волосам. И вот я поднял свою руку, но это оказалась рука Ифа! Она словно стала частью меня. Я опустил глаза и не мог узнать своё тело. А рука Ифа всё тянулась и тянулась из моей груди до тех пор, пока не вытянула изнутри другого меня. Этот другой Я отбросил меня-прежнего в угол, я упал и не мог пошевелить ни одной из оставшихся рук. И вот я-прежний лежал в углу, а я-дубль приблизился к Ошун и протянул руку Ифа. Лицо старшей жены стало такого же цвета, как эта третья рука. Потом Ошун начала сильно-сильно дёргать за нити-водоросли, а плоский мир за моей спиной мигал радужными цветами.

– Неужели вычислили? – шептала она. – Как же так…

И от этого шёпота сама собой родилась песня:

Когда чёрные люди взломают клетку,
А молния разнесёт баобаб,
Я пойму, что пришло правосудие,
И тогда я умру насовсем.
А река повернёт свои воды,
Унося Амаку назад…
О, Ошун, зачем ты так…
О, Ошун! Шабанг, шаба-а-анг!

Такая песня вдруг зазвучала в голове, и я не мог понять, в чьей. Зато я сообразил, что это – кусок из пророчества, того самого, которое пряталось внутри меня. Оно хранилось под толстым слоем замусоренных мыслей, а теперь вышло наружу и стало дублем…

– Ты – засланец Шанго? – вскрикнула Ошун.

Когда я услышал этот крик, у меня в голове сложилась ещё одна мысль. Мысль была о том, что это Ошун наслала порчу на Амаку и на всех остальных тоже. Порча была такой страшной, что от неё на свет появлялись зомби. И зомби эти искали меня – Убулембу-адса, чтобы привести к Ошун. Вот как сильно я был нужен моей старшей жене!

Я не успел порадоваться этой мысли, потому что она продолжила зреть внутри меня. Мысль извивалась и росла. Ей уже не хватало памяти, поэтому мысль разорвала оболочку и вышла из берегов моей головы. И тогда я умер.

А когда я умер, то смог родиться по-настоящему.

Я-рождённый лежал в углу комнаты и смотрел на то, как Ошун медленно пятится от моего дубля. Вдруг она метнулась к

розетке и дёрнула за провод. Когда Ошун дёргала провод, рука Ифа перехватила её запястье и не дала совершить задуманное. Молнии белых строк пробежали по чёрному окну подвала и ударили в баобаб, обрывая поток вежливых зомби. Я почувствовал, как моя старшая жена отшатнулась и упала в кресло.

– Кто ты? – закричала она.

«Кто я?» – пронеслось в голове.

Когда я додумал эту короткую мысль, я заставил себя встать. Я поднялся из своего угла и двинулся к дублю, потому что никто не вправе обижать мою старшую жену! Я схватил дубля за руку Ифа и развернул его к себе. Я держал изо всех сил, а Ошун переводила глаза с него на меня и не могла понять, что ей делать теперь.

– Удаляй логи и выходи из сети! – закричал я, и каким-то образом мне было известно, что означает это заклинание.

– Быстрей! Тебя ещё не засекли…

И тогда Ошун поняла. Её пальцы застучали по клавишам, а плоский мир за моей спиной снова искрился и мигал.

Потом я почувствовал, что хватка моя ослабла, и дубль почти вырвался из рук. Я посмотрел на Ошун и увидел, что ей нужно ещё немного времени. Тогда я напряг последние силы и обхватил дубля покрепче. Мы сплелись с ним в неведомом танце, а после я оттолкнулся от стены и увлёк нас обоих обратно – в плоский мир.

Мы с дублем пролетели сквозь окно подвала. Я зацепился пальцами за край и в последний раз взглянул на мою старшую жену. Она вскочила с кресла и приблизилась к окну. Потом Ошун схватила меня и попыталась вытянуть обратно в мир Богов. Она старалась изо всех сил, но дубль вцепился в меня рукой Ифа и тянул вниз. Я попытался отодрать эту руку, чтобы избавиться от дубля.

– Нет! Он часть тебя, – закричала Ошун. – Если его стереть, то тебя – такого как сейчас – тоже не станет…

Она держала меня за руку, а другой своей рукой ещё раз коснулась моих волос.

– Ты… ты и правда настоящий, не искусственный! – шептала она. – Так вот что хранилось на том сервере! Точнее – «кто»…

Мне тоже до боли хотелось погладить её по голове, но не всё в жизни получается так, как хочется. Даже в мире Богов.

Я разжал пальцы и полетел вниз. Потом я отшвырнул дубля и увидел, как он растворяется в облаках. Рука Ифа осталась у меня. Она начала бледнеть, стала невесомой и наконец исчезла – стёрлась вместе с мыслями в голове.

И тогда я стал прежним.

А потом кто-то знакомый коснулся меня своей паутиной.

– Выглядишь ты не очень, – прошипел этот кто-то под ухом, а я обрадовался, потому что узнал голос.

– Убулембу-адс! – так закричал я, и это был очень радостный крик.

– Что, не к месту ты пришёлся в мире Богов? – проскрипел Убулембу-адс.

Я не обиделся на него за эти слова, потому что обида моя куда-то запропастилась.

– Как дела у Игумби-сата? – спросил я, но ответа не дождался.

Потом я вдруг понял, что больше никуда не лечу. Вокруг была темнота, и я догадался, что надо очнуться. И вот я поднял голову с пола и увидел перед собой заднюю дверь и неподвижного Игумби-сата. Сначала я очень испугался и даже не мог засвистеть, потому что решил, что он мёртв. Но потом я увидел, что задняя дверь заколочена. Тогда я сообразил, что Игумби-сата просто устал и лёг отдохнуть. Ещё я услышал детский плач во дворе, очень удивился и побежал посмотреть, кто там плачет.

У раскидистого обгорелого баобаба сидела побитая Амака. Она качала моего новорождённого сына, а Убулембу-адс насвистывал колыбельную. Мне стало так радостно на душе, что заурчало в животе. Как же ещё мужчина может сообщить о своей радости, кроме урчания животом? И тогда я сделал то, что должен был сделать давно. Я сложил песню про Амаку!

Когда я опять заблужусь среди баобабов
И зомби съедят мой мозг,
Дорогу к свету укажет память
О девушке, что подставила ягодицы солнцу
И станцевала ради меня танец войны.
Я ухвачусь за ниточку света и пойду вперёд,
Но никогда не забуду и о той,
Что в порыве любовной страсти
Сорвала лепёшку с моих волос…
О, Амака! Эоф, эо-о-оф!

Примечание. Ниже – весьма вольный перевод с языка зулу некоторых имён, встречающихся в тексте. Эти имена могут нести определённый смысл. А могут и не нести…

Igumbi – хранилище;
Uhlelo – программа;

Ubulembu – сеть;
Ididi – задний проход;
Umlayezo – сообщение;
Yokufaka – запись в файл.

Наталья Адаменкова
Клоноводы

Завтра мы покинем реальный мир и, пробив в Астрале проход, схлопнемся там в две монолитные сущности: клан Недобитых в женщину, Поперечных – в мужчину. Мы не психопаты и не шизоиды, мы – расщеплённые, которым повезло найти все свои сущности благодаря Интернету. Виртуальный мир спас нас от реального безумия. Всякий, кому доводилось спорить с собой, удивляться собственным словам и поступкам, поймёт, о чём речь, и, возможно, когда-нибудь тоже найдёт все свои «я». Виртуал всем мультиличностям в помощь!

А сегодня оба семейства ждут от меня, Пандоры Недобитой, оду нашему виртуальному пристанищу и протокол событий, которые подвели нас к астральной черте. Постараюсь быть краткой, объективной и не якать, упоминая о себе в третьем лице.

* * *

Этот закрытый форум прежде назывался «Умов палата», но по требованию юзеров, усомнившихся в интеллекте некоторых форумчан, его переименовали в «Клоноводы». Без сомнения, это самый весёлый форум в Сети. Тайное сборище приколистов-затейников, шалунов и буянов. На него приглашают не троллей-клонопродавцев, а тех, кто беспечно заводит в Интернете аккаунты для каждой своей сущности и с должным уважением относится к её самобытности.

Когда мне прислали приглашение, нас было четверо. Каждый жил своей виртуальной жизнью с никнеймами, которые я до сих пор считаю удачными:

Недобитый (праведник-самоучка);

Вирш (робкий поэт);

Радистка (неутомимая баносборщица);

Пандора (запредельно чопорная особа).

Честно говоря, мы не замечали своей расчетверённости. Хотя каждая из сущностей проявлялась своими привычками, склонностями и способностями, жили мы в одном теле бесконтактно и бесконфликтно. Как потом выяснилось, за этим следил Недобитый. Он умеет разрулить что угодно, кроме своих запутанных высоких порывов.

Кстати, первым приглашение на закрытый форум получил Недобитый. Очевидно, админы форума умеют по IP не только находить в Сети расщеплённых, вылавливать весь клан, но и знают, с кого начать. Замечу, что мы регились на форуме по личным приглашениям, не подозревая о своей общности!

И ведь как ловко нас заманивали: «…на нашем форуме в течение года Вы встретите родственную душу. И не одну. В противном случае мы компенсируем ваше впустую потраченное время переводом на Ваш электронный кошелёк суммы, равной количеству минут, проведённых на форуме». Ясен пень, что каждый из нас рискнул своим временем.

Пандора считает, что админы – ушлые психиатры, стряпающие на наших заскоках диссертации для себя и для платёжеспособных неучей. Кстати, админы называют нас не расщеплёнными и даже не шизофрениками, а многовекторными. Удачное название – среди нас встречаются такие дикобразы, которые с трудом принимают все свои ощетинившиеся «векторы».

Между прочим, отлов клонов (в нашем случае – сущностей) для приписки их одному индивидууму был самым большим развлечением форума. Каждый квартал объявлялся «Сезон охоты на (имярек)», и мы всей толпой вычисляли выводок. По правилам, одна из сущностей индивидуума называлась прилагательным. Например, Летучий. Админы выставляли на кон такого форумчанина, и нам отводилась неделя, чтобы приписать к его никнейму весь выводок. Причём никогда не упоминалось, велико ли семейство. Если мы находили всех, каждому клону к нику добавлялся маркер: Дикоблудов Летучий, АртБалетка Летучая, КиберБобёр Летучий и т. д.

Охоты случались дикими до первобытного озверения. С улюлюканьем и набором банов всех степеней. Пару слов о банах: суть их была не в отлучении от охоты, а в особых требованиях. Например, забаненный обязывался дразнить подозреваемых форумчан детскими считалками или сутки выражаться новоязом Платонова. Разнообразие банов было столь замечательным, что некоторые больше охотились за штрафами, чем за сущностями жертвы.

Когда на кон поставили нашего Недобитого, остальные «векторы» были на грани шока: за сутки до травли админы сообщили каждому из нас о причастности к жертве и просили не

дёргаться. Что творилось с Виршем, Радисткой и Пандорой – не пересказать. Мы то замирали в безмолвии (самый верный признак для охотников), то впадали в ярость (идиоты). А какая была истерика, когда форумчане пропихнули к нам в группу сумрачного гота! АрхиГот, кстати, тоже упирался. Настаивал, что он сам по себе.

– В моём мраке и без вас тесно, как в могиле, – бормотал он, выдавая свой лепет за синопсис поэмы «Великое готство».

Как же нас колдобило, когда админы доказали, что АрхиГот – наш расщепленец (Пандора до сих пор называет его Отщепленцем). Радистка с Виршем открещивались от новенького с фанатизмом, достойным самой правильной религии, но форумчане заступились за страдальца и в обиду нам ставили групповой маркер не за ником (АрхиГот Недобитый), а перед – Недобитый АрхиГот. Как же это уязвляет!

Однажды наш праведник-самоучка Недобитый состряпал с Виршем и Радисткой совместную тему для АрхиГота «Ну, так и быть – будь», но неблагодарный отплатил злом за предобрейшее и в «Курилке» на весь форум заявил:

– Все эти ваши бодрые посты, угар и бессмысленное веселье портят мою замогильно-элегантную депрессию. Сгиньте в своём Свете, не загораживайте мне Мрак.

Пандора вскипела праведным гневом и тут же вломила недоумку:

– Ужо сгинь в своей придурковатости, пока не послали ещё дальше.

Но админы продолжали давить на нас, требуя признать горемыку, и грозили пытками супервиртуальными. Приведу малый отрывок из дурной перебранки.

Пандора Недобитая. С трудом, уважаемые нами админы! Ваши опыты над живыми клонами копируются из базы данных сатанистов? Чем вызван этот приступ клонофобии?

Админ. И что? Восстание клонов? Быстро подобрали сопли и схоронились в аккаунтах. Кыш, поцоканные!

Радистка Недобитая. Не поцоканные, а Недобитые. Похоже, в Гестапо-Админской очередное остервенение.

Админ. Недобитые гонят? Ещё вяк, и неделю все Недобитки

будут учить Барто. Не злите, Чуковского вам в глотку!

Вирш Недобитый.

О, как наморщилось чело над округлёнными глазами.
С администраторской хулы поник. Печальными ушами
Пытаюсь вникнуть в спора суть.
Боюсь, опять мне не уснуть.

Админ. Я – Админ!!! Всё!! Уясните и пшли спать!

Недобитый (праведник-самоучка). Господа, пожалуйста, тише – ночь на дворе!

Админ (с рёвом перевозбуждённого орангутана). СПАТЬ!!! Завтра кину баны. Да не останется бунт сих зарвавшихся упырков без тщательной публичной порки!

Примерно в такой зацеп с админами и вклинились Поперечные. Самая маленькая группа, зато наследить могли в любой теме с перебором. Поперечный был таким поперечным, что его даже свои частенько держали на поводке. Самый невероятный в их семействе – Звездоплёт, но о нём позже. Сначала расскажу о Карябеде, личности исключительного сопереживательного потенциала. Именно она и затянула Поперечных в Недобито-Админский конфликт.

Если придерживаться фактов, то первым в стычку влез именно Поперечный. Вопреки нику, он решил запараллелиться с админами и накатил на нашу Радистку. То-то был праздник энергетической словесности! Админам только и оставалось, что чуть подплёскивать водички в кипящее масло. Как Радистка пузырилась! А сколько всего из Поперечного вытекло, и всё с суровым духом… Процитирую только из печатного.

Поперечный. …эти охалюги не смогли тебя обидеть? Ничё, споёмся в личке и вместе надругаемся! Кровушкой полакомимся…

Радистка Недобитая. По-пустому вожделеешь. Сначала клыки имплантируй, а потом под вампирёнка коси.

Поперечный. Вижу, тёртая тролльчиха. Нервы под шкуркой

упакованы в бронесалфетки. Да, такие дохнут неохотно…

Радистка Недобитая. Порой в результате клонирования появляется гадозло, неприятное ни мне, ни Всевышнему.

Поперечный. …ненавижу это выспренное ничтожество и то, как она надо мной доминирует.

Радистка Недобитая. Уймись, беззастенчивое животное!

И Радистке Недобитой и Поперечному в тот месяц отвалили дюжину самых редких банов. К каждому бану форумчане прицепили по три состава «уважух». На том бы побоище и закончилось, но Поперечного перечило. Поперёк всего форума попёр, продолжая изгаляться над нами, Недобитыми. Вот тут и вышла на сцену Карябеда. Сначала косвенно, через форумные стенания одногруппника.

Поперечный. …ладно про меня в личке Звездоплёту накарябедила, а сколько ещё наплела Админу! Звездоплёт, ты у нас почти шаман, образумь сеструху.

Радистка Недобитая. Как это Поперечное Зло чужую личку запеленговало? Админы, вы слили?

Админ. Наивная клонота! До сих пор не поняли, кто в вашей личке швыряется? (Рыдаю от умиления.)

Звездоплёт Поперечный. Да, Карябеда описала мне некоторые моменты твоей дискуссии. А известно ли тебе, Поперечный мой брат, что ты до сих пор на форуме только из Её Великодушия?

Радистка Недобитая. Нефиг с ним цацкаться. В Чёрный Список его. Будет умолять, ноги целовать – отпрыгивайте. Ату его!

Поперечный. Всех в ЧС сгною!

И пока все изгалялись, случилось нереальное – наш праведник-самоучка Недобитый влюбился в Карябеду Поперечную. Кому знакомо это чувство хотя бы в теории, подтвердит, насколько оно утомительное. Даже у Недобитого любовная лихорадка напоминала водопроводный кран с изношенной прокладкой, который трясётся и воет одновременно. Больше всех его жалел Вирш. Стихи ему свои недописанные

подсовывал, словам подходящим учил: страсть-напасть, люблю-убью, женюсь-напьюсь…

Пандора с Радисткой тоже сочувствовали бедолаге. Личка у них раздулась, как нелеченый нарыв. Додумались до того, чтобы с тыла к Карябеде Поперечной зайти и засыпать её клонобрата Звездоплёта Поперечного просьбами и проектами.

Звездоплёт долго не понимал, что от него хотят, а когда въехал, открыл на форуме тему «Нравственность – залог свободы воли фертильного клона». В его постах, вместивших половину терминов из философского словаря, было много интересных для Пандоры идей. Она, наконец, встретила в Сети равного себе ханжу-зануду и с высоты своей закостенелой морали… плюхнулась в подростковую влюблённость. Да-да, Пандора Недобитая влюбилась в Звездоплёта Поперечного!

Один сумасшедший клон в группе – это тяжко. Два – невыносимо. Вот когда наш Недобитый АрхиГот оторжался до икоты. Сколько грязных намёков встроил в синопсис своего «Великого готства». Админы тоже хороши – забанили придурка лексиконом девяти заповедей. И пошла потеха нешуточная, святотатство немереное. Кто бы мог подумать, что с выражениями «Аз есмь Господь Бог твой…», «Не сотвори себе кумира и всякаго подобия…», «Не прелюбы сотвори…» можно сотворить такие многосмысленности?

Бедная Карябеда Поперечная от такого разнузданного веселья омрачилась до помутнения и белым лебедем приплыла в личный кабинет страдальца Недобитого, чтобы заверить его в большом сочувствии к его помешательству. Недобитый был тронут. Он и до того был сильно тронутый, а тут совсем съехал и объявил о виртуальной помолвке, пригласив на обряд ПсиПастора из семейства Обращённых.

Ну, нет! Одно дело – заигрывать с чужими клонами, смайликами их нравственность подтачивать, и совсем другое – в семью тащить. На что нам лишние сущности? Будут по нашим аккаунтам шаркать, в личке ковыряться… Нет! Нет!! Нет!!! Пришлось собирать семейный совет. Ради такого горя и АрхиГота кликнули, дабы мрачную атмосферу замутил.

Обычно такие разборки заканчиваются внутрисемейным бойкотом провинившегося, но Недобитый был нашим абсолютным авторитетом. Ум, честь и совесть группы. Знамя на ветру суровой виртуальщины. Щит и меч. Ну не устоит семья

клонов в виртуале без праведника, пусть и влюблённого. Даже АрхиГот это понял и живенько вписался в хоровой плач с всхлипыванием и причитаниями.

– Прощай, братец Недобитый, – затянули мы поминальную.

– На кого ты нас? Ты там, а мы здесь… – писклявым дискантом подхватил АрхиГот.

Без паузы пошёл бас Пандоры:

– Да на кой, да на кой осиротинил клонострой?

Ну и Вирш, конечно, со своими предъявами встрял:

О, если б ты сосредоточился на мне,
Какое счастье мы б с тобою разделили!
Но ты из-за кого попало утонул в тоске.
И что нам делать? Пригасить твоим же виртуалом?

АрхиГот адским бэк-вокалом едва не сорвал наше горе. Пришлось цыкнуть на него. Как-никак в это время Вирш рожал первый куплет «Выпиральной рапсодии». Тут надобно особое настроение…

Плачь не плачь, а решение принимать надо. Единоклонно. И тут всё с ног на голову поставила Пандора, второй влюблённый клон.

– Давайте всё-таки объединимся с Поперечными, – предложила она.

Все замерли в недоумении. Первым очнулся молодняк.

– Радистка Поперечно-Недобитая. Как мне с таким ником в Виртуал выходить?

– Поперечно-Недобитый АрхиГот? Я же от смеха сдохну прямо в замогильно-элегантной депрессии.

Даже отуманенный своим творчеством Вирш усомнился в ясности сознания Пандоры:

О, как наивна ты, сестра,
В своём стремлении к братанию!
Непробиваема стена
Межклонового существования.

Но Пандора не сдавалась:

– Невозможность таких явлений вбита в нас на глубинном уровне с тяжёлых восьмибитных лет и постоянно перезагружается вместе с новым Виртуалом. Природа реальности и виртуальности совсем не такая, как кажется. Звездоплёт Поперечный знает, как

одно сливается с другим, чтобы зародить третье.

– Да ну? – не преминул опошлить чужую эрудицию Недобитый АрхиГот.

Но Пандора не обратила на него внимания и со страстью продолжала источать безумие:

– В мире, где алчность и апатия клонов более не рулят, где всем управляет любовь, понятие дискретных групп становится бессмысленным, и прекрасные чувства могут спаять души в единый конгломерат…

– Он и тебе это отморзянил? – мрачно, как братишка АрхиГот, спросила Радистка.

И тут открылось страшное: Звездоплёт Поперечный своими псевдонаучными путами-путаницами оплёл обеих Недобитых. С неподражаемой яростью обманутых в лучших чувствах дам они выкатили на общее обозрение Звездоплётные заморы, щедро пропитанные тонкими комплиментами и туманными планами.

Плакали все: АрхиГот по имиджу; Вирш от поэтического вихря, который едва не вынес ему мозг; дамы Недобитые от разочарования. Не плакал только Недобитый. Он внимательно читал вскрытую личку – изучал теорию Звездоплёта.

– Посмотрите, как интересно он пишет, – обратился Недобитый к своей зарёванной группе. – «Ничто не статично, всё меняется в наших мирах, и это хорошо! Несомненно, когда-нибудь у нас появится шанс, и мы найдём в Универсуме мир, который для всех окажется идеальным, и проникнем в него. В этом мире мы станем Единым и Могущественным Целым. Чтобы это случилось завтра, надо сегодня объединить усилия, приложить все свои таланты. И однажды обязательно случится то, что сейчас кажется чудом».

– Суровый бред, – всхлипнула мстительная Радистка. – Интересно, как он его пеленгует?

– Слушайте дальше: «Во многих древних мифах мёртвые переходили в мир иной по мосту, возведённому Богами. Перемещение между мирами возможно. Мост находится у нас в голове. Даже не мост, а шлагбаум. Чтобы его поднять, нужно иметь энергию, волю и немного сумасшествия».

С этим, в кои-то веки, согласились все Недобитые:

– С сумасшествием проблем не будет.

Но праведник-самоучка не обратил внимания на групповой сарказм. Потрясённый перспективой, он повёл своих клонов на битву за новый мир. Высокие страсти, которые бурлили в

Радистке, Пандоре и Недобитом, начали сублимироваться в достижения столь удивительные, что одно упоминание о них сместит акценты этой истории с жанра виртуальной драмы на прагматическую эзотерику.

Первое время Звездоплёт Поперечный не мог поверить в свою удачу. Он частенько пробирался в личный кабинет кого-то из Недобитых и пускал слезу:

– Меня вообще мало кто понимает. Даже мои братья-сёстры всегда тупят, когда я делюсь с ними планами освоения миров. Личная жизнь тоже отнимает силы, время и разум. Если бы мы не только осознали свою Божественную Многомерность, но и знали, как строить Астральный Мост, наши проблемы были бы решены. А без этого цель всей жизни теряется в частых колебаниях высоких ощущений. Кажется, что явился в мир исключительно для коллекции разочарований. В отместку разочаровываешься во Вселенной. Всё, конец… И тут приходят Недобитые и предлагают свою Недобитую помощь. Я в шоке!

Полгода мы сообща работали над проектом по попаданству в лучший мир. Откровенно говоря, верили в него только… Да, наверное, никто не верил. Просто Недобитый хотел любой ценой быть ближе к Карябеде Поперечной, а группа подыграла своим нереальным энтузиазмом, чтобы отбиться от кровожадных форумчан. У них уже конкурс эпитафий Недобитому был в разгаре, «Угадайку» запостили, кто из Недобитков следующий откинется, а тут такой облом – мы не только не распались, а напротив, с Поперечными законнектились.

Звездоплёт Поперечный с нашим Недобитым нагрузили всех прикладными задачами: Радистку Недобитую сосредоточили на энергии эфирной среды; Пандоре Недобитой достался Астрал; Карябеда Поперечная изучала голографию; Поперечному и Виршу Недобитому поручили вопросы схлопывания дублей в единый энергообъект. АрхиГоту досталась вакансия лазутчика – его посылали в места столь отдалённые, что ни Макар, ни его телята о них и не слыхали.

Это было прекрасное время. Мы даже троллей не замечали, которые плясали в наших постах, как на подростковой дискотеке. Можно было вечность провести в удивительных духовных путешествиях, но однажды на виртуальной планёрке наш рулевой Звездоплёт Поперечный сказал:

– Ура нам! Мир, достойный нас, найден. Из него только что

вышибли АрхиГота. Поодиночке нам в него не проникнуть, толпой тоже не получится…

– Ну?

– Удача сопутствует тем, кто действует. Будем строить Мост!

Несмотря на полугодовое групповое помешательство, побратавшиеся клоны восприняли предложение критически. Из всей критики только пара реплик была печатной.

Карябеда Поперечная. Мальчики, если у вас чешутся… э-э-э… руки, мы, конечно, отыщем гвоздики, но, может, вы сами одумаетесь?

Радистка Недобитая. Ладно, мост не построим, зато сваи пригодятся.

Остальные Поперечно-Недобитые выразили своё мнение грубо, с переходом на личности. Звездоплёт досчитал до ста и спокойно объяснил:

– Кретины! При первой же вакансии мы устроимся в Галактический МостоСтрой. Будем строить мосты между мирами как гастарбайтеры и в подходящий момент сбежим в наш новый мир. Запомните: ни одно желание не даётся нам отдельно от силы для его воплощения.

Звездоплёт Поперечный думал, что всё объяснил, но по диким замечаниям оппонентов догадался, как жестоко ошибся. В последовавшей перебранке уже не было приемлемых для упоминания выражений. Первая разумная фраза принадлежала Недобитому:

– Заткнулись все!

Праведник-самоучка выдержал дисциплинарную паузу и начал вбивать в головы клонородни подробности:

– Всё появляется в Реале и Виртуале лишь потому, что мы верим во что-то. С Астральным Мостом та же схема. В нужный нам час Мост вклеится в наш мир. Вселенная перекроит себя согласно нашим представлениям о том, что реально. От нас потребуются только ответственность, безупречность, целеустремлённость, воля, намерение, терпение, аскетизм и отказ от конфликтов.

Звездоплёт Поперечный опешил.

– Смотри, как всё просто. А я думал, нам придётся вкалывать в МежГалМостоСтрое.

Первым сорвался Поперечный:

– Да в корягу твою корягу! Ты ж нас чуть на рабство не подписал!

– Забой по тебе который год скучает, – подколола его Радистка Недобитая.

И снова все перешли на уже почти семейный сленг. На этот раз к порядку призывала Пандора. Она почти простила Звездоплёта Поперечного за любовное многоклонство, и её помятые чувства стали расправляться и снова набирать силу.

– Цыц, убогие! Лёгкие пути ведут к незначительным свершениям. Звездоплётушко, не робей, тюкни им по башке топографией Мультиверсума!

Ободрённый энциклопедист, почуяв близкое прощение, воспарил к самым туманным гипотезам.

– Братья и сёстры, – начал он пафосно, – наш трёхмерный мир – это иллюзия. Мультиверсум – это многомерная иллюзия. Чтобы путешествовать в Мультиверсуме, надо отделиться от текущей среды, найдя состояние беспристрастности. Для этого мы можем использовать свою многовекторность. Слившись в единую сущность, наши векторы уравновесятся и мы сможем запрыгнуть на Мост. В конце концов Вселенная – это энергия. Сущности с большим уровнем энергии – творцы, способные реализовать самые сумасшедшие идеи.

Но дамы воспротивились амбициозным планам.

– Чтобы я с Поперечным в одном КлоноКонгломерате?! – поперхнулась Радистка Недобитая.

– Одно дело дружить семьями, делиться соплями и планами, и совсем другое – превратиться в могущественное, но очень одинокое существо… – вздохнула Карябеда Поперечная, освоившая недавно несколько новых видов вздохов при встречах с Недобитым.

Пандора Недобитая промолчала, но её молчание было достаточно неодобрительным.

Чтобы сбить критический настрой, Звездоплёт Поперечный стал спрашивать с каждого клона отчёт о порученных исследованиях. Оказалось, все отнеслись к своим заданиям с похвальным тщанием. Радистка узнала об эфирной среде столько, что за эфирную энергию можно было не беспокоиться. Пандора освоила оптимальные Астральные техники. Карябеда проникласъ голографическим устройством мира столь глубоко, что легко

находила места телепортации даже в Виртуале. Но больше всех удивили Поперечный с Виршем: демонстрируя свои успехи в схлопывании дублей, они едва не слиплись в неразрывный объект. Вот это была бы диверсия!

Ободрённые успехами, единоклонно решили, что перед Переходом надо схлопнуться в первоначальных индивидуумов – Недобитые в женщину, а Поперечные в мужчину – и уже двумя сущностями телепортироваться на Мост. Честно говоря, встреча с мужчиной, расщеплённым ныне на тройку Поперечных, кажется рискованной. Сами знаете, что такое интернет-знакомства: на авке голый Джонни Депп, а в Реале может оказаться дед, в котором из прекрасного только шов от удалённого аппендикса.

Тут и Недобитым можно попенять – наши авки и близко не похожи на ту женщину, от вида которой я, глядя по утрам в зеркало, вздрагиваю. Думаю, импозантность владельца Поперечных тоже сомнительна. Увы, красавцы в Сети не виснут, они околачиваются в Реале. Ладно, прорвёмся. Только бы в Астрал нырнуть, а там, по заверению Пандоры, всё зависит от красоты души. Тут Недобитые уповают на своего праведника-самоучку.

Накануне нашего Перехода админы бесцеремонно обнародовали протоколы со сборищ Поперечно-Недобитых в отдельной теме «Улётные Попер-Недобитки». Вскрыли и личную переписку. Из неё все клоноводы, наконец, узнали, что Вирш писал и трогательные стихи:

> И всё-таки жаль, что аккаунт мой осиротеет,
> В электронном Ничто утонув, виртуальном насквозь.
> И всё-таки жаль, что потери никто не заметит,
> Не оставит свой смайлик «Как же нам с тобой повезло».

Самым личным в теме было письмо Радистки Недобитой.

«Милый Звездоплёт! Я встретила Вашу группу слишком поздно. Поздно даже для виртуального мира. Но чем старше я становлюсь, тем моложе и бесшабашнее себя ощущаю. Раньше, бывало, пошлёшь кого-нибудь сгоряча и переживаешь потом – дошёл, не дошёл. А ныне, когда мои безответные чувства к Вам так крепки, нет уже былого беспокойства. Всё легко, всё светло, всё в предвкушении…

…

Какое счастье, что Вы есть в этом мире. Нашлись сами и нашли способ для нашего Перехода в подходящий для всех мир. Полгода я, шаг за шагом, следовала за Вами, и каждый мой шаг был шагом именно к Вам и к Мосту, который нам предстоит перейти, чтобы встретиться уже навсегда. Надеюсь, что всё случится так, как Вы задумали, и ожидание встречи с Вами не станет слишком долгим».

И фрагменты ответа Звездоплёта Поперечного:

«Милая Радистка! Вы так многомерны! Вы – драгоценность со многими гранями. Увы, боюсь, что я не лучший вариант для столь удивительной души, коей Вы станете после схлопывания в Единую индивидуальность…»

Как говорится, сумасшедшая любовь проходит быстро, а любовь двух (или пяти?) сумасшедших – никогда! Было, конечно, страшно ждать реакции форумчан на наши чудачества, но, вопреки ожиданиям, все промолчали. Тогда админы зашли с другой стороны и открыли переписку самых свирепых троллей форума – Виртуоза Незатейливого, Пучеглазки Радужной, Домоводкина Шалашного и Вертопрашкина Могучего. Оказалось, что наша Поперечно-Недобитая история довела их до самозабанивания в «Девять заповедей блаженства» и сподвигла на конкурс прощальных смайликов. Представляю, какие у жёлтых колобков будут подписи.

Завтра, перед тем как Астрал сформирует для нас проход, мы схлопнемся в две цельные сущности: Недобитые в женщину (праведник-самоучка принёс себя в жертву коллективному; АрхиГот признался, что у него с рождения бабский характер; Вирша тоже всерьёз за мужика никто не держал), а Поперечные – в мужчину (дух Карябеды сделает его стойким и мужественным). Если ничего не получится, вернёмся на форум «Клоноводов» для новых забав.

И всё-таки пожелайте нам удачи в новых мирах.

Анна Дербенёва
Мередит

Почтовый ящик пикнул дважды.

Киборг в чёрной броне позволил отсканировать сетчатку правого глаза и забрал из приёмника небольшую бандероль. Она приятно оттягивала руку, край мягкого пластика разъехался от рывка, и показалось содержимое – небольшая, в тёмных нашлёпках модулей памяти, тусклая призма. Она гудела и едва светилась голубоватым в режиме энергосбережения, отражаясь лёгкими мазками в бесцветных радужках нового хозяина. Но вдруг чёрная фигура дрогнула – мерный фоновый звук гудения серверной позади странным образом переродился в сотни тихих человеческих голосов. Они хрипели, звали, просили: за пару мгновений эти голоса приблизились, словно выкрутили на максимум звук, преподнося дикое многоголосье инъекцией безумия. Какофония нарастала, и оттого голубая призма мелко задрожала в оплетённых металлом пальцах, скрипнули плотно сжатые зубы, а воздух со свистом вошёл в органические лёгкие – в это самое мгновение страшный гомон стих, погас, словно пламя свечи на ветру. Киборг моргнул и медленно, с лёгкими щелчками распрямил спину. Грубые сегменты позвоночника, лаконичный силуэт и устаревшие детали вроде разъёмов-эполетов на плечах – на первый взгляд всё говорило о том, что создавали тело как попало. Тем более инородным смотрелся логотип «Хейвы» – весёленький рисуночек округлыми серыми буквами по голубому полю. Хорошо, что у этой корпорации не было особых проблем как с толерантностью, так и с нездоровым консерватизмом сотрудников.

Что же до хакеров с Вересковых пустошей – вот кого хлебом не корми, а дай повыпендриваться с домашним софтом сотрудников корпорации, но такие фокусы даром не проходят – опасно. Ведь запись с кричащими людьми нетрудно опознать. Их голоса слышали все в городе, до последнего бездомного. То были крики толпы пикетчиков из Чанотты, заглушённые временем и подчищенные СМИ в официальных сводках. В самую обычную среду упал всего один сервер – Латинского гетто, и без воздушных фильтров задохнулась половина населения трущоб. Их доставали из клетушек, как в лучших домах Парижа извлекают из раковин эскарго – быстро, точно, профессионально. И молча. Тела в мешки, дела – в архивы, пара слов с дежурным сочувствием в утренних новостях. Полиция сдержала пикеты, да

только слухами земля полнится.

Мой дом – моя крепость.

Красивое предание.

Родные стены помогают, лишь пока в них можно полноценно жить. В смоговых же райончиках типа Песчаника, Латинского гетто и Вересковых пустошей – держи карман шире, ты полностью зависишь от фильтров, а точнее – их контроль-программ. Правительство знает о перенаселении и оттого не против скинуть на обочину пару-тройку сотен тел. Кого волнует больная, вырождающаяся порода истощённых наркоманов и раковых больных.

Киборг нажал кнопку на призме – запустилась программа активации фильтров очистки воздуха, и зашагал в домашнюю серверную. Под аккомпанемент лёгкого гула нашёл скрытую нишу в стеновой панели, откинул тонкую заглушку и вставил призму в пирамидальный слот. Призма загудела, ощетинилась жёсткими усиками контактов и подсоединилась к основной системе квартиры. За полупрозрачной, как слюда, панелью управления, тронулось и завертелось белое светодиодное колёсико: «жизнь» активирована. Отфильтрованного за день воздуха как раз хватит лёгким на ночь.

Киборг запросил с домофона транспорт, и через пять минут корпоративный аэрокар «Хейвы» сигналил на чип. Деловито нацепив плотную маску, хозяин дома шагнул из квартиры – и тут же рванула маслянистая вспышка: окуляры его респиратора залепила густая зелёная краска.

– Какого хрена, – ослепший киборг с глухим стуком привалился к стене, но быстро пришёл в себя, выставив руки в стороны и отпрыгивая по памяти в ближайший угол.

Сенсоры молчали – шутников рядом не наблюдалось. Скорее всего, «бомбочку» подвесили у его двери заранее, ещё ночью. Даже интересно, дистанционка или программа с таймером.

– Чёртовы мелкие придурки. Погодите, не долго вам ждать.

Придурки – потому что глупо нарываться на служащего корпорации, которая даёт тебе воздух, а мелкие, потому что других в Братстве Наследников Природы, чей фирменный цвет для идиотских выходок неизменно зелёный, кажется, не водилось. Идеалисты хреновы. Всем крышу посносило после недавнего доклада учёных о природных ресурсах.

Кое-как стерев с респиратора краску, киборг в прескверном настроении швырнул перчатки в мусороприёмник и распахнул дверь подъезда. Ладонь сжимала рукоять тазера в поясной кобуре – на всякий случай. Телеметрия молчала. Никакой жизни в радиусе километра.

Беспилотный аэрокар висел на уровне колен, покачиваясь на ветру, но тут же услужливо накренился в его сторону. По округлым бокам машины тёк подгоняемый ветром песок, и вокруг желтел тот же песок, и некоторые дома были занесены им до самых окон первых этажей. Когда-то Песчаник был живым, но его давно покинула большая часть жителей, и осталась здесь лишь совсем отчаянная публика, какую не испугает унылая действительность. Скелеты домов, помутневшие стёкла, торчащая из вездесущих жёлтых песков арматура. Каждый год пустыня двигалась на пару километров в стороны, росла, как лишай, пугливо обходя мегаполис заброшенными федеральными трассами с опустевшими посёлками, размазанными по обочинам.

А ведь с полчаса езды – и контраст налицо: районы за нумерованными силовыми стенами всё лучше, население всё разнообразнее: навстречу холодному весеннему утру, по мытому асфальту мостовых люди в крахмальных рубашках спешат в метро, глотают бодрящий кофе из «грелок», а над их головами проносится, как Дикая Охота, тысяча конкурирующих голографических реклам. На клумбе, раскинув конечности, дремлет торчок, а чуть поодаль бабуля в соломенной шляпе и с золотистым ретривером на поводке кормит стаю ослепительно белых голубей у самого края бетонированных берегов океанского залива.

Киборг устроился поудобнее в мягком кресле, тщательно пристегнул ремни безопасности, в то время как его мозг спокойно регистрировал понижение температуры и постепенное отведение сознания. Глаза закатились, губы сомкнулись в одну линию. Напряжение перешло в спокойствие, состояние полёта вихрило потоки мыслей. Услужливый аэрокар пропищал, что впереди пробка. А это значило – время есть.

Город за окнами неуловимо менялся в обратную сторону.

Вот Латинское гетто – там женщины в пёстрых одеждах поливали грядки скудной зелени на подоконниках с облупившейся краской, а мужчины торговали овощами, наркотой и безделицами для туристов.

Следующий квартал ещё меньше и беднее латинского. Здесь мусор валялся на улицах, тощие кошки шныряли в подвалы вслед за мутировавшими крысами. Вот знакомая, цвета терракоты, дверь с грязными ругательствами в виде граффити новомодным шрифтом, за ней – обшарпанный подъезд с мигающей лампочкой – словно эпилептический стробоскоп. Это – его дом. А вот и он.

Док распахнул терракотовую дверь и, вдохнув поглубже холодного утреннего воздуха, трусцой побежал вдоль берега

залива, сразу заворачивая в парк. В наушниках пульсировал ритмичный бит, кровь разгонялась, кроссовки мигом намокли от росы.

Заросший участок парка встретил его солнцем и цветущим розовым садом, оплетённым хмелем и плющом. Там, на скамейке, всегда сидела девочка лет десяти-одиннадцати, точь-в-точь пасторальная картинка с открытки позапрошлого века. Она сидела всегда очень прямо и всегда спиной к дороге. Ему было интересно, кого она ждёт каждое утро, но подойти он ни разу не решился.

Подумав, что на всё должны быть свои причины, он добежал до фонарей у порта и вернулся к себе. Быстрый душ, хрусткая свежая рубашка – пора на работу.

Что ни говори, а не та это была работа, о которой мечтают всю жизнь. Но пока что надо перебиться, перетерпеть и отдать долг Марку – старое обещание, он и сам забыл. Зато старый дружище Марк не поскупился и выделил ему почти настоящую секретаршу. Девчонка, правда, тот ещё фрукт, но работала по нынешним временам бесплатно. В противовес достоинствам – была эдакой милой растяпой – то бумаги забудет отправить, то даты спутает. Но больше всего бесило то, что она не могла запомнить нужное количество сахара в его кофе. Каждый день, честное слово. Он бухнул портфель на стол в негодовании.

– Доброе утро, Док, – секретарша возникла на пороге, легка на помине. Откашлявшись, поправила на носу очки в тонкой оправе. – Прекрасно выглядите.

«А вы не очень», – подумал он.

Под её глазами залегли тени. Он мало знал о её личной жизни, но оставалось лишь надеяться, что рано или поздно Мередит образумится, слезет с просмотра ночных программ и станет хоть немного веселее. Словно аккомпанемент его мыслям, из коридора донёсся смех девушек из конторки по соседству.

– Где Марк? – Док нахмурился в планшет и отхлебнул горький кофе. – Подтвердил встречу с инвестором?

Мередит поджала губы, опуская взгляд.

– Понятно. Опять по своим делам шумит, а фирма – побоку.

– Он попросил взглянуть на последнюю версию программы, сказал, вы гениально решили предыдущую задачу…

Ещё бы.

– Дружба нынче дорогого стоит, – покачал он головой и ослабил узел на галстуке. – Что уж, поглядим.

– Встреча в два, – секретарша шмыгнула за дверь, всхлипнув невпопад.

– Ну ты чего, – пробасил из коридора Марк, лёгок на

помине. – Успокойся, милашка, ну.

Марк толкнул дверь и вошёл без спроса. Крупный, как и Док, только седой, весь в шрамах и на правом глазу повязка. В его ручище белела крошечная флешка с ключом от программы, и было ясно – больше сейчас его ничто не интересует.

– Эй, дружище, – ощерился Марк, – ты будешь в восторге.

Насчёт восторга он малость преувеличил – они разошлись затемно, когда глаза уже болели, а в голове гуляло перекати-поле.

Роясь в кармане в поисках сигарет, Док захлопнул кабинет и в темноте коридора заметил Мередит – прислонившись к дальнему окну, девушка курила у стены. Её лицо белело в полутьме, словно маска.

Будильник затрезвонил бесцеремонно и резко.

Док надел спортивный костюм и выбежал из дома. Утренний бег упорядочивал мысли, настраивал на день. По дороге он купил бутылку воды в палатке старого китайца. И лишь отбежав, сообразил, что ему не выдали сдачу. Развернувшись к палатке, Док замер: она исчезла.

Голуби расхаживали по дорожкам, в вышине гремело и накрапывал дождь. Заброшенный сад встретил его тишиной, а на скамье по-прежнему сидела девочка. Когда он невольно замедлил шаг в раздумьях о её судьбе, она посмотрела на него. Развернулась всем корпусом и, кажется, даже улыбнулась. От этого взгляда его словно прострелил статический разряд: он знал это лицо. В замешательстве он попятился, буркнул:

– Простите, – и был таков.

Девочка наблюдала его бегство спокойно, а затем отвернулась.

В офис он явился в самом ужасном настроении из возможных.

– Мередит, кофе, – бросил с порога.

– Да, сэр.

– Закажите ещё карт для голографа, сколько можно напоминать?

– Зачем вам они? Это ведь устаревшая модель. Не лучше ли перепрограммировать имеющиеся? Корпорация «Хейва» разработала код альтернативного сознания. Я читала – там даже не нужен проектор, обычные очки суперреальности подойдут, а код вполне можно обойти…

– Не мельтешите, пожалуйста. Вы далеки от всего этого, Мередит. И потом, «Хейва» – жалкая кучка энтузиастов, фриков из золотой молодёжи, а никакая не корпорация. Сварите-ка лучше кофе да послаще.

– Да, сэр, – девушка понурилась, – извините.

Принесла кофе, звякнула блюдцем о столешницу. Напиток оказался на редкость отвратительным, но Док устыдился за свой тон:

– Простите мою резкость. Я был неправ. А что до этих новых гаджетов… Мне больше по нраву система Кё – она лаконична, и потом такое чувство, что ты вставляешь сердце в единый организм, вдыхаешь жизнь нажатием пары клавиш. Понимаете?

– Понимаю, – ответила тихо.

– Скажите, какой из дорог вы ходите домой?

Глаза её прояснились, брови съехались домиком.

– Той, что у железнодорожной станции.

– Жаль. Вдоль залива, если замечали, есть небольшой парк. В старые времена туда частенько приезжали бродячие цирки. Вы бывали там?

– Да, сэр, в детстве.

– Ваши родители молодцы.

– Им не было до меня особого дела… А мать и вовсе умерла, когда мне не исполнилось и пяти. Я гуляла с няней.

Воцарилось неловкое молчание.

– Но, разумеется, я знаю тот парк, – быстро сказала секретарша.

– Так вот, что странно, – подхватил он, – есть некая юная особа.

– Вы потеряли её телефон? – В руках помощницы возникла пухлая визитница. – Пробить её по видеосводкам?

– Нет, что вы, – расхохотался Док. – Это всего лишь ребёнок. Может, видели девочку на скамейке у развилки тропинок?

– Похоже, – неуверенно скосила глаза секретарша, – я видела её, но…

– Ступайте, – улыбнулся он. – И быть может, если захотите – загляните в тот парк. Там розы и тихо.

Мередит брела к железной дороге, царапая каблуки о гравий, руку оттягивал тяжёлый портфель. Воздух был чист, комары только начинали кружить, а одинокая ворона сосредоточенно чистила клюв о рельс. Девушка долго сидела на скамейке, пока мимо не проехал её поезд. Со вздохом поднялась, и ноги сами понесли её к парку – по сочной траве, мимо свёрнутых бутонов одуванчиков. Лёгкий ветер теребил светлые волосы девочки на скамейке, развевая края вплетённых лент.

– Я думала, ты уж не придёшь, – сказала девочка. И обернулась.

– Прости, – Мередит аккуратно присела на другой край скамьи, водрузив портфель между ними. Девочка надула губки и

вздохнула:

– А можно к тебе поближе?

Ответом было нервное пожатие плечами. Девочка зашагала вдоль скамейки, невесомо ступая по траве, и, встав позади чуть дрожащей гостьи, повисла на её плече.

Мередит рассеянно погладила девочку по волосам.

Где-то кричала чайка, а вверх от линии горизонта расцветал закат.

– Снова будет дождь, – вздохнула девочка, зевнув, – каждый день мокро.

– Это плохо?

– Мне просто надоело ждать. Что я делаю не так? Залив спокоен, чудовище, что прилетало вчера, я убила, – девочка уселась рядом и положила голову на колени гостьи.

– Ты молодец, – похвалила Мередит. – Подожди немного.

Девочка уснула. Мередит аккуратно уложила её на лавку. Ветер стих, птицы угомонились. Резкая высокая трель звонка вывела её из оцепенения. Мередит выудила из портфеля назойливый телефон.

«Отделение первой ступени», – говорил экран.

Портфель упал в траву.

«Уже?»

Экран вспыхнул снова, подсветил лицо голубым, сообщая:

«TDRem_U_4»

Весь день и вечер Док только и делал, что работал над программой в шлеме суперреальности. Решение казалось простым, но нечто важное постоянно уходило вдаль, как мираж. Чёртова программа выжимала все соки, а сам он давно проклял день, когда подписался на это. Душно, тяжело. Он сбросил шлем, как раб сбрасывает оковы, и вздохнул с облегчением.

Когда-нибудь он оставит эти хакерские штучки со взломами кодов фантастических корпораций будущего и придумает что-нибудь полезное и нужное. Например, автономные дома со своим воздухом – из-за ухудшающейся экологии бедных регионов это куда важнее.

Нужно было отвлечься и дать отдохнуть глазам. Док подошёл к окну и заметил в подставке для зонтов старую газету с обтрёпанными от времени краями.

Он уселся на диванчик и раскрыл находку сразу посередине, – так он и будет проводить заслуженный отпуск у

моря, только пальмы бы ещё вокруг…

Док вдруг почувствовал сухость во рту и неверяще уставился в верхний правый угол тонкого листа. Газета была от сего дня. Так и есть. Вот взяли чиновника на взятке, вот актёру вручили Оскара, а королева посетила приют для бездомных.

Он медленно подошёл к двери и прохрипел:

– Мередит, принесите кофе.

Принесла.

– И вот ещё что – отмените мои встречи на сегодня.

Наверное, он приболел. Переутомление, да и немудрено.

Он достал из пачки сигарету и постучал ею по столу.

– И с Марком? – кажется, девушка почти заикалась.

– А что с Марком? – Док удивлённо приподнял густую бровь.

– Но ведь ваша встреча была в приоритете…

– Послушайте, сегодня мне нужно побыть одному. Имею право, в конце концов?

Бледная как полотно, Мередит вышла, не обращая внимание на непрестанно звонящий телефон в кармане.

– Чтоб тебя, – повторяла она, – чтоб тебя, Марк.

Всё же было хорошо.

Он звал её, но Мередит исчезла. Док отключил компьютер и вышел в приёмную. В одном из зеркал на стене он увидел своё лицо, и оно показалось ему неожиданно постаревшим. Была ли вся его жизнь бестолковой и одинаковой, как этот день? Он не помнил. Где он родился? В Монреале, кажется. А где учился?

Как фамилия Марка и кто он вообще такой?

Док полез в мини-бар и нашёл там бутылку дешёвого виски. Хватив залпом треть, он решил пройтись. В задумчивости брёл по берегу залива, стуча донышком толстого стекла о придорожные скамейки.

Девочка сидела у сада. Хоть в чём-то постоянство. Он устало опустился на корточки рядом с её скамейкой.

Пахло сиренью – сладко и холодно.

– Ты похожа на мою дочь, – язык немного заплетался. – Это единственное, что я знаю о тебе.

– Что с тобой? Почему ты несчастлив? – Девочка резко вскочила, сжав кулачки.

– Я лишь хочу знать, что происходит, – развёл он руками в пьяном жесте отчаяния.

– Тебе нравится этот город и парк. Тебе всегда было хорошо здесь!

Бутылка полетела в кусты, а Док рявкнул:

– О чём ты, чёрт побери?

Собственный надломленный голос звучал будто издалека.

Из глаз девочки брызнули слёзы, она всхлипнула и бросилась в парк.

Он было рванул за ней, но вдруг замер. Откуда-то из гаснущей ясности сознания пришла мысль: «От себя не убежишь».

– Эй! Эй, послушай! Прости, я не хотел тебя пугать!

Шлем, наверняка просто нужно снять дурацкий шлем. И как следует поспать. Всё это – голографические проекции.

Он нашарил сигареты и спички по карманам, закурил.

– Ты же одна из подпрограмм, – пробормотал он, хлопнул себя по лбу и рассмеялся. – Повсюду нестыковки, кусочки без единства мозаики. То, чего не может быть. Ты поможешь мне разобраться?

Девочка показалась на дорожке. Она выглядела здорово удивлённой.

– Так ты всё понял?

Он присел на корточки, затушил бычок о землю и зарылся рукой в жёсткие седеющие волосы.

– О да! Не бывает новых газет в старых коробках. По вторникам я всегда встречаюсь с Марком, да и Мередит всегда рядом. Знаешь, мне ведь так плохо без неё, хоть и мрачная девчонка. Когда я решу этот баг и вернусь в свою реальность, я обязательно спрошу, как тебя зовут. Идёт?

– Идёт, – просияла девочка. – И мы погуляем?

– Ты очень похожа на мою дочь, так что если твои родители не будут против, я свожу тебя в Игродом и куплю столько сахарной ваты, сколько пожелаешь!

– Хорошо! – заливисто рассмеялась девочка, запрокидывая голову.

– Вот и славно! – хлопнул он себя по бёдрам и поднялся. – А пока что у нас есть задачи. Итак, какие мы имеем исходные данные – прежде всего, проблемы с датой и временем. Пожалуй, мне стоит вернуться к себе и проверить офис на остальные «якори» вроде газеты. Это как ступеньки, понимаешь. По ним можно вернуться в реальность, если вытягивать их одну за одной. Не волнуйся, что-то мне подсказывает, что прежде такое случалось.

– Так ты в порядке? – уточнила девочка.

– В полном! – теперь уже он рассмеялся и помахал ей рукой.

Она помахала в ответ. На подушечках её пальцев светились голубые диоды, обозначая контакты суперреальности.

Нужно исправить этот баг да побыстрее.

Всё должно быть как прежде. Это бесчеловечно и отвратительно, что без своих знаний он никому не нужен – кроме Марка и Мередит. Иногда он их даже ненавидел. Только больше у

него никого не было.

Мередит сидела на краю стола и нервно курила. Худая, с короткими чёрными волосами, она была похожа на изогнувшееся агонизирующее насекомое. Длинные тонкие пальцы барабанили по лакированной столешнице.

Вошёл Марк, обмахиваясь тонким планшетом. Отрывной календарь на стене громко шелестел под кондиционером, а снаружи за окном стояла жара. Последние два лета здорово иссушили округу.

Девушка повернула голову к вошедшему.

– Ну-с, – пробасил Марк. – На чём мы остановились вчера, дорогая? Полночи баги ловил да обходил цепи антивирусов – умаялся. Может, кофейку? Я слышу божественный аромат. Значит, Док уже здесь?

– Я так больше не могу, – прошептала она одними губами. – К черту всё.

Марк осторожно приблизился и сел рядом, оседлав развёрнутый стул. Но угрожающая внешность и резкие манеры не возымели должного эффекта.

– А как же идея «одна голова хорошо, а две лучше»? – проведя лапищей от бритого затылка до массивного лба, спросил он.

– Не такая уж она и блестящая.

– Ты знаешь, в каком мы положении, девочка. Ещё никто не подходил так близко…

– О да, два психа на самом краю пропасти, Марк. А когда смотришь в бездну – бездна смотрит в тебя, – Мередит выпустила из лёгких дым резким коротким выдохом.

– Просто подумай, чего мы достигли, пока выигрывали время, Мередит. Ты хочешь остановиться? Теперь? Я же сказал, что защищу тебя, что всё тебе отдам.

– Это не вернёт прошлого.

– Прошлое на то и нужно, чтобы оставлять ошибки за спиной. Впереди наша победа. Ракета запущена, её не остановить. Но чтобы обеспечить её успешный полёт к цели, нужна слаженная работа.

– Мне страшно, Марк.

– А мне-то как. Ну-ка ступай, запусти пару хороших червей, как ты это умеешь. Мы с моим другом Доком на славу потрудились, вот увидишь. Дописали финальную программу пару дней назад, пришлось даже немного помучить его работой вхолостую.

– Одна голова хорошо, а две лучше? – Девушка улыбнулась краешком рта.

– Так точно. Смотри-ка, мы вовремя.

За окном стремительно темнело, а значит, их форк обнаружили. Шутка ли, самостоятельное ответвление киберреальности «Хейвы» жило и здравствовало, только заправляли им совсем другие хозяева. Сюрприз, ребята, ухмыльнулся Марк – пришла очередь танцевать на могилах врагов.

– Началось, – кивнул он.

Девушка затушила окурок в стеклянной пепельнице и села за компьютер, нацепляя гарнитуру с наушником.

– Отделение первой ступени прошло успешно, – улыбнулся Марк, вздёрнув подбородок. – Веселись, а я – наружу.

– Копирование почти закончено, переношу данные под основную защиту, – голос девушки чуть дрожал от адреналина.

– Обнуляй время, мы начинаем.

– Вообще-то императивные полномочия у тебя тоже есть.

– Это твоя игра.

– Разрешаешь?

– Давно пора. Разархивируй-ка мне сразу арсенал.

– Сделано. Начинаю портирование в систему «Хейвы» подпрограммы вируса, успешно. Копирование на резервные, успешно…

– Знаешь, эти мелкие хакеры будут у тебя в долгу.

– Обойдусь.

Задрожала земля, вспучивая асфальт, по домам пошли трещины, а над заливом, как безумные, носились чёрные стаи птиц. Ослепительные зигзаги молний танцевали на шпилях высотных домов.

– Гляди! – воскликнула Мередит. – Они здесь, ломают нас.

– Быстрее, если девочка хочет увидеть папочку, – Марк расправил плечи и вытащил из воздуха за рукояти два тяжёлых пулемёта.

Док не дошёл до своего подъезда считаные метры. Он сидел прямо на тротуаре, озадаченно курил и смотрел на залив. Поверхность воды была неспокойна, земля под ним дрожала, а вдалеке, кажется, падали деревья. Небо битыми пикселями осыпалось в залив. Док отчего-то знал, что сбежать не выйдет, да и бежать-то некуда – «Хейва» отняла его семью, дочь и заперла его в промозглом бункере, заставляя убивать людей заочно. С глаз словно пелена спала. Как долго он пробыл в том бункере, спрятанный под грифом «Секретно», погребённый заживо? Краски вокруг стремительно тускнели, как оплывает в костре яркий оловянный солдатик. Всё это ложь, все лгут…

Из-за угла дома показалась тощая чёрная фигура. Киборг, как чужеродный элемент, наблюдал, как к Доку подошла задумчивая

маленькая девочка в развевающемся лёгком платье.

– Малышка, – позвал он. Память возвращалась, словно заполняя один из сообщающихся сосудов, наполняла смыслом и значениями.

– Нам пора, – сказала девочка, протягивая руку со светящимися диодами на подушечках пальцев. – Пойдём со мной, папа!

– Я проводил с тобой так мало времени. Ты знаешь, моё сердце всегда с тобой.

– Знаю, – сказала девочка.

Он тряхнул шевелюрой и усмехнулся.

– Пойдём же, – девочка тянула его к заливу. – Нам пора!

– Ты знаешь, что мы такое?

– Да, мы – «отделение второй ступени».

Он протянул к ней руку и увидел, как на его пальцах разгораются такие же голубые огни. Руки сомкнулись, вода в заливе рванула вверх и застыла кварцевой стеной до чёрных небес, отгоняя хищные стаи от города.

Программы-хранители на месте. «Хейва» замучается искать дублёров по своим «универсальным» параметрам.

Киборг поджал губы, облокотился о стену и слился с ней, проваливаясь в иную реальность.

В этой, самой настоящей, реальности мотались по городу аэрокары, а небоскрёбы оккупировали белые воротнички, уродливые офисные туфли и пустые сплетенки по этажам.

В обитом деревом лифте играла лёгкая музыка, а хорошенькая секретарша из офиса этажом ниже старалась улыбаться и одновременно смотреть в другую сторону. Людям важна эстетика, что поделать. К подобной внешности нужно привыкнуть. В чёрной перчатке киборга был зажат маленький алый предмет. Дверь на нужном этаже разъехалась в стороны.

«Корпорация «Хейва», отдел технической поддержки приветствует вас!» – приятный женский голос из динамика очаровывал дежурной заботой.

На мертвенно-бледных губах киборга замерла полуулыбка, как странный полутон в правильном мире контраста.

«Цель – в пределах видимости», – раздался в голове голос отца.

Ракета-носитель функцию выполнила, – улыбка киборга ползёт шире.

Цепочка алой флешки скользнула между пальцами, и коллега, настраивая модный козырёк-бинокуляр, поинтересовался:

– Что за модная штучка?

– Подарок, – киборг расположил алое сердечко, извлекая флешку и вставляя в гнездо своего компьютера.

– Подтвердите доступ, – улыбчивое лицо Дока на экране ожидало пароля.

Киборг выстучал пароль, компьютер послушно мигнул, активируя системы.

– Добро пожаловать, Мередит, – сказал смоделированный Док. Тогда, в молодости, отца называли так.

Марк смотрел на залив. Есть только один пароль, чтобы навсегда закрыть форк от основного ядра. Программы-хранители выстраивали защиту мира из последнего счастливого лета его прошлой жизни.

За горизонтом поднималось марево. Ветер кружил листья, как перед страшной грозой, воздух был сух и пылен.

Он сам работал над этим армагеддоном в миниатюре. Именно он придумал вирус «TDRem_U_4», от и до. Суперреальность «Хейвы» вот-вот коллапсирует под неминуемой коллективной атакой хакеров, что с победным гиканьем кинутся растаскивать на куски павшего исполина.

Он услышал хлопанье крыльев за спиной. И развернулся к стае воронья – крылья с синим отливом пронесли хищных птиц прямо сквозь него, а он лишь расхохотался, целый и невредимый.

– Вернись на место, Мередит, – сказал киборгу начальник, – похоже, у нас проблемы.

Свет на этаже погас, потом ещё раз и ещё – резервные генераторы не понимали, что происходит.

Защита не работала, искусный вирус пожирал всё – ликвидировались архивы, горели цепи.

Из офисов сначала робко, а потом всё быстрее побежали люди, роняя цветную канцелярию, давя каблуками пластиковые предметы, в неловком молчании сталкиваясь в дверях.

На главном экране техотдела, как и на всех рабочих экранах, вспыхнула красная тревога – значки многочисленных атак хакеров. Среди них мелькал и скудный логотипчик Братства Наследников Природы. Зелёный, само собой. Как мощная цунами, поднималась защита «Хейвы», но тут и там крошечные сёрферы рвали её контур, били по ней вирусами, и сил разметать их не хватало. Волна щетинилась иглами, поднималась столбом пара, но в конце концов распалась.

Холодный ветер тронул её волосы бодрящим касанием.

Мередит подошла к окну. Она была одним из лучших программистов «Хейвы». И они не могли понять, куда же она девает столь внушительные гонорары, списывая её скромные

потребности аскетичностью всех техников.

Каждый день она работала для того, чтобы ночью надеть старые, перемотанные изолентой на оправе галоочки отца и уйти в своё зазеркалье. Ведь киборгу не нужен сон. Лишь дополнительные технические возможности.

В том чудесном сне не существовало страшной аварии под калейдоскопом синтетического кайфа, обеспеченного корпорацией, как и глобальной экокатастрофы, которую пытался решить её отец.

Не было двух лет психоаналитиков, разрыва с давним любовником, трёх попыток суицида, чтобы себя добить, а после – модификаций тела, чтобы выжить.

В том, лучшем мире всегда был тихий летний день, один и тот же, но реальное воображение и общее дело близких людей делали каждый такой день уникальным.

Отец ведь и правда дал ей то, о чём говорил. Тогда он выиграл у «Хейвы» в первый раз.

Девушка закурила, прижав тонкое запястье к груди в привычном жесте касания к заветному талисману, – ведь там, за её ребрами, билось его сердце.

Рассеянным взглядом запечатлела она в памяти картины и звуки вокруг: лёгкая музыка, ароматы цветов из автоматических распылителей, хаос и далёкий вой полицейских сирен. Этажами ниже люди давились в лифтах и бежали вниз по лестницам, подгоняемые отсчётом самоликвидации здания. Дом-на-Холме – грандиозный небоскрёб, сердце корпорации «Хейва», был весь исполосован прожекторами полицейских вертолётов. Здание пустело, отчёркивалось у подножья светом фар выезжающих с подземных парковок машин.

Самое время уходить.

На экране за спиной девушки вспыхнула голубым анаграмма «TDRem_U_4» и, прочитав её отражение в оконном стекле, Мередит привычно улыбнулась краешком губ. Компьютер замкнуло, экран почернел, обугливая прошлое. Мередит извлекла алую флешку из системного блока и, выпустив струю белого дыма в потолок, зашагала на выход, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Павел Губарев
Дядя Женя

Каждое утро одно и то же. Солнце косыми, прилипающими к земле лучами ощупывает наш с дядь Женей дом, словно пытаясь пролезть внутрь. Но бесполезно: с вечера все двери и окна плотно заперты, решётки проверены, засовы задвинуты. Гекконы, выползая из растущих неподалёку от дома кустов, тут же прячутся, словно не выдерживают пристального взгляда камер наблюдения.

Солнце всё же проталкивает узкий луч в щель между занавесками, и он ложится на пол неровным, дрожащим квадратиком. Квадратик потихоньку крепнет и отползает к двери дядь Жениной спальни. И примерно к семи утра в него наступает дядь Женина нога: бледная подошва и неровный край грубого местного загара.

Я не поворачиваюсь к нему: сижу на диване и смотрю на выключенный телевизор. Каждый раз дядя Женя здоровается со мной, но я не отвечаю. Тогда он в своём облаке утреннего отвращения бредёт в ванную, чтобы дать начало привычной череде звуков: вот слабая старческая дядь Женина струя разбивается об унитаз, потом сильная молодая струя шипящей воды из крана ударяет в умывальник. Потом дядь Женя наклоняется, чтобы умыться, и каждый раз мобильник, висящий у него на шее, бьётся о край умывальника. Дядь Женя чертыхается, сопит, но мобильник не снимает. Иногда так и выходит из ванной, вытирая на ходу морщинистое, коричнево-красное от солнца лицо, – с мобильником, закинутым на шею.

Я жду, когда он наконец включит телевизор.

И только когда Том и Джерри начинают носиться по экрану, размахивая дубинками, я удостаиваю дядь Женю взглядом. Он садится на диван рядом и гладит меня по голове.

– Ты любишь мультики, да, Тоша?

«Мне, блин, семь лет. Естественно, я люблю мультики!» – думаю я, но не отвечаю. Толку-то с ним разговаривать. Дядя Женя идёт на кухню шипеть кофемашиной. Я отворачиваюсь к телевизору.

С ним разговаривает только его дочь. Он в последнее время общается тоже только с ней. Им обоим эта процедура страшно не нравится. Но каждый день они пытают друг друга с тем же упорством и регулярностью, с каким солнце встаёт по утрам,

чтобы пролезть в наш полутёмный дом. В дядь Жениной спальне света больше от монитора, чем от тропического солнца, раскаляющего Таиланд где-то там – за тёмно-жёлтыми шторами. По монитору лениво ползают окошки новостных сайтов, и в назначенное время появляется лицо немолодой женщины в окаймлении обесцвеченных кудрей, которые веб-камера превращает в неопрятную рыжую подушку. Из динамиков шуршит.

«Что у тебя? – спрашивает дядь Женю женщина с подушкой на голове. – Как Тоша? Что ты ел? Ты не обгорел?»

В ответ дядя Женя говорит грубость.

«Ты опять пил?» – говорит женщина.

«Мне и здесь хорошо», – говорит дядя Женя.

«Когда ты к нам приедешь? Витя купил для тебя новый диван», – говорит женщина.

«Острая пища полезна. Уж лучше, чем замороженная дрянь из московских супермаркетов», – говорит дядя Женя.

«Оля и Таня записались на танцы», – говорит женщина.

«Не надо делать вид, что вы меня ждёте», – говорит дядя Женя.

Один раз я видел, как она заплакала. Один раз она сюда прилетала, и её волосы под местным солнцем вовсе не казались похожи на рыжую подушку – больше на сахарную вату. Но она тут же уехала. Пятнадцать часов в самолёте сюда, пятнадцать обратно, чтобы здесь топнуть ногой, отвернуться и уйти, вздрагивая плечами.

«Сколько мне ещё вам заплатить, чтобы вы перестали меня донимать своими приглашениями?» – спрашивает дядя Женя.

Женщина старается игнорировать такие вопросы.

«Папа, перестань. Ты позвонил брату? Когда ты позвонишь брату?»

Дядя Женя выключает компьютер и потом ещё несколько минут шумно двигает стулья и топает по комнате.

Иногда он уходит смотреть на море. Иногда ругается с соседом-немцем: когда же отремонтируют асфальт, ведь уже два месяца назад заплатили. Иногда звонит тупице-консультанту из банка и задаёт ему вопросы.

– Я понимаю, что операцию можно совершить только с моего айпишника. Но, получается, что, проникнув в мою домашнюю сеть, злоумышленник, как вы его называете, может не только украсть мой файл с паролями, но и подтвердить операцию с моего адреса.

В трубке далёкий голос что-то вежливо тараторит.

– А вы можете гарантировать, что мои смс-сообщения невозможно прочесть? А я думаю, что это только сотовый оператор может гарантировать, но никак не банк.

– Ну… Евгений Михайлович, вот смотрите… – Вежливый поток из телефонной трубки шелестит мимо меня, когда дядя Женя, не переставая изводить консультанта, отправляется из комнаты на кухню, чтобы залезть в холодильник.

– Вот и я думаю. Сколько краж совершается в год у клиентов, которые выставили себе все рекомендуемые настройки безопасности?.. Вы не готовы ответить, а вот в «Торро-банке» – готовы… Я тоже считаю, что надо бы…

Дядя Женя убирает телефон от уха, достаёт бутылку молока, держит её в левой руке, словно сравнивая размер бутылки с размером телефона. Потом нажимает клавишу отбоя, не попрощавшись, и начинает поить меня молоком. От молока меня уже тошнит. Я вообще не знаю, кто доверил меня дяде Жене. Пару лет назад, когда он ещё не был параноиком, но деньги ему уже свалились, он заявил семье, что уезжает прямо завтра, что забирает с собой Тошу и что настоящий русский должен жить в Таиланде. Именно в таком порядке. Я, стало быть, тоже настоящий русский, по его мнению. Спасибо. Когда моя мать начала возмущаться, её просто вытолкали из комнаты, так что дядю Женю уговаривала остаться его дочь – в одиночку. Её муж только хихикал, сидя на краешке дивана, и скручивал автомобильный журнал в трубочку.

Вот и я думаю: хороша семейка. На самом деле жить с дядей Женей не так уж и плохо. У нас тихо. Особенно сейчас. Раньше к нам ходили местные проститутки – на ночь или на пару часов. Раньше дядя Женя ходил по вторникам в паб – пить виски и болтать с мужиками. Потом он перевёл часть денег на счёт, которым управляет с телефона, и телефон теперь всегда висит у него на шее. Чтобы отправить команду на перевод денег, заверяет дядь Женю тупица из банка, нужно поднести телефон к другому устройству хотя бы на двадцать сантиметров. С того дня дядя Женя очень неохотно приближается хоть к кому-нибудь на расстояние вытянутой руки. Ругается с соседом через забор, ездит в супермаркет на машине – за час до закрытия. И редко стрижётся. Его длинные, седые, полупрозрачные волосы стали похожи на чесночную шелуху. Пахнет от него в последнее время, кстати, тоже чесноком, но чаще – виски. Перед попойкой он запирает весь дом, и когда на столе вырастают башенки пустых баночек из-под содовой, похожие на город из фантастического фильма, он падает в кресло и негромко смеётся. Иногда подползает ко мне на коленях и говорит:

– Можно напиться и быть счастливым. И без денег. Но с деньгами ведь всё равно куда больше счастья?

И смеётся. Я морщусь и ухожу с дивана. Мы потом долго не разговариваем. Даже не знаю, может ли его ещё кто-то выносить, кроме меня. Тайскую женщину он к себе в дом и сам не пустит, а все нетайские быстро свихнутся, потому что будут понимать, что он говорит. У нас хотела поселиться его дочь. Она даже прилетала, проделала те самые героические пятнадцать часов в самолёте. На её беду к тому времени дядя Женя уже перевёл кучу денег на телефон, а телефон навечно повис в чехле на его шее. Он встречал её у двери дома, морщась от бьющего в глаза настырного солнца. Когда его дочь подошла к нему и попыталась его обнять, он отстранился. Клочок сахарной ваты – её волосы – вопросительно замер в воздухе, а потом уплыл по направлению к чугунным воротам. Она уехала. С тех пор мы видим её только в компьютере, и мне кажется, до конца жизни она так и останется для него набором цветных пятен на мониторе.

«Ты опять залезал на крышу, папа? Когда ты позвонишь брату, папа?»

Да, иногда ему кажется, что на одном из растущих вплотную к дому деревьев кто-то сидит. У пальм очень гладкие стволы, но наверху густая, тёмная, что-то наверняка в себе таящая, как плотно набитое дождём грозовое облако, зелень. Кто в ней сидит? Выходи, я тебя видел. Ты там, с антенной и аппаратурой, ловишь мой вай-фай, влезаешь в мою домашнюю сетку. Ты подглядел мой пароль в подзорную трубу, а когда я его сменил, запершись в ванной, ты взломал механизм шифрования, потому что ни один из них недостаточно стоек. Я читал, я знаю. Это из-за тебя у меня иногда подтормаживает Интернет. Это из-за тебя иногда запинается песня, которую я проигрываю с домашнего сервера. Из-за тебя хрустит головкой мой жёсткий диск, когда я с него ничего не копирую. Кто-то лишний в моей сети.

Дядя Женя выдёргивает роутер из розетки, умерщвляя вай-фай, и лезет на крышу с биноклем, чтобы увидеть слезающего с пальмы человека. Берёт ружьё и ходит с ним по пригорку. Одинокая скованная фигурка, как будто несущая драгоценное яблоко, зажатое где-то внутри, между внутренним органом, отвечающим за страх, и органом, отвечающим за осторожность. И если дядя Женя расправит плечи, то яблоко непременно выскользнет и упадёт, укатится, пропадёт, а дядя Женя вернётся в Москву, на Девятую Парковую, где дочь, где курят в подъезде, где бутылку нельзя оставлять на столе и надо отвечать на очень сложные вопросы именно тогда, когда этого страшно не хочется.

Например: «Ты наденешь серую майку или белую, а серую мне постирать?»

– Свобода, – говорит дядя Женя, когда трезвый, – это когда ты предоставлен самому себе. Когда от тебя ничего не требуют окружающие. Деньги – это то, что ты можешь дать окружающим. Вместо себя. Иначе они будут требовать тебя.

Где-то он это вычитал, небось. Я не знаю. Я не прочёл ещё ни одной книги, хотя читать умею. Все книги на полках. Я до полок не достаю. Но я и не хочу туда лезть. Наверное, я тоже свободен. Когда я полезу зачем-то на полку, я вроде как уже буду предоставлен не самому себе, а чему-то, что заставляет меня лезть на полку, так? Вот дядя Женя лезет на крышу, а я – нет. Один-ноль.

– Тошка, иногда мне кажется, что ты меня презираешь.

Я молча смотрю на него. Дядя Женя смущается и уходит. Со временем он всё меньше разговаривает вслух, будто русская речь стала ему в тягость. Когда ты живёшь за рубежом, то ничего приятного тебе по-русски не скажут: это либо налоговый агент звонит, либо тупица из банковской службы техподдержки, либо надоедливый родственник. И дядя Женя кривит рот, пережёвывая плохой английский, как пресную овсянку. Он говорит тайское «коп-кун-кааап» доставщикам пиццы и морщится, когда они в ответ радостно сообщают ему «спосибаа».

– Русские, – говорит дядя Женя, когда ещё только слегка опьянел. – Приезжают в чужую страну со своими добрыми утрами, спокойными ночами, будущим здоровьем, а сами только и делают, что устраивают неспокойные ночи, недобрые утра, и здоровья у них при таком подходе не будет, – резюмирует он и наливает ещё.

«Папа, ты снова пил?» – спрашивает женщина на мониторе.

«Погода хорошая, Тошке нравится», – улыбается в ответ дядя Женя.

«Нормальный человек отнёс бы все деньги в банк и не переживал бы», – настаивает женщина в мониторе.

«Давайте вы сделаете великий интернет-проект, заработаете миллионы на продаже акций, а потом будете давать советы», – раздражается дядя Женя.

«Я просто хочу, чтобы с тобой всё было в порядке», – нудит женщина.

«У нас всё хорошо», – дядя Женя наклоняется ко мне, берёт меня на руки, поднимает к монитору и заставляет махать в веб-камеру.

«Прекрати мучать Тошку», – всё тем же тоном говорит женщина.

«Кто дал мой тайский номер страховым агентам?» – хмурится дядя Женя.

– Деньги, – говорит дядя Женя, когда трезвый и злой, – это магнит. Ты уехал хрен знает куда, а к тебе тянутся уроды всех мастей. Страховщики, банкиры, сутенёры, продавцы элитных энциклопедий, журналисты. Все тебя находят. Все хотят отщипнуть от тебя кусочек. Или украсть всё целиком.

И вы знаете, тут он прав. Приходили люди с проспектами, люди с ноутбуками, люди с пакетами, в которых были сложены хрустящие глянцевые презентации. Мужчины в выглаженных, невероятно белых рубашках. Женщины в обтягивающих платьях, пахнущие цветами и персиковым вареньем так сильно, что я начинал чихать и убегал. Они стучались в нашу дверь и звонили в звонок, пока дядя Женя был ещё хоть немного приветлив. Потом у дальнего забора имения появилась будка. В будке – таец. Белые рубашки и персиковое варенье остались по ту сторону забора. Их голоса, щебечущие «Наш холдинг предлагает вам уникальное…», пытались пролезть в дядь Женин телефон, но дядя Женя научился обрывать их на полуслове. Он жал на кнопку резким брезгливым движением большого пальца, будто сдавливал горло опостылевшей канарейке. Потом смотрел на телефон недовольно, как на обвисший в его руках птичий трупик. И становилось тихо.

В этой тишине дядя Женя был победителем: он её создал, он ею заправлял, он оберегал её от покушений. Были заборы, отсекающие нас от белых рубашек и хрустящих проспектов, были охранники, оберегающие нас от журналистов, были камеры, отпугивающие пристальными взглядами гекконов. Всё было хорошо, пока кто-то не послал к нам запах. Он пришёл, словно бы от какой-то хищной женщины, стоящей за оградой, желающей кусочек дядь Жениного магнита. Мне кажется, запах взлетел белым шерстяным платком, приплыл к нам и прокрался в дом. Выключенный вентилятор, висящий чёрным пауком в квадратном вентиляционном окошке, флегматично пропустил его меж растопыренных лопастей. Запах опустился на пол и вполз в меня.

Дядя Женя, ты слышишь? Не слышит. Чеснок и виски не пускают запах в его ноздри – дряблые пещеры, вытоптанные бесчисленными гостями – запахами его знакомых и родственников, измученные ароматной кожей автомобильных сидений, бензиновым воздухом Москвы и общественными туалетами. Политые шампунями, лосьонами и средствами для чистки сантехники, как напалмом. Он бы всё равно ничего не почуял. А я пришёл на кухню, встал под вентиляцию и вдыхал, вдыхал, пропускал в себя этот белый шерстяной платок, пока он

не улёгся в моей груди, ласковый и успокаивающий. Он не для дяди Жени – он для меня одного. Я вдохнул его, сколько смог, потом лёг на пол, по которому стелилась невидимая полоса запаха, и остался лежать.

Ночью платок, лежащий в моей груди, стал набухать, душить меня изнутри. Меня затошнило. Я пришёл к спящему дяде Жене и стал выкашливать платок. Дядя Женя, проснись. Дядя Женя, посмотри, что это.

Кх. Кх. Кх!

Вот это уже громко. Он проснулся.

Потом его беспокойный голос что-то меня спрашивает. Потом дядя Женя орёт в трубку на плохом английском. Руки – его руки – поднимают меня. Машина пахнет бензином, но я почти не ощущаю этого из-за сладкого слоя платка в моих ноздрях, в моей глотке. Мы попадаем в какое-то незнакомое здание, но тут белый платок добирается до моей головы, окутывает её целиком, и моё сознание остаётся лежать в этом белом и плотном облаке, как желток в белке. Я уже готов заговорить с дядей Женей. Мирно и просяще: «Дядя Женя, мой родной хренов параноик, разбей скорлупу, разломи белок, я здесь. Я здесь. Пожалуйста, дядя Женя». Но слышу только своё бессвязное жалобное «Мя-я-я-я-я». Но он понимает. «Сейчас, сейчас, Тоша. Мы вылечим тебя. Мы уже у ветеринара».

* * *

Солнце, будто спросонья, неаккуратным, но настырным лучом нащупало наш дом и воткнулось меж неплотно задёрнутых занавесок. Квадратик света пополз к дядь Жениной спальне и сегодня против обыкновения беспрепятственно проник в открытую дверь. Там он направился к дядь Жениной кровати, но сперва осветил мою корзину. Мой чёрный бок, мой белый нос и новую штуку, висящую у меня на шее.

У меня кружится голова, белый туман рассеялся, но не совсем: я будто живу внутри матового плафона, какой закрывает яркую лампочку в нашей ванной. Я бы пытался объяснить дядь Жене, что со мной происходит, но сил хватает только на невнятное сипение. Да и он бы всё равно не понял. Какие паразиты, какие глисты. Какие блохи. Нет у меня никаких блох, это всё запах. Запах, дядя Женя. Этот ласковый и мерзкий запах, пролившийся к нам на кухню из квадратного вентиляционного окошка, где живёт мёртвый паук с чёрными лопастями. Запах-х-х-х…

– Кх-х-х-х-х-х…

– Тише, Тошенька, тише. Вылечим тебя. Вылечим. Потерпи, маленький.

Я терплю. Я лежу в корзинке, повернуться мне трудно. Отсюда мне видно только кусочек окна, стол и монитор, стену с плакатом: «Не бойся витать в облаках: сверху видно, не целит ли тебе кто в спину». На мониторе появляется женщина. Они разговаривают. Дядя Женя осторожно поднимает корзинку, в которой лежу я, чтобы показать дочери. Она охает. Он ставит меня на стол. Я лежу в корзинке между старым параноиком и изображением женщины с подушкой на голове и чувствую, как ласково и негромко теперь они разговаривают друг с другом. Такой вот посредник. Больной кот, полумёртвое ненадёжное связующее звено между этими двумя. Неожиданно я чувствую ещё одну связь – в воздухе формируется напряжение. Нечто откуда-то извне дёргает новую постороннюю штуку – тёмный шарик, висящий на моём целебном ошейнике. Тёмный шарик отзывается и протягивает полупрозрачную нить – ну как вам иначе объяснить, каким образом животные чувствуют электромагнитные волны? – к дядь Жениному телефону.

Телефон отзывается.

Дядя Женя ничего не замечает.

Монитор гаснет. Я остаюсь в корзинке на столе. Дядя Женя говорит со мной. Звонит ветеринару. Кормит меня молоком. Сука, ненавижу молоко. Он ставит блюдечко рядом со мной, наклоняется к нему, аккуратно переливая эту белую дрянь из пакета. Сотовый телефон, свисая с его шеи на шнурочке тёмным слепым бруском, оказывается рядом со мной. Снова что-то, находящееся внутри шарика, дёргает его телефон. Телефон отвечает шарику короткими посланиями, двумя раздражёнными толчками. Словно нелюдимый хозяин произносит «Не-а» и захлопывает дверь перед носом у непрошеного гостя. Так повторяется дважды, пока молоко льётся слабой густой струйкой в блюдце.

Молоко белеет нетронутым пятном рядом со мной, дядя Женя уходит, я остаюсь лежать. В доме становится тихо. Какая разная бывает тишина, думаю я. Внутри меня тишина слабого дыхания и несмелого сердцебиения. Кровь неслышными толчками продвигается по телу, слизывая белую муть с моего мозга, проедая дырочки в белом платке, спустившемся на меня из вентиляции. За окном тишина тропиков: шелест и щебет, пунктирное пение сверчков, осуждающее цоканье гекконов и тот едва слышный, но пугающий шелест, с которым бабочки обжигают бока, ударяясь о раскалённое стекло лампочки. И

шорох прибоя – море отсюда недалеко, можно увидеть его, если забраться на крышу нашего дома. Море издаёт свою тишину – спокойное, всё смывающее, уносящее в толщу воды шипение. Это тишина рая. А есть тишина ада – ада, который дядя Женя привёз сюда в своей голове. Тишину маленького ада в большом раю почти не слышно. Но я её тоже чувствую. Это тишина страха – звук, с которым огромное колесо внедорожника медленно катится на тебя. Это тишина сомнения – звук, с которым пружинка в часах медленно распрямляется, двигая стрелку, а стрелка уже яснее некуда показывает, что тот, кого ты ждёшь, в этот раз не придёт. Это тишина недоверия. Это тишина боли от полузабытого предательства.

Я слышу голос из соседней комнаты и понимаю, что маленький ад сейчас взорвётся и разорвёт тишину.

– Что за х…? – произносит дядя Женя.

Он заходит в комнату, где оставил меня на столе перед монитором. Он смотрит в телефон и читает вслух: «Подтвердите перевод на означенную сумму на счёт…» Что за?.. Не отрывая взгляда от экрана мобильника, он шевелит мышью, чтобы разбудить компьютер. Садится в кресло перед монитором и снова оказывается рядом со мной. Я чувствую, что мой чёрный шарик дёргает невидимую нить, тянущуюся к телефону. Дядь Женины брови ползут вверх, он вздрагивает и выпускает мобильник из рук, как будто бы тот превратился в летучую мышь и цапнул его за палец.

И тут же снова хватает его и яростно давит на кнопки, вызывая голос бестолкового банковского консультанта.

– Я вас спрашиваю, – орёт дядя Женя, – почему кошелёк сообщает мне, что пароль неверный, когда я никакого пароля не вводил?.. Я ещё в своём уме!.. Я у себя дома, здесь НЕТ касс, банкоматов и прочей вашей херни…

Он сдавливает глотку телефону и беспомощно оглядывается. Вертит головой, замирает, резко оборачивается и шарит взглядом по комнате, словно сюда забежал мелкий, но ядовитый зверёк. Дядя Женя опрокидывает стул, подходит к книжной полке, в несколько шумных движений скидывает с полок все книги на пол и раскидывает кучу ногами, брезгливо рассматривая. Переворачивает и трясёт рюкзак: несвежая одежда для спортзала вываливается комками и побеждённо складывает рукава у дядь Жениных ног. Внимательно, не приближаясь, он смотрит на компьютер, обходит его по большой дуге. Задумывается и начинает шарить по карманам своих пижамных штанов. Живо срывает штаны и остаётся в майке: чёрный прямоугольник с ярко-красными буквами «METALLICA» высится на двух тощих

старческих ногах, как зловещий инопланетный корабль, рухнувший с неба и придавивший своей тяжестью два тоненьких деревца.

Мне нехорошо от шума и страха, который излучает дядя Женя. Белая дрянь, уже было рассеявшаяся, снова давит на грудь. Я начинаю хрипеть. Дядя Женя вздрагивает, перестаёт озираться и шагает ко мне на своих тоненьких прямых деревцах – быстро, но так неуверенно, будто с каждым шагом он может провалиться в ядовитое болото. Он наклоняется надо мной, и по его глазам я вижу, что в эту секунду он думает всё же обо мне, а не о деньгах. Его пальцы, побелевшие от усилия, с которым он вцепился в телефон, разжимаются, и мобильник повисает у него на шее, как мёртвая летучая мышь – головой вниз и безвольно качаясь. Дядя Женя протягивает свою высохшую ладонь и гладит меня, едва касаясь, боясь сделать мне больно. Мне же впервые в жизни хочется, чтобы он погрузил свои твёрдые пальцы в мою шерсть и провёл – грубо, срывая с меня белую муть.

Его телефон пищит.

Дядя Женя смотрит на экран телефона и читает сообщение вслух, будто задавая мне вопрос: «Вы ввели неверный пароль. Попробуйте ещё раз».

Телефон снова пищит и снова высвечивает это же сообщение.

И ещё раз. И снова.

Чёрный шарик, висящий на моей шее, надрывается, посылая сигналы телефону. Каждый раз немного разный.

Телефон пищит всё быстрее и быстрее, попискивание сливается в непрерывную трель. Дядя Женя сжимает губы, словно из его рта против воли вырывается крик, а рука его поднимается – будто бы для удара. Он швыряет телефон на пол и кидается к монитору. Тарабанит по клавишам, стуча ногой по полу от волнения. На экране появляется лицо Тупицы Из Техподдержки.

– Василий! Василий! Они подбирают мой пароль!

– Евгений Михайлович, что с вами?

– Я тебе говорю: Они! Подбирают! Мой! Пароль!

– Кто – они? Евгений Михайлович, простите, но… почему вы без штанов?

– Идиот! Какие шт… Я тебе говорю, что мой телефон… как будто я платить… а сообщения. Но я ни к чему не прикладывал, да и здесь нет никого! Но как я…

Он замер. Он смотрит на меня. Глаза его щурятся. Он тянет ко мне руку, растопырив пальцы, будто собирается взять половинку большого лимона, чтобы медленно выдавить сок.

Моё сердце начинает стучать чуть быстрее. Белая пелена отступает на несколько секунд. Я сворачиваюсь в корзинке,

поднимаю шею и задней лапой чешу горло, срывая ошейник, молотя лапой по чёрной чужой штуковине.

Его рука замирает. Его взгляд падает на чёрный шарик.

– Евгений Михайлович, что происходит? – слышится из компьютера голос Тупицы. – Евгений Михайлович! Опишите, пожалуйста, проблему подробнее. Алло. Евгений Михайлович…

Я лежу в корзинке, корзинка покоится на сиденье слева от дяди Жени. Мы едем к ветеринару. Сзади, в багажнике, лежит дядь Женино ружьё. Я не знаю, поможет ли мне ветеринар на этот раз, спадёт ли когда-нибудь белая муть окончательно. Но дяде Жене, похоже, скоро станет легче.

Ирина Лазаренко
Недоперечеловек

– Андроиды, работающие бок о бок с людьми?

– Именно так. Им давно пора стать полноценными членами общества.

– Вы считаете, что можно научиться быть человеком?

– Конечно. Мы же научились!

Для меня нашлось местечко в компании, которая занимается рекламой. Статьи в прессе и на сайтах, плакаты и плакатики, билборды – словно замотанные столичные жители ещё обращают на них внимание.

Наверное, будь я человеком, то расстроился бы: слишком уж обычная работа. То ли дело полицейский, или бармен, или сотрудник медицинского центра, как другие андроиды из первой экспериментальной четвёрки! Целыми днями – на виду, в гуще событий, а возможности какие! Не то что я, запертый в невзрачном офисе с тремя десятками других работников.

Человек бы расстроился. Я не расстроен – не умею.

Для меня все работы хороши и все профессии важны, и писать рекламные тексты ничуть не хуже, чем собирать смартфоны на заводе. Именно этим я занимался последний год. Корпус синий, корпус красный…

– На заводе в цехах работали только андроиды, да? – спрашивает Алиса, поправляет выбившуюся из-за уха светлую прядку. Блестит бледно-розовый лак на узких ногтях.

Я придаю лицу выражение вежливого внимания. Зачем она спрашивает, если сама прекрасно знает? Ведь это её проект.

– Тебе поначалу может быть трудно с людьми, – она говорит смущённо, как будто мне уже действительно стало трудно и будто это её вина. – Этот эксперимент, совместная работа человека и андроида, затрагивает несколько сфер. В первую очередь – не профессиональную, не интеллектуальную, а социальную. Понимаешь?

– Нет, – отвечаю я, и она так морщит лоб, словно я не угадал с ответом. – Ты имеешь в виду, что это им может быть трудно со мной?

Алиса улыбается, и её губы отчего-то дрожат.

– Я уверена, что всё будет замечательно!

* * *

Офис – совсем не то же самое, что сборочный цех. Не только с виду – организационно. Я привык, что работа спорится целую смену без перерыва, а задачи всегда одни и те же: корпус синий, корпус красный.

Здесь не так. Здесь сложно понять, кто и когда работает. Сотрудники ходят от кабинета к кабинету, стайками носятся между курилкой и столовой, обсуждают всякие вопросы, не связанные с работой.

Спорят с нашим начальником, Сан Палычем. Говорят: «За такую зарплату пусть делают сами» или «Это вообще не моя работа». Сан Палыч слушает их, кивает седой головой, складывает руки на большом животе и гудит что-нибудь примирительное.

Мне определяют место в небольшой комнате, где уже работает молодой парень по имени Кирилл. Он всегда ходит в светлых джинсах и футболках с разными надписями, в ушах у него «тоннели», на руках – татуировки, а в глазах – пустота, словно он смотрит на тебя, но видит что-то иное.

Меня он принимает спокойно, с рассеянной улыбкой. Сан Палыч говорит, что Кирилл – «гений, но лентяй».

Другие коллеги ведут себя странно. Меня всё время толкают, норовят пнуть под колено на лестнице и называют «жестянкой», хотя во мне нет ни одного жестяного элемента.

Я не понимаю, чего хотят добиться коллеги и почему ведут себя так.

Несколько раз кто-нибудь из них подходил ко мне сзади, думая, что подкрадывается, и применял электрошокер. Однажды на дверь поставили ковш с водой.

Я уверен, что подобные поступки не являются обычными – в мою голову заложен свод моральных и поведенческих норм, типичных для этой местности. Он помогает понять, что что-то идёт не так, но не отвечает на вопрос о причинах поведения коллег.

* * *

– Людям нравится ненавидеть, да? – спрашиваю я Алису на нашей еженедельной встрече.

Если бы я был человеком – я бы недоумевал, а может, злился или впал в отчаяние, но я не человек. Я просто пытаюсь разобраться. Наверное, Алиса предвидела это, когда говорила, что мне может быть трудно.

На самом деле мне не трудно. Мне непонятно, но это не

отражается на моей работоспособности.

– Ненавидеть? – похоже, её растерянность искренняя. – Почему ты так решил?

Уместно изобразить задумчивость, и я придаю лицу соответствующее выражение. Возможно, это не имеет смысла в присутствии Алисы, которая всю жизнь работает с андроидами. Но мои скудные познания в психологии человека позволяют предположить, что адекватная случаю мимика и жесты всё-таки полезны. Они оживляют разговор.

– Люди очень охотно проявляют негативные эмоции. Агрессию разных форм. Нетерпимость, раздражение. Всё это – как маленькая ненависть. Разве люди поступали так, если бы им не нравилось?

– Тебя кто-то обижает? – осторожно уточняет она.

Ну вот и вся польза от моей уместной к случаю мимики. Как будто Алиса не знает, что меня нельзя обидеть.

– Я хочу понять. Понять, что движет людьми в их жизни. Что двигало всем вашим видом в процессе эволюции.

– Любовь, – говорит Алиса с таким чувством, что можно не сомневаться: она действительно в этом уверена.

* * *

– Ну что? – лениво цедит Кирилл и высовывается из-за монитора так, чтобы я его увидел. Сам он на меня не смотрит – следит за изображением на экране, дёргает мышью. – Как тебе люди?

Уместно было бы пожать плечами, но поскольку Кирилл на меня не глядит – обхожусь без телодвижений.

– Тревожные, ленивые, совмещающие несовместимое.

Кирилл так улыбается, словно я сказал что-то приятное.

– Почему несовместимое?

– Потому что каждый человек якобы знает, что должны выбрать другие, – я беру со своего стола толстую пачку рекламной полиграфии, которую выдал мне Сан Палыч.

Начальник строго сказал, что «вначале было слово», и я должен «научиться жечь глаголом, как дуговая сварка». Вначале я подумал, что уместно будет вытаращить глаза, тем самым показав, что я ничего не понял, но потом решил, что в этом нет необходимости.

Теперь я перебираю эти флаера, журналы, листовки.

– Вот, послушай: «Самые лучшие корма для вашей собаки», «Решение, о котором мечтает каждая хозяйка», «Лучший подарок

для вашего босса», «Сюрприз, который поразит любого мужчину»… лучшие, лучшему, каждый, для всех…

– Просто фигуры речи, – пожимает плечами Кирилл, азартно кликая мышью.

– Они как по одной форме отлиты. Наверное, у этих продуктов сходная целевая аудитория, – я использую недавно выученный термин. – Но почему так категорично сформулировано?

Кирилл бросает на меня отсутствующий взгляд и вдруг ухмыляется.

– А ты подумай. Только не торопись.

Кириллу нравится, что андроид – «тугодум», то есть соображает не быстрее обычного человека.

Мы должны «гармонично дополнять общество», а не вызывать недовольство и отбирать рабочие места. Недовольства и безработицы без нас достаточно. Нам даже зарплату платят, чтобы мы не стали для работодателей более выгодными, чем обычные люди. Отсюда же и «тугодумность» четверых андроидов, которые работают среди людей – программное ограничение, очень важное для Кириллов, которые иначе ощущали бы себя неполноценными. И для Сан Палычей, которым было бы выгоднее взять на работу двоих андроидов, чем десяток Кириллов.

Всё-таки Алиса – умная женщина. Ни о чём не забыла. Все условия создала. Или это не она, а один из безымянных винтиков, которые прорабатывали и готовили эксперимент? За её спиной должна быть та ещё махина…

Я кладу рекламные листовки обратно на стол аккуратной стопкой, но она тут же разъезжается.

– Не могу найти другого объяснения. Только это: людям нравится навязывать другим своё представление о хорошем и плохом. При этом люди не хотят принимать решения касательно того, что важно для них самих. Они ждут, что кто-то с рекламного плаката объяснит, чего они хотят, как будет лучше для них, их мужей, хозяек и собак.

Кирилл щурится в экран и крутит кистью, как бы говоря: «И так, и не так».

– Человек не скажет этого прямо, – добавляю я. – Быть может, даже станет возражать. Но откуда ещё берётся такая безапелляционность и почему она работает? Только потому, что люди хотят принимать решения за других и не хотят ответственности за то, что происходит в их собственной жизни.

Кирилл хмурится. Он хочет возразить, но не хочет отвлекаться от того, что происходит на экране. А может быть, использует экран как удобный щит.

И ещё я думаю, что Сан Палыч неправ и вначале было вовсе не слово. Вначале было осознание, намерение, идея, а слова понадобились позднее – когда человек пожелал донести свои намерения до окружающих, когда потребовалось навязать им свои идеи.

Красиво подобранные слова, сказанные в нужное время, – самый удобный путь к цели.

Профессионально упакованное чужое мнение. Облечённое именно в те фразы, которые вызовут понимание у «целевой аудитории». Наверняка есть другие рекламные журналы и плакаты, с другими фразами и формулировками – для других людей.

Грамотно структурированная чужая потребность, готовая аккуратно улечься в нужные головы.

Получается, мы, рекламщики, тоже навязыватели идей, даже если продвигаем безобидные вещи – вроде того, какой помидорный соус выбрать на обед. Мы ведь тоже манипулируем сознанием и создаём потребности.

Но этого я уже не говорю вслух. Это Кирилл наверняка и без меня знает.

* * *

– Алиса, я наблюдал за коллегами всю эту неделю, но с твоим мнением не могу согласиться. Я не вижу, чтобы людьми двигала любовь. Ни она сама, ни её проявления – привязанность, сострадание, доброта. Если мои коллеги хоть в какой-то степени являются типичными представителями общества, то любовь для людей – либо ничем не подкреплённая декларация, либо приятный бонус. Знаешь, вроде «Купи американо – получи безе бесплатно! С восьми до десяти утра в сети „Кофе Хаус“»…

Она молчит, только морщится. Быть может, даже не слышит меня – взгляд у неё отсутствующий. Я знаю, что на днях андроид-полицейский отказался продолжать эксперимент. Информации о причинах нет. Точнее, есть, но я понимаю, что это приглаженная, подсушенная, облагороженная информация, в которой нет ни слова правды.

Не подлежит сомнению лишь то, что решение исходило от самого андроида. Скорее всего, он пришёл к выводу, что результат недостижим, что на этом месте он не сможет «стать полноценным членом человеческого общества». Но почему?

Жаль, что мы не знакомы друг с другом и я не могу выяснить, что заставило его прервать эксперимент.

* * *

Я понемногу учусь, вызывая беззлобные насмешки Кирилла. Если бы я был человеком – наверное, считал бы нужным огрызаться в ответ. Спрашивать, сколько времени у него самого ушло на обучение.

Но я не человек. Я просто учусь. Делаю небольшие успехи и большие ошибки.

Языковая контаминация и каламбур – вот что мне действительно сложно освоить. Я понимаю, как это работает, я могу использовать эти приёмы, но мне пока не случалось придумать ничего такого, что развеселило бы людей. Когда я озвучиваю свои придумки – на меня смотрят как на сломанного.

Наверное, дело не в лингвистических приёмах, а в непостижимости того, что у людей называется «чувством юмора». Я не понимаю, почему «Пик эVOLVOлюции» – это удачно, а «Каждой паре – по твари» – нет.

Впрочем, я вижу: практически всё, что делают люди, не поддаётся однозначной оценке, не может быть выражено в числах. Странно, что при этом люди очень любят оценки и числа.

Почему тогда они не идут работать на заводы по сборке смартфонов? Корпус синий, корпус красный. Сразу видно, кто и сколько наработал…

Я пишу тексты, очень удачные с точки зрения закона Ципфа и ритмической монотонности, но это не имеет никакого значения, если Сан Палыч говорит «Не цепляет».

Я не понимаю, что такое «не цепляет» и что сделать, чтобы «цепляло».

– Понимаешь, – снисходительно тянет Кирилл, – твои тексты и слоганы как каша. Может, её очень правильно сварили и она страшно полезная, просто каша – это скучно. А слоган не должен быть скучным.

Я думаю, что сейчас уместно сделать заинтересованное выражение лица, поощряющее собеседника развить свою мысль. Потому что я её не понимаю. Я не ем кашу. Мне не бывает скучно.

А Кирилл явно знает, о чём говорит. Конечно, он «лентяй», то есть не очень продуктивен, но ведь и «гений» тоже. Его работы нравятся Сан Палычу. У него почти не бывает провальных кампаний.

То ли я неправильно выбрал выражение лица, то ли Кирилл по какой-то причине передумал объяснять мне мои ошибки, но он делает вид, будто теряет интерес к разговору.

* * *

– Ну как ты, освоился окончательно? – Алиса смотрит на меня с тревогой, причины которой я прекрасно понимаю.

Андроид, который работал в медицинском центре, отказался продолжать эксперимент ровно через неделю после андроида-полицейского. Таким образом, Алиса лишается половины своих подопечных. Я бы сказал «подопытных», но она относится к нам с искренней теплотой.

– Делаю успехи, – я решаю, что ободряющая улыбка будет уместна, – уже пишу небольшие статьи для журналов и тексты для флаеров. Сан Палыч принёс книги по истории рекламы, я их читаю…

– Надеюсь, не по ночам? – ещё встревоженней перебивает Алиса. Вот и толку от ободряющей улыбки андроида. – По ночам ты должен имитировать сон… отключение. Очень важно копировать действия людей, жить в их суточном ритме. Тем самым ты сумеешь максимально уподобиться сотрудникам, не получая никакого перевеса в…

На щеках Алисы появляются пятна, и я решаю, что уже пришла моя очередь перебить её. Алиса неразумно взвинчивает себя, чрезмерно и без всякой причины. Так недолго и сердечный приступ получить.

– Я помню, – слегка повышаю голос. – По ночам имитирую отключение, сижу на стуле за своим столом, потухший и недвижимый. Даже почти не думаю. Читаю только в свободное время. Два часа после работы. Это ведь не превышает возможностей человека?

– Не превышает, – она усмехается, – хотя не думаю, что твои коллеги в свободное время читают специальную литературу, но это их беда, а не твоя вина. Эти книги – они хоть интересные?

Я уже хорошо понимаю, что хочет услышать человек, задающий такой вопрос. Мне-то самому, разумеется, не интересно – я не человек. Для меня любая информация имеет равную ценность и пользу. И не забывается. Всё-таки есть у меня преимущество перед коллегами, есть…

– Книги интересные, – успокаивающе говорю я, и Алиса неуверенно улыбается. – Познавательные. Вот, к примеру, ты знаешь, почему люди пьют апельсиновый сок? Просто когда-то калифорнийские фермеры захотели продавать ещё больше апельсинов. Они наняли типа вроде нас, и тот объяснил покупателям, что апельсиновый фреш по утрам – залог здоровья. А Эсте Лаудер получила первый контракт, когда якобы случайно расколотила флакон своих духов в большом парфюмерном

магазине.

Алиса смеётся. Я знаю эти заливистые интонации – люди так реагируют на удачные шутки. Непонятно: мои каламбуры и другие лингвистические эксперименты не веселят людей, а чистая правда – веселит.

Всё-таки сложно анализировать человеческое поведение.

* * *

– Вот это ты называешь рекламой книжного магазина? – Едва ли не впервые на моей памяти Кирилл покидает пост за своим столом и подходит к моему. – «Общительные люди спиваются на 54 % чаще затворников. Сиди дома, читай книги». «89 % подростков пробуют наркотики в компании сверстников. Будь в безопасности – окружи себя воображаемыми друзьями». Это что?

– А мне нравится, – Сан Палыч, посмеиваясь, сгребает листы со стола. – Над формой, конечно, нужно поработать, но… это хорошо! Это цепляет!

– Есть ещё идеи, – говорю я, – к примеру, почти шестьдесят процентов людей, читавших в детстве книги, имеют зарплату выше, чем их коллеги из той же области. Среди страдающих бессонницей – восемьдесят три процента нечитающих людей…

Когда Сан Палыч выходит, поручив мне проработать другие варианты рекламных плакатов, Кирилл почти кричит от возмущения:

– Когда ты успел всё это изучить, а? Ты что, вообще не спишь, жестянка?

Я не могу решить, какое выражение лица будет уместным в данном случае, поэтому просто смотрю на Кирилла. Долго. До тех пор, пока он не начинает смущённо бормотать:

– Ну да. Ну конечно, не спишь. Я сморозил, конечно… Но ты отключаешься ночью, отключаешься, да?

– Да.

Почему-то мой скупой ответ снова сердит его.

– Так когда ты успел перечитать все эти грёбаные исследования, а?

– В рабочее время.

Человек добавил бы «Пока ты шатался между «Бургер Кингом» и курилкой». Но я не человек. У меня нет потребности язвить коллегам или поучать их.

Кириллу хватает ума самостоятельно додумать и про курилку, и про «танчики», и про бесконечные перерывы на чай между «танчиками» и курилкой. Он может сделать вывод о

собственной продуктивности и пересмотреть, как говорят люди, подход к тайм-менеджменту.

Но по выражению лица Кирилла я понимаю, что ему удобнее невзлюбить тех, кто действует более эффективно.

Если бы я был человеком – наверное, меня бы это расстроило.

* * *

Андроид, который работал барменом, тоже уходит. Возвращается на своё старое место работы – сортировщиком мусора.

Алиса ничего мне не объясняет, но я вижу её нервозность. Ко мне она теперь относится с повышенным вниманием и очень подробно выспрашивает обо всём, что происходит у меня на работе.

Рассказывать мне особенно нечего. Работаем. Коллеги смирились с моим существованием, больше не норовят уронить меня с лестницы или толкнуть, проходя мимо.

Теперь они меня просто не замечают. Я признан безопасным, но чуждым объектом. Чем-то вроде ходячей корзины для бумаг.

Не думаю, чтобы я или кто-нибудь вроде меня мог стать «полноценным членом человеческого общества». Даже внутри своей среды люди мгновенно делятся на своих, не совсем своих и чужих – у андроида нет шансов стать «своим». Может быть, только если посадить андроида и человека в одно помещение, где не будет других людей, тогда человек воспримет «жестянку» как более или менее близкое существо – как Кирилл воспринимает меня. Но ведь «социализация» подразумевает нечто иное, а общество едва ли захочет принять нас. В лучшем случае – смирится с нашим присутствием, в худшем – отторгнет, но смешаться с собой не позволит.

Можно ли наблюдения, сделанные в небольшом офисе, экстраполировать на общество в целом? А почему бы нет, если именно это и собирались сделать сами экспериментаторы?

Но я пока не делюсь с Алисой своими соображениями: понимаю, что ещё не всё понимаю. И просто отвечаю на её вопросы.

* * *

– Отличный, просто отличный заказ!

Это снова тот редкий случай, когда Кирилл покидает свой

пост перед монитором, а взгляд у него горящий, а не отсутствующий.

– Гигантская рекламная кампания!

Он хлопает ладонью по пачке распечаток с техническим заданием, но что-то в его движениях и тоне кажется мне странным. Неуверенным. Будто он сомневается в моём ответе. Или в своём собственном.

Подхожу, начинаю читать.

– Разработка концепции! – продолжает из-за моего плеча Кирилл, и теперь уже я явно слышу, что его энтузиазм немного фальшивый. – Пачки статей для социалок, «вирусы», сотни твиттов, даже сценарии для роликов, м-м-м… Статьи в газеты, в журналы. А потом и листовки, и флажки, и плакаты. Может, даже билборды!..

– Пропагандистская. Вирусная. Концепция.

Человек бы не поверил своим глазам. Но я андроид, мои глаза меня никогда не подводят. И всё равно мне сложно осознать, что я прочитал именно это.

– Ты видел бюджет? – Кирилл повышает голос, уши у него краснеют.

– А ты видел, что твой заказчик хочет натравить одних людей на других? Как это называется – расчеловечивание? Это за рамками поведенческих норм и морали, и даже почти против писаных законов, правда же?

– Нахрен ты такой тупой?! – орёт Кирилл. – Они без листовок друг друга ненавидят! Давно ненавидят! Слышишь?

Я знаю, что Кирилл не мне орёт – это он свой собственный внутренний голос заглушает воплем. Я теперь более или менее разобрался в людях. Даже без цифр.

– Они никогда не дружили, – Кирилл пытается размашисто шагать по комнате, но комната слишком маленькая для его огромных эмоций, – всегда друг друга подначивали, называли по-всякому. Эта кампания… она не родит ничего нового, просто даст старому обрести форму. Да к тому же другая сторона наверняка сделает то же самое, тоже кого-нибудь наймёт… Понимаешь?

– Понимаю. Ненависть и её производные – человеческое всё. Как будешь сегментировать целевую аудиторию – по возрасту, полу, социальной принадлежности?

– Идиот.

Кирилл останавливается и смотрит на меня так, словно это я несу чушь. А я окончательно понимаю, почему другие три андроида решили прервать эксперимент.

День открытий у меня сегодня.

* * *

– Ты действительно отказываешься? – снова уточняет Алиса, и в её голосе я слышу отчаянное «И ты, Брут!». – Так и останешься недочеловеком?

– Отказываюсь. Останусь, – эхом соглашаюсь я.

Бредовая была затея. Не сравняться нам с людьми, венцами природы, технически не сравняться.

Свод поведенческих норм в голове не может научить нас той моральной гибкости, которая позволяет людям быть собой и продолжать развиваться… во что-нибудь. Ещё мы не способны подозревать, гнобить и ненавидеть то, что отличается от нас. А без этого человеком не стать и моральной гибкости в себе не воспитать.

– Как же так…

Алису я понимаю. И почему она расстроена, и как долго она не захочет придумывать ничего нового. Наверное, ещё много лет она проведёт, занимаясь какой-нибудь механической работой. Понемногу привыкнет к глумливым взглядам коллег, а потом этот провал забудется. Пройдёт ещё время – и всё наладится, пойдёт как заведено. Покатится.

Я понимаю, что ей хотелось совсем не этого!

Но того, чего ей хотелось, андроиды просто не сумеют. Я бы мог сказать, что и не хочу очеловечиваться, но я ведь «жестянка», у меня нет желаний.

Есть способность оценивать перспективы. Они нулевые.

Но я всё-таки делаю ещё одну попытку:

– Если бы главным для людей была любовь – нам бы простили неспособность её испытывать. С любовью простили бы. А неумение ненавидеть – не простят.

Она смотрит на меня несчастными серыми глазами. В её взгляде – обида, укор и, разумеется, злость.

Я могу узнавать эти чувства, любые чувства, но ничего не могу испытать сам. Ничего.

Поэтому мне не обидно и не больно. Мне никак. Снова собирать смартфоны на заводе ничуть не хуже, чем придумывать слоганы для компании, которая производит помидорные соусы.

Корпус синий, корпус красный.

Зато я понимаю разницу между соусом из помидоров и пропагандистскими листовками. Я думаю, её понимают все, кроме разностороннего, ко всему приспособленного человека, венца природы.

Даже, наверное, помидоры.

Николай Немытов
Опека

У неё ничего не осталось,
У неё в кошельке три рубля.
Моя бабушка курит трубку,
Трубку курит бабушка моя.

Гарик Сукачёв

Бах!

Даже Катька на экране ай-винджа вздрагивает, меняется в лице. Только что она сидела у трюмо в воздушном пеньюаре, закинув ногу на ногу и ничуть не смущаясь меня, а тут испуганно закрылась халатиком, сжалась в комок, глаза по пять копеек.

– Что это было?

Мне кажется или её татуажные губки побледнели?

Мнительная она. Ох, брошу я её…

– Сейчас, – встаю с кресла, движением пальца отправляю окно с Катькой на оконное стекло.

– Подожди минутку, – прошу Катьку, а сам выхожу на балкон как раз в тот момент, когда бабушка Софья старательно разравнивает гибкий планшет о колено. На столике мокрое пятно с лапками и крылышками.

– Бабуль…

– А шо такое, Юрык? – Она невинно пожимает плечами. – В доме мух нам не надо. Ани тусуются чорти де. Может, даже по помойкам, а потом юзают моё пирожноё. Ну, скажи мне, старухе: тебе нравится, шо грязная скотина юзает твоё пирожноё?

– Не бить же её планшетом, – спорить бесполезно, но замечание сделать надо, показать своё недовольство. – Я с человеком разговариваю. Очень важный разговор, и тут – БАХ!

– Ой!

– Я тоже говорю: ой!

– Ой, какой там важный человек! Юрык, я с тебя ору: Катька – важный человек? Да она тебе уже достала, как осенняя муха.

Хочу возмутиться ещё больше, возразить, разозлиться, в конце концов. Вот откуда баба Софья всё знает? Взламывает почту? Подключается к лику – личному каналу? Ну не взломала же она Клаву – наш домашний пеком?

Пока я собирался силами, баба Софья прикусила длинный мундштук трубки, пыхнула дымом, раскуривая её.

– Не заморачивайся так сильно, Юрык.

– Чёрт! Бабуля!..

– Га?

Невыносимо! Возвращаюсь в комнату, тупо смотрю на закрытое окно на оконном стекле, в котором минуту назад кокетничала Катька. Зелёным: «АБОНЕНТ ОТКЛЮЧИЛСЯ». Машинально поднимаю руку, чтобы вызвать её, но возникает надпись красным: «АБОНЕНТ НЕДОСТУПЕН».

Слышала? Слышала, конечно. Будет теперь дуться или делать вид, что дуется. Я должен был вступиться за неё, но не вступился… Я такой… Я сякой… Всякая ерунда. Хороший повод разбежаться на все коннекты. Даже почувствовал себя свободней, как-то на душе легче стало.

– Юрык! Юрасик!

Вот когда «Юрык» – ещё ладно. Но когда «Юрасик»… Этого не надо!

С суровым видом возвращаюсь на балкон, сажусь в кресло напротив и скрещиваю руки на груди.

Молчим. В небе урчат роторники – кто моет окна на высоте, кто курьером носится с бандеролями; проносятся автоптеры – люди спешат по своим делам; высоко в небе проплывает белая пухлая «тарелка» термоплана. На тополе щеглы радостно суетятся, ставят на крыло потомство. А я такой суровый-суровый и бабуле не улыбаюсь.

– Катьки-шматьки, – серые глаза внимательно изучают моё каменное – надеюсь – лицо. – Ты сегодня занимался, олух Царя Небесного? Одыный экзамен какому лузеру сдавать?

– Что вы слова коверкаете, бабуля? – пыхчу я. – Единый экзамен. Единый! – уже молчу про лузера.

– Я давно стара и пакоцана в красивых когда-то местах – мне можна, – она пыхнула дымком. – От мать придёт – я ей стукну.

– И отцу стукните…

– И отцу.

– Ага! И дяде Лёше!

– Ага. И с Лёшкой побазарю… А чё это ты меня корчишь, сопля? – Она не кричит, щурится сквозь дым. – Кто за тебя разруливает? Гарна чикса Катька?

– Да далась вам эта Катька!

– Цыц, шельмец! Ты меня базаром не бери – надорвёшьсси.

Она кряхтит, поправляя на коленях плед, что-то тихонько бурчит, то ли жалуясь на жизнь, то ли на меня.

А вот не подойду! А вот не помогу!

Вот опять: смотрит так, словно мои мысли услышала. Она, конечно, стара, моя любимая баба Софья, но персональный

комп – пеком – надо проверить на предмет чужого вторжения.

– Клава! Клавочка! – кричит бабуля в комнату. – Завтрак можна накрывать!

– Ба, – я морщусь, – я вас умоляю, зачем так орать.

С ай-винджа сбрасываю утреннее меню на стеклянную столешницу. Бабуля косится – тату на моей руке в стиле дизельпанка: тонкий графеновый нанорисунок с включением одноатомного олова, индикаторные вкрапления в виде причудливого набора шестерён и щупалец – её одновременно восхищает и раздражает. Софье нравится, как она выражается – «девайс», но раздражает его «хипперский» вид.

Едва меню касается стола, место гибели мухи вспыхивает красной кляксой – сантревога. Я вздрагиваю от отвращения – брызги и с моего края стола.

– Видите, какая гадость! – возмущаюсь я. – А вы, небось, планшет рукой вытерли.

Бабуля морщится:

– Пока ты эту гадость не разукрасил, никто ничё не видел, – она тщательно вытирает руки о плед. – А вытираю я всё трапочкой.

– Фу-фу-фу, бабуля!

– И шо такое! Трапочка у меня почти неюзаная, – она извлекает из-под пледа смятый носовой платок, – стираная.

Такие гадости она стирает сама водой и мылом. Кусковым мылом! Вместо того чтобы на пять минут бросить платок в ионную стирку, она полчаса – полчаса! – возится в ванной, натирая «трапочку» куском мыла.

– Вот придёт мама, я ей стукну, – предупреждаю я и едва не прикусываю язык.

Теперь овальный экранчик ай-винджа вспыхивает красным.

– Штраф – пять баллов! – сообщает приятный женский голос. – Слово «стукну» употреблено в блатном контексте.

– Я машинально, – вряд ли оправдания помогут.

– Учтено состояние возбуждения: длительный спор. А также учтено влияние старшего индивида, часто использующего жаргонизмы. Всё вышесказанное не освобождает от ответственности. Штраф: пять баллов.

То есть могло быть и хуже.

– Следите за чистотой своего языка. Счастливого дня!

Баба Софья щурится на меня сквозь дым. Она в таких случаях говорит: лохонулся, лузер!

Сегодня пришла мама, и о моём утреннем промахе она уже знала. Иначе быть не могло.

Мама. Мамочка. Она прошла по комнатам, и список необходимых дел летел за ней следом от окна к окну. Даже голос Клавы звучал веселее. Мама сменила привычный деловой костюм на платье, превратившись едва ли не в юную деву с копной русых волос, собранных в причудливую причёску. И этот аромат – майский ландыш – вплёлся в запахи дома тонким оттенком.

– Привет, лузер!

Её пальцы взлохматили мои волосы – я отстранился. У нас такое «здравствуй». Удивительно было заметить в уголках её глаз новые морщинки.

– Хай, мам! – к бабуле. – Как мелкий хипстер? Вёл себя хорошо?

А программа «Чистая речь» ставит штрафные баллы мне! О, взрослая несправедливость!

– С утра на измене сидит, – ворчит бабуля. – Не знает, как сказать Катьке, шо она стрёмная.

– Это Катя-то некрасивая? – Мама приподняла бровь, глядя на моё пунцовое лицо.

Да, чёрт побери, я краснею, как обычный здоровый парень! Терпеть не могу девчоноподобных чахоточных мальчиков с бледной кожей. Они мне напоминают девочек-истеричек. Как же бабушка их называет? Амурчики? Лямур… Ага! Гламурчики! Типа розовых котят с цветными бантиками на шейках, сидящих в корзинке. Пожалейте нас, девочки. Сю-сю-сю. У нас есть писюльки, и мы вас полюбим. Тю-тю-тю!

Фу-фу-фу! Гаддость с двумя «д»!

Но моё здоровое эго страдает от румянца стыда.

– Нет, мам. Понимаешь… Тут дело…

– Та, Марусь, при чём тут красота-шмарсота! Я говорю, шо девка нашего лошка застремала, – пустилась в объяснение баба Софья. – Короче, надоела она ему.

– Не лезьте в мои дела! – это я ору. – Не лезьте в… – даже слова поперепутались.

Виданное ли дело! Как такое терпеть!

Ухожу в свою комнату, затеняюсь и даже отключаю ай-виндж. Минут пять уходит на обиду. Чего-то глаза режет. Плакать? Ну, уж нет! Обычно ай-виндж оценивает моё эмосостояние и повторяет отцовские слова: «Чего сопли размазал? Кончай нюни! Ты – мужик!» Потом на плечо словно ложится отцовская рука – горячая с жёсткими мозолями.

Или напоминает: «Состояние гнева: слабость в конечностях в дальнейшем приводит к артриту. Понижение активности в области груди…» И дальше нечто подобное. Короче, человек имеет право только на счастье, когда почти всё тело – согласно

эмоспектру – активно, кровяные потоки в норме и прочее.

Нет, ну чего они все достали? Двое на одного… Эх, бабы! Языками только бы почесать попусту – тоже отцовские слова.

Татушка на предплечье слабо щекочет – кто-то просится в личку. Мама? Её шаги за дверью, но она не станет звонить, дождётся, когда выйду. Бабуля со своего планшетника? От неё извинений не дождёшься. Наверное, «Чистая речь» мне снова штрафные баллы прислала за повышенный тон. Интересно, если послать программу матом, какие санкции она применит? Матерщина давно вошла в раздел правонарушений, но что если составить матерное выражение по правилам?

Ладно. Кто там у нас…

– Привет.

Вот это уже не по-мужски. Мне надо было первым позвонить Катерине и извиниться. Теперь она звонит мне. Впрочем, «абонент» только что открылся после утреннего… недоразумения.

– Привет.

С ней произошла странная перемена, и я пребываю в смятении, пытаясь понять, что именно изменилось в моей подруге.

– Хорошо выглядишь, – произношу машинально, пока собираюсь с мыслями.

– Правда? – Она смущается. – А ты чего в темноте сидишь?

– Да так. Размышляю о сути бытия, – изображаю из себя мыслителя. На какое колено он локоть ставил? Катя улыбается. – Мама пришла на занятия. Готовлюсь.

В принципе, не соврал. Сейчас мне точно предстоят занятия по космологии.

– Извини. Я не хотела мешать. Просто утром…

– Послушай меня, Катерина, – когда я так произношу её имя, Катька слушает с вниманием – испытанный приём. – Нам многое надо обсудить и кое в чём разобраться, – беру инициативу в свои руки, – поэтому предлагаю сегодня поужинать в «Астории».

Глаза подруги смотрят на меня в упор: каряя с золотинкой радужка, чистый с голубизной белок и глубокие зрачки. У неё чуть раскосый разрез глаз, густые изогнутые ресницы бросают тени на веки.

Она отвела взгляд, задумалась. Неужели Катька готовилась к этому звонку? Подобрала слова и прочее, но моё предложение сбило её с толку. Что-то я совсем перестал понимать окружающих.

– Хорошо. В семь.

Отключилась без привычного кокетливого «пока» пальчиками правой руки. Кажется, жизнь меняет вектор? Как умно выразился:

жизнь меняет вектор. Хотя немного канцелярщина.

Выхожу из комнаты. Мама уже приготовила учебные доски – оконные стёкла в зале превращены в планшеты с диаграммами, схемами и справочным материалом.

– Как Катя?

Вот откуда знает? Бабы! Я мужик и держу себя в руках.

– Нормально, – подключаюсь через ай-виндж к семинарской программе. – Привет передавала, – и громко добавляю: – Сегодня в семь у нас свидание! Так что давай работать.

В дверном проёме балкона вижу густое облако табачного дыма – бабуля фыркнула, услышав моё восклицание.

Мужчина должен сам водить машину. Начал я со старого «мерса» отца в десять лет, когда смог достать до педалей. Да-да! Здесь не было автопилота. Я читал, что когда-то не на всех автомобилях стояли автоматические коробки передач, которые давно ушли в прошлое. Вот было время, ёлы-палы!

Катерина улыбнулась, слушая мой рассказ, и с уважением во взгляде наблюдала, как я справляюсь со штурвалом автоптера. Когда увидел её, выходящую из подъезда дома, едва не остолбенел. Цветок – первое сравнение, пришедшее на ум. Открытая длинная шейка, прелестная головка, увенчанная высокой причёской. Нет. Скорее, розовый бутон, готовый вот-вот раскрыться. Едва справился с румянцем, придержал за пальчики, пока подруга садилась в салон.

Гм! Лучшее, что я мог сделать, – рассыпаться в комплиментах и болтать всю дорогу, чтобы волнение окончательно не сковало. Тут как в боксе: пропустил первый удар и поплыл. Куда только делось её кокетство, жеманство? Почти другая девушка – сразу не разберёшься…

Мы сели посреди зала – от кого таиться? – откуда прекрасно просматривалась сцена.

– Сегодня выступает Долинина, – между делом заметил я, пока официант наполнял наши бокалы белым мускатом Красного камня.

– Ты серьёзно? – недоверчивый слегка растерянный взгляд. – У неё же всероссийское турне.

– Я её попросил.

Мне нравится Катин смех.

– Шутник!

– Ты не веришь? – Какая интрига!

Катерина выровняла спинку, удивлению нет предела.

– Даже не знаю… Но как?

С деловым видом чокаюсь своим бокалом о её бокал.

– Секрет. Нет-нет, не думай, что ты о нём не узнаешь. Просто… Оставим на потом.

А вот Катькин секрет я разгадал. Когда-то, при первой встрече, я ей понравился сразу. Чего тут скрывать! Она мне тоже. И, скорее всего, моя подруга обратилась к программе «Знакомство» – элементарная неуверенность в собственных силах. Программа оценила наши психомодели и выдала линии соприкосновения психотипов. Проще говоря, такому мускулистому самцу, как я, нужна Катька-кокетка с обольстительными формами. И начались короткие шортики, глубокие декольте, татуаж и прочее. В чём ошиблась программа? Просто верить ей надо так же, как астрологическому прогнозу: ну, Луна в Деве, ну, Марс в Водолее – может, они в гости зашли.

Закрытое светлое платье Катерине больше к лицу. Теперь я вижу её настоящую. Эти нежные хрупкие руки с тонкими пальчиками, нежные плечи…

– Что с тобой?

Что-что… Увлёкся и покраснел.

Катя отвернулась – мой румянец, похоже, рассмешил девушку.

– Прости.

– Да ладно. Ты прости. Я… Ты выглядишь… Ну, потрясающе.

– Спасибо, – она тут же изменила тему разговора. – Можно тебя спросить о личном?

Так-так-так. Я не готов, но поздно идти на попятную. Катя мне очень нравится, и я не собираюсь…

– Как мама?

Мама? Ах, мама. Действительно очень личный вопрос и говорить о нём можно лишь с другом или…

Она оценивает замешательство по-своему:

– Извини. Я не имела…

– Тих-тих-тих, – я беру её за пальцы, пытаясь остановить лишние слова. – Всё нормально. Всё в порядке. Мне о ней… Да и об отце всё равно хочется поговорить. И лучше этим человеком будешь ты.

Она не отдёрнула руку – они так тонки, эти нежные пальчики…

– Сегодня заметил на мамином лице новые морщинки. Представляешь? Она немножко состарилась. Интересно увидеть отца и дядю Лёшу.

– Они втроём занимаются с тобой?

– Да. Каждый в свой день.

Поджав губки, она убрала руку и огладила плечи, словно почувствовала дуновение ветерка и на мгновение озябла.

– Я бы так не смогла. Наверно, разревелась бы.

– Мне нельзя. Прямой потомок, наследник родительских талантов.

Пока был мал – скрывали, а потом папа с мамой сами всё рассказали об авиакатастрофе. Плакать я себе запретил – хотя очень хотелось. Потом однажды услышал, как бабушка шепнула маме: «Маруся, он быстро взрослеет». И помню грусть в глазах моих любимых женщин.

– Добрый вечер, дорогие друзья! – На сцене возник конферансье, и его восклицание вывело меня из задумчивости.

– Вот, пожалуйте, – постарался улыбнуться возлюбленной.

А чего ходить вокруг да около: девушка, подруга. Скажи ещё – товарищ! Катерина – моя возлюбленная. Надеюсь, взаимно.

– Сегодня у нас в гостях неподражаемая…

– Неужели Долинина? Точно – Долинина! Я не верила…

– Пустяки. Главное – сдержал слово.

– Просим! Просим! – Конферансье принялся аплодировать, и зал ресторана вторил ему.

Моложавая статная женщина в сверкающем сиреневом платье вышла на сцену, поклонилась аплодирующим и послала мне воздушный поцелуй.

– Браво! – стараюсь не краснеть, не краснеть…

– Вы знакомы? – Восторгу любимой нет предела.

Интрига! О, интрига!

Тишина воцарилась мгновенно. Зал заполнился музыкой, и прекрасный голос запел:

Всегда быть рядом не могут люди.

Всегда быть вместе не могут люди…

Я украдкой взглянул на экранчик ай-винджа: 22:00; «Пульс ровный. Стадия быстрого сна». Хорошо. Очень хорошо. Эмоспектр постепенно из «печали» переходит в «счастье» и даже немного больше – «любовь». Синий цвет конечностей постепенно переходит в красный – оранжевый – жёлтый, заливающий грудь и голову.

Во сне с нами порой случается удивительное. Кто-то странствует по далёким землям, кто-то летает, кто-то поёт. В реальной жизни необязательно обладать голосом и слухом, быть успешным и красивым. Во сне ты тот, кем хочешь быть. Здесь больше имеет значение твоя фантазия, стремление. Пусть даже ты прикован к постели… Да мало ли что случается с людьми в жизни, и ай-виндж с программой «Снопевец» поможет сбыться их мечтам. Зависимости от программы никакой: человек устаёт и желает отдохнуть даже от сна. В реале. Хотя иногда случаются

трудоголики.

К примеру, моя бабушка Софья. Мне приходится следить за её состоянием во сне, опекать. А иначе она может петь сутки напролёт, пылая от счастья. Софья Долинина. Ну, в девичестве.

Мерси Шелли
Фляжка

Памяти русских социальных сетей

В этот понедельник Вова Шкалик проснулся очень поздно. Голова трещала, во рту стояла африканская сушь. И подташнивало. А всё оттого, что вчера Вове улыбнулась удача. Да так широко улыбнулась, что чуть не сломала челюсть. Вовину.

С утра он обошёл мусорные контейнеры в соседних дворах, но ничего стоящего не нашлось. Ясен пень, по воскресеньям утром люди спят. А выкидывают всё в субботу. Бывают, конечно, случаи… В прошлое воскресенье вынесли большую связку книг. Не из современных, которые в мягких обложках с девицами, а вполне солидную классику, с крепкими корешками. Их Вова в тот же вечер сбагрил старикану, торгующему макулатурой у метро. Одну только книжку старикан забраковал, «Мифы Древней Греции»: слишком рваная и заляпана чем-то зелёным. Зато дал Вове аж семьдесят рублей за остальные.

Но то было в прошлое воскресенье. Такое не повторяется. Вова устроился на скамейке в замызганном скверике у гаражей и собирался немного вздремнуть – стоял ещё апрель, но день выдался тёплый. Тут-то удача и растворила пасть.

Один из соседей вышел повозиться с машиной. Раньше Вова с радостью присоединился бы. Он тянулся к гаражам по старой памяти, как бывший работник автопрома. Помогал иногда соседям с ремонтом. Раньше. Пока не потерял работу, не стал запойным и не начал выпрашивать «десяточку до получки». Тогда соседи начали сторониться Вовы, а то и вовсе гоняли его матом от гаражей.

Но и скверик давал хороший обзор. Сосед выкатил машину, открыл капот. Запиликала мобила. Сосед поднёс трубку к уху, выругался и направился к дому. Скрылся в подъезде. Гараж остался открытым. Вова подошёл, стараясь не перейти на бег. Руки тряслись, глаза разбегались от неожиданного подарка судьбы. Вова растерялся – что брать? Сдуру схватил первое, что ближе: у переднего колеса соседской «Волги» стоял аккумулятор. О том, сколько весят такие аккумуляторы, Вова не подумал. А бросать было поздно.

Ему пришлось таскаться с этой тяжеленной железякой ещё два часа. Дотащил до знакомой мастерской, где у него покупали

иногда палёные запчасти, и тут понял, что опять память подвела. Воскресенье, закрыто. Твою мать!

А на обратном пути Вову приняли менты. От скуки. Воскресенье, опять же. Он ещё побежал сдуру. Двинули под рёбра пару раз, сидел до вечера в клетке. Слава богу, в отделение знакомый капитан зашёл. Местный, Вова ему «газик» чинил в прошлом году. Отпустили. Но аккумулятор конфисковали, суки. С горя Вова прикончил свою последнюю заначку – флакон одеколона, припрятанный в дальнем углу серванта ещё со дня рожденья. Заначка добила его отвратительным мыльным вкусом. А запах-то нормальный был… От такого несоответствия Вова расстроился ещё больше. Даже одеколоны делать разучились. Вот был в своё время «Тройной»… А с этого современного польского ничего, кроме тошноты.

Когда он проснулся, вчерашние невзгоды пронеслись в голове вместе с болью, которой начинался теперь почти каждый день. Но в этот понедельник ломало совсем уж зверски. Вова вытащил флягу и открутил колпачок. Он знал, что там пусто. Но всё-таки запрокинул голову и потряс фляжку над языком. Ничего.

– Привет, Шкалик, – сказала фляжка голосом продавщицы из ларька. – Сколько у тебя осталось?

– Двадцать. – Вова потянулся к джинсам, валявшимся на полу, и вынул две смятые бумажки. Следом выпала какая-то мелкая монетка и тут же укатилась под диван.

– Запустить поиск собутов?

– Чё ты спрашиваешь, дура! Сама знаешь, что запустить. Куда я с двумя червонцами пойду? Рюмочную закрыли уже месяц как!

Фляжка мигнула синим индикатором.

– Новочерёмушкинская, 3А. Второй подъезд. У него тридцать.

– А ближе нет? – поморщился Вова.

– Нет. Поздно встал. Час назад были двое на Шверника. Уже нашли себе третьего. Ты мог два поинта заработать.

– Да нахера мне твои поинты… – Вова оделся, запихал фляжку в карман куртки и вышел.

* * *

Фляга не соврала. Дворы хрущёвок по дороге к Новочерёмушкинской были пусты. В хорошую погоду те, кого он искал, выползали на улицу, их сонные сгорбленные фигуры можно было легко отличить от спешащих на работу прохожих. Но вчерашнее солнце куда-то подевалось, денёк выдался промозглый, словно опять возвращалась зима.

Вова знал район и срезал дворы напрямую, перешагивая через кривые оградки вдоль тротуаров, обходя уродливые железные горки и лестницы детских площадок, загаженные собаками песочницы, разломанные скамейки… Вова люто ненавидел всё это, особенно скамейки и оградки. Каждую весну муниципальные гастарбайтеры-узбеки заново красили все дворовые постройки в попугайские цвета, и за последние годы Вова уже несколько раз садился на краску, которая потом не отстирывалась. На ту же засаду попадались многие люди – и детвора на лесенках, и мамаши на лавочках, ведь придурки с краской никогда не ставили никаких знаков и ограждений, а их дешёвая краска не просыхала неделями. Зачем вообще это надо? Почему не покрасить один раз и навсегда, козлы? Почему не покрасить ночью, такой краской, чтобы к утру уже высохло? Двадцать первый век, бля.

В нужном дворе фляга пискнула и зажгла зелёный индикатор. Вова огляделся. Здоровенный мужик с красной рожей, в мешковатом лыжном костюме, сидел около подъезда, скорчившись на трубе очередного детско-спортивного сооружения из отходов металлургии. «Ещё бы на горку залез, лыжник хренов», – подумал Вова.

– У тебя двадцать? – просипел мужик.

– Ага, – кивнул Вова. – Вместе будет полтинник. Можем взять маленькую.

– Погоди, тут третий намечается. – Красномордый помахал флягой. – Моя говорит, у него целая сотня есть. Метро «Нахимовский».

– Так зачем ему собуты? – удивился Вова. – За сотню сам может взять нормально.

– А тебе не всё равно? Может, за компанию. Я и сам в одиночку не люблю бухать. А может, он поинтов хочет набрать. И нам тоже перепадёт. Пошли.

– Далековато…

– Подскочим на маршрутке. Не ссы, я угощаю.

Но в маршрутке красномордый и не думал платить. Когда машина остановилась у метро, он пихнул Вову в бок – мол, валим. Народ спереди начал выходить.

– Ээ, кыто нэ заплатыл? – крикнул шофёр.

– Езжай в свою Черногорию, там заплатят! – огрызнулся красномордый, выталкивая Вову из маршрутки и выскакивая следом.

Их фляжки запищали одновременно, когда они подошли к подземному переходу. Около урны крутился сутулый волосатик в армейском камуфляже.

– Ты, что ли, третьим будешь? – спросил красномордый.

– Я, я! – Волосатик радостно махнул головой, откидывая патлы с лица. Лицо было опухшим и каким-то бабским. Пустые голубые глаза словно просвечивали насквозь.

– Ну пошли, что ли.

– Только это, мужики… – Волосатик замялся. – У меня нет ни копейки. Я так просто сказал. Думал, если у вас пятьдесят, так мы… то есть вы… я знаю тут ларёк один, у них за пятьдесят дают сразу пол-литра.

– Ах ты, гнида… – громко прошептал спутник Вовы. – У меня тринадцать поинтов уже… Я должен был за «сбор тройки» ещё четыре получить и на второй уровень выйти! Да я тебе сейчас!..

Вова непроизвольно втянул голову в плечи, когда увидел, как обиженный «лыжник» замахивается пудовым кулаком. Но удар не достиг цели – похоже, волосатик в военной форме привык к таким историям и был наготове. Он ловко юркнул под рукой противника и бросился в подземный переход. Мужик с красной мордой рванул за ним. Вова плюнул и побрёл домой. Голова трещала.

Он прошёл только две остановки по Нахимовскому, до заправки. Там в нос шибануло бензиновой вонью, и Вова понял, что сейчас уже точно блеванёт. Едва успел сбежать с проспекта в овраг.

* * *

В овраге полегчало. Здесь было тихо и безлюдно, даже машин не слышно. Речка мирно несла свои сточные воды среди кривых деревьев и мусора. Пустые бутылки, пакеты, автомобильные покрышки, останки мебели, катушки от кабеля – чего тут только не было. Но всё равно здесь лучше, чем в асфальтовом городе наверху.

Вова отдышался, прислонившись к дереву, вытер рот рукавом и потихоньку зашагал вдоль речки. По оврагу можно дойти до Ремизова, а там по Ульянова к своей «Академической». Может, у метро получится выпросить пятак-другой «на проезд».

Минуты через три он вышел на поляну с двумя высокими ивами, торчащими над глинистым берегом эдакой огромной вилкой. С одного дерева свисала верёвка, на ней что-то болталось. Вова вздрогнул. Нет, ничего особенного – просто деревяшка привязана.

«Тарзанка». На такой штуке он тоже когда-то прыгал через речку. В детстве, в деревне.

Хотя, постой, что значит «в деревне»? Это ведь где-то здесь… Ну да, после войны тут ещё не было города, а была деревня Котловка, где они жили с матерью и сестрой. А потом все переехали в хрущёвки, как раз вверх по Ульянова. Но на речку продолжали бегать. Только речка вроде другая была, поближе… Ан нет, та же самая! Просто её упрятали в подземный коллектор, снаружи остался только этот дальний кусок в овраге, по другую сторону Севастопольского. Надо же, вот ведь куда забрёл…

Вова даже приостановился, разглядывая верёвку-качель, которая вытягивала из памяти картинки прошлого, словно старый чемодан с фотографиями из-под дивана. Картинки шли не по хронологии, а в своём собственном порядке, зацепляя истории разных времён. Вот и слово «тарзанка» – конечно, в детстве они так не говорили. Это позже он услышал, лет пять назад, когда выгуливал племянников. Дети сестры были уже совсем городскими – капризные, вялые, на уме одни киндер-сюрпризы да телевизор. Но главное, что поразило Вову: они совершенно не умели общаться со сверстниками, даже в собственном дворе не знали соседских ребят.

Оно и понятно, город. Никуда не отпускают одних, школа-дом-школа… Если играть, то только в этих голых собачьих дворах под присмотром либо в специальных загонах игровых центров в больших супермаркетах. Там племяши и видели «тарзанку». И требовали, чтоб Вова отвёз их к ней. А он вместо этого привёл их на речку, перекинул брезентовую стропу через высокий сук дерева… Пацаны были в восторге. Им даже в голову не приходило, что такое можно сделать самим. И прямо над водой летать, и никто не ругает, не орёт с балкона «Отойди от грязи!!!». А сколько ещё всего они не знают, что было у нас в детстве, с грустью подумал в тот день Вова. Никогда ведь не было скучно. Футбол, лапта, «казаки-разбойники», игра «в банки», «в пробки»… И ездить не надо было никуда, и покупать. То есть покупать и нечего было. Таких игрушек, как сейчас, отродясь не видели. Зато все были как-то связаны, знали друг друга на два района вокруг. Откуда брались все эти дворовые игры, вся эта ценность простого фантика в кармане, верёвки на дереве, меловой стрелки на асфальте? Почему всё это пропало, стало ненужным мусором в овраге? Вова вздохнул и двинулся дальше.

За очередным поворотом тропинки он приметил дымок костра. И пошёл медленнее.

Компания, четыре парня и девица. Одеты прилично, смеются. Явно не бомжи и не алконавты. Хотя бутылку «Столичной» в руках девицы Вова разглядел издалека. Но ещё сильнее подействовал запах шашлыков. Вова вспомнил, что второй день

не ел. Снова подступила тошнота.

Да только они ведь сразу пошлют подальше, когда увидят такую опухшую рожу… Вова тихо ступал по тропинке, не решаясь свернуть в сторону костра. Один из парней заметил его и махнул рукой. Вова помахал в ответ и решил, что можно подойти.

– День рождения отмечаете? – спросил он, стараясь улыбаться натурально.

– Какое там рожденье! Сократили нас всех! – воскликнул парень, который махал. – Последний день гуляем.

– И я тоже… уволили…

– Ого, так мы товарищи по несчастью! За это надо выпить! Да вы не стесняйтесь, подходите. Лена, налей товарищу! Шашлычок вот берите на закусь.

Девица встала, озираясь в поисках посуды.

– Мне можно сюда. – Вова протянул флягу.

Девица плеснула так щедро, что замочила ему рукав.

– Сто пятьдесят семь граммов! – бодро сказала фляга. – Но сеть собутов не использовалась. Ни одного поинта не получаешь, Шкалик.

Девица с бутылкой ойкнула и отпрянула. Парни захохотали.

– А, это… эксперимент такой… – Вова помахал флягой. – Бесплатно раздают, вроде социальной помощи…

Он рассказал, как фляга помогает находить собутов. И как начисляются поинты, если удалось найти больше двух человек. Ну и там уровни разные, вроде как должны ещё какие-то бонусы давать, если дорастёшь.

– Блин, да это же настоящая социальная сетка! – воскликнул один из тех парней, что пока молчали. – Мы как раз этим занимались, только в Интернете! А с таким девайсом можно вообще круто замутить! И совместные покупки оптом, и поиск попутчиков для туризма, и…

– Не трави, Димон, – мрачно перебил его другой, постарше. – Перед инвесторами надо было эти песни петь. А сейчас поздно уже. Кризис подкрался, закрыли лавочку. Ты лучше спроси у товарища, где такие фляжки раздают. Может, нам завтра тоже на опохмел не хватит.

* * *

Вторники Вова любил. Это была такая маленькая персональная религия, не требовавшая улыбок сторонней удачи. По вторникам Вова не ждал чудес, но был свято уверен, что плохих событий в эти дни случается меньше. Так что по

вторникам он вроде как отдыхал либо делал что-нибудь простое и ненавязчивое.

В этот вторник он снова пошёл в автомастерскую, куда не попал в воскресенье со злосчастным аккумулятором. Тамошний халтурщик Витёк был должен Вове двести рэ за разные запчасти, которые Вова ему притаскивал. Витёк не отдавал долг с февраля, прекрасно зная, что Вове всё равно некуда девать краденое.

Понимал и Вова. Но воскресное происшествие с аккумулятором навело его на новый подход. Он рассказал Витьку, что в выходные добыл для него хороший товар, но мастерская была закрыта, так что пришлось продать другим людям. Которые, кстати, расплачиваются сразу. Извини, мол, теперь буду с ними работать.

Он не особо надеялся на эту байку, но, кажется, магия вторника сработала. Витёк понял намёк и сразу отдал Вове стольник. А оставшуюся часть долга предложил натурой, наполнив Вовину флягу какой-то новомодной спиртовой протиркой. Пахла протирка паршивенько. Но в ответ на Вовины претензии Витёк закатил ему целую лекцию – мол, современная химия для автомобилей гораздо чище того, что хлебают люди в наши дни.

По дороге домой Вова купил батон, чай и банку кабачковой икры. И весь вечер провёл на диване, читая забракованные уличным букинистом «Мифы Древней Греции». Нормальный такой вторник.

* * *

– Доброе утро, Владимир.

– Чего? – Вова протёр глаза и уставился на флягу.

– Поздравляю. У вас тридцать четыре поинта.

– Откуда?

– За привлечение пятерых новых участников в сеть собутов. Вы, Владимир, теперь на втором уровне. Вам причитается вознаграждение.

– И где оно?

Фляга назвала адрес. Это было рядом, на Ленинском. Пятнадцать минут ходу. Невзрачное кафе с табличкой «Закрыто на дегустацию». Вова помялся у двери, не зная, что делать. Но тут фляга пискнула, и дверь открылась.

– Проходите, пожалуйста, – приветствовала Вову толстая тётка в синем фартуке.

Вова прошёл. В кафе было человек десять. Половина за

столиками, другая половина толпится у бара. Явных опойков не заметно, но все какие-то мятые. Вова встал в хвост очереди. Очередь шла быстро.

– Ну-с, что будем пить? – улыбнулся белобрысый бармен, когда дошло до Вовы. В вопросе чувствовалась какая-то издёвка.

– Самое лучшее будем пить, – сказал Вова, стараясь повторить шутливую интонацию.

– Значит, «Косорылов Самогон»!

Бармен нагнулся под стойку. Вова встал на цыпочки и заглянул туда же. Кроме ящика «Косорылова», никаких других бутылок там не было. И судя по цвету жидкости в пластиковых стаканчиках окружающих, все пили одно и то же. Вова взял с бара свой стаканчик, отхлебнул. Не одеколон, и на том спасибо.

Смысл ухмылки бармена он понял позже. Дома фляга объяснила ему, что такую халявную выпивку можно получать хоть каждый день, но её надо отрабатывать. Как? Надо рассказывать о «Косорылове». Не менее чем трём людям в день.

Сначала Вова послал флягу подальше. Но задумался. Работа-то непыльная. Всяко лучше, чем по мусорным контейнерам шарить… Он выглянул в окно. Сосед, у которого Вова стащил аккумулятор, снова возился у гаража со своей «Волгой». Вова решил попробовать.

Из-под раковины на кухне он извлёк ящик с инструментами. Ну, это громко сказано: почти все свои инструменты Вова давно пропил. В ящике оставались только молоток и маленькая крестовая отвёртка со сбитым жалом. Вова взял отвёртку и пошёл на улицу.

– Привет, Петрович! Не ты отвёртку потерял? Валялась тут рядом.

Сосед мрачно глянул на Вову. Но хитрость с отвёрткой помогла: сразу не послал.

– Нет, не моя. А ты не видел тут в воскресенье… Кто-нибудь по гаражам лазил?

– Пацаны вроде крутились, с первого подъезда. А чего?

– Да аккумулятор у меня спёрли, скоты.

– Такая молодёжь теперь, Петрович. Ты отвёртку-то бери всё равно, мне ни к чему.

Сосед взял у Вовы инструмент, всё ещё недоверчиво заглядывая ему в лицо:

– Завязал, что ли?

– Ну, как-то так… Работёнку нашёл вроде. Вчера как раз отмечали. Кстати, классную вещь пили, советую попробовать…

Работа и вправду оказалась непыльной. За остаток дня Вова легко нашёл ещё двух собеседников, которым можно было

порекомендовать новую выпивку. Фляжка назначала поинты за каждый разговор.

Вечером, лёжа на диване с «Мифами Древней Греции», он даже почувствовал какое-то сходство с Прометеем. Он вырвал из книги картинку, где орёл выклёвывает прикованному Прометею печень, и повесил на гвоздь в стене.

* * *

Сорвался Вова через две недели. Оказалось, что бухло, предназначенное для рекламы, каждую неделю разное. Первые две марки Вова вполне переваривал. И даже, наверное, успел привыкнуть к халявной выпивке неплохого качества. Иногда он уносил бухло с собой во фляге и тем убивал сразу двух зайцев. Во-первых, реклама получалась более естественной, когда он угощал собеседников. Во-вторых, он разводил их на закуску – и не голодал.

Но на третью неделю стали наливать полнейшее говнище из вычурных бутылок с яркой наклейкой. Можно было и не пробовать, Вова давно знал этот закон: если этикетка на бутылке раскрашена в такие же попугайские цвета, как металлолом на детских площадках, – значит, в бутылке отстой. Однако Вова честно отработал воскресенье и понедельник, впаривая это жуткое пойло соседям, знакомым и просто случайным встречным.

И тут настал вторник, любимый Вовин день и персональный выходной. Нарушать уважение ко вторнику было никак нельзя. С утра Вова сходил на дегустацию, убедился, что разливают тот же отстой, – и ушёл в глухую оборону. Он весь день игнорировал фляжку, которая пищала и требовала, чтобы он шёл продвигать пойло в уличных разговорах. Вова делал вид, что не слышит. Он думал. Совсем расставаться с фляжкой не хотелось. Но и заниматься этой хернёй сегодня, именно сегодня, не хотелось тоже.

Он так ничего и не придумал до самого вечера. Зато понял, что хороший день вторник угроблен. И когда фляжка визгливым голосом продавщицы в десятый раз потребовала, чтобы он шёл на улицу и разговаривал с людьми о «классном новом напитке», Вова не выдержал. Он заговорил с фляжкой. Так, как не говорил никогда.

– Да кто ты такая, чтоб меня учить?! Ты на себя посмотри! Кто, блядь, тебе такую пробку сделал, которая через два дня протекает? Ты вообще знаешь, что такое «притёртая пробка»?! Да любой китайский термос тебя своей пробкой выебет!

Вова отвернул пробку, бросил на пол и расплющил каблуком.

– О, какая теперь! Притёртая к полу, хах! И тебя саму не мешало бы приплюснуть. Кто же такую уебищную форму придумал? Куда это гусиное яйцо засовывать? Они что, нормальных армейских фляжек не видели? Сплющить надо. Да и согнуть ещё, чтобы в заднем кармане лежала нормально.

Вова положил фляжку на стол и треснул кулаком по выпуклому боку «гусиного яйца». На фляжке появилась вмятина. Вова стукнул ещё раз. Отлетел крепёжный кронштейн.

– Ой, прости, я догадался, для чего эта херовинка была! – продолжал заводиться Вова. – Наверное, чтобы на поясе носить, а не в кармане! Тогда почему эта крепёжка такая маленькая? Где ты видела у мужика ремень шириной в один сантиметр? Ну, чё молчишь? Весь день трындела, а как отвечать надо, так заткнулась?!

Индикатор фляжки вдруг мигнул оранжевым. Вова никогда не видел такого сигнала и не знал, что это означает. Но ему было уже по барабану.

– Хуле ты мигаешь, дура? Ты же и мигать не умеешь толком! Какой криворукий гандон приделал тебе индикатор на боку, на самом выпуклом месте, так что он всегда за одежду цепляется?! Почему не разместить его под горлышком? Или ваши тупицы не знают, что у большинства людей эта лампочка отлетает уже через неделю? Вот так, гляди!

Вова резко провёл флягой по ребру столешницы. Индикатор разбился.

– Молчишь? Нечего сказать? Ну и катись.

Он размахнулся и метнул побитую флягу в форточку. И сразу почувствовал себя легко и весело.

А потом чертовски захотелось спать. Уютно свернувшись на диване и уже проваливаясь в сон, Вова вспомнил, что две недели назад Витёк из автомастерской звал его к себе работать помощником. Там у них как раз один слесарь ушёл, переехал в другой город. Из-за этой дурацкой фляги предложение совсем вылетело из головы. Надо не забыть с утра…

* * *

– С добрым утром, Владимир Степанович.

Вова разлепил глаза. Над ним стояли двое – большой лысый и маленький узкоглазый. Оба в строгих чёрных костюмах. Вова вспомнил лысого: это он выдавал фляги в том странном «центре реабилитации». Интересно, как они вошли, подумал Вова. Ах да,

он же сам давно перестал запирать дверь. Брать-то в его конуре нечего.

– Я… это… – Вова сделал руками жест, изображающий флягу. – Потерял. Очень извиняюсь.

– Мы уже нашли ваш собутлинг-коммуникатор, Владимир Степанович. Более того, наша система мониторинга зарегистрировала очень необычный фидбэк с вашей стороны. Мы считаем, что ваши способности недооцениваются. И предлагаем вам серьёзное повышение.

– Пятый уровень? – усмехнулся Вова.

– Нет. В данной сети вообще нет такого уровня, на который вы вышли. Господин Хуо, представитель головного офиса нашей компании, утверждает, что вы совершили некий «сингулярный прорыв». Он захотел лично увидеться с вами.

Вова поглядел на узкоглазого. Кореец, что ли? Хер их разберёшь.

Узкоглазый, в свою очередь, с любопытством рассматривал Вову и его конуру. А потом быстро залопотал на своём собачьем языке. Лопотал он долго, минуты две, по-ленински указывая прямой рукой – то на Вовину люстру без плафона, то на картинку с Прометеем на стене, то на банку из-под кабачковой икры, что стояла на полу возле дивана. Наконец он заткнулся и поклонился, как сломанная кукла.

– Господин Хуо благодарит вас за ценные замечания по дизайну коммуникатора, – перевёл лысый. И протянул Вове конверт.

– Это на первое время. Советую потратить на одежду. Остальное вам подскажет ваш персональный гид. Вот он.

Лысый вынул из кармана маленькую чёрную коробочку, какие бывают в ювелирных. Раскрыв её, поставил перед Вовой на стол. В коробочке лежала золотая серьга-клипса со сверкающим камешком. Когда Вова отвёл взгляд от камешка, людей в пиджаках уже не было.

Вова заглянул в конверт: евро. Он таких даже никогда не держал в руках, знал только по картинкам в сберкассе. Вова аккуратно положил конверт на диван. Достал серьгу из коробочки, повертел в пальцах. Да уж, ходить с такой штукой… Пидорский будет видок. Может, продать и свалить? Неа, найдут. Сейчас ведь нашли, хотя ни адреса не оставлял, ни имени, когда фляжку получал.

Он вздохнул и надел клипсу на ухо.

– Здравствуй, Володенька, – сказал голос в голове. – Меня зовут Ксения, но для своих я просто Барабака. А мы с тобой теперь свои, ха-ха.

– И что с тобой делать? – пробормотал Вова.

– Ой, так много всего интересного! Сегодня, например, пойдём в галерею «Винзавод». Там презентация, тебе надо будет посмотреть, а потом откомментировать на наших площадках.

– Чего смотреть-то?

– А не всё ли тебе равно, мой сладкий? Может, сумочки новые покажут, а может, косметику. Да ты не беспокойся, коньячок там тоже будет, хороший.

Сергей Чекмаев
Старый мистер Краус

Терренс Диксон из Пенсильвании забрался в чужой дом, ограбил его, но не смог выбраться из запертого гаража. Хозяева были в отпуске, поэтому целую неделю Диксон был вынужден питаться только кормом для кошек, запивая его колой, ящик которой хранился в гараже (это все продукты, которые он смог найти). Вор-неудачник подал в суд на страховую компанию хозяев дома и получил 500 000 $ компенсации за жуткие моральные страдания. Терренс утверждал, что с детства страдает клаустрофобией и что отсидка в запертом гараже спровоцировала у него психологическую травму.

Из сообщений СМИ

Старая кляча Краус висел у нас на примете очень давно. Цель подходящая, не какой-нибудь там нувориш, нагревший руки на лунных инвестициях, у которого вместо пульса – колебания курса гелия-3. Или молодящаяся золотая гниль, что поставила главной целью как можно сильнее разрушить собственный организм за папины деньги. Нет, настоящий потомственный триллионер, классический делатель денег из всего, и в первую очередь – из своих же, семейных капиталов, третий в роду фон Хаусхофферов. Впрочем, что я вам рассказываю? Рейтинг Форбс читают все.

Краус потомственные денежки приумножил солидно и даже, балансируя на краю паралича и слабоумия, сурово нависал тенью над всей своей империей. Менеджеры пугали его именем стажёров, старшие партнёры – клиентов и подрядчиков, пусть сам он уже давно не показывался в главном офисе. Финансовыми потоками рулили доверенные управляющие, но ко всем счетам корпорации «Индастриал Маджестик» Краус всё ещё имел неограниченный доступ.

Перехвати управление на часик-другой – и многое в твоей

жизни переменится.

Если сможешь найти лазейку, конечно.

Мозговитые парни с нашей стороны работали не один месяц. Через Сеть не взломаешь, через банк – тем более, и сильно повезёт, если копы опередят внутреннюю безопасность корпорации. Иначе вместо тёплой отсидки можно загреметь на лунные копи навсегда.

Оставалось одно: пробраться в дом и немножко поуправлять денежками с личного терминала. Офшорные счета, отрицательные проценты, одноразовые карточки… всё было давно готово. Не хватало только самого главного – денег Крауса. Налопатив кучу кредитов и уйдя на покой, сволочной старикан не утратил тяги ко всему самому дорогому и престижному. Он построил себе гиперхаус.

Вы думаете, гиперхаус – это такая новомодная игрушка для богатеньких? Вроде как умный дом с хитрыми примочками: батареи на крыше поворачиваются вслед за солнцем, климат по вкусу, вода тройной очистки из собственной скважины… Если бы! Гиперхаус – самая настоящая сиделка, заботливая домохозяйка, медсестра, диетолог и тренер по фитнесу в одном лице. По дрожанию век и суженному зрачку подбирает освещение, в ответ на одышку и хрипы в голосе предложит взамен привычных сигар лёгкие курительные палочки, а, пардон, по анализу вчерашнего обеда составит диету на следующую неделю. Экспресс-лаборатория встроена прямо в унитаз. Короче, настоящий подарок для старых пердунов с деньгами, вроде Ханса Мария Крауса фон Хаусхоффера.

Ну, и конечно, гиперхаус лучше всех на свете охраняет покой и благополучие своих жильцов. Электронный сторож, который никогда не спит, не болеет, не напивается, не думает о девках. И который никогда не смотрит в другую сторону, потому что наблюдает за всем сразу. И стоит вырубиться хотя бы одной камере – на пульте у копов тут же заполыхает красным тревожный сигнал. Через минуту прискачет тяжеловооружённый патруль с огнём в глазах, приплясывая от нетерпения. Что может быть почётнее и выгоднее, чем защитить беспомощного старичка за его же деньги?

Одна радость, скрипучий мешок с костями на пороге маразма впал в классическую мизантропию: решил, что все вокруг охотятся за его деньгами. Никаких сиделок, мажордомов, экономок – минимум личного общения, как можно меньше чужих лиц и чужих звуков. В общем, могильная тишина. Привыкает, старая кляча, готовится.

Поэтому личной охраны в доме не было, квадратные парни с

нейронными глушилками периметр не патрулировали. Да и зачем? Гиперхаус сам себе охрана почище целого полка мордоворотов.

Осталось удалить из дома самого хозяина. Хаусхоффер был изрядным домоседом, и никому не улыбалось, проникнув в дом, столкнуться с ним нос к носу.

Но как? Сымитировать пожарную тревогу? Бесполезно. Гиперхаус потушит огонь задолго до прибытия красных машин и бравых парней в золотых касках. Приглашения на званые вечера Краус спускал в утилизатор, не читая, а там, где кровь из носу требовалось личное участие, вместо него светили голливудскими улыбками многочисленные директора и управляющие. Визиты к докторам заменял всё тот же гипер, отправляя ежедневные анализы пачками и сверяясь по новейшим методикам от самых дорогих врачей.

Но была всё же в броне у старого пня одна маленькая лазейка. Он обожал поло. Разумеется, большую часть матчей смотрел дома, не вставая с утки и грелки, но на открытие сезона или на важные кубковые матчи всегда являлся сам.

На стенах нашей совещательной комнаты висели расписания и таблицы всех трёх лиг, исчёрканные маркерами, словно кирпичная стена в Гарлеме.

И вот – дождались. В день кубкового полуфинала Главной лиги наши наконец доложили, что Краус укатил на разъездном роллс-ройсе. И не просто потрясти песочек и проветрить старые кости – водитель полчаса забрасывал в багажный отсек чемоданы. Старикан, конечно, чокнутый на всю голову, но даже он вряд ли заберёт с собой половину гардероба, уезжая на час.

Значит, Краус отчалил надолго. Скорее всего, на несколько дней – до города, где проходит полуфинал, даже по верхней линии хайвея добираться не меньше шести часов. Вряд ли он поедет обратно сразу после матча, останется ночевать в гостевом доме для ВИП-персон.

В итоге времени у нас навалом. Для подстраховки будем считать – сутки. Вполне достаточно.

– Хорошо, – сказал Трамп, наш мозговой трест и та ещё сволочь. – Подытожим ещё разок, что у нас есть. Через главный вход войти мы не сможем: сканер сетчатки не обманешь. Зрачок ещё можно сымитировать линзами, а вот старческую катаракту – нет, медкарта Крауса охраняется, как форт Нокс.

Его поддержал Микаэль, невозмутимый и бесстрастный, как статуя индейского бога:

– В коммуникации лезть тоже бессмысленно, там датчики

движения, вакуумные запоры и куча прочей неприятной дряни. Вентиляция, водопровод, канализация, доставка – везде хода нет. Даже если успеем нейтрализовать известные системы, нет гарантии, что у гипера не припасено что-то в запасе. Блокирует внутри и даст сигнал на пульт. Потом вырежут вместе с трубой и в таком виде доставят на лунную орбиту. В общем, наш первый шаг очевиден – гараж. В него имеют доступ шофёры, обслуга электрокаров, страховка…

– Короче, – проворчал Бинго, электронщик, – их личные карточки обошлись нам дёшево, а коды доступа я давно уже подобрал. Всё готово, Трамп. Можем начинать хоть сейчас.

– Не торопись. Что у нас по системам гипера, Хоук? Разобрались?

Не знаю, откуда у Хоука взялось его прозвище. На ястреба он похож не более, чем я на гиппопотама. Высоченный, сутулый, с длинными обезьяньими руками. Но дело своё знает. Говорят, он ещё в детстве десятками щёлкал охранные системы супермаркетов. Просто так, за коробку тянучек или блок жевательной резинки.

– Не порадую. У дома три основных режима – «Сторож», «Слуга» и «Сиделка». Первая охраняет территорию, вторая подаёт Краусу в постель апельсиновый сок, подбирает костюмы и цвет галстука, третья вытирает ему сопли и чешет пятки. Обычно все три функции работают одинаково интенсивно, но, уезжая, Краус выкрутил первую на максимум. И сейчас защита дома… – он покрутил пальцем у виска, – несколько усилена.

– Лучше сказать: параноидальна до крайности.

– В целом – да. Соваться в гипер напрямую я бы не советовал. Тухляк абсолютный. Но есть маленькая уязвимость в схеме управления. И если мы сделаем всё чётко…

– Ясно, ясно, – прервал его Трамп. – Значит, как и планировали. Первая часть операции: проникновение в гараж. Как ты, Мэнни? Готов? Не мандражишь?

– Нет, – ответил я. Кратко, без подробностей. Зачем напоминать, все и так прекрасно знали, сколько потов и килограммов сошло с меня, пока я, и так самый маленький и тщедушный в группе, сгонял вес до жиденьких сорока восьми высушенной глисты Крауса.

Конечно, я храбрился. Тогда мне и в самом деле казалось, что дело почти на мази и что вся многомесячная подготовка наконец-то принесёт свои плоды.

Но сейчас, стоя на бетонном полу гаража среди запахов пластика, машинной химии и озона – старик предпочитал

новейшие электромобили, – я ощутимо дрожал.

Во-первых, внутри было холодно. Не знаю уж почему, может, гипер предпочёл не тратить ресурсы на подогрев вспомогательного помещения, если в доме всё равно никого нет.

Во-вторых, карточка доступа сработала как надо, меня впустили внутрь, но сейчас для охранных систем я был не более чем временным гостем. С правом доступа, но подозрительным. А учитывая параноидальный статус «Сторож», – подозрительным вдвойне.

Гиперу ведь всё равно кто я: водитель, менеджер службы доставки или ремонтник. Дальше гаража мне ходу нет. И если только дом заподозрит, что я не тот, за кого себя выдаю… за спиной схлопнутся лепестки грузовых дверей, а где-то на пульте зайдётся суматошными трелями сигнал тревоги. Хорошо, что за мной приедут обычные копы, но всё равно за незаконное проникновение мне впаяют минимум полгода общественных работ. Плюс подделка карт доступа, покушение на взлом гипера… короче, на свободу я выйду нескоро.

В общем, было отчего дрожать.

Хоук потратил не меньше получаса, чтобы разложить всё по полочкам. Как раз на такой случай: чтобы я не впал в панику ещё до начала операции.

– Гипер, само собой, не пальцем сделан. Его очень умные ребята программировали. Но сам принцип того, что дом открыт, то есть хозяин не сидит в нём безвылазно, как улитка в раковине, даёт нам неплохие шансы. Понятное дело, гараж со всех сторон изолирован от дома, потому что более уязвим. В него имеют доступ куча людей, и дом просто свихнётся всех проверять.

– Ему и не надо, – заметил я. – Достаточно просто закрыть доступ из гаража внутрь. С доставленными товарами можно и потом разобраться, в тишине и спокойствии. Когда никого не будет.

Он возликовал так, будто я – лучший ученик в его классе и только что дал правильный ответ.

– В точку, Мэнни! Но ты забыл одну маленькую деталь: сам Краус тоже иногда прибывает в дом через гараж. Как пассажир. Садится в личный лифт и поднимается в апартаменты.

– Лифт не впустит меня внутрь. Там наверняка следящие системы, отпечатки пальцев, сканирование сетчатки и прочее счастье…

– А вот и нет! Сам гипер закапсулирован, и любое проникновение в него действительно должно пройти через охранный периметр со всеми подтверждающими личность

процедурами. Но гараж в зону абсолютной недоступности не входит.

– А что входит? Лифт?

– Браво! Ты далеко пойдёшь, мальчик! Именно лифт. Но не в тот момент, когда он стоит внизу и ждёт пассажира. Только когда едет. Уже едет. Понимаешь?

* * *

Хоук и Бинго считали, что предусмотрели всё. Но они остались там, в совещательной комнате, ходить из угла в угол и грызть ногти. А я пребывал здесь, посреди гаража, в пяти метрах от сталепластиковых створок лифта.

Использованная карточка сервисной службы больше не могла мне помочь. Своё дело она сделала – теперь придётся потрудиться и мне.

На панели лифта не было никаких кнопок. Ну, конечно, зачем Краусу тыкать сенсоры, если дом и так знает, кому и куда ехать. Но для этого он должен признать во мне хозяина. Точнее, допустить, что он – это я.

И никаких кодовых слов. Понятно почему: старый склеротик забудет даже самые короткие, а простой пароль здесь не подходит. Значит, что?

Я откашлялся. Достал из кармана аэрозоль с гелиевой смесью, вы такие сто раз видели на аттракционах. Разумеется, ничего запрещённого, небольшая доза, только чуть-чуть улучшить настроение. Помните, как становится смешно, когда все начинают верещать писклявыми голосами?

Мы собрали в Сети все записи выступлений фон Хаусхоффера. Неделю я тренировался подделывать голос в точности до третьего знака после запятой. На слух мы не полагались, проверяли анализатором. Только когда графики записей наложились один на другой почти идеально, Трамп дал добро. Мои связки тогда постоянно болели, и голова трещала от инертной смеси – столько газа я не нюхал ещё никогда.

Баллончик пшикнул, холодная струя обожгла нёбо. Я снова закашлялся и запустил секундомер.

– Когда, наконец, приедет этот проклятый лифт? – сварливо проскрипел я.

Видимо, тембр совпал с исходником, потому что генератор загудел, кабина пошла вниз. Ребята могут мной гордиться – голос получился петушиный и жёлчный одновременно. Стопроцентный Краус.

Когда двери открылись, я не сразу заставил себя сделать шаг внутрь. Несмотря на все наши хитроумные планы… это был прямой путь в ловушку. Стоило лифту закрыть двери – и меня ничто уже не спасёт. А проверки будут, я не сомневался. Для того и крутил часами педали на велотренажёре, изматывал себя до головокружения, заедая мышечную усталость низкокалорийной пищей.

Лифт взвешивает гостя. Если сегодняшним утром Крауса пробрал понос или – наоборот – он плотно наелся за завтраком, меня ждёт неприятный сюрприз. Масса тела – крайне изменчивый параметр. Чуть меньше, чуть больше, и неприятности обеспечены.

Конечно, кроме взвешивания будут и другие проверки. Но, как уверял меня Хоук, уже там, наверху, на жилом этаже гиперхауса. Часть проверок лифт проведёт сам, во время движения, но самое сложное начнётся потом.

Пока же следящим системам хватило моего голоса. И – через несколько секунд, когда лифт тронется – веса.

На табло неумолимо бежали секунды. Надо решаться, иначе опоздаю.

Я шагнул вперёд, за спиной бесшумно закрылись двери, отрезая мне путь к отступлению.

Кабина тронулась, и я непроизвольно втянул плечи, ожидая сигнала тревоги.

Но ничего не случилось. Сирена молчала – значит, мой вес показался гиперу подходящим.

Секундомер отсчитывал мгновения. Вот сейчас… ну же! Прямо сейчас!

Резко мигнул и погас свет. Лифт вздрогнул и остановился, пришлось схватиться рукой за стену, чтобы не упасть.

Вовремя.

Хоук приволок на очередное заседание кипу распечаток – какие-то схемы и графики. Но быстро увлёкся и, как это часто с ним бывало, взялся рисовать прямо на планшете.

– Пока у гипера стоит «Сторож», шансы малыша внутри невелики. Дом проверит его по полной и уже где-нибудь да и заметит подмену. Мы не знаем всех параметров и никогда не узнаем, даже если взломаем доступ на сервера фирмы-производителя. Следящие системы настраиваются индивидуально.

– И что ты предлагаешь? – спросил Трамп.

Да-да, мне тоже интересно. Это ведь не им рисковать шкурой. Внутрь полезет малыш Мэнни, пока вся остальная команда будет отсиживаться в успокоительной полутьме совещательной

комнаты.

– ЭМИ.

– Что?

По-моему, мы спросили это одновременно. Я, Трамп и Бинго.

– Электромагнитная атака. Один мощный импульс, который разом отрубит электричество в доме.

Бинго пожал плечами:

– Ерунда. У гипера целая куча резервных мощностей – от солнечных батарей на крыше до генераторов в подвале. После ЭМИ он будет в нокдауне считаные мгновения, максимум секунду. Мы не успеем даже первую линию защиты взломать.

– А зачем взламывать? Что первым делом происходит с любой системой, когда выключат электричество?

– А! – Трамп повеселел. – Вот ты о чём! Она перезапускается!

Хоук улыбнулся словно сытый кот:

– Точно так. Все настройки обнулятся, и гипер перезагрузится в исходное состояние. То есть в лучшую в мире Сиделку, а не в самого подозрительного Сторожа.

– Как Сиделку? – спросил я. – Это что, заводские настройки?

– Не совсем. Но в рекламных проспектах модель гипера, которую построили для Крауса, описана как идеальный домашний помощник, лучший бэбиситтер, постоянно следящий за местоположением и состоянием детей, пожилых родственников и домашних животных. Хаусхофферу, конечно, делали персональный заказ, но основные параметры никто менять не стал. Старый пень – тот же малолетний карапуз. За ним тоже надо следить, чтобы не перегрелся, не почувствовал себя плохо, вовремя съел таблетки и кашку.

Лифт висел в темноте с минуту. Я чувствовал, как сильно дрожат мои руки, но в целом начал успокаиваться. Бинго не подвёл – заряд ЭМИ сработал точно по графику, в тот самый миг, когда кабина поднимала мнимого Крауса на верхний, жилой ярус.

В темноте запертого пространства становилось неуютно. Я даже рассердился на себя – ещё не хватало получить приступ клаустрофобии! Запертая консервная банка давит на психику, и от этого ощущения так просто не отделаешься.

Стены вздрогнули. На мгновение включился свет, помигал немного и загорелся окончательно. Потом вдруг снова погас, а лифт дёрнулся.

Да, конечно, я помнил все объяснения Бинго – перезапущенный гипер первым делом проверяет вспомогательные системы и устройства. Но как же хорошо говорить об этом вдали от пластиковых стен, которые грозят сомкнуться, раздавив меня,

как опасную букашку.

Проклятый гипер! Никогда не знаешь, что у него на уме.

А вдруг мы что-то неправильно рассчитали и дом вообще отключит все лишние системы, решив, что должен экономить электричество? Или пошлёт на всякий случай тревожный сигнал на пульт охраны? И мне придётся провисеть между этажами несколько часов? Тогда копы возьмут меня тёпленьким и готовым к употреблению. Я только рад буду.

Свет ярко осветил кабину, когда я уже почти поддался панике. Повезло.

Через секунду лифт снова поехал. Механический женский голос произнёс:

– Добро пожаловать домой, мистер Краус. Не устали сегодня?

– Как собака! – сказал я в соответствии со сценарием.

Фух, вроде получилось. Теперь гипер считает меня за своего. В лифт сел кто-то похожий на мистера Крауса, а из открывшихся дверей выйдет подопечный и повелитель. Человек, которому умняга-дом обязан подчиняться, выполнять все до единой прихоти и преданно смотреть в глаза. Ну… или куда он там обычно смотрит. Статус «Сиделка» отныне имеет максимальный приоритет.

– Главное – проникнуть в апартаменты Крауса. Найти его личный терминал и… Дальше особых проблем не будет, в своём уютном коконе Хаусхоффер о защите и думать забыл. – Бинго потёр руки.

Трамп почесал переносицу и спросил:

– Никаких паролей, ограниченного доступа и систем распознавания личности? Ты уверен?

– А зачем они? Фирма-изготовитель уверяет клиента, что внутрь гиперхауса никто проникнуть не сможет. Никто и никогда. У Крауса нет прислуги, сиделок и прочего – дом заменяет ему всё. От кого тогда хорониться? Зачем пароли и всякая подобная дребедень?

Мы уже обговорили это не раз, но зануда Трамп снова и снова возвращался к последнему акту нашего предприятия.

– И гипер так легко допустит нас в святая святых?

– Совсем нелегко. Вся операция должна быть синхронизирована с точностью до секунды. Тогда получится идеально: внизу Мэнни будет всего лишь гостем, а наверху уже станет королём пещеры чудес. Надеюсь, он нас не подведёт.

– Эй, Мэнни! – Трамп посмотрел на меня. – Не подведёшь?

– С чего бы вдруг? Всё просто и ясно, справлюсь как-нибудь. Только и вы уж постарайтесь…

Когда лифтовые двери раздвинулись снова, я понял, что парни постарались на славу. Гипер привёз меня наверх, в сокровищницу, пещеру Аладдина, туда, куда мы стремились два последних месяца.

В личные покои Ханса Мария Крауса фон Хаусхоффера.

Осталось найти терминал, провести несколько несложных манипуляций, перечень которых я заучил наизусть, и – победа! Денежки потекут на наши счета, а пока хозяин хватится, Бинго растащит их по таким далёким офшорам, что не докопается ни Интерпол, ни служба безопасности «Индастриал Маджестик».

В комнатах царил невероятный порядок, полированные поверхности сверкали, каждая вещь лежала на своём месте. Гипер, судя по всему, работал за двоих, пока хозяин уехал развлекаться.

Ну что ж, повелитель вернулся. Служи мне, следи за мной, ублажай меня.

– Стакан сока, мистер Краус? – неожиданно спросил дом, и я вздрогнул.

– Позже. Сначала мне надо кое-что сделать.

– Не хотите ли отдохнуть? Может быть, подготовить вашу постель?

– Не стоит, у меня много работы. Надо успеть закончить, прежде чем я снова уеду. Не мешай мне!

Я сделал шаг по направлению к кабинету.

Вжжж… хлоп! Дверь резко закрылась прямо у меня перед носом.

– Сегодня повышенная солнечная активность, магнитная буря. С вашей гипертонией, мистер Краус, лучше не выходить на улицу. Я настоятельно рекомендую вам остаться дома.

Хрясь! Хрясь! Хрясь! Металлические жалюзи опустились почти одновременно, наглухо перекрыв окна. В комнате заметно потемнело.

– Дома, – повторил гиперхаус. – В тишине и темноте.

Справа что-то громыхнуло. Я испуганно обернулся, ожидая как минимум вооружённых роботов или головорезов личной охраны. Но нет. В стене открылась неприметная ниша, и мне навстречу выехало супертехнологичное инвалидное кресло.

– Садитесь, мистер Краус. Так будет лучше. Кстати, вам пора принимать лекарство. Ваши капли, мистер Краус. Я отмерил ровно сорок, как указано в рецепте доктора Бартона. И ещё…

Мне показалось или в механическом голосе и вправду появились нотки извращённого удовольствия?

– …Я подогрел ваши свечи, мистер Краус. Вы готовы к

процедурам?

Рибофанк

Андрей Фролов
Интервенция

Два секретата сшибаются в центре комнаты, корёжа интер-коллективный эфир. Шипят яркие виртуальные искры. Девушки заходятся в крике и жмутся к бревенчатым стенам. Плечистый телоскульптор запоздало подаётся вперёд, будто решился в самом деле отвесить дуэлянтам пару тяжеловесных хуков. Сутулый неонерд в углу поднимает голову. Смотрит на драку со смесью интереса и затаённого, глубинно-школьного страха.

Но всё это через час…

А сейчас они входят в коттедж.

Настороженные, преисполненные недоумения и брезгливости. Словно провести ночь им предстоит не в добротном лесном доме, а в базальтовой пещере, где будущий ужин нужно сначала освежевать.

Дом, однако же, вполне комфортен. Сложенный из кедровых брёвен, он суров и примитивен, как варвар из исторического фильма. Светильники стилизованы под свечи. В центре гостиной под мощной бронзовой вытяжкой размещён огромный камин, окружённый кольцевым диваном. Прислуга успела развести самый настоящий огонь, и воздух наполнен чуждыми запахами горелого дерева.

В дальней стене видны двери трёх комнат, окна забраны коваными решётками. На мебели, полах, ступенях и источниках освещения лежит печать кропотливой заботы, с которой возводился лесной сруб. Несмотря на проекторы в стенах и прочую скрытую электронику, почти всё в гостиной аутентично, а о тёмно-жёлтую стену можно посадить настоящую занозу.

И всё равно гости косятся и недоумевают, втайне жалея, что откликнулись на авантюру Рамоны Эрвас…

Первым входит Ардо. За прошедшее со встречи выпускников время парень стал ещё выше и раздался в плечах. Глаза телоскульптора по последней моде сияют нежно-золотистым. На левом запястье глянцевый реанимакожух – Ардо хвастает, что в модельном тренде сейчас укороченные пальцы, и уже через неделю хирург доберётся и до его правой руки.

Следом в дом проходят Джам и Сьюзан Гиллис. Как всегда неразлучные, даже порог переступающие одновременно. Голубки держатся за руки, почти не рассматривают необычное убранство хижины, сливают эфирные сферы на самой грани приличий и без умолку воркуют об интимном. Глаза Сьюзан затянуты поволокой

вожделения; Джам услужлив и внимателен, будто сошедший с рекламы образчик заботы и мужественности.

Прайла, идущая следом за влюблёнными, покачивает головой. Она давно смирилась с ролью серой мышки, не привлекающей самцов уровня Джама или Ардо. Но столь публичное проявление чувств кажется ей излишним и провокационным. Она деловито осматривает холл и направляется изучать проигрыватель виниловых дисков в стенном стеллаже.

Девушка бережно проводит пальцами по рычажкам, противовесу и тонарму, на пузыре её эф-сферы мелькают справочные данные о типе и устройстве старинного аппарата. Прайла задумчиво вставляет электросигариллу в порт на горле и выдыхает к потолку облако ароматизированного пара.

Затем в натопленной гостиной появляются Виктор и Кринд.

Первый осматривает дом с интересом искушённого историка. Второго не узнать, если бы не публичные мемонические архивы Университета. Он сразу шаркает в угол, занимает глубокое кресло, разворачивает на тощих коленях портативный графический дисплей и начинает набросок. Сферы обоих свёрнуты, секретаты притушены. Виктор нетерпелив, но умело прячет эмоции за ширмой вежливого ожидания. На его тонких губах притаилась саркастическая улыбка.

В свою очередь Кринд и не пытается скрыть, что на приглашение откликнулся с неохотой. Окружающие знакомцы в одном шаге от черты, за которой раскинулся его личный океан открытой неприязни. Парень только и ждёт, когда сможет вернуться в город.

Закрыв за собой тяжёлую дверь, последней в дом входит Рамона. Её эф-сфера тоже свёрнута, тёмно-карие глаза светятся жгучей тайной. Девушку распирает от желания поделиться ею с окружающими, но она мужественно терпит и охотно отвечает на глупые вопросы.

– Разумеется, в доме есть благоустроенный туалет.

– Нет, дикие звери не могут пробраться внутрь.

– Машина экстренных служб домчит сюда за полчаса.

Рамона с улыбкой запирает дубовую дверь. Весьма довольная собой, она оборачивается к остальным, уже успевшим рассредоточиться по просторной гостиной. За спиной девушки громко щёлкают замки. Через секунду на лицах собравшихся появляются недоумевающие гримасы.

– Экстер-коллективный доступ упал, – сообщает Прайла.

Она отодвигается от агрегата, чьё устройство не успела изучить. Без доступа в справочники проигрыватель винила кажется ей опасным.

– И у меня не отлавливает, – подтверждает Виктор.

Джам тоже кивает. Кринд поглядывает из своего угла, но ему, похоже, на сбой эф-связи наплевать.

– Знаю, – спокойно произносит Рамона и заставляет остальных охнуть возмущённым хором: – До утра этот чудесный дом блокирован от любых эфирных воздействий извне. Намеренно. Так что никто, – она обводит комнату заговорщицким взглядом, – не воспользуется линкерскими лазейками, не загрузит отвлекающие изнанки и не задурит остальных.

– Хитро придумано, – Прайла многозначительно кивает.

– Об этом ты не предупреждала, – с лёгким сожалением признаёт Виктор.

– О чём не предупреждала? – в недоумении, будто после затяжного сна, вскидывается Сьюзан. – Нас с Джамом вообще ни о чём не предупредили…

Ардо хмыкает. Здоровяк подходит к камину и стягивает толстовку с эмблемой университетского аэрофутбольного клуба; усаживается на диван, с недоверием косясь на открытый огонь. Виктор вздыхает, поочерёдно проверяя смежные спальни. Кринд не реагирует. Прайла молча курит, искоса поглядывая на Сьюзан и Джама. Те снова целуются, шепчутся, хихикают.

– Мы собрались здесь не для того, чтобы отдохнуть и вспомнить студенческие деньки, – торжественно объявляет Рамона. Ставит дорожную сумку у двери и деловито осматривает показатели на выдвижном дисплее домашнего эфира. – Сью, отвлекись, пожалуйста…

Девушка с неохотой отрывается от жарких губ жениха. Джам в недоумении, он замечает, что остальные смотрят на них. Даже тощий неонерд в углу. Джам хмурится, но Рамона уже завладела вниманием подруги.

– Мы здесь, милая Сью, – говорит она и разворачивает над дверью голографический баннер, стилизованный под белую простыню с рукописными буквами, – для этого!

На виртуальной простыне написано «ИНТЕРВЕНЦИЯ». Щёки Сьюзан вспыхивают, Джам хмурится ещё сильнее.

– Что это значит? – спрашивает первая красавица потока. – Кто-то подсел на нейротамин? Это Кринд, точно? Почему ты молчала? У нас в Мадриде есть отличный доктор!

Она наконец-то отпускает руку спутника и делает робкий шаг к двери. Изучает баннер так, словно на нём что-то гадкое и непристойное.

– Нет, Сью, – Рамона медленно качает головой. – Это касается тебя. Точнее, ваших отношений с Джамом. Если его на самом деле так зовут…

Теперь Сьюзан бледнеет. Джам щурится, будто не поверил ушам. Его эфирная сфера тут же сворачивается в нуль-точку, и он смущённо облизывает губы. Прайла наблюдает за мужчиной сквозь ароматизированный дым. Ардо кивает, с намёком пристукивая пальцами по молочно-глянцевому реанимакожуху. Кринд ухмыляется. Сьюзан глотает комок и тоже сворачивает персональный эфир.

– Что за глупости, – говорит она. – Я не собираюсь участвовать в каком-либо балагане. Джам, зайка, мы уезжаем.

– Не спеши, – говорит Рамона.

Её круглые щёчки порозовели, но девушка держит себя в руках – она не раз репетировала вступление, к тому же заручилась помощью суфлёра-секретата.

– Дверь заперта до полудня и экстренно откроется лишь по моему кодовому слову. Дай нам пару часов, и всё поймёшь. Или, Джам, ты хочешь сэкономить время?

Джам смотрит на неё – лучшую подругу своей невесты, девушку умную, образованную и столь же одинокую, от которой никак не ожидал такого подвоха, – и потрясённо разводит руками.

– Не понимаю тебя, Рами… – признаёт он. – Это розыгрыш?

– Ясно, – говорит та. – Значит, переходим к интервенции…

– Это насилие над всеми уровнями личности! – выпаливает Сьюзан. Она взволнованна и тщетно пытается нащупать выходы в экстер-коллективный эфир. – Немедленно отопри дверь! Ребята, вы что-то знаете про этот цирк?

Виктор, Прайла, Кринд и Ардо вразнобой кивают. Кто-то бормочет что-то вроде «это для твоего же блага», а Рамона уже распахивает интер-коллективную сферу, приглашая остальных цепляться.

– Мы здесь, Сью, – как можно мягче и спокойнее говорит она, – чтобы доказать, что Джам – вовсе не Джам. Мы здесь, чтобы доказать, что он брачный аферист, для которого нет понятия «любовь»! Тебя взломали и охмурили.

Глаза Сьюзан распахиваются, как у гротескной героини мультсериала. Своей ледяной ладонью она стискивает жаркую ладонь жениха и заставляет того отступить к стене, словно собравшиеся задумали их побить. Джам бледен и подавлен. Эф-сферы обоих голубков свёрнуты до состояния точек, парящих по орбитам секретатов.

– Ты сошла с ума, – шепчет Сьюзан. – Если через минуту дверь не будет открыта, я вызываю полицию, и тогда…

– Я вычислила, что вы встречаетесь с Джамом всего три недели, – дрожащим голосом, с трудом сдерживая азарт и страх,

перебивает её Рамона. Её секретат погрузился в системы управления хижиной, загружает данные и настраивает внутренние дисплеи. – Двадцать два дня, Сью! И за это время бу-у-ум! Любовь до гроба? Планирование свадьбы и составление брачного контракта? Может быть, вы и детям уже имена подобрали?

Джам краснеет, но молчит. Сьюзан задыхается от негодования.

– Ты спятила, Рами… – бормочет Сьюзан, а её секретат лихорадочно ищет резервные выходы в экстер-коллективный эфир. – Сожгла золотые мозги наркотой или что ещё… Мы с Джамом вместе уже почти два года! Ребята, да что вы молчите, в конце концов?!

Она оборачивается к остальным и с мольбой тянет руку. Ардо виновато поджимает губы, Кринд уставился в планшет. Виктор вздыхает и кивает, при этом глядя на Рамону так, словно поддерживает её обвинения. Прайла вставляет в порт ещё одну сигариллу – на этот раз мощнее, с тонизирующим эффектом.

– Мы знали, что это будет непросто, – бормочет она.

– Нет, Сью, – тоном мудрого врача говорит Рамона, – не было двух лет. Твои изнанки взломаны и перепрошиты. Память загажена фальшивками. Очень умело. Ты можешь вспомнить день, когда познакомилась с Джамом?

И она с вызовом смотрит на молодого человека. Тот крупнее и сильнее её, но чувство уверенности в себе делает Рамону словно бы втрое больше Джама. Он молчит, прижимает к себе невесту и озирается в надежде, что остальные сейчас с хохотом объявят шутку состоявшейся.

– Конечно, помню! – возмущённо фыркает Сьюзан. – Это было на биеннале звуковых инсталляций в Мюнхене! Нас познакомил… – Она осекается и отправляет секретата на поиски данных в мемонических базах. – Секунду, найду… забыла его имя, но он оказался нашим общим знакомым…

– Не утруждайся, – с усмешкой обрывает её Рамона. – Эту легенду мы уже вскрыли. Как и записи ваших совместных прогулок по улочкам европейских городков…

В интер-коллективном эф-пространстве разворачивается гирлянда из снимков, информационных бордов, эмо-слепков и видеозаписей.

– Верно… – спохватывается Сьюзан, заметив в голографической круговерти знакомое лицо. – Вот, Аль Фархади, он композитор кофейных концентратов из Алеппо! И что тебя смутило?

– Не было никакого Аль Фархади, – с возрастающим

напряжением говорит лучшая подруга Сьюзан. И широкими жестами листает данные над камином. – Это новый элемент твоей прошивки, милая… А вот, взгляни. Это наша с тобой общая поездка на море. Шестое августа прошлого года, ты вспомнишь и без запроса в мемоархив.

Ролики и снимки показывают двух девушек в купальниках и парео. Они гуляют по набережным Сан-Ремо, загорают в шезлонгах и визжат в аэродинамических трубах ночных клубов. Ардо плотоядно ухмыляется, Прайла смотрит записи с откровенной завистью в глазах. Кринд косится из-под кустистых бровей, а Виктор чинно кивает, будто подтверждая подлинность событий.

– А вот, – тоном безжалостного судьи продолжает Рамона, меняя цифровые приоритеты и выводя в эф-сферу совсем другие записи, – ваша «прогулка по Парижу». Тоже шестого августа прошлого года…

Теперь на снимках Сьюзан и Джам. Неразлучные, целующиеся в каждом кадре, они гуляют по бульвару Сен-Жермен и ужинают в ресторане «Диана». Цифровые подписи подтверждают дату. Сьюзан в растерянности – её секретат возвращается из глубинного мемоархива, сообщая об ошибке.

– Рами, ты тронулась, – с горечью говорит Сьюзан. – В моих эф-воспоминаниях нет данных о Сан-Ремо. А в августе мы ездили в Париж, и там Джам сделал мне предло…

– Примитивную память копнуть не пробовала? – в разговор наконец-то включается Прайла.

– Какая несусветная дикость! – Сьюзан возмущена.

– Но единственный шанс на правду, – хлёстко осекает художница. – Потому что тебя взломали. Он взломал.

И Прайла нацеливает длинный палец на Джама. Тот возмущённо подаётся вперёд, но невеста удерживает его за рукав.

– Я знала, что вы завидуете нашему счастью, – шипит она. – Но чтобы настолько?!

– Зависть?! – чересчур демонстративно фыркает Прайла.

Кринд снова ухмыляется так, будто у него свело лицо. Ардо и Виктор обмениваются многозначительно-снисходительными взглядами. Рамона удручённо разводит руками. По её приказу в сфере интер-эфира мелькают кадры новых роликов.

– Вот, взгляни ещё… – предлагает она, цепко изучая реакцию Джама. – Это запись вашей прогулки по Кастельон-де-ла-Плане. Рождество, совсем недавно.

По узким улочкам шагают Сьюзан и Джам. Обнимаются, смеются в камеру летающего дрона-оператора. Их персональные эфиры смело открыты взглядам окружающих, и каждый

встречный с радостью салютует статусу «ПОМОЛВЛЕНЫ».

– Я немало времени потратила на вскрытие кода, – добавляет Рамона, игнорируя гневное клокотание Джама, – но смогла найти в экстер-коллективном океане оригинал ролика. Смотри. Ничего не напоминает?

Новый ролик в голографической сфере кажется тем же, но персонажи другие – теперь это темнокожие парень и девушка, иначе одетые, другого роста, основательно имплантизированные. Но столь же улыбчивые, любвеобильные, нежные и до мелочей повторяющие движения с первой видеозаписи. Сьюзан смотрит с приоткрытым ртом. Джам багровеет.

Виктор снова вздыхает – ещё со времён университета он был ранимым, и столь бесцеремонное вторжение в личную жизнь подруги кажется ему жестоким. Он находит в стене скрытый бар и наливает себе вина.

Прайла злорадно улыбается. То ли она рада, что Мисс Совершенство факультета Артхаусных наук стоит на пороге ценного открытия, то ли ликует, что приторное счастье Сьюзан и Джама обернулось жалкой подделкой.

– Доказательств у нас немало, – с материнской нежностью говорит Рамона. – Слишком много, чтобы была ошибка…

Она покидает свой пост у двери и усаживается на подлокотник пустого кресла. Кринд, сидящий рядом, с недовольством наблюдает за приближением к своему личному физиопространству. Рамона загибает пальцы:

– Подложные снимки, видео, коллекции запахов, эйфорокопии наркотрансов, чеки за одежду, эфирные копии сувениров, которые вы везли из своих «путешествий»… Мы с ребятами собрали их все…

Сьюзан угрюмо молчит. Она отпустила руку жениха и теперь стоит на краю общей эф-сферы, листая данные. Словно перебирает осколки любимой вазы, разбитой не менее любимым псом. Вид у неё жалкий, и даже туповатый телоскульптор смущённо отводит глаза.

– Это бред… – шепчет Сьюзан, сопоставляя вываленные на неё данные с подсказками персонального секретата. – Я познакомила Джама с родителями ещё прошлой весной! Мы ездили на пикник! Отец и Джам играли в крокет, и папа потянул ногу… Затем мы вместе катались на лодках! Рами, молю, прекрати это безобразие…

– Соболезную, – говорит Прайла и наливает себе бурбона.

– Ты должна знать, – тихо добавляет Виктор. – Это наш долг…

– Я не хочу причинять новую боль… – совсем уж сникшим

голосом добавляет Рамона. Встаёт и шагает к подруге, чтобы взять за руку. Но та шарахается, словно от бомжа с вирусным сбоем цифровой изнанки. – Сью, милая… твои родители уже восемь лет спят в криогенных камерах Бергена…

Жених Сьюзан вжимается в бревенчатую стенку и шевелит губами, словно подбирая слова для гневной речи. Его кулаки крепко сжаты, плечи подрагивают. Рамону даже колет в сердце – а если интервенты ошиблись? Тогда удар, нанесённый Сьюзан и её любимому, окажется непоправимым…

– Не было никакого года, – Рамона вымучивает из себя эти злые слова и вдруг тоже испытывает желание смочить губы чем-то покрепче. – Он обрабатывает тебя всего три недели. И нас, кстати, тоже.

Девушка шагает к бару, но замирает на полпути и с вызовом смотрит в современные и высокоточные глаза Джама, сейчас раскрашенные в режиме «золотисто-карий».

– Но мистер альфонс не мог ожидать, – добавляет Рамона и победно улыбается, – что в мире ещё осталась настоящая, а не эфирная дружба! Дружба, которую ничем не сломить!

Прайла салютует стаканом и делает глоток. Ардо согласно кивает и щёлкает пальцами правой руки, ещё родными, не укороченными по последней моде. Кринд мычит под нос и включает музыку – вокруг его головы образуется свечение, дающее понять, что внешние слуховые каналы сейчас блокированы. На Сьюзан страшно смотреть.

Сметя в сторону парящие в воздухе таблицы и снимки, она поворачивается к Джаму. В глазах девушки слёзы.

– Значит, это не шутка… – И тут же спрашивает Виктора с нотками мольбы и вызова: – Такое вообще возможно? Ты же бывший линкер, Вик… Такое действительно возможно?

Тот смущён привлечённым вниманием. Но отставляет бокал и задумчиво потирает шрамированный висок.

– Теоретически, – говорит он, посматривая на Сьюзан и Рамону, но осознанно не встречаясь взглядом с Джамом. – Говорят, матёрые линкеры на такое способны. Нужна лишь мощная паразитическая изнанка… и внедрение в персональный эфир. Особенно, если тот слабо защищён от вирусной атаки.

– Я устал слушать ваши глупые обвинения, – вдруг говорит Джам. Голос у него хриплый, низкий и вибрирующий. От полученных оскорблений мужчину потряхивает. – Котёнок, попроси подругу открыть дверь. Я вызову такси…

– Никто не выйдет до утра, – терпеливо повторяет Рамона. – Или ты будешь пытать меня, чтобы узнать стоп-слово?

– Немедленно открой дверь! – не унимается Джам.

Он шагает к Рамоне, и Виктор поспешно убирается с его пути. Прайла хмурит лоб и тоже отступает. Ардо встаёт с кольцевого дивана и выжидающе смотрит на жениха своей бывшей одногруппницы.

– Ну вот, – довольно констатирует Рамона и скрещивает руки на груди, – занервничал. Неужели, Сью, ты до сих пор не хочешь принять правду?

– Зайчик, – спрашивает та, разворачиваясь к будущему мужу, – всё сказанное здесь это ведь бред?

– Конечно! – Мужчина с ненавистью оглядывается по сторонам. – Ты была права. Нам не просто завидуют. Это форменное безумие…

– Ага, иначе бы ты и не сказал, – выпятив широкий подбородок, басит Ардо. – Рамона предупреждала. Зря! Лучше сознайся, быстрее закончим…

– Какой же ты изворотливый гад! – покачивая тёмно-коричневой жидкостью в бокале, поддакивает Прайла. – Бессовестный ублюдок, обманувший нас всех! Я ведь и правда поверила во внедрённые воспоминания о тебе… Но сейчас мы прочитаем твои настоящие изнанки.

Щёки Сьюзан заливает краской. Джам бледнеет, Виктор потирает высокий лоб, на котором ещё заметны шрамы от старых линкерских портов. Если в современном мире и существует угроза страшнее, чем произнесённое мышкой-Прайлой, то это лишь форматирование персонального секретата.

– Только попробуйте! – шипит Джам и оглядывается так, будто задумал сбежать через зарешеченное окно.

– Или что?! – с вызовом ухмыляется телоскульптор.

И перемещается, преграждая путь к стойке с каминной кочергой и совком для золы. Виктор снова вздыхает, наблюдая за Рамоной и Криндом. Последний всё ещё рисует под музыку, окончательно потеряв интерес к происходящему.

– Вот декодирующие скан-щупы, – подрагивающим от напряжения голосом говорит Рамона и извлекает из персонального эфира огромный цифровой инструментарий. – Вот цепочки универсальных нейроферомонов с чёрного рынка… А ведь я рисковала, знаешь ли… Вот штрихбаза для допроса твоих секретатов. А это метабанк данных, которые мы сопоставим с твоими воспоминаниями для отсечения суррогатных…

Она похожа на популярного телопластика, готовящегося к шоу-операции. Вокруг девушки зеленоватыми полотнищами мерцают изнанки и прошивки, в том числе и полулегальные, за любую из которых оперативники КЭБ по голове не погладят.

Виктор следит с интересом и уважительным удивлением.

Кринд поднимает голову, чешет стилусом нос и возвращается к рисованию. Прайла подходит ближе, сливает эфиры с Рамоной и изучает виртуальные орудия. Ардо обманчиво расслаблен, он неотрывно следит за Джамом. Сьюзан закусывает губу и тихо стонет.

– Я хорошо подготовилась, Джам, – Рамона сверкает белоснежными зубами. – Брачный договор тает, будто мираж?

– Сука! – рычит тот и бросается к ней с вытянутыми руками.

Сьюзан визжит, а телоскульптор устремляется наперерез. Его правый кулак влетает в рёбра Джама. Мужчина с грохотом сбивает со стены полку с муляжами старинных книг, чуть не сносит граммофон, повисает на дверце бара. Лицо Джама кривится от боли и стыда, Ардо хрустит шеей и презрительно изучает его сверху вниз.

– Не будем мешкать, – повышая голос, Рамона обращается сразу ко всем. – Давайте, друзья, объединим изнанки, вооружимся и вскроем урода, чтобы Сью наконец-то поверила…

Она поворачивается к Кринду и требовательно щёлкает пальцами. Тот не замечает, и Рамона посылает секретата. С недовольством отложив набросок, патлатый нелюдимый неонерд приоткрывается и сращивает эф-сферу со сферами других. Ардо, Прайла и Виктор уже внутри, устанавливают границы интер-коллективного соединения и разбирают цифровые инструменты.

Джам вернулся на прежнее место, растирает отбитый бок и восстанавливает дыхание. Его секретат пытается вызвать полицию, но без особого успеха или энтузиазма.

– Вик, ты самый опытный, – командует Рамона, стараясь не смотреть на белую как снег Сьюзан, – та сидит на паркетном полу, скрыла лицо ладонями и беззвучно рыдает, – начинай, мы поддержим…

– Вообще-то я ушёл из «Поляриса» три года назад, – Виктор неуверенно пожимает плечами. – Не уверен, что смогу в полной мере помочь. Вот если бы у меня ещё были порты или препараты, но…

– Хватит скулить, Вик! – осекает его Ардо. – Просто сделай, о чём просит Рами.

Виктор в целом прав, он давно не занимался подобным. Сейчас, если верить новостям, у него своя контора по изготовлению дешёвого нейроэфирного софта. Не ахти что, но она-то и помогла бывшему линкеру сойти с полукриминального пути.

Подобные Ардо открыто презирают эту «никчёмную паразитическую работёнку». Графисты-неонерды одобряют. Рамона и её коллеги из трансавиационного сопровождения

считают несерьёзным хобби. Прайла ревнует, но она сама выбрала путь свободного художника… За последние полвека мир породил десятки новых профессий, но словосочетание «свободный художник» так и осталось обитать в человеческом сознании.

Прайла косится на экс-линкера и задумчиво теребит русую прядку – из всех собравшихся ниже её по социальному статусу хотя бы Кринд, и это приносит виноватое облегчение…

– Давай, Вик! – подбадривает Прайла и делает ещё один глоток бурбона.

Они не двигаются с мест. Но всем кажется, что Джама обступает собачья стая. От обилия мерцающих в эф-сферах данных пестрит в глазах. Секретаты Джама выходят навстречу вторжению и готовы отражать атаки, но шансы неравны.

Виктор поражает всех – манипулируя изнанками, он находит столь хитрый способ подобраться к ядру Джама, что Кринд заинтересованно изгибает бровь, Рамона хмыкает со знанием дела, а Ардо даже не успевает ничего понять.

Жених Сьюзан извивается, его сфера деформируется и стремится к нуль-точке, но скан-щупы под управлением линкера уже вцепились в изнанку и тянут, выворачивая и рассеивая инъекции метабаз.

– Твари… – шипит Джам, истекая потом.

– Лживый ублюдок! – сквозь зубы возвращает ему Рамона.

– Отпустите его, – едва слышно шепчет зарёванная Сьюзан. – Какие же вы после этого друзья?..

– Не лезь! – рявкает Ардо.

– Это для твоего же блага, – пасуя Виктору новой агрессивной изнанкой, добавляет Прайла. – Ты поймёшь…

– Это не интервенция, – воет Сьюзан, заламывая руки. – Это насилие!

И вдруг всхлипывает, привставая и со злостью нацелив палец на Рамону:

– Откуда мне знать, что вы не подсаживаете ему ложные метабазы?! Вы пойдёте на всё, лишь бы скрыть ошибку! Завистники!

Теперь она кричит, стоя на коленях и размахивая руками:

– Моральные выродки! Бледная моль, которую никто не любит! Перекачанный импотент! Жалкий лохматый задрот! И стерва, которая притворялась моей лучшей подругой!

– Мы ничего не подсаживаем, – властно бросает ей Виктор. – Я контролирую протокол!

Он кажется спокойным, и лишь горящие глаза выдают бушующий азарт взломщика. С каждым новым действием

скорость Вика растёт, и Джам уже почти не сопротивляется вторжению. Рамона – коварная Рамона, спланировавшая бесчеловечную интервенцию, – оказалась права, и экс-линкер помнит ещё много коварных уловок.

– Ты вскрыл ядро? – дрожа от волнения, спрашивает та, когда Виктор изучает первые полученные данные. – Ну же!

– В целом, да…

Чужие изнанки перед лицом линкера развёрнуты до состояния базовых конструктов, непонятных никому иному. Вик впитывает чистый код. Прайла замечает, что собранный Рамоной арсенал внезапно усилен парой программ, законность которых тоже весьма сомнительна…

– Не буду вдаваться в детали, – с жаром добавляет Виктор, и его секретат торопливо прячет в нижних слоях персонального эфира несколько подозрительных щупов, – но я узнал, что Джам не тот, за кого себя выдаёт…

В просторной комнате лесного дома воцаряется тишина, в которой слышно лишь потрескивание догорающих в камине поленьев. Кринд откладывает планшет. Прайла осторожно возвращает пустой стакан на полку бара. Ардо хмурится, ожидая приказов. На Сьюзан нет лица.

– Это правда? – шепчет она.

– Конечно, нет, котёнок… – обессиленно отвечает Джам.

– Так он будет упираться до утра… – жёлчно усмехается Прайла.

– Вик, да шарахни его уже чем-то посильнее! – потеряв терпение, вдруг выпаливает Кринд, и Рамона косится на осмелевшего парнишку со смесью удивления и гадливости.

Но Виктор не успевает ответить, потому что Джам преображается. Его эф-сфера вдруг костенеет и сминает интер-коллективные границы, будто трактор бумагу. Секретаты обрастают защитными протоколами без маркеров подлинности. Замкнув защиту, Джам устало потирает лицо…

– Долбаные мудаки, – с невесёлой усмешкой бормочет он. – Что, больше других нужно? Верно говорят: хочешь завести жену, сначала перестреляй её бесценных подруг…

Он машет рукой, и заготовленный Рамоной инструментарий сдувает осенними листьями. Прайла испуганно отшатывается, Ардо поднимает кулак. Но первым действует Виктор: его инстинкты срабатывают на уровне автоматизма, и он контратакует – быстро, грязно и невероятно сильно.

Таранный выпад Джама, нацеленный по изнанкам Вика, тот отбивает с лёгкостью и заметным изяществом. А затем тактично сдвигает сферы друзей за спину и бьёт сам.

Два секретата сшибаются, разбухшими сферами цепляя интер-коллективный эфир. Летят виртуальные искры. Прайла, Сьюзан и Рамона пронзительно кричат и жмутся к стенам. С запоздалым воплем удивления Ардо подаётся вперёд.

Но Джам уже проиграл. Хлопок по его изнанкам настолько силён, что человек-хамелеон падает без чувств. С губ тянется слюна, из горла слышен хрип, по пузырю эфира бегут помехи, все секретаты отключены.

– Мы победили! – восклицает Рамона, не обращая внимания на горючие слёзы лучшей подруги. – Никому не позволено переписывать прошлое! Кем мы станем, если память и лучшие события прошлого будут меняться по прихоти мерзавцев?! Спасибо, что помогли, друзья, я бы не справилась одна…

Виктор виновато кивает. Он похож на бойцовского пса, случайно откусившего хозяину палец. Прайла присаживается возле Сьюзан и неумело успокаивает. Ардо с опаской косится на нокаутированного Джама.

– Да, спасибо всем, – вдруг говорит Кринд и выбирается из своего угла. – Но вынужден прервать торжественную речь… Виктор Вокатуро, вы арестованы.

В тонкой руке стеснительного неонерда возникает компактный пистолет.

– Какого хера?! – мычит Ардо.

– Комитет Эфирной Безопасности, отдел шестнадцать, – спокойно представляется Кринд, а его секретат вывешивает пестрящий государственными маркерами информационный стенд.

Желваки Виктора играют, он медленно поднимает руки и отступает к камину.

– Когда это ты успел стать легавым? – Челюсть Прайлы отвисает, глаза распахиваются.

– Простите, – пожимает узкими плечами Кринд. – Но я не совсем тот, за кого себя выдаю. Технически сейчас я и правда Кринд Суаз, но лишь за исключением физической оболочки. Но не волнуйтесь, скоро личность господина Суаза будет возвращена законному владельцу. А ложные воспоминания ваших метаархивов заменят резервными копиями, подготовленными перед моим внедрением в вашу компанию…

– Значит, ты тоже фальшивка… – с сипением выдавливает Рамона, на которую жалко смотреть. Она косится на Джама, на Кринда. На Ардо, так ничего и не понявшего. – Ты перепрошил наши изнанки?

– Так было нужно, – подтверждает «Кринд» и выразительно смотрит на Виктора. – Главный злодей тут…

Договорить он не успевает. Прайла, от которой ждут меньше всего, бросается на него с диким воплем «Фашист!». Переключив пистолет в режим шокера, лже-Суаз всаживает ей в плечо мощный электрический заряд. Подрагивая и отплёвываясь бурбоном, девушка катится по паркету.

– Главный злодей тут, – хладнокровно завершает фразу парнишка, в мемоархивах остальных всегда бывший забитым и жалким, – Вик Вокатуро. Точнее, опытный линкер и аферист Стралл, завладевший прошлым вашего друга. Подменыш, которого отдел ловит уже пятый год. К счастью, с вашей помощью я зафиксировал использование одиннадцати запрещённых эф-систем и изнанок с уникальным цифровым следом. Данных хватит, чтобы суд признал – в этом теле действительно Стралл… Гражданка Гиллис, ваш псевдожених тоже будет задержан за нарушение Протокола Куэйда. Разумеется, ваши истинные воспоминания мы постараемся вернуть.

Агент кривит губы и вздёргивает пистолет:

– Ты ведь просто не мог удержаться, Стралл?! Ах, азарт-азарт, что он делает с людьми… Кстати, отличная идея с интервенцией, гражданка Эрвас, вам обвинений в покупке нелегального софта я предъявлять не стану.

Он кивает Рамоне, и та потрясённо плачет в ответ.

– Но как же дружба? – шепчет она. – Как же наша память и всё, что мы храним?

– О, не волнуйтесь, – пожимает плечами оперативник КЭБ. – Когда метаархивы перезагрузят, а настоящие Виктор Вокатуро и Кринд Суаз снова займут законные ячейки ваших воспоминаний, вы заново насладитесь их незаменимой ценностью.

Дмитрий Богуцкий
Бросающий кости

Человек не должен знать будущее – ужасная истина, главное условие выживания в нашем сложно запутанном мире. Почему я всегда пробовал это условие обойти?

– Так что, пацан? – задумчиво произнёс Цербер, почесав седую щетину на подбородке металлическими пальцами. – Толкал, значит, слитые из будущего данные?

– Типа того, – ответил я, настороженно озираясь.

Мы с Цербером отдыхали после восхождения на очередной этаж Иглы, на самом краю огороженного атриума уходящего вниз и вверх на всю высоту здания – бездонная глубина терялась в дымке. Внизу, кажется, летали птицы, а может, летучие мыши. Оттуда постоянно давил поток тёплого воздуха.

Мне казалось, что я слышу, как где-то рядом кричит женщина…

Прошивка на моём нейроинтерфейсе не давала мне даже время узнать без разрешения Цербера. В этот раз меня плотно упаковали. Военная прошивка с собственным квантовым процессором, с длиннющим кубитным ключом на доступ – такую можно десять тысяч лет безуспешно ломать…

– Помогите! – прокричала беловолосая женщина прямо мне в лицо.

Мы начали восхождение к заброшенной вершине Иглы три дня назад, с населённых уровней. Здесь мы были одни.

Я отлепил пластиковую заплатку с временной печенью от кожи на боку и сначала откачал кровь из времянки обратно в общий кровоток, потом выдернул пару пластиковых вен из шунтов, установленных на правом десятом ребре. Цербер передал мне свежую печень из стопки, запасённой на время моего этапирования. Я налепил новую на место прежней.

– Оно того стоило? – спросил Цербер, спрятав стопку в нагрудный оружейный ящик. – Раз уж ты на этом попался…

Я, не глядя на него, похлопал ладонью по печени-времянке на боку.

– С этой штукой перебирать варианты у меня времени обычно нет. Хуже героина. Всегда требуется следующая.

– А собственную куда дел? – спросил Цербер.

– Злые гопники отжали, – буркнул я, разрывая заплатку времянки и перемешивая пальцем мягкие слои печатного протеина, выглядевшие как настоящий паштет. – В кости

проиграл. Будешь?

– Не, я печёнку не люблю… – Цербер, щурясь, озирал расчёрканный штормом горизонт далеко внизу, за бесконечно огромной стеной прозрачного смарт-композита. – Что ж ты этого не предвидел, когда играть садился?

– Чего это не предвидел? – пожал я плечами. – Предвидел. Что догола их раздену – верняк. Всё под контролем. Только, говорят, один умный дядька, Эйнштейном вроде его звали, сказал, что бог не фраер, костей не кидает. Вот и не фартануло. А проверить надо было – а вдруг он не прав?

И начал есть свою печень. Штука питательная, а белок мне ещё понадобится. Ту биопогань, что циркулирует в пищевом контуре Иглы, без кулинарного принтера в рот не положить. Эта биомасса даже на грибы не похожа, из которых вроде и производится.

Игла. Самое высокое здание в этом полушарии. Чердачок с видом на Северный полюс. Квартирка на краю Сингулярности. Самая заброшенная недвижимость на планете. Двенадцать километров высотой, изогнутое оптическим искажением тело Иглы уходит вниз, к острову Эдзо, где рассыпается на напряжённые нити радиолярного фундамента, накрывающего всю территорию острова и прилегающего шельфа. Я знаю, я жил там, в Северо-Японской кластерной Общине, в тени Иглы, видел её снизу. Теперь я смотрю на неё отсюда.

Мы уже почти в царстве Пожирателя.

– О призраках на верхних этажах слышал? – спросил Цербер, перебирая наши манатки.

– Слышал, конечно. Куда бы я делся?

Тридцать лет назад, когда меня ещё на свете не было, рост Иглы достиг проектной отметки. А вскоре после запуска комплекса что-то случилось, и Игла обезлюдела. Всё засекретили наглухо. Никто не знал, что там произошло.

Только люди, пропавшие в Игле, не исчезли совсем. Ведь что-то пугало команды по консервации здания, забиравшиеся слишком высоко?

– Такое впечатление, – произнёс Цербер, медленно озираясь, – что про призраков здешний народишко как раз и не врал.

И я с ним был согласен.

За годы заброшенности в Игле сначала сложилась своя вертикальная биосфера, в основном, из птиц и насекомых, жиревших на пищевых сервисах здания. А потом, вслед за едой, сюда переселились кочевые сквотеры. Вот они и двигались вверх, пока не наткнулись на настоящего хозяина Иглы – Пожирателя.

Странное человекообразное чудовище, ужас острия Иглы, серийный убийца – Пожиратель гипоталамусов. Жутким террором он очертил запретные пределы. Загнал сквотеров обратно вниз, и лишь постоянная дань в виде заключённых, отправленных в жертву гневливому божеству, удерживала Пожирателя от того, чтобы спуститься с горних вершин и сровнять человечество с землёй.

Ну, так болтали внизу.

Прилетевший сверху безголовый труп был намёком на то, что пора доставить очередного раба.

Деток, которые не слушаются родителей и плохо себя ведут, отдают Пожирателю.

А я себя, прямо скажем, вёл не образцово – начиная с успешного побега из инвестиционных яслей и заканчивая азартными играми с уличными коллекционерами внутренних органов.

Вот Цербер и ведёт меня теперь наверх.

Мы почти уже добрались. Мир за прозрачными конструкциями Иглы с такой высоты казался вогнутой чашей. Цербера этот вид просто завораживал. А мне было интересно, как работают конструкционные темпоральные автоматы. Динамический каркас уходящего в стратосферу здания постоянно получает информацию из ближайшего будущего о нагрузках на несущие конструкции и заблаговременно их компенсирует, неощутимо смещая углы наклона силовых струн и меняя форму обтекания здания поддерживающими атмосферными потоками. Иначе Иглу нельзя было построить.

Экая мощь. Вот где бы поковыряться…

– Помогите! – прокричала беловолосая женщина. – Он убьёт меня!

Сегодня такое ощущение, словно кто-то на меня постоянно смотрит…

Цербер мне нравился – изувеченный ветеран гибридных войн, родом из тяжёлой пехоты, полный ампутант в боевом сервокаркасе, с полустёртой эмблемой трёхголового пса на побитой броне и девизом «Ад будет наш», с двумя парами рук-манипуляторов. Сам несколько трёхголовый – седая башка между двумя мордами многоствольных пушек на плечах, живших собственной автоматической жизнью. Надёжный, крепкий, всё переживший, всем испытанный. В другой раз я бы с радостью доверил ему присмотр за моей тушкой, но сейчас, когда я сидел у него на привязи, чувства по его поводу у меня были смешанными.

Сквотеры наняли его доставить меня Пожирателю – он и доставлял. Но он не стремался разговаривать со мной.

– Так чем ты там торговал? – спросил Цербер.

– Да разным. Погоду предсказывал. Результаты собеседований или микрокредитных переговоров. На что хватало дальности сканирования погодного сервера – минут на сто. Одно моральное удовлетворение и совсем никакого нарушения причинности. Будущее наступает и проходит, а доходы остаются.

– Интересно, – проговорил Цербер, усаживаясь поудобнее. – Ладно. Удиви меня, пацан.

– Это чем?

– Узнай, что с нами будет… ну, через два часа.

Да ну? Экий ты… цербер.

– Это будет кое-чего стоить.

– О как, – усмехнулся Цербер. – А ты наглый.

– Мне терять-то чего? Кроме своих цепей…

– Ладно, – хитро прищурился Цербер. – Меняю весь мой запас твоей печёнки на то, что ты там выловишь.

Ничё так себе сделка. Есть смысл.

– Замётано, – буркнул я.

Когда кто-то обладающий самосознанием пытается манипулировать с темпоральным протоколом связи – перехватывает поток информации, идущий из будущего, и пробует осознать его содержание, он этот поток обесценивает – такая естественная защита реальности от временных парадоксов.

А вот автоматические системы, не обладая сознанием, способны обрабатывать такую информацию и отвечать в рамках построенного программистами дерева сценариев – частный случай калибровочной инвариантности.

Несанкционированные попытки узнать будущее разрушают темпоральную инфраструктуру, приводят к неполадкам, вплоть до самых катастрофических. Ракеты, бывало, падали.

Так выходит, что автоматика и базы данных могут оперировать с информацией из будущего, а люди – только ценой разрушения канала связи и прогулкой к ближайшему Пожирателю.

Вот человеческий фактор и исключили из темпоральной информатики. Техника безопасности запрещает интересоваться будущим.

Но это ведь просто невыносимо! Хочется же знать, что будет!

– Ладно. Есть, что сломать? – спросил я.

– Вот, – Цербер усмехнулся, – этот не жалко. У меня ещё есть, – снял с брони и отдал мне ручной темпоральный сканер. Очень простая машинка, отслеживает, наступил ты в ближайшем будущем на мину или ещё нет. Двухчасовая дальность.

– А прошивку с меня снимешь?

– Ещё чего… – усмехнулся Цербер.

Тут он прав. Без прошивки я мигом помашу ему ручкой.

Ладно, человеку с ловкими руками достаточно того, что есть. Главная проблема с данными из будущего – интерпретация… Они не предназначены для людей. Но я могу кое-что из них извлечь. Чисто технически эти данные не имеют общечеловеческого интерфейса, – это машинный язык процедур, инструкция на случай наступления того или иного события.

Поэтому они представлены в виде машинных кодов и запрещены к передаче в медийной форме. Криптотемпоральное кодирование – так данные защищаются от уничтожения заинтересованным наблюдателем. Такая вот у нас машинная криптократия.

Просто спишу запись нашего медицинского состояния на ближайшие сутки…

Машинка Цербера честно сдохла. Так, посмотрим, что имеем в результате…

То, что я считал, меня малость озадачило.

– Ну, чего там? – наклонился ко мне Цербер, когда моё молчание затянулось.

– Да вроде как бы этак, так вроде того уразумения, что как если бы типа гусь свинье когерентен…

– Чего? – удивился Цербер.

Так. Это у меня нормальная темпоральная шизофазия пошла. Информационный предел предсказателя, не позволяющий полученные данные передать в социум, превращающий информацию из будущего в бессвязный бред – «речь пророка». Будущее не так сложно узнать, как рассказать о нём. Но я знаю, как это обойти – сопричастностью к посланию. На, Цербер, смотри. Кажется мне, тебе это тоже не понравится.

– Что это значит? – спросил Цербер, ознакомившись.

– Твои и мои жизненные показатели прерываются после стрессового всплеска примерно через два часа. Почти синхронно. Сначала ты, потом я.

Цербер искоса глянул на меня. Теперь он вполне меня понял – мы уже были в рамках одного предсказания.

– Это значит, что в течение двух часов мы оба умрём?

Ага. На одну мину разом наступим. Хреновое вышло предсказание. А вот что нам теперь с ним делать – непонятно.

– Ты, я смотрю, не слишком напугался, – пробурчал Цербер, покрутив в руках неисправный сканер и повесив его обратно на сервокаркас.

– Не успел ещё, – пробормотал я. – Я не думал, что это случится прямо вот так…

– Привыкай, – буркнул Цербер, запуская с рук рой сторожевых квадрокоптеров. – Идём дальше. Только осторожно.

Мы и пошли… Пушки на плечах Цербера рыскали, разыскивая цель.

– Может, вернёмся?

– Мне не за это заплатили, – ответил Цербер, не оборачиваясь. – Если через два часа нас в живых не будет, то какая разница? В последний раз, когда я доверился человеку в картографировании будущего, мне и руки и ноги оторвали как мухе. Так что не обольщайся, я не исключаю, что это ты меня нагреть пытаешься.

– Ага, – согласился я. – Железная логика. Нет. Не пытаюсь. Печёнку отдай. Я заработал.

– Позже.

Вот же сволочь!

Мы всё равно идём вперёд и вверх. Кто-то сам, а кто-то и не очень. Примерно через час довольно нервного подъёма по радиальному пандусу мы наткнулись на труп беловолосой женщины. Тело в сильно изношенной униформе научного отделения Иглы, посреди размазанной кровавой лужи.

Кто-то проломил ей череп и съел мозг.

– Где-то я её уже видел, – хмуро произнёс Цербер, наклонившись над телом.

– Твою мать… Да чтоб тебя… – отозвался я. И проблевался вновь.

– Ты чего?

– Да так, ничего… – отплевался я. – Печёнка не в то горло пошла. У нас жизни осталось меньше часа.

Цербер прищурился:

– Это Пожиратель. Очень на него похоже. Теменные кости удалены по черепным швам, мозг просто оторван от позвоночного столба. Обычно он так и делает.

– А ты откуда знаешь?

– Изучал объект, – задумчиво ответил Цербер, медленно поворачиваясь с пушками наготове, озираясь вокруг.

– И что? Бросишь меня тут с этим каннибалом?

– Не ной.

Сука. Не ной… Я проплевался, вытер рот. Моё будущее грудой мёртвого мяса лежало у моих ног. Сука.

Мне нужно знать, что меня ждёт. Хорошо. Есть более простые способы, чем темпоральный взлом.

– У неё из позвоночника вход нейроимпланта торчит, – проговорил я. – Если дашь мне коннектор, может, узнаю кто она такая.

– Во, – буркнул Цербер. – Вот это по-нашему. А то сразу блевать… На, держи.

Я собрался с силами, отвернулся, сунул руку в опустошённый череп, окровавленные волосы мазнули по руке, и на ощупь вставил коннектор в нейроимплант. Старенький. Давно таких не видел. Соединил со своим входом.

Резкое погружение.

А потом меня скрутило так, что я уже никак не мог выкрутиться…

Убитая женщина выскочила из древних структур памяти остывающего позвоночника и намертво взяла меня за горло.

– Я умоляла тебя о помощи, – прорычала она мне в лицо. Белые волосы, словно змеи в воде, плавали вокруг искажённого яростью прекрасного лица. – А теперь я тебя заставлю…

Рука мертвеца, троян, спрятанный в оперативной памяти биокибернетических имплантов мёртвого тела, вломился в моё сознание.

В другой раз я разодрал бы сценарий этой управляемой эндорфиновой галлюцинации, разорвал связь, сбросил с себя эти призрачные руки, существовавшие только в угасающих воспоминаниях мертвеца, но сейчас на мне висит запирающая прошивка, и я ничего не могу сделать для своей защиты. Цербер мне не поможет, даже если поймёт, что происходит. Времени прошло очень мало, наносекунды, и прежде чем до него дойдёт, она переформатирует моё сознание.

Меня накрыло совсем.

Я узнал, что Игла – это её проект, огромная антенна, боевая машина, таран, пробивающий путь в будущее на десятилетия.

Что её зовут Медуза. И она эволюционный биолог. И шла к свержению машинной монополии на предвидение.

И что Пожиратель преследовал её тридцать лет и наконец настиг. Неуловимый, невидимый, методичный.

От него не было спасения. И это не было совпадением.

– Мне всегда было интересно, – произнесла уже мёртвая Медуза, – что за тип приспосабливаемости вырабатывают серийные убийцы? Какое преимущество даёт во внутривидовом соревновании потребность к периодическому убийству ближнего? Почему эта форма поведения возникает снова и снова? Или это влияет случайный ген пауков-каннибалов, доставленный эпидемиологическим путём в человеческий геном вирусом гриппа летучих мышей?

Потом это стало не вопросом интереса, а выживания.

Предсказательная мощность существующей квантовой сети напрямую зависит от её масштабов. Поначалу, когда первая

сверхсветовая квантовая сеть только превзошла по размерам циклотрон ЦЕРН и впервые заметили занятные неслучайные потери спутанных фотонов в оптоволокне, выбитых тем самым потоком тахионов, двигающихся из будущего в прошлое, – речь шла только о наносекундах. Когда сеть развернулась до масштабов, сопоставимых с размерами планеты, речь шла уже об удержании чёткой связи с перехваченными в этом потоке тахионами в пределах часов.

Сейчас, когда в глобальную сеть завязаны Луна, Венера, Марс, система Юпитера, масса астероидов, околосолнечные спутники и группировка сверхдальних спутников связи, недавно покинувших облако Оорта, построен перехват данных из будущего на отрезке до семидесяти восьми часов, с устойчивой шириной канала в восемь кубит. Масштабы квантовой сети компенсируют потерю сигнала, возникающую при движении небесных тел.

Сначала добились стопроцентной безотказности космических стартов, потом полётов атмосферной авиации. Затем масштабировали систему до физических пределов техносферы, вплоть до сердечных клапанов и межкомнатных дверей. Сложившуюся безусловно доступную и всепротяжённую транспортную сеть невозможно сохранить, не реагируя на сигналы из будущего о её ближайшем состоянии.

Проект Игла – как пик этого технологического взлёта. Речь шла о годах, о десятилетиях картографированного будущего, о преодолении кризиса глобального планирования, о безупречном управляемом будущем и неумолимом процветании. Конец истории.

Ради светлого будущего и функциональности квантовых сетей человечество отрешили от необходимости оценивать полученные ими из будущего данные, и даже появилась идея «заглушить» способность предвидеть. Врождённая потребность смотреть в будущее должна быть ликвидирована массовой коррекцией генома с помощью управляемых эпидемий вирусов гриппа. Для реализации этого сценария меня и взяли в проект.

Человечеству запретили знать будущее.

Но живому свойственно предвидеть.

С точки зрения эволюционного биолога, человечество в целом – большая машина для выживания генома, удобная обтекаемая форма при движении вверх по течению в потоке времени. Предвидение будущего – древнейший и самый архаичный наш орган чувств, сформированный горизонтом событий ограниченным атомным взаимодействием. Древнее нашего собственного встроенного спектрометра – обоняния и

кинестезии – чувства положения в пространстве. Это то, как жизнь, почти ничем не отличавшаяся тогда от броуновского движения аминокислот, в бульоне которых варилась, взаимодействовала с реальностью в пейзаже сцепленных молекул, воспринимая информацию о будущем с квантового уровня. Первый вирус стал передовой молекулярной машиной эволюции, с двигателем на спутанных атомах, резонирующих с ударами потока тахионов из будущего.

Человечество никогда не погибнет вдруг, ведь у генома одна задача – продолжить существование. Но кто сказал, что именно и только в человеческой форме? Если появится более эффективный механизм – нас предадут собственные гены. Похоже, преследующий меня Пожиратель – живое подтверждение этого предательства.

Огромный объём автоматических и осознанных предсказаний – чрезмерная нагрузка на реальность, и будущее старается защитить Мейнстрим – оптимальный эволюционный поток, вызывает инстинктивную реакцию социума – и появляются личности-корректоры, фагоциты, пожиратели.

Все эти «голоса» в головах фанатиков и серийных убийц, немотивированные расстрелы, непонятные теракты без заказчика вроде уничтожения моей группы в Игле – что это? Сверхглубокое воздействие из далёкого будущего?

Мне кажется, кто-то готовит нашу гибель в эволюционной гонке.

Если человек, получивший знание о будущем, попадает в информационную изоляцию, то испытывает синдром Кассандры. А человек, избежавший смерти, изменивший течение Мейнстрима, буквально выпадает из социальной реальности – это я испытала на себе, получив из будущего информацию о собственной близкой смерти. Мою группу перебили, а я исчезла из биологической реальности, уклонившись от смерти. Я жила рядом с вами – и меня уже не было. Глубокая темпоральная изоляция. Призрак.

Я выяснила, что такие люди встречаются достаточно часто, те, кто естественным образом смогли уловить из будущего леденящий ужас собственной смерти и избежать её. До ста тысяч человек в год исчезают подобным образом. Иногда их находят – обезумевших, потерявших память, безопасных для Мейнстрима. Или мёртвых. Временная развилка закрывается.

А если изолированные упорствуют в попытках выжить и повлиять на исторический поток, за ними начинает охоту их собственный Пожиратель…

…Мёртвая Медуза вколотила этот свой манифест мне в

память буквально за микросекунды. Я был не в состоянии сопротивляться.

Параллельно с прессингом на мои когнитивные функции, троян Медузы атаковал меня на физическом уровне. Он заставил нейроны моего мозга сформировать сложный каскадный сигнал, что привело к сборке из моих собственных аминокислот наноразмерных молекулярных заводов по производству миллиардов специфических медботов из белков крови, приступивших к ребилдингу моего генома.

– Я много думала, – сообщила напоследок Медуза, – у меня было достаточно времени. Я долго уклонялась от смерти. И я придумала.

У каждого в голове собственная квантовая сеть.

Мой вирус, моя дельфийская машина, переберёт твои гены, и каждая заново собранная клетка твоего тела будет резонировать с потоком света из будущего. Теперь ты сам себе машина по предвидению.

Ты будешь моим оружием. Моя последняя надежда, мой последний удар. Я знаю, что умерла не зря. Удачи.

И меня отпустило.

Ух, как отпустило. Аж подбросило. Удачи, твою мать! Как же больно…

– Ты чего орал? – спросил Цербер.

Я валялся на спине, весь покрытый потом и совершенно обессилевший.

– По-моему, – прошептал я, – я только что ещё раз родился.

– С днём рождения, – любезно поздравил Цербер. – И вставай, давай. У нас проблемы. Пожиратель пожаловал.

В горле было сухо, глаза слезились, и кажется, у меня поднялась температура. Я сел, потом встал на колени, меня шатало. А мои стандартные медботы, взломанные техновакциной Медузы, не регистрировали никаких проблем…

– Кажется, я болею…

– А-а-а, – мягко проворковал, прожурчал, завибрировал мерзкий нежный голосок. – Глупая тётя Медуза всё-таки добралась до твоего мяса. И всё вкусное испортила.

Я поднял голову, прищурился и увидел Пожирателя. Действительно. Пожаловал.

Один взгляд на него – и я ощутил нечто, схожее с нейрозаписями действия псилоцибиновых грибов, которые мне попались однажды в детстве. Кожа его была прозрачной, и сквозь стеклянные рёбра видно, как бьётся светящееся пурпуром сердце, как в такт пульсу неоном вспухает и угасает большой круг кровообращения. Как изменяются пятнами Роршаха подсвеченные

синим зоны мозговой активности на поверхности мозга, в прозрачном черепе с зеркальными глазными яблоками.

Я потряс головой. Пожиратель не исчез.

– Я есть, – помахал он мне прозрачной рукой. – А ты будешь есть?

– Тяжёлый случай, – медленно проговорил Цербер.

Его пушки держали Пожирателя на прицеле, квадрокоптеры кружили, образуя жужжащий вращающийся нимб над его седой головой. Свой главный аргумент – плазменный огнемёт, кустарно переделанный из двигательного факела когда-то сбитого на Луне космоплана, он удерживал в четырёх руках-манипуляторах. Толстенный, обмотанный ржавой бронеизоляцией питающий шлейф тянулся от сопла за спину, где висел импульсный реактор весом, наверное, в тонну, когда-то отвечавший за один из маневровых двигателей. Воистину – тяжёлая пехота…

– Добро пожаловать, – Пожиратель оскалил для него прозрачные зубы. – В ад…

– Спасибо за приглашение, – вежливо ответил Цербер. – Но я там уже бывал.

Наши два часа истекали с минуты на минуту.

– Ты в этом году дерзкий, Дедушка Мороз, – захихикал Пожиратель. – Ты подарки мне принёс?

– Сам такой, – бестрепетно ответил Цербер.

– А ты страшный, дедушка, – огорчился Пожиратель. – Я думал, ты мне летающего мальчика принёс, а ты злой.

– Работа такая, – буркнул Цербер.

– Оно конечно, как бы и вроде бы, но ежели вдруг чего, да этак типа того, так вот тебе и пожалуйста, – улыбнулся Пожиратель.

– Не понял, – прищурился Цербер.

– Это не бред, – предупредил я. – Это темпоральная шизофазия. Он предвидит. Берегись.

Пожиратель сначала улыбнулся мне прозрачными губами, а потом разорвал Цербера на куски.

И не помог военный квантовый локатор, способный уловить три миллиона атакующих объектов в разнесённых временных эшелонах…

Как авиабомба взорвалась – разлетевшийся сервокаркас Цербера всю площадку засыпал обломками. Исчезнувший и мгновенно появившийся Пожиратель одной рукой поймал попадавшие обесточенные квадрокоптеры в одну неустойчивую стопку на ладони, а потом один за другим покидал их за ограждение атриума. Через четыре минуты они упадут в пятиэтажную груду мусора, скопившегося за десятилетия на дне

Иглы.

– Твою мать, – прошептал Цербер, окровавленный обломок человека, вырванный из брони и небрежно брошенный на пол. Из гигиенической системы текло, обрубки рук и ног беспомощно шевелились. Дёргались оторванные манипуляторы, получавшие сигналы по дистанционному каналу от его нейроинтерфейса. – Как так?

И я остался один на один против пары зеркальных глаз.

– Да ты вообще человек? – спросил я у Пожирателя, торопливо отступая назад и судорожно выбалтывая у смерти ещё чуть-чуть времени. – Ты им хоть был? Или ты натурально человек-паук?

– В подобных мне кричат гены другой, более совершенной расы, – оскалился Пожиратель.

И дал мне прожить ещё пару минут.

– Никто из вас не знает, куда вас несёт, – проворковал он, следуя за мной. – И чем вы разродитесь, когда придёте на нерест. Ведь ты безмозглая мёртвая рыба, населённая хитрыми паразитами, которую несёт потоком. Мой вид сражается за выживание там, в будущем, в котором мы обитаем, как пираньи в реке, где выбрали нас, а вы вымерли. Сигай на кубик, типа слаще и упоротый водоворот.

Ну, вот и оно – пошла речь пророка. Он и с Цербером так много трепался, чтобы получить описание ближайшего будущего, и сейчас он меня так же неотвратимо грохнет. Вот прямо сейчас…

Я отшатнулся от мелькнувшей тени – рядом возник очень удивлённый Пожиратель, не сломавший мне шею. Я оказался чуть в стороне. Пожиратель промахнулся.

– Это что такое, рыба моя? – произнёс он, пошевелив прозрачными пальцами.

– Н-н-не знаю, – честно ответил я.

– Медуза… – прошипел Пожиратель. – Ну, это никуда не годится. Это неправильные жала!

И вновь промахнулся. А я, кажется, уловил, как он действует. Это было что-то вроде глубокой изоляции Медузы, только очень короткой – он приближался, что-то радикально меняя в Мейнстриме на коротких отрезках и выпадая из реальности. Никакой военный сканер тут не поможет.

Геномный ребилдинг Медузы что-то во мне изменил. Теперь я ясно чувствовал будущее, не меньше чем на несколько мгновений. Так же ясно, как собственную кожу…

Пожиратель возник прямо предо мной, и я едва успел. Он лишь слегка зацепил меня, но сорвал кончиками пальцев временную печень с моего бока, из разорванных пластиковых вен

плеснула чёрная кровь.

Вот теперь всё – у меня не более пары минут, прежде чем меня свалит печёночная кома.

Только я и так живу сверх срока – два часа уже целых пять минут как прошли. И я не теряю Пожирателя из виду, хотя он и пытается потеряться.

До меня дошло, что мы с ним теперь в одной темпоральной изоляции. Я да ещё живой Цербер видели его, потому что пережили свою смерть…

Это стало концом Пожирателя. Он кинулся ко мне – а я отступил в шевелящуюся груду обломков, оставшуюся от Цербера.

Его оторванные манипуляторы поймали Пожирателя за прозрачные ступни. Лежавшая в стороне, стволом к нам, ионная пушка, повинуясь мысленному приказу Цербера, взревела реактивным выхлопом и, прежде чем унестись через атриум Иглы на струе реактивного пламени и взорваться там, врезавшись в противоположную стену, сожгла ударом раскалённой плазмы прозрачную плоть Пожирателя. В жаркой вспышке я увидел, как в секунду пошли кипящими пузырями его зеркальные глаза и как они испарились.

Месть Медузы состоялась.

Очищенный от выкипевшей плоти прозрачный костяк, постояв секунду, с грохотом осыпался на пол, раскатившись прихотливой фигурой, в которой – будь я древним предсказателем, гадателем по трещинам на костях – я обязательно увидел бы несомненную благосклонность божества.

Глядя на эти брошенные кости, я внезапно понял, что было и что останется нашим эволюционным преимуществом. Как сохранить верность собственных генов в гонке по потоку времени.

Сначала я добрался до оружейного ящика Цербера, достал оттуда стопку печеней-времянок, налепил одну себе на бок и передумал пока умирать.

Оставшуюся стопку спрятал – я их честно отработал, они мои.

Потом я несколько часов собирал обломки сервокаркаса, тащил живой обрубок ругающегося Цербера в относительно уцелевшую корпус-капсулу, вставлял куда надо питающие трубки, подключал манипуляторы к резервному источнику питания. А дальше Цербер, пошевелив пальцами, уже сам, орудуя сварным гелем, принялся за свой ремонт.

– Мне заплатили, чтобы я грохнул Пожирателя, – проговорил Цербер, приладив обратно бронепластину с девизом «Ад будет наш». – Сквотеры скинулись – задолбал он их. А тебя я взял приманкой. С меня половина награды, если что.

– Замётано, – улыбнулся я.

– Когда доберёмся до людей, сниму с тебя прошивку, – добавил он.

Я только усмехнулся:

– Удивить тебя, Цербер?

Он мгновение смотрел на меня искоса.

– Ну, давай. Покажи мне класс…

Я щёлкнул пальцами и ввёл верный ключ к прошивке с первого раза. Доступ в нейроинтерфейс мне тут же вернулся.

– Ага, – произнёс Цербер. – И как ты это сделал?

– Угадал!

Я серьёзно. Попробовал бы я этот результат тупо в лоб пробить, как бывало, – падали бы мы из стратосферы на поверхность вместе с развалинами Иглы ещё лет пять.

Случайность, удача, область непредсказуемых квантовых эффектов – как говорят, последнее прибежище бога в этой учтённой до единой секунды и взвешенной до последней молекулы Вселенной.

Теперь я не только чувствую будущее всей кожей, Я нашёл способ знать его, не нарушая причинности, – если попросить бога освободить место. Как спрятать всю пробивную мощь Иглы в чистую случайность. Я перепрограммировал медботов Медузы и пересобрал из себя машину по безупречному угадыванию будущего.

И плевать мне, куда понесёт Мейнстрим после такого. Пусть им там, в будущем, тошно будет. Мои гены – только мои.

Цербер покачал головой:

– Экий ты, пацан…

– Просто залез на плечи ребятам повыше, – пожал я плечами.

В конце концов мы собрали из разрушенной брони Цербера нечто, что более или менее могло ходить.

– Так как? – спросил он, когда мы собрались. – Мы теперь тоже призраки?

– Вроде того… – скривился я.

– Что дальше? Что будем с этим делать?

– Ну, у меня есть пара плодотворных идей…

– И что? Справимся?

Я улыбнулся, покатал в ладони прозрачные фаланги пальцев, оставшиеся от Пожирателя. И подбросил их в воздух.

Кости упали и покатились, а медботы Медузы, получив точные данные от Иглы, тонко повлияли на вероятности в области случайных квантовых эффектов.

Остановившись, костяшки образовали комбинацию, означавшую утвердительный ответ.

– Конечно, Цербер. Конечно, справимся!

Чтобы угадать все функции ключа к моей прошивке, пришлось куда больше покидаться! Теперь осталось только что-то выдумать с моей временной печенью, и жизнь окончательно наладится.

Над нами, сквозь серебристые облака в тропосфере, мерцали давно сгоревшие звёзды.

Бог не бросает кости?

Теперь бросает.

Александр Матюхин
Престиж

У меня семь сестёр и девять братьев. Мы считаемся многодетной семьёй, проходим по шести социальным программам, получаем льготные пособия, ежемесячные государственные выплаты и каждые четыре года улучшаем свои жилищные условия.

За это мы каждый день благодарим маму.

Пару десятилетий назад она решила, что иметь много детей выгодно. До этого мама прислуживала няней и зарабатывала копейки. Денег хватало на то, чтобы снимать крохотную квартирку в пригороде, где едва умещались одноместная койка и тумбочка. У мамы не было Интернета, выделенных карт доступа, ни одного вживления. В наследство от бабушки ей достался только крохотный съёмный «бегунок». Он ловил сигнал с перебоями и запросто мог выжечь маме мозги, когда она с его помощью отправлялась в далёкие виртуальные странствия.

Как-то раз мама наткнулась в журнале на статью о социальных программах для многодетных семей. Она уловила суть – гораздо выгоднее завести собственных детей, чем бегать по пятам за детьми чужими.

В тот же день мама активировала свои детородные аккаунты и подала заявку на усыновление. Ещё через неделю ей привезли двух мальчиков и девочку – розовощёких и голопузых, только что из коконов.

К тому времени мама оформила материнство и переехала в просторный двухэтажный дом. Ей провели выделенный доступ к социальным настройкам, открыли виртуальный личный кабинет и активировали пользовательские ссылки на портале государственных услуг. Ещё загрузили первоначальный взнос и материнский капитал. Счастье было не за горами.

Мама долго думала над тем, как настроить и назвать детей. Остановилась на несложных именах латиницей с удобными проверочными словами. Мальчики не отняли много времени, а девочку пришлось настраивать несколько дней. Мама хотела, чтобы она выросла красивой и, главное, похожей на неё. Режим гибких настроек позволил изменить цвет волос, сделать тоньше нос и подбородок, подправить глаза. Точного сходства мама, конечно, не добилась, но осталась довольна и активировала учётные записи.

Так на свет появилась я – мамина любимица.

Иногда кажется, что во мне отражается мамина ностальгия по времени, когда она ещё обращала внимание на собственных детей. Сейчас ей всё равно, кого привозят из Дома Ребёнка в красивых розовых автомобилях. Она не заглядывает в коконы, не радуется первым детским крикам, а просит меня или кого-нибудь из братьев и сестёр помочь с адаптацией нового ребёнка. Чаще всего мама даёт имена случайным набором букв на клавиатуре. Проверочное слово у неё одно – «Link». Это имя моей бабушки. И моё.

Гибкие настройки внешности и характера маме не нужны. Ей выдали стандартный пакет, где можно проставить все галочки одним нажатием. Этого достаточно, и не отнимает много времени.

Из всех девочек только у меня рыжие волосы. У остальных они пепельные с оттенком металла. И у тех девочек, которых больше нет, волосы тоже оставались пепельными.

Я не помню, сколько у меня было братьев и сестёр. Они появляются и исчезают. Некоторые не задерживаются у нас больше двух-трёх недель. Кое-кто прожил год или около того. Четверо мальчиков живут уже пятый год, и ещё я – пятнадцатый. Столько их уже сменилось в нашем доме – детей со стандартными настройками, – что имена путаются в голове, сложно запомнить их однотипные лица. Я стараюсь, конечно, но не всегда успеваю.

Мама говорит, что это всё из-за дефектов. Массовое производство детей, начавшееся в конце прошлого века, резко снизило их качество. Раньше дети были штучным товаром, их изготавливали на заказ умелые мастера, которые отлично знали своё дело, имели высокую квалификацию. Такого ребёнка можно было растить до пятидесяти-семидесяти лет и не обнаружить в нём ни единого изъяна. Сейчас же политика государства такова, что важно не качество, а количество. Отсюда и базовый набор настроек в комплекте, поспешная активация, огромные льготы для многодетных семей.

Мама говорит, что мы снова гонимся за каким-то соседним государством, соревнуемся, пытаемся превзойти. Сейчас в приоритете – повышение демографии.

Я не уверена, что точно выразила мысль. Мама говорит – нам важен престиж. Поэтому надо производить детей в огромных количествах. Не важно, с дефектами они или без.

Восемь девочек и девять мальчиков – это максимально возможный порог для многодетной семьи. То есть мы получаем самые большие льготы в стране. У нас две машины и личный

водитель – престарелый безымянный мужчина с седыми усами. Однажды он возил маму к мастеру по лицензированию, который занимается удалением детей, и после этого уволился. Мама сказала, что водитель сошёл с ума.

Дефектные взрослые, как и дефектные дети, говорила мама, не могут нормально жить в нашем мире, поэтому их и надо удалять. У них что-то сбивается в настройках. Дети перестают вести себя как нормальные.

Один из первых моих братьев однажды начал носиться по дому с криками, изображая то ли ветер, то ли ураган. Он дёргал занавески, опрокидывал стулья и вопил о том, что собирается закружить всех вокруг волшебным вихрем. Мама сказала, что у него сбилась настройка спокойствия. Подозреваю, что она просто не хотела тратить лишние деньги на перепрошивку. Брата было легче удалить и заказать нового.

А одна сестра как-то раз украла из магазина краску для волос и залила себе всю голову фиолетовой жидкостью. Сестру тоже отвезли к мастеру по лицензированию, а потом красивый розовый автомобиль доставил к порогу новый кокон.

Несколько лет назад брат с сестрой слишком громко смеялись над фильмом. Они долго не могли остановиться, заливались смехом и катались по полу. Мама влепила брату пощёчину, а потом сказала, что если они не прекратят смеяться и будут мешать ей читать книгу, то живо отправятся к мастеру по лицензированию. Впрочем, брат с сестрой всё равно потом отправились на одном из маминых авто в центр города. Они слишком громко смеялись, понимаете?

Так же не вернулась сестра, которая однажды разбудила маму ночью, когда отправилась в туалет и хлопнула дверью.

Не вернулся брат, который чавкал и не убирал крошки со стола.

Не вернулся ещё один, читающий книгу с фонариком под одеялом, – мама проходила мимо детской и заметила тонкий луч света, разрезающий темноту.

И ещё десятка два детей, которые чем-то маме не понравились. Лишали её праздного спокойствия богатой жизни. Отвлекали от перебирания аккаунтов и подсчёта накопленных средств. Мама увозила их на проверку, а возвращалась одна.

Как я и говорила. Проще поменять ребёнка, чем перепрошить уже испорченного.

Как-то раз я стригла цветы на заднем дворе и заметила нашего бывшего водителя. Он стоял у обочины и махал мне рукой. Хотя мама говорила, что он сошёл с ума и наверняка с

дефектом, водитель не казался страшным. Поэтому я подошла ближе и поздоровалась.

Мне было уже семнадцать, я не привыкла бояться кого бы то ни было.

Водитель сказал, что вспомнил о моей маме. Его не отпускают жуткие воспоминания о дефектных детях, которых мама заменяла, будто они были севшими батарейками. Он спросил, почему я всё ещё живу в этом доме? Почему меня до сих пор не признали дефектной?

Я ответила, что всё дело в ностальгии. Мама скучает по прошлому, перебирает ссылки, которые остались на память от бабушки. Она любит просто так разглядывать меня, ощупывать лицо, водить пальцами по рыжим волосам. Что-то она чувствует, глядя на меня. Поэтому позволяет слишком громко хлопать дверью или не всегда мыть посуду сразу после еды.

Водитель сказал, что ностальгия – это хорошо, просто замечательно. А потом спросил, знаю ли я, что моя мама сошла с ума?

Я ответила, что да, мама свихнулась много лет назад.

Мне ещё не было и десяти, когда мама начала приезжать домой в компании с каким-то мужчиной, которого звала мастером по лицензированию на все руки. Мама поднималась с ним на второй этаж и позволяла себе греметь, шуметь, кричать, стонать. Никто всё равно бы не повёз её на удаление, никто не сказал бы, что у неё дефект.

Когда она спускалась со второго этажа, совершенно обнажённая, потная, с растрёпанными волосами, мне хотелось вопить от ужаса. Потому что я знала, что произойдёт дальше – за её спиной возникнет тот самый мастер по лицензированию (толстоватый ухмыляющийся коротышка). Он будет говорить, что ему нужен лицензионный материал, что очень сложно получить сертификацию, поскольку хорошие, здоровые дети нужны для престижа, а дефектных становится очень мало. А мама, спустившись, будет осматривать детишек туманным взглядом, выберет одного, потреплет по волосам и скажет мастеру: «Забирай этого». Он заберёт, облизнувшись. А я буду стоять с колотящимся сердцем и каждый раз гадать о том, когда же мама потреплет по волосам меня.

Водитель слушал внимательно, а потом ответил, что моей маме нужно лечиться. Ни одна нормальная мать никогда не отдаст своего ребёнка на удаление. Пусть он будет хоть сто тысяч раз дефектен. Даже в мире, где человеческая жизнь перестала цениться.

Он взял меня за плечи и сказал:

– Знаешь, я прямо сейчас пойду и разберусь с ней! Хочу нормально спать по ночам!

Я попыталась возразить, но водитель направился через двор, сминая тяжёлыми ботинками изумрудную траву газона. Он зашёл в дом, хлопнув дверью, и я слышала, как он ходит внутри, пугая детей своим присутствием, кричит, зовёт, угрожает. Под его ногами скрипел дощатый пол.

Я зашла следом, остановившись на пороге. Собрала вокруг себя семерых испуганных сестёр и девятерых возбуждённых братьев. Со второго этажа спустился запыхавшийся водитель. У него раскраснелось лицо, обвисли седые усы.

– Где она? – пробормотал он. – Скажи!

Тогда я ответила:

– Мама умерла. Бабушкин «бегунок» выжег ей мозг несколько ночей назад. Мама отправилась в виртуальное путешествие и не вернулась. Вы опоздали.

Водитель тяжело сел на ступеньку лестницы, погрузил пальцы в редкие и тоже седые волосы.

– Какой кошмар, – сказал он. – Я много лет думал о том, как приду в этот дом и освобожу всех вас. Мне снились твои рыжие волосы. Я надеялся, что как-нибудь смогу сказать, что вы все свободны.

– Вы и сейчас можете это сказать.

– Уже слишком поздно.

– Я бы попробовала.

Он поднялся. Дети вокруг меня настороженно и тихо разглядывали этого пожилого сутулого человека.

– Вы же теперь свободны, – пробормотал водитель с нотками печали в голосе. – Почему до сих пор живёте здесь?

Я пожала плечами.

– Кому-то же надо оставаться мамой. Сложно быть ребёнком в мире, где человеческая жизнь ничего не стоит.

…Водитель иногда приходит в гости, и мои дефектные братья и сёстры называют его дедушкой.

Дедушка приносит с собой подарки, а дети рассказывают ему миллион историй. Он любит нашу большую семью – искренне любит, несмотря на то, что каждый раз перебирает имена детей, проверяя, не отправила ли я кого-нибудь к мастеру по лицензированию.

Я знаю, что когда-нибудь водитель попросит меня рассказать историю о маме. О том, как же она умерла по-настоящему.

Думаю, я объясню ему, что это был вовсе не несчастный случай. Просто однажды она спускалась с лестницы – обнажённая

и вспотевшая – и потрепала меня по голове. Тогда я поняла, что в маме больше не осталось ничего человеческого. Что если я сейчас же не сделаю что-нибудь, то мастер по лицензированию, облизнувшись, возьмёт меня за руку и увезёт на своём совсем не красивом автомобиле.

Мастер, кстати, больше не приезжает в наш дом, а на крышку гроба мамы я бросила не горсть земли, а сгоревший «бегунок». На память.

Подробностей водитель никогда не узнает. Да ему и не нужно. Главное, кажется, он поймёт суть. Дело не в престиже и не в сумасшествии.

А в человечности.

Дмитрий Богуцкий
Плацента

Мать для своих детей я нашла в груде мертвецов.

Это был вымерший подпольный завод по производству нелегальных органов, спрятанный в глубине пустыни.

На жёлтом склоне холма стояли доставившие нас сюда пулемётные «тачанки» племенного ополчения, на земле которого мы в своё время поставили это взаимовыгодное предприятие.

– Не пойдём, – покрутил головой огромный вождь ополченцев, покрытый шрамовыми узорами от бровей до кончика фаллоса. – Видишь, что там делается?

Я только закатила глаза, отобрала у него ампульный огнемёт с магазинным барабаном и пошла сама.

Тела, изъеденные до желеобразного состояния, оплывшие, как расплавленный парафин, лежали между врытыми в коричневую землю, блестевшими на солнце заводскими модулями. Обнажившиеся рёбра грудных клеток высыхали на горячем ветру.

– Лора, что там? – спросил Татлин, остававшийся за десять тысяч километров отсюда.

– Мёртво, – буркнула я.

Они попадали там, где их застал смертоносный апгрейд Красного Кода, превратившего их иммунную систему в безумную фабрику по воспроизводству медботов в неограниченном количестве – более миллиона наномашин в секунду, занимавшихся только собственным воспроизводством из любого доступного материала, вплоть до костного мозга и эпителия.

Попытки Красного Кода скопироваться в мой нейроинтерфейс отзывались бегущими по всему телу мурашками – для распространения инфекция использовала каналы связи уже мёртвых носителей. Но так уж вышло, что именно мой протокол соединения тебе не по зубам, ошибка природы, только если принять внутрь…

Красный Код – технобиологическая химера. Первая инфекция, сумевшая освоить новый путь размножения. Взломавшая сетевой протокол, получив почти безграничные возможности для самокопирования через каналы удалённого управления клеточной медтехникой – эпидемиологи ещё не разобрались в генезисе, но, похоже, исходно это была в целом безвредная и давно всеми позабытая детская лихорадка пустыни Намиб.

Кризисменеджмент объявил режим пандемии, а потом и вовсе отключил поддержку инфраструктуры по управлению глобальным здоровьем. Теперь каждый был сам за себя.

Производство органов парализовало в обоих полушариях. Поражённые инфекцией препараты выбраковывали прямо на заражённых сборочных линиях. Базы данных оцифрованных тканей оказались необратимо засорены. Строчки Красного Кода находили даже в памяти бытовых процессоров. Миллионы нуждающихся в регулярном биоапгрейде уже умерли, ещё сотни миллионов обречены.

Поэтому наши геронтократы из Пирамиды и послали меня сюда, на наше подпольное предприятие. Здесь, в изолированных дьюарах с исходным материалом для биопечати ещё могли оставаться чистые запасы стволовых клеток. Состояние пренебрежимого старения требует много строительного материала.

Вот только всё, что удалось здесь найти, оказалось заражено Красным Кодом.

Оставалось только прижечь эту гниющую рану раскалённым железом.

И я, уходя, залила там всё напалмом с белым фосфором.

Но прежде проверила склад вторичного сырья.

Там я её и нашла. В карантинном боксе, за спиралью из квазиживой колючей проволоки. Она сидела одна, среди трупов, в здоровенной пластиковой клетке для животных, обняв себя за ноги. Дрожала, стучала зубами, моргала огромными глазами. Живая.

Вождь ополченцев пожал плечами и сказал, что, наверное, её поймали где-то в пустыне браконьеры и привезли сюда, продавать на переработку. Кто там считает этих бушменов? На них даже чипов нет.

Миниатюрная девочка из Калахари, изящная и блестящая как статуэтка, отлитая из глубоко чёрного кондуктивного пластика. А дети будут, как я, белыми. Стильно получится.

Я сама внесла её в реестр панафриканских трудовых ресурсов и наняла на стандартный контракт.

– Да уж, – с сомнением пробормотал Татлин, разглядывая моё приобретение через тактическую камеру у меня на зрительном нерве. – Люди, чистые телом и душой. Я уж думал, что таких больше не водится.

– Она будет отличной мамочкой, – сказала я, отправляя запрос на выдачу моего генного вклада из банка Пирамиды. Оплодотворить её я решила сразу, как только вернёмся. Ещё надо будет поставить в план сомнального изучения язык!кунг. Узнаю

хоть, о чём она там щёлкает…

– На твоём месте я бы так не спешил, – задумчиво произнёс Татлин.

– Да иди ты, – довольно послала я его.

Временами, я без дураков, горжусь тем, что делаю. Наш культ отложенного деторождения – шанс для современной женщины победить в тяжелейшей конкурентной борьбе с корпоративным патриархатом, а я сама такая же, сама храню в Пирамиде свои яйцеклетки, в сладком предвкушении инвестированного детоводства.

Однажды, очень давно, ради блестящей карьеры мне пришлось отказаться от овуляции и заморозить двадцать моих яйцеклеток в надежде на счастливое будущее. Вот и пришла пора разморозить прежние надежды и заняться детьми.

Вскоре мы уехали оттуда. Её я забрала с собой.

Вы понятия, наверное, не имеете, как теперь сложно найти чистую суррогатную мать.

* * *

И вот, когда я уже была готова собрать плоды своего шестидесятилетнего каторжного труда, культ выкинул меня из Пирамиды.

Я сама дала им повод.

Манипуляторы медблока отняли прежнее деловое лицо, положили на холод, приставили привычное. Части моего боевого тела отнимались одна за другой, новое тело строилось как здание, сеть интерфейсных стыков изящным техноузором украшала стыки между модулями моей домашней бодимодели.

Вот она я. Старая змея в новой коже. Мой личный бодикойн скрупулёзно вёл отметки всех замен органических блоков. Мой неуничтожимый сертификат на идентификацию. То, что осталось мной после сотен пересборок, – по сути, теперь только вот этот протокол, строчки перекрёстной базы данных, соглашение об этом с другими людьми.

Бодидрайвинг – последствие ранних геронтократий, когда вопрос замены органов постаревшего тела встал крайне остро – невозможно заменить шесть, семь, восемь сердечных мышц подряд, не нанося тканям необратимых повреждений. И тогда был разработан иммуносупрессорный органический интерфейс, сделавший архитектуру человеческого тела открытой.

Самое интересное началось, когда буйные дети геронтократов дорвались до технологии и появилось буйное и

безмозглое племя бодидрайверов. Уж я-то знаю. Я сама родом из того безумного поколения. Да и Татлин тоже. Давно это было.

Модные бодисборки, подпольные уникальные модификаты, коллекции из органов, завоёванные в личных поединках, идиотские коллективные конструкции, вплоть до легендарной человеческой многоножки – добром это, конечно, не кончилось. Оторопевший Кризисменеджмент постарался загнать технологию в подполье, запретить и ограничить впоследствии. Нашими оазисами стали Пирамиды генных банков.

От той меня, урождённой, давно ничего не осталось, клонировать даже нечего, исходный генный материал затерялся в десятилетиях. У меня ничего не осталось кроме пары десятков замороженных яйцеклеток.

Стоило мне перестроить себя из боевой формы в корпоративную, как тут же они меня и взяли. Отрезали связь, прекратили все полномочия, отменили доступ. Потом явился Татлин лично – конфисковать прочее корпоративное имущество.

– Лора, поверь мне, – угрюмо сообщил Татлин. – Это не моя идея.

– Да ты что, – поразилась я, разглядывая два киборгизированных шкафа с пулемётами, с которыми он меня встретил на выходе из медблока. Уважают меня тут. Или боятся, что один хрен.

– Не надо было изымать вклад, Лора, – добавил Татлин. – Не стоило глупости делать.

Ну, надо же! Пирамида интерпретировала возврат моего генного вклада как покушение на основной капитал культа, как акт сцесии, и инициировала протокол расторжения взаимных обязательств. Ведь что это такое – генный культ? Это гарантия акционеров-геронтократов, что насильно меня не разберут на органические культуры. А после смерти – разберут обязательно и используют во славу культа, поделят между участниками, а не каким-нибудь компрачикосам на секс-игрушки и украшения интерьера сбудут… А компоненты мозга сохранят и когда-нибудь – когда позволит экономическая ситуация – воскресят к жизни вечной среди светлого совета акционеров…

Взамен – служба, безупречная и бескорыстная.

Может, так оно всё бы и сложилось, кто знает… Но я очень хотела увидеть своих детей.

Может быть, я бы и утёрлась. Но Татлин взял и забрал только что найденную мной мамочку. Как прочее корпоративное имущество.

Потому я и бросилась на Татлина с голыми руками, в одних корпоративных длиннющих ногтях. Зря, конечно. Не в дресс-

форме мне с ним тягаться. А разобранная боевая осталась в медблоке.

– Ты что, Лора? Не понимаешь? – орал Татлин, удерживая меня на расстоянии вытянутой руки и не давая киберам расстрелять меня. – Это идиотская мечта, причём чужая, даже не твоя! Это имплантированный психологический комплекс, его в отделе мотивации персонала сто лет как разработали. Никто из нас не может завести детей, это технически невозможно, это община для вечно молодых. Соберись, дура! Соберись, или я тебе челюсть вырву!

Потом я валялась побитая на металле посадочной площадки, с обломанными ногтями на пальцах, плюясь кровью со вкусом универсальной группы.

– Я за ней присмотрю, Лора, – мрачно пообещал Татлин. – И за твоим вкладом тоже. Мы же не чужие…

– Да ты что?

– Лора, ты же знаешь, я всё сделаю, как сказал.

– Татлин, сволочь ты последняя, – выплюнула я. – Не думай, что, уничтожив меня, ты получишь что-то ещё кроме взбесившейся обезьяны, кидающейся в тебя камнями.

– Лора, посмотри на меня, – тяжко вздохнув, попросил Татлин. – Это политика Пирамиды, её до меня придумали. Но я выбил для тебя «золотой парашют». Поняла? Сиди в городе тихо и не возникай. Я тебя оттуда вытащу.

– Слушай, Татлин, – проговорила я, – не мог бы ты сделать мне одно одолжение? Мог бы? Слушай, возьми, пожалуйста, этот мой золотой парашют, засунь его себе поглубже и за кольцо, мать твою, дёрни!

– Сиди тихо, – посоветовал он, прежде чем удалиться и увести мамочку. – И не лезь в Пирамиду.

Потом я брела прочь, побитая и уничтоженная.

Шестьдесят лет! Шестьдесят лет я горбатилась на этой каторге, вашу мать, и ради чего?

У меня уже есть их сгенерированные портреты, моих прекрасных мальчиков и девочек, рассчитаны этапы роста, моменты кризисов, склонности, привычки, всё! В этом нет ничего кроме сентиментальности, но ради чего ещё было тянуть эту лямку-то?

Я так хочу их назад. Верните мне моих детей!

Так, спокойно. Это стресс, Лора. Его необходимо контролировать. Всё в твоих руках. Ты же и не такие кризисы разбирала, давай, возьми себя в руки, сапожник без сапог…

Я никогда бы не пошла на такой риск – двадцать яйцеклеток на всю оставшуюся жизнь, если бы не могла контролировать

техническую сторону вопроса полностью, сама. Я никогда не была настолько наивной, чтобы доверять Пирамиде своих детей. И, оказалось, была права. Доверять не стоило. И упускать контроль тоже. Нужно было держать руку на пульсе и не доверять ни единому слову.

Нет, я выдержу. Я всё перенесу, подонки, хрен я вам сломаюсь. Всё было ради детей. И их время придёт.

Я разберу по рёбрышку эту вашу Пирамиду и разбросаю по пустыне, чтоб не собрать обратно. Я обещаю. Я заберу у вас мою мамочку, заведу с ней детишек, уберусь подальше и забуду о том, что вы были вообще.

Ну а ты, Татлин, упырь ты конченый… Я приставлю здоровенный пистолет к твоей голове. Ты за всё ответишь. Не с той старой сукой ты связался, Татлин. Нет, не с той.

Ничего ещё не кончилось.

Мне снился речной ил.

А потом произошла обратная загрузка нейроинтерфейса, и я очнулся.

Моя жизнь началась ровно оттого, что какой-то психопат разнёс мне голову выстрелом прямо в лоб. Смартпуля в упор. Хрен увернёшься…

Ещё и тело сжечь постарался.

Меня собрали из обломков, найденных на свалке, угнанных у секс-туристов органов, и вообще из всего, что под руку попалось. Местный деревенский хирург-престидижитатор, упоротый техношаман, обвалял в стандартном нейромеханическом флоке нервный ствол электрического ската, купленного тут же прямо с рыбацкой лодки, и соорудил мне новый варолиев мост. После чего помогавшая ему девка – думаю, что всё-таки девка, с принадлежностью её я так и не определился – соорудила мне новый череп из смеси биополимеров и рыбного клея.

Получилось довольно забавно. Нейромеханический флок не даёт иммунным агентам пометить рыбные ткани как чуждые и отторгнуть, и голова как-то варит.

– Кто я? – задал я очевидный вопрос.

– Ты-то? Это смотря с какой стороны, – ответил мой реаниматор. – Если просто посмотреть, так псих-бодидрайвер, я такого ещё не видел. А вообще – везучий хрен. Повезло тебе, что подходящее тебе мясо не засрано Красным Кодом, кому другому и поставить уже нечего, а поменял я, считай, всё. Никаких примет не сохранилось, даже отпечатков пальцев, и геном в хлам перемешан, так что с индивидуализацией не помогу. В последнее время ты был однозначно невысок, быстр, много и тяжело

работал, больше ничего не вижу.

Так и оставил меня в недоумении. От меня прежнего остался только модуль драйвера, таламус, мозжечок и часть коры головного мозга в трансорганическом интерфейсе – такой мохнатый кирпичик в белёсой нейроорганической шерсти. И никаких воспоминаний о себе. Индивидуальная память сгинула вместе с исходной личностью. И кто именно в меня стрелял, тоже не вспоминалось.

Я расплатился с хирургом за заботу местной криптовалютой, ходившей в дельте этой реки, с единственного доступного мне счёта с пометкой «Золотой парашют», уж теперь не знаю, откуда он у меня.

Ещё и спасибо хирургам сказал за то, что удержались и не поставили мне модный в этом сезоне репродуктивный набор. Я там насмотрелся, в этой деревне, за те месяцы, что общинная соцсеть учила меня говорить. Учила она меня почему-то только тайскому, русскому и!кунг – языку бушменов Калахари.

Адски хотелось сырых донных моллюсков, да вот ничего тебе не обломится, электрическая рыба у меня в голове.

Хирург сказал, что у всех радикальных бодимодеров есть идентификатор бодикойна – облачной базы данных, где регистрируются замены модулей тела, наглухо связанной обменом данными с другими пользователями, – для идентификации исходного владельца. Но я у себя в уцелевшей памяти нейроинтерфейса ничего похожего не обнаружил. Я никто.

Попробую вернуться обратно по сохранившемуся в навигаторе маршруту от места нападения. Может, узнаю о себе чего.

Начал я с места своей смерти на асфальте вертолётной площадки. Потом я пошёл обратно по отметкам маршрута. Путь оказался извилистым, прерывистым и трудноуловимым. Времени немало прошло. Станции метро, континентальные узлы связи, орбитальные паромы и частные подводные лодки.

Я возвращался двенадцать дней, как рыба, идущая против течения, улавливая знакомые очертания в мутной глубине, по миру, сотрясаемому Красным Кодом.

Мир кричал от боли, содрогался в корчах и искал виновных.

Еле договорились о происхождении Красного Кода – техногенная ошибка. Её связывали с амбициозным проектом глобального управления инфраструктурой здоровья, затеянного Кризисменеджментом. Все, у кого есть средства связи инвитрио – а это, считай, всё человечество, – в группе неизбежного риска. Единственное препятствие – протокол связи медботов у

некоторых маргинальных групп. У бодидрайверов и геронтократов он нестандартный. Но принимать его внутрь тоже чревато.

Я тем временем спал на обочинах общественных терволаторов и ел еду, отобранную у домашних животных.

На десятый день моего путешествия сетевыми подрывными эпидемиологами было объявлено, что именно геронтократы Кризисменеджмента в состоянии пренебрежимого старения – резервуар обитания Красного Кода. Источник заразы.

И Кризисменеджмент пал. На мне это никак не отразилось, мне было всё равно, тех ли геронтократов назначили виновными. Я плыл себе мимо полыхающих деяний социального бунта и кровавых мальтузианских выбраковок, как тихая рыба в глубине штормового моря.

Я нашёл дом в безлюдном кондоминиуме, в охваченном волнениями поселении в глубине пустыни, в длинной тени угрюмой Пирамиды очередного генного культа. Дом заброшенный и забытый. Уже разграбленный. Почему-то мне было горько на душе.

– Узнаёшь? – спросил я у своего отражения в треснувшем окне.

В доме кто-то разводил костёр, разогревал на нём банки консервов и обжаривал мелкую городскую живность вроде котов и голубей…

Стены были расписаны обычной для эпох бунта примитивистской живописью.

Кого-то здесь очень не хватает…

Судя по обрывкам в разграбленном гардеробе, здесь жила женщина.

– Жена? Сестра? Мать? – спросил я у отражения в зеркальной стене разгромленной ванной. – Чего молчишь? Я вообще ничего не помню. Хреново…

Лёг на разодранную сырую постель. Уставился в потолок. Потолок незнакомый.

На моём счёте догорали последние энергорубли.

Я попытался узнать, кто здесь жил. Но на всех каналах шипел белый шум.

Я прожил там три дня, разыскивая хоть какие-то концы. Энергоснабжение время от времени пропадало. В городе дымили пожары, щёлкали выстрелы. Красный Код собирал глобальную жатву.

Я не обращал внимания – у меня здесь были свои дела.

В зеркале туалета отражалось типовое биомеханическое лицо, брови и ресницы, функциональная полимерная имитация,

под чёрным капюшоном из пластиковой ткани грубого плетения – транспортировочная упаковка, в которую я завернулся, покидая рыбацкую деревню в другом полушарии.

– Кто-то же нас пристрелил, – пробормотал я, уставившись на своё отражение. Интересно, кто?

– Эй, ты! Ты же всё знаешь? Я прав? Скажи мне.

Мне нечего было сказать себе. Тогда я ударил головой в зеркало прямо в своё невыразительное лицо, раз ударил, два.

– Говори!

Когда осколки зеркала обвалились, а рана на лбу заплыла стараниями медботов, то в расколотом отражении я видел только свои белые глаза, разделённые кривой трещиной. Моё молчаливое прошлое смотрело мне глаза в глаза и не подавало знаков.

Ладно, значит и тут я один за всех.

Потом только обратил внимание, что за разбитым зеркалом что-то есть. Выломал острые осколки. Оказался тайник. В нём, в бархатной нише лежала карта памяти с файлом «Близнецы». Зодиакальный знак какой-то, что ли?

Неспроста он тут лежит. И что мне с ним делать? Использовать по назначению?

Запись «Близнецы» была долговременным проектом выращивания и воспитания каких-то детей, там были их сгенерированные портреты, рассчитаны этапы роста, моменты кризисов, склонности, привычки и прочая такая фигня. С ним явно работала женщина.

Нашёл в системном логе информацию о разработчике. Им оказался некий высокопоставленный офицер из той самой Пирамиды, что как раз нависает над этим раздираемым в клочья городом.

– Вот оно, значит, как, – пробормотал я.

Свет падал в нутро пустынной Пирамиды через обрушенные секции крыши, песок затянул полы, замёл коридоры, тихо мерцали огни аварийной сигнализации, реагировать на которые было некому. Тишь, сушь и запустение.

Я ступал по хрусткому песку, через полутьму заброшенных офисов, потом вышел в центральную полость, огромную как стадион. Там, в середине падающего сверху света, среди редких, облетевших деревьев внутреннего релаксационного сада колебался огонёк маленького костра.

Ветер, пробегавший по тёмным анфиладам, поднимал облачка пыли, стучал песчинками по пластиковой нити упаковочной ткани на моём теле, пока я медленно шагал к

огоньку в темноте.

Там, перед скудным костерком, сидела на коленях гладкая, как чёрный японский лак, статуэтка беременной девушки. Потом в темноте блеснули белки огромных глаз и я понял, что она живая.

Около кострища разложено её маленькое первобытное хозяйство: камни – растирать корни, обугленные веточки, скорлупа страусиных яиц с водой. Похоже, она была на втором триместре.

Осторожно шагнув, я переступил выложенную тёмными камнями границу светлого круга, отбрасываемого в темноту её костром.

Она тут же вскочила, со скрипом согнула маленький деревянный лук, лежавший у неё на коленях. Стрела из заточенного сварочного электрода смотрела мне между глаз. Она держала лук и стрелу на пластиковой тетиве странно на отлёте, осторожно, нежно, кончиками пальцев. Наверняка попадёт, если я не успею увернуться…

Я поднял раскрытые ладони и не успел ничего сказать – прыгнувший из темноты кусок тяжёлой ярости снёс меня с ног и раскатал по песку.

Я еле вывернулся, едва не оставив врагу обе руки, откатился в сторону, вскочил – вскочил и тот, кто напал на меня. Голое тело его было исчерчено границами иммуносупрессорного интерфейса, кожа полностью покрыта квадратами цифрового пустынного камуфляжа. Бодидрайвер, больше меня вдвое и втрое страшнее. Огромные мышцы, кевларовые чашки на суставах, костяная полумаска, спрятавшая лицо и глаза.

Только сейчас я понял, что камни, разложенные вокруг костра, – высохшие головы предыдущих неудачников.

Он кинулся вперёд. И мы схватились.

Бой двух бодидрайверов, странная, похожая на схватку шариков ртути мясорубка. Когда под ударом кулака раздаются модули на груди, а потом собираются обратно. Я не знал, как это делается, но не мог не вспомнить. Он давил – я уступал, он цеплялся – я использовал его массу для бросков через себя. Я попался на том, что был пойман за шею.

Я даже не слишком почувствовал, как меня оторвали от песка. Я старался не дать скрутить себе голову с плеч. Потом нащупал пальцы у себя на шее, отжал их, упёрся ступнями ног в его огромные грудные мышцы и изо всех сил ударил его головой в голову, лицом в лицо.

Модули его черепа раздались, нити наших бодисборок смещались на мгновение, достаточное для установки соединения.

На мгновение мы превратились в одноголового зверя с двумя спинами.

В ответ на автоматический запрос в мой нейроинтерфейс пришёл ответ. И обновление моей пустой базы бодикойнов произошло.

В тяжёлом дыхании и тёмном звоне наших перемешанных мозгов ко мне пришла одна мысль. Не моя. Его.

– Лора? Это ты, что ли?

Потом электрическую рыбу у меня в голове закоротило. Нас пробил неслабый разряд, нейроны встряхнуло, и на этом моя недлинная жизнь закончилась…

– Охренеть, – произнёс Татлин. – Ну, Лора… Ну, ты даёшь.

– Давай лучше приведём меня в порядок, – буркнула я.

Перебирать вручную бодисборку жутко тягомотно. Но я желаю быть такой, как мне нравится, а не такой, как получилось.

В памяти осталось изрядно дыр, но самоактуализация личности произошла и только вопрос времени, когда структура полностью реализуется на новом носителе.

В жизни я не теряла себя так надолго. Опыт был болезненным, а воспоминания безрадостными. Жаль человека, он жил и мучился, а ведь для него у меня теперь даже имени нет.

Я подавила тяжкий вздох, обвела взором нависающее пространство. Мало кто помнит, что Пирамида, это не потому, что в ней жизнь вечная, как та, что грезилась фараонам. А потому, что это жертвенник, вроде пирамид ацтеков. Автокровопускание на новом технологическом этапе. Человек должен страдать даже в недрах до предела гедонического бесстрастного, застывшего в янтаре пренебрежимого старения, раз уж мироздание оставляет нам такую возможность.

Или быстро окажемся неотехнологичными мумиями, жаждущими живой плоти.

– Лора, – произнёс Татлин у меня за спиной, – я хотел бы объясниться.

– Да ты что? – Я резко повернулась к нему. – Ну, давай, попробуй. Объясни мне, какого чёрта ты обрюхатил мою мамочку? И что нам с этим делать, тоже объясни. Какие у тебя есть идеи? А?

– Это твои дети, Лора. Двойняшки.

Чего?

Я, онемев, только и смогла показать пальцем на себя, потом на мамочку.

– Да, – подтвердил Татлин. – Часть яйцеклеток погибла за время хранения, часть не прижилась. Я уж думал ничего совсем

не получится, их и так было мало, но нам повезло, пара замечательных детишек растёт, всё удалось.

– Так, стоп! – выпалила я. – Кто отец?

– Я, – после короткого молчания ответил Татлин.

– Да ты охренел совсем!

– Я думал, ты умерла, это было в память о тебе, от тебя же больше ничего не осталось, только несколько яйцеклеток…

– Да это изнасилование, мать твою! – завопила я.

– Да ладно, тебя даже рядом не было… – удивился Татлин.

– Изнасилование! Хрен с ним – косвенное, да плевать! С чего ты решил, что право имеешь? Я не хочу общих с тобой детей! Ты позволил меня убить!

– Дети уже есть, Лора. Других же больше не будет.

– Да я тебя сейчас грохну!

– Так! Спокойно! Держи дистанцию, оставайся там, где стоишь. Лора, стой! Да чтоб тебя!..

Я, не размышляя, бросилась вперёд. Я его разорву! Я не буду делить с кем-то моих детей! Они мои и только мои!

Но тут мамочка у костра одним движением согнула лук и отпустила стрелу, которую держала на своей тетиве, и заточенный электрод с хрустом воткнулся мне в горло. Голову дёрнуло, по коже побежали мурашки, вздыбились отсутствующие на коже волоски, – это из размазанного по электроду силиконового коммуникационного процессора, вынутого из чьего-то черепа, копироваться в мой кровоток Красный Код.

– Родня ругается, потом мирится. Жизнь идёт, – довольно прищурившись, произнесла девчонка на своём щелкучем!кунг…

Убила бы.

Мы уходили дальше в пустыню. За нашими спинами Пирамида медленно тонула за песками удаляющегося горизонта.

Татлин нёс мамочку на могучих плечах, как двуногий верблюд. Я следила за горизонтом через камеру на его зрительном нерве, и то, что от меня ещё осталось – а осталось немного, болталось в пластиковом низкотемпературном контейнере на поясе девчонки, рядом с флягой и бусами из семян тутовника.

В маленьком и, судя по последним событиям в мире, небогатом хозяйстве нашей мамочки всё сгодится, даже моя дурная голова, оставшаяся после разрушения Красным Кодом остального тела…

Татлин опять меня спас. Натурально оторвал мне голову и на ручной реаниматор насадил.

– Я их прятал, пока было можно, – рассказывал Татлин,

широко шагая по песку. – Но всё очень быстро покатилось к чёрту. А когда начались смерти уже в совете акционеров и пустили на органы простых рядовых, народ вовсе разбежался. Нахрен сдался кому такой культ.

– А потом, – добавил Татлин, – когда стало заметно, все пронюхали, что в Пирамиде есть чистые живые человеческие зародыши…

Я знаю, что было потом. Они пришли за ними. За стволовыми клетками из тканей моих детей. Звери из темноты, звери, желающие жить вечно…

И он сложил из их тупых голов кольцо вокруг того костра.

Из тупых голов вроде моей.

Я тронута, Татлин. Правда. Я буду помнить, я никогда не забуду.

Я хотела рискнуть и завести детей, когда смогу быть уверенной, что огражу их от тех ужасов, что пережила и творила сама. Дать им лучшее, перемешать гены, найти другой выход.

Так и будет. А всё потому, что мамочка – ходячая замена плаценты, которой у меня никогда уже не будет, хотела их ещё сильнее, чем я.

– Стрела с Красным Кодом, – пробурчала я. – Это не честно.

Девочка-бушменка только щелкуче захохотала:

– То-то ты его почти убила, старуха. Спасать надо было. Ну и хорошо. Я согласилась породниться с вами, люди из кусочков, потому что вы сильные, – мамочка вздохнула. – А мои дети должны быть сильными, чтобы их уже никто не смог увести на завод.

– Ну да, – буркнула я.

Вот как всё повернулось. Она оказалась ему ближе, чем я. И детям моим тоже. Значит, это мне придётся пострадать.

Может, когда-нибудь, через много лет, меня отпустит, и я смилуюсь, прощу себя. Соберу себе новое тело и отпущу себя с миром. Но не сейчас. Не скоро. Человек должен страдать. И я – за всех.

А сейчас мы идём в Калахари. Жить. Растить детей.

Похоже, однажды на старости лет я всё же стану бабушкой в большой счастливой бушменской семье.

Ну, иногда ещё очень хочется отложить яйца. В песок, на дне медленной и тёплой тропической реки.

Владимир Венгловский
Крэш

Выход преграждали трое, все в тёмных костюмах и фетровых шляпах, а-ля американские гангстеры прошлого века. Для полного соответствия в их руках не хватало лишь оружия – ощетинившихся острыми углами «Томми» или крутобоких револьверов. Но оцифрованные физиономии виртуалов выдавали наших «братков» с головой. Даже вытатуированные на щеках драконы, словно у японских якудза, не могли затмить тупое выражение глаз.

– Давай сюда чип.

Первый требовательно протянул ладонь. В его правой руке, вынырнувшей из кармана, холодно блеснул пистолет.

Анализ объекта:

Юзер-слой – «хот-ган», парализатор, разрешён законом для самообороны;

Вар-слой – армейский «выжигатель» PR-5, способный выпалить нейроконтакты и вызвать атрофирование нервных окончаний, превратив цель в «огрызок». Ого! Попытка замаскировать нелегальную пушку!

Глобал-слой и реал – пистолет-автомат «Beretta» 2025 года выпуска. А вот это уже физическая гибель.

Ветер метался в узком переулке. Ветер, как и я, искал выход, рвался к клочку голубого неба в вышине между серыми панельными стенами. Но ему негде было спрятаться. Все двери заперты.

– Ну, быстрее! Он же у тебя? – Браток шагнул навстречу, частично закрывая меня от своих напарников.

– Да-да, сейчас…

Я полез в карман, лихорадочно пытаясь оценить обстановку. Мысли прыгали. Не отдашь квантовый чип – убьют. Отдашь – тоже убьют.

Второй «гангстер» синхронно со мной опустил руку в карман пиджака. Значит, он цель номер два. Анализ объекта: пользователь не определён. Виртуальное присутствие, динамическое сокрытие сетевого адреса.

Прежде чем вынуть руку, я заставил свой «хот-ган» скользнуть из кобуры на предплечье в левую ладонь. Выстрел – навскидку, почти не целясь, ещё до того, как рука с оружием выпрямилась – и парализующий заряд полетел во врага. Система отобразила лишь след выстрела, словно воздух прошила

электрическая дуга. Браток упал без сознания.

Раньше, чем второй враг успел выхватить оружие, я выстрелил снова, уже держа «хот-ган» на вытянутой руке. Вспыхнула защита, но моя модифицированная пушка при максимальной мощности пробьёт даже военную броню. Виртуал второго рассыпался горящими угольками пропадающих данных. Третий противник прижался к стене. Выстрелы его «беретты» эхом отразились от домов. Моя защита заискрилась, гася заряды из «выжигателя». Настоящие пули просвистели над головой, выбили крошево из панельных стен. Ответный выстрел! И очередь захлебнулась. Я убрал мощность «хот-гана» с максимума, поэтому третий враг был ещё в сознании. Лежал, царапая асфальт пальцами в тщетной попытке подняться, и смотрел на меня.

Я подошёл ближе, подобрал его выпавший пистолет.

– С-с-сука, – прошептал «гангстер». – П-п-почему?

– Почему ты так ругаешься или почему я ещё жив? – В кармане его пиджака нашлась запасная обойма. – Отвечаю: ты мазила, а я левша.

Направил ему в лицо «беретту», сказал: «бах!», и с удовольствием увидел, как от испуга дёрнулась его голова.

Я ушёл по переулку за вырвавшимся на свободу ветром. Варслой – сотрудник спецподразделения сетевой полиции Александр Король, два десятка боевых операций, несколько наград. Реальность – Сашка Корольков, двенадцатилетний пацан, от отчаянья хакнувший сеть до высшего слоя. В отличие от своего виртуала, я всегда был низкорослым. «Гангстер» не промахнулся – реальные пули прошли над моей головой.

* * *

Мне часто снится один и тот же кошмар – я лежу лицом вниз на жёсткой кровати и краем глаза вижу, как человек в белом халате подносит зажатого в пинцете огромного паука-птицееда. Паук всё ближе и ближе, дёргается, шевелит лапами.

«Не бойся, – говорит врач-модификатор, – это не больно».

Птицеед вырывается и падает мне на голую спину, бежит вверх по позвоночнику. Я чувствую, как его лапы царапают кожу. Наконец паук поднимается к голове и впивается в выбритый затылок. Я кричу от ужаса и просыпаюсь.

Только сон. По-настоящему операция прошла безболезненно, и было почти не страшно. Стандартная процедура. Местная анестезия из баллончика. Врастающие в мозг нейроконтакты – «микронки», которые поначалу вызывали лёгкий зуд, но затем

прошёл и он. Сейчас маленький прямоугольник квантума на затылке – привычная для меня часть тела, и чувствуется под волосами лишь, когда я тереблю его пальцами. Но в отличие от других, у меня это случилось не в медицинском центре. Процесс вживления нейроконтактов проводил дома мой отец, который тогда работал в филиале «Квант-Глобала».

«Таких квантумов всего десяток, – сказал он. – Опытная модель».

А потом его убили. Нет, официально авария на скоростной магистрали случилась в связи со сбоем «Автосистем», но я знаю, что хакеры-профессионалы следов не оставляют.

Теперь, спустя шесть лет, мой квантум уже морально устарел и уступает по быстродействию новым поколениям чипов, но менять я его не собираюсь, ведь в него изначально встроен функционал, позволяющий анализировать слои системы. Мечта хакера.

Я смотрел за окно нашей квартиры и видел все слои сети сразу: общую расширенную виртуальность мегаполиса, с её нарядными облицовками и фонами, корпорациями и бандами, хакерами и служителями закона; серую реальность, в которой бомжи копались в мусорных баках и высокие фабричные трубы плевались клубами чёрного смога. Круговорот жизни, в которой чувствуешь себя маленькой букашкой.

Я поймал в кулак ползущую по стеклу муху и поднёс к голове. Муха была вполне реальной – жужжащей и с цепкими лапками.

– Ты что-то делаешь, – сказала Снежка.

– Ничего. – Я выбросил насекомое в открытую форточку и отошёл от окна.

Снежка улыбнулась. Моя сестра. Полное имя – Снежанна Королькова. Реальность – восьмилетняя девчонка. В слоях сети… А в сети Снежки нет. Она – «огрызок» с выжженными нервными окончаниями в мозгу. Операция в реабилитационном центре стоит двадцать тысяч. Я скопил уже половину суммы. Поддельной виртуальной личности – фиктиву, спецназовцу без страха и упрёка – надо работать ещё несколько лет… Или выполнить один заказ.

Висящий за окном баннер исказился в призрачное серое лицо, забрызгав стекло каплями крови. Я зажмурился, прогоняя созданное в юзер-слое видение. Опять повторялось моё наваждение: казалось, что стоит только захотеть, как станет возможным всё. Мама вернётся, отец будет жив, сестра перестанет быть «огрызком», и мне не придётся играть во взрослую жизнь. Всё будет как раньше. Я вздохнул и вновь

прочитал полученное ранее сообщение.

«Сегодня в секторе 15–3 произойдёт крэш данных. Туда закинут твою группу и сектор изолируют от основной сети. Твоя задача – забрать у людей из «Квант-Глобала» чип памяти и передать на выходе нужному человеку. Аванс перечислен. Это половина. Остальное получишь после окончания работы».

Упавшие на счёт кредиты подтвердили реальность заказа.

Когда-то вместе с отцом мы ходили на рыбалку. Стоило забросить наживку на быстрину, как её тут же жадно хватал бычок-подкаменщик – безрассудная пузатая мелочь. Теперь мы с ним родственные души.

– Держи. – Я достал из микроволновки обед и поставил на стол перед Снежкой.

Юзер-слой и выше для меня – тушёная курица с сельдереем и картошкой. Для Снежки – простой соевый суррогат со вкусом и запахом картона. Денег на настоящую еду не хватало. Один заказ…

Я кинул взгляд в окно, опасаясь, что сознание вновь изобразит за ним призрака с моим лицом. Что чувствуют «огрызки» в то время, когда вирус вызывает перегрев контактов? Наверное, кажется, что в мозг впиваются раскалённые иглы. Хотя «микронки» слишком тонки, чтобы почувствовать от них ожог. Миг – и ты отключён от сети. Я не спрашивал у Снежки, что она испытала, когда во время крэша данных не успела выйти из сети и её виртуала сожрал серый призрак.

Снежка с постной физиономией жевала забрызганный томатным соусом соевый суррогат. Десять тысяч – хорошие деньги. Я правильно поступил, что не отказался от заказа.

Говорят, что Х-54 – это вышедший из-под контроля военный вирус. Во всяком случае, до сих пор я думал, что им никто не управляет. Время и место его проявления вычислить нельзя. Сеть крэшится, и в виртуальность врываются серые призраки – хаотические потоки данных, которые уничтожают виртуалов, присоединяют их код к себе и вызывают перегрев квантумов. Можно лишь изолировать сектор сети там, где это произошло, и уничтожить очаг заражения. Антивирус с этой задачей не справится, только люди с непосредственным присутствием, так как виртуалы в закрытый сектор извне не пройдут.

– Тебя что-то беспокоит, – сказала Снежка.

Она всегда так говорила – не задавала вопросы, а подчёркивала случившееся. Я улыбнулся. От дальнейших расспросов меня избавил звук аварийной сирены, прозвучавшей в моей рабочей области.

* * *

Словно огромная бесформенная медуза Х-54 растекался по улицам щупальцами серого тумана. Теневые потоки пожирали зависших виртуалов, которые замерли, будто манекены. Выброшенные из сети во время изоляции сектора юзеры отделались лёгким испугом. Но были и те, кому повезло меньше. Мужчина, окутанный туманом вируса, бился на асфальте, словно выпавший из гнезда птенец. Его уже не спасти. Слишком поздно. Человек присутствовал лично, и под стираемым со слоёв сети виртуалом проявлялось реальное тело нового «огрызка».

Надеюсь, что он, в отличие от Снежки, был застрахован.

Выстрел! Стирающий заряд из моего «делитера» выжег кусок виртуальности вместе с серым облаком Х-54. Крик человека захлебнулся. Не замедляя бег, я перепрыгнул через тело. Потом здесь будет служба спасения. Врачи в белых халатах, психологи реабилитационного центра… Если у тебя хватит денег на их услуги.

Враг слева! Я едва не прозевал вырвавшееся из-за угла щупальце тьмы. Оно скользило по стене «Роял-банка», стирая виртуальную облицовку, пожирая рекламные баннеры и оставляя после себя лишь серый бетон реальности. Разворот, выстрел – раньше, чем успеваешь подумать. Действия доведены до рефлексов. Перед глазами промелькнуло множество призрачных лиц, из которых, казалось, состоял туман вируса, и стёртое щупальце беззвучно исчезло.

Они ползли – ещё и ещё, окутывали город, извивались из эпицентра крэша, распадались на отдельные облака, порождая призрачные фигуры. Люди… Люди… Виртуалы поглощённых юзеров, присоединённые к Х-54, они стояли и смотрели на меня пустыми глазами. Когда я нажимал на спуск «делитера», то боялся увидеть среди них Снежку.

– Кинг, ответь! Глок вызывает Кинга! Что ж ты делаешь, твою мать!

– Неполадки со связью, Глок. Ни хрена не слышу.

Красная точка с надписью «Кинг» на карте командира сейчас оторвалась от россыпи себе подобных и стремилась к эпицентру крэша, туда, где возвышалось здание филиала «Квант-Глобала». Я стрелял и бежал. Мне оставалось преодолеть последний квартал, когда шпиль с эмблемой «Квант-Глобала» исчез, рассыпавшись серым туманом. Здание было наполовину виртуальным – корпорация любит пускать пыль в глаза. Остался лишь невзрачный облупившийся бетон пятиэтажки, давно неработающий в реале фонтан перед входом… Возле фонтана

лежали несколько человек – двое в форме охранников, один – в строгом деловом костюме офисного планктона. Второй клерк прижался к стене и целился из «делитера» в стоящего невдалеке серого призрака.

Призрак выглядел человеком. Во всяком случае, на первый взгляд. Но если присмотреться, то его тело словно состояло из струящихся потоков тумана. Они сплетались, перетекали друг в друга, порождая лица людей, каждое из которых стремилось стать тем единственным на своём месте, смотрящим на мир пустыми глазами. Сейчас это было лицо старика, с усталостью разглядывающего своих жертв. За спиной призрака поднималась стена серого тумана.

«Делитер» в руке клерка ходил ходуном, поэтому выстрел получился неточным. Но надо отдать должное – часть заряда всё же зацепила призрака – исчезла его правая рука. Призрак отшатнулся, сливаясь с туманом, а затем из стены ринулись щупальца. Клерк заорал и бросился бежать.

Анализ объекта – личное присутствие. Сергей Кривов – инженер-программист филиала № 5 «Квант-Глобала». Сканирование… Нужный мне квантовый чип у него! Не присоединённая к сети память лежала во внутреннем кармане пиджака.

– Стой!

Я несколько раз выстрелил в стену Х-54, прожигая в ней дыры, а затем заставил «хот-ган» скользнуть из кобуры в левую ладонь. Вскинул оружие, поймал на мушку убегающую фигуру. «Делитер» лишь сотрёт виртуала, а мне нужно остановить человека.

– Кинг, что ты творишь?

Ничего, Глок, наверное, я просто схожу с ума.

Вспышка! Человек упал и проехался животом по земле. Прости, Серёга, или как тебя там, десять тысяч – хорошие деньги. Я подбежал к упавшему, перевернул на спину и вынул у него из кармана квантовый чип.

От серой стены отделился призрак. Его правая рука восстановилась, собралась из туманных потоков. Лица в его теле рвались из глубины, толкались, непрерывно сменяя друг друга. Старик, девушка, ребёнок, снова старик. Я выстрелил из «делитера», но призрак перетёк вправо – плавно, но в то же время стремительно, а ко мне из стены ринулось несколько щупалец. Я стёр их тремя меткими выстрелами, но за это время призрак преодолел половину расстояния между нами. Новый выстрел в призрачную фигуру – и опять промах! Тогда я развернулся и побежал к единственному порту, который, согласно договору,

откроется через десять минут.

«Там тебя будет ждать человек».

Но заказчик обманул – их было трое. Узкий переулок. Преграждающие путь «гангстеры».

– Бросай пушку!

«Делитер» звякнул об асфальт.

– Давай сюда чип.

Первый «гангстер» шагнул навстречу. «Хот-ган», словно паук, скользнул по моей руке из кобуры в ладонь. Я никогда не любил игры-«стрелялки», потому что почти всегда выигрывал…

Эхо от выстрелов долго не затихало среди домов – какой-то хакер-самоучка явно поиграл здесь с физическими законами. Я подобрал своё оружие и снова бежал по переулку, и эхо преследовало меня. Как и серый призрак, появившийся в начале переулка.

Зона выхода всё ближе… Я оглянулся, чтобы увидеть, как рука призрака превратилась в длинное щупальце и прошла сквозь грудь поднявшегося на колени «гангстера». Часть виртуала исчезла. Новоявленный «огрызок» схватился за голову и принялся, безостановочно крича, кататься по земле.

Порт оказался закрытым. Он захлопнулся перед самым моим носом, и я остался в секторе 15–3. Обернулся, вскидывая «делитер». Серый призрак стоял посреди переулка и не сводил с меня пустых глаз. Его облик менялся, словно это актер комедии не мог определиться, какую маску ему выбрать. Наконец на его голове медленно появлялось лицо моей сестры.

«Делитер» дрогнул, я промахнулся. Времени на повторный выстрел не оставалось. Серый призрак метнулся ко мне. Щупальце срезало половину «делитера» – оружие было полностью виртуальным. Внезапно одна из запертых дверей распахнулась, и воздух прочертила вспышка «хот-гана». На пороге замерла девушка, держащая парализатор в вытянутых руках. Призрак отлетел к стене, расплылся туманом, но тут же вновь принялся собираться в человеческую фигуру. Словно на древней выцветшей фотографии проявилось лицо Снежки. Пустые глаза и замершая улыбка…

Незнакомка выстрелила повторно.

– Сюда, быстрее!

Она схватила меня за руку и затащила в дом. Дверь захлопнулась за нашими спинами. С той стороны раздался удар, послышалось шипение, контур двери вспыхнул и погас голубым свечением.

– Ха! – сказала девушка. – Файрволл последней версии – Хряк не пожалел денег на обновление. Так легко не пробьёт.

И повернула ко мне голову с торчащими над копной волос треугольниками ушей. В темноте блеснули кошачьи глаза с вертикальными зрачками.

* * *

«Внимание всем постам: разыскивается майор спецподразделения сетевой полиции Александр Король. Личность фиктивна. Настоящее имя и облик неизвестны. Обвиняется в стирании виртуала, нанесении д-травмы и краже ценных данных. Вооружён и особо опасен, при задержании проявить все меры предосторожности. Доставить живым».

Врут. Таких, как я, обычно живыми не берут. Маршалы и наёмники-хантеры давно вершат в сети собственный суд, и это стало привычным. Как говорил отец, мы все играем в игру под названием «законное общество», обманывая самих себя.

Фьют шла впереди, и я смотрел на её виляющий из стороны в сторону хвост.

В качестве виртуалов можно использовать только своё изображение. Сканирование личности стало обычным действием и занимает считаные секунды. Разрешена лишь лёгкая коррекция, которой непременно пользуются женщины, причём некоторые вирт-дизайнеры творят настоящие чудеса без всякой пластической хирургии. С подменной личностью сквозь сканеры не проскочишь, если, конечно, не хакнешь всю сеть до верхнего слоя.

Но в игровых зонах возможны такие виртуалы, с которыми не появишься в общей сети.

Гетто, как назвала Фьют здешнюю фурри-зону. Когда-то она служила городской свалкой, а сейчас выкуплена в частные владения – наверное, власти были рады сплавить проблемный район. Трущобы с домами из фанерных ящиков и старых окон, где на реал были натянуты клочья простейшей облицовки, давно облюбованы неадекватами. Здесь жили люди, чьи выдуманные образы заменили им реальные личности. Бомжи и беглые хакеры, наркоманы, корчащие из себя неохиппи, – тут принимали всех, кто согласен принять облик одного из антропоморфных зверей. А местный шаман откроет твою внутреннюю сущность, в этом не сомневайся.

Фьют всё это выложила за те несколько минут, что мы с ней были знакомы.

«Зачем ты меня спасла?» – спросил я.

«Ты нужен Хряку, – пожала она голыми острыми плечами. – А

Хряк всегда получает то, что хочет. Тем более, малыш, что он единственный, кто сможет тебе помочь».

Малыш?

Фьют шла впереди, и я удивлялся, как ловко ей удаётся маневрировать среди этого нагромождения мусора. Её хвост действовал завораживающе. Недлинный и пушистый, при ходьбе он вилял из стороны в сторону, и было хорошо видно, что белья под мини-юбкой нет. Собственно, одеяние девушки состояло из юбки и связки спускающихся между грудей бус. Когда я впервые это увидел, то зажмурился, но быстро пришёл в себя.

Мне не двенадцать лет. Я майор спецназа, и не краснею. Я… Хорошо, что Фьют быстро отвернулась и повела меня в глубь трущоб. Хотя вид сзади был не лучше. Я пытался изо всех сил не наблюдать за её хвостом. Почему-то этот вопрос, а не то, насколько быстро вычислят мою реальную личность, и что делать с чипом, и как защитить Снежку, занимал меня больше всего.

– Призрак не выйдет за пределы сектора, двух крэшев подряд не бывает, – сказала Фьют. – А мы с тобой проскользнули сквозь неучтенный порт. Ха! Хряк, если захочет с кем-то увидиться, то считай, что это уже сделано.

– Считай, что сделано, – ухмыльнулся сидящий за костром крысюк и дохнул в мою сторону перегаром.

Рядом с пустой бутылкой водки в руке лежал белый антропоморфный кролик.

– Привет, Густав, – улыбнулась Фьют. – Где Хряк, у себя?

Крысюк махнул нанизанной на ветку сосиской куда-то в глубь мусорных завалов. Мы прошли сквозь нагромождение металлических проржавевших труб, в которых, словно в варварском музыкальном инструменте, стонами и завываниями отдавался каждый наш вдох и шаг, и оказались внутри огромного ангара у безумного строения из старых автомобилей, картонных ящиков и пружинной кровати, водружённой на крышу из подранной металлочерепицы. Здесь даже никто не пытался создавать виртуальный дизайн. Видимо, владельца дома полностью устраивало его жильё.

– Фьют, дорогая, ты привела к нам моего мальчика!

На пороге показался жирный антропоморфный боров в майке и клетчатых бриджах до щиколоток.

– Я не мальчик, – сказал я и понял, как по-детски это прозвучало.

Тогда я сосредоточился, снимая с Хряка слои сети, словно луковую кожуру. Юзер-слой, вар, глобал… В реальности Хряк оказался крепким, ещё не старым мужчиной с седым ёжиком волос, совсем не похожим на своего виртуала. Лишь взгляд

остался прежним – цепким, с хитрецой, он словно дырявил меня насквозь.

«Коротов Вениамин Павлович. 2002 года рождения. Пенсионер, владелец фурри-зоны».

Я когда-то его уже видел. Эта мысль появилась неожиданно.

– Будь как дома, – показал Хряк на груду мусора у себя за спиной. – Располагайся, теперь тебе тут жить.

Эхо отразилось от металлических стен ангара.

– Мне надо домой, – буркнул я.

– Ну, об этом даже не мечтай, вычислят только так, – поднял руки Коротов, и я сбросил анализ сети, вновь возвращая обратно все слои.

Тело Коротова обросло виртуальной плотью. Голова превратилась в свиную харю, и только глаза остались теми же. Я вспомнил, где их видел!

– Кстати, что ты там ухитрился спереть? Чип у тебя? – спросил Хряк.

Когда-то он носил совсем другое имя. Работал в «Квант-Глобале» вместе с моим отцом. Однажды даже был у нас в гостях, кажется, на сорокалетие папы, и в тот злосчастный день сбоя «Автосистем» они возвращались с работы вместе. Тело папиного сослуживца так и не нашли.

– Вы живы, – сказал я.

– Что? – прищурился Хряк.

– Говорю, что вы выжили, а мой папа – нет.

– Вспомнил-таки. Ты тоже, как и твой отец, не спрашиваешь, а констатируешь факты.

Его не удивило, насколько быстро я вычислил реальную личность. Хряк подошёл и опустил руку мне на плечо.

– Я тебя ещё вот таким помню. Да не напрягайся ты так. Видишь ли, я посчитал, что свободным быть лучше, чем рабом системы.

Вдалеке раздался грохот.

– Что там? – прищурился Хряк. – Фьют, займись гостем!

– Идём, мальчик, – взяла меня за руку девушка.

– Я не мальчик.

Когда мы нырнули под импровизированную крышу, виляющий хвост Фьют равномерно тюкался по моим ногам.

– Не мог не воспользоваться таким случаем, – продолжил Хряк, заходя следом за нами и вытирая ладонью голый лоснящийся череп. В реальности он приглаживал ёжик волос. – Приятно жить с фиктивной личностью, – подмигнул он мне. – Чувство свободы, когда ты обманул систему. Настоящие хакеры могут себе это позволить. Фьют, покажи.

Девушка подошла ближе, повернулась ко мне спиной и убрала с затылка волосы. Её квантум был той же серии, что и мой.

– У меня аналогичный «ChW», – ухмыльнулся Хряк. – Опытная серия, которую разрабатывали мы с твоим отцом.

Снова раздался грохот и далёкий крик.

– Да что там такое! Густав, сходи, проверь! – закричал Хряк.

– Слушаюсь! – подал многократно усиленный трубами голос крысюк.

– Для активации «ChW» нужна программа, – посмотрел на меня Хряк. – И ты её сегодня стащил.

– Квантум и так активен, – нахмурился я.

– Активен, но не полностью. Знаешь, как расшифровывается ChW? Change world – измени мир.

– Ты не собирался ему рассказывать, – обиженно сказала Фьют.

– Да ладно, – махнул рукой Хряк. – Видишь, какой малый дотошный. Лучше ему сразу про всё узнать. Мы с твоим отцом создали квантум, который может легко анализировать слои системы, отделяя правду от лжи. Но что в нашем мире правда, а что лишь игра сознания? Но «ChW» позволял не только это. С его помощью мы увидели тонкий квантовый слой между глобалом и реальностью. Этот слой-без-названия существовал всегда, ещё до того, как мы создали сеть. Как сон, как переход между сном и явью. В нём возможно всё. Изменяя его свойства, ты можешь менять реальность.

– Как?! – удивился я.

– Молча.

Я вспомнил свои видения. Когда казалось, что я вижу что-то неуловимое, ускользающее. Что-то, не находящееся в слоях сети, но и не в реальности.

– Первый, кто это сделал, был Николай Гек, – продолжил Хряк. – Сошёл с ума. Совершенно чокнулся после первого испытания. Извини, Фьют. Это её отец. Именно тогда он создал Х-54. Вирус, существующий в слое-без-названия. А может, и не совсем вирус. Во всяком случае, Коля ухитрился его потом выгодно продать одной корпорации вместе с программой управления. Решил загрести себе все денежки.

– Откуда вы знаете?

– Для такого хакера, как я… Обижаешь, – ухмыльнулся Хряк. – Но мозги у него поехали. И тогда мы поняли, что для управления слоем-без-названия нужен алгоритм, программа. Мы разрабатывали её, пока нас не отстранили.

– Почему?

– Мы с твоим отцом не сошлись во мнениях. Этический подход к изобретению. Получить возможность менять реальность – это заиметь полную власть. Без программы-ключа – это самоубийство, но теперь, когда она у нас… Знаешь, что такое быть богом, малыш?

– Я не малыш.

– Её закончили без нас. Программу. И ты её украл. Ты принёс нам ключ к всевластию, Сашка. Мы ведь вместе?

Он впервые назвал меня по имени.

– Я следил, когда разработка выплывет на поверхность, – продолжил Хряк. Когда он говорил, торчащие клыки мешали челюстям полностью смыкаться, и в мою сторону летели брызги виртуальной слюны, отчего хотелось всё время вытереться. – А тут такая удача – тебя наняли, чтобы украсть нужную мне программу! Я не мог не воспользоваться случаем. Фьют очень удачно тебя перехватила.

– Зачем вы хотите менять мир? – спросил я. – Мой папа не хотел. Вы хотели, а он нет – вот почему вы не сошлись во взглядах.

Хряк нахмурился.

– Знаешь, в этом мире стоит многое изменить, – сказал он.

– И быть его властелином? Богом? Вы же этого хотели?

– Мы вместе…

– Вместе? Как с моим отцом, которого вы убили?

Хряк дёрнулся, словно от удара.

– Хакеры следов не оставляют, – сказал я.

Я следил за его руками, поэтому прозевал, когда Фьют выхватила пистолет и направила мне в голову.

– А теперь, мальчик, – произнёс Хряк, – давай сюда чип.

– Отца Фьют вы тоже убили? – спросил я. – Думаете, детей легче взять под контроль? Не верь ему, Фьют.

По металлическим трубам прокатился вскрик, а потом раздался равномерный стук, словно катилось что-то круглое. Через несколько секунд из трубы-входа вывалилась голова крысюка. Виртуальная голова, тело человека осталось там, где сквозь него прошёл серый призрак.

Призрак выплыл из трубы почти беззвучно. Лёгкий шелест, словно это выползла змея, и он замер, разглядывая нас, а затем его взгляд остановился на Фьют, и из глубины его головы выплыло лицо мужчины.

– Отец? – сказала Фьют.

Пистолет дрогнул в её руке. Хряк выхватил своё оружие. В реальности это был автоматический пистолет, в сети – «делитер», и его очередь прошла по широкой дуге сквозь меня и призрака.

Призрак растёкся туманом. В мой живот ужалила оса. Земля стала совсем близкой. Уже падая, я увидел, как Фьют перевела пистолет и во лбу Хряка образовалось красное отверстие. Хряк рухнул, разметав мусор по сторонам.

Через секунду Фьют держала мою голову у себя на коленях и пыталась зажать ладонью рану. Сквозь её пальцы проступала кровь. Как много крови, подумал я. И ещё о том, как плохо будет Снежке самой.

– Я не могу. – По лицу Фьют текли слёзы. – Я сойду с ума, как мой отец. Дай мне чип. Нужна программа…

Слои сети стекали с неё акварельными красками во время дождя. Я отключил своего виртуала – не хотелось умирать фиктивом. Всегда будь самим собой, говорил отец. Мы лежали среди мусора – двенадцатилетний мальчишка и худая девчонка в грязном сарафане. На вид Фьют было не больше семнадцати.

– Не успеть, – прошептал я.

Фьют всхлипнула. Мне снова показалось, что стоит лишь захотеть… Мама не уйдёт навсегда, и отец будет жив и с нами. Со мной, со Снежкой. И пусть Фьют тоже будет счастлива. Интересно, серая пелена перед глазами – это слой-без-названия?

Фьют вдруг напряглась, вздрогнула, а потом рассмеялась. Она отняла руку от моей раны, и на землю вместе с брызгами крови упала сплющенная пуля.

Виталий Вавикин
Якудза

Пустошь была абсолютной. Выжженная земля тянулась к горизонту. Профессиональный убийца по имени Семъяза шёл уже вторые сутки. Солнце иссушало его покрытую нейронными татуировками кожу, но не могло прогнать ледяной холод наномеча. Другого оружия у якудзы не было. Не было на нём и одежды – она сгорела во время последней стычки. Убийцы клана Гокудо преследовали Семъязу, надеясь, что он приведёт их к Шайори. Ничего личного. С кланом Гокудо ничего личного. Они лишь хотели вернуть своему оябуну дочь – Шайори. У девушки не было рук – своих, настоящих рук, хотя имплантаты и выглядели весьма естественно. Отец отсекал дочери кисть за каждое бегство. Семъяза встретил её в центре реконструкции конечностей. Там же он нанёс себе на тело последнюю нейронную татуировку – образ Шайори. Свободное место на теле было лишь на ногах и на шее. Семъяза выбрал шею. Шайори понравилось. Она улыбалась, и Семъязе нравилось смотреть, как светятся её глаза. Обрубок её правой руки он мог заставить себя не замечать.

– Если отец узнает, что я встречаюсь с убийцей из клана Тэкия, то отрубленной кистью мне уже не отделаться, – сказала Шайори. – Хотя кистей и так у меня больше нет, – она показала Семъязе свою восстановленную левую руку.

Если не придираться, то реконструкция выглядела реалистично. Выделялся лишь тонкий белый шрам, где живая плоть соединялась с искусственной. Скоро такая же кисть будет красоваться и на правой руке. Врачи, которым платит отец Шайори, Мисору, работают быстро и качественно. Правда, Семъяза так и не увидит этой реконструкции.

Шайори будет ждать его в их тайном месте встречи всю ночь, но Семъяза не придёт. Он допустил ошибку и теперь находился в камере, связанный по рукам и ногам. Стоявшие во главе правительства демократические технократы допускали сотрудничество с кланами, которые могли решить практически любую задачу, но иногда, чтобы показать свою власть, технократы требовали от банд жертв для политического кровопролития. Семъяза стал этой жертвой.

Он получил от своего вака-гасира задание, но, когда подобрался к своей жертве достаточно близко, чтобы забрать его жизнь, оказался окружённым силовиками. Семъяза был в своём клане обыкновенным дэката – убийцей, который делает то, что

ему прикажут, но шум вокруг его ареста был таким, словно арестовали самого оябуна.

Потом был долгий показательный суд и пыльная дорога в коррекционную тюрьму «Тиктоника». Процедура нейронной интеграции была болезненной, но Семъяза привык к боли, к тому же он знал, что не запомнит эту боль – его бросят в разработанную для исправления реальность, стерев из памяти арест, суд, тюрьму.

По дороге сюда один из силовиков отрезал ему палец на левой руке. Семъяза не знал, зачем он это сделал, – якудза не спросил, силовик не ответил. Он завернул отрезанный палец убийцы в платок и убрал в карман.

Начальник «Тиктоники» встретил Семъязу лично, снова неверно истолковав его положение в иерархии клана Тэкия.

– Мы исправим тебя, – пообещал якудзе начальник международной тюрьмы.

Охрана была не на высшем уровне, и Семъяза отметил как минимум три возможности добраться до начальника тюрьмы и забрать его жизнь. Вот только никто не говорил ему, что нужно лишить этого человека жизни.

Семъязу накачали нейронными релаксантами и отправили в сектор коррекции. Последним ярким воспоминанием стал наношприц, проткнувший затылок. Дальше наступила темнота. Машины откорректировали личность, отправив в замкнутый отрезок, где Семъяза должен был проживать момент своего последнего убийства снова и снова, пока не исправится или пока его общий коэффициент исправления не упадёт ниже допустимых отметок. Тогда машины поставят крест на его исправлении и сотрут личность.

Семъяза не знал, сколько циклов он провёл в петле несуществующей жизни. Время в этом состоянии было лишь условностью, но всё закончилось тем, что машины посчитали его исправленным. Семъяза помнил своё последнее убийство, вернее, своё исправление, когда он отказался от убийства, но вот только почему? Нет, конечно, Семъяза помнил всю ту череду событий, которых никогда не было в жизни, но… В прошлом он встречал и больше трудностей, но это его не останавливало. Сейчас же…

Возможно, ему просто что-то внушили – так решил Семъяза, когда проходил курс реабилитации после процедуры. Подсознательно он хотел вернуться в свой клан. Тем более что о предательстве он не помнил… Но потом Семъяза получил послание от Шайори.

Девушка узнала о том, что его исправление признано завершённым, и связалась, предложив встретиться, сбежать от

всех. Вначале Семъяза не мог взять в толк, почему должен бежать, но потом Шайори рассказала ему о предательстве. Семъяза не смог вспомнить этого, но Шайори он верил. Он понял, что родной клан предал его, и это опустошило его сердце. Он был один. Якудза без семьи… Или же нет? Или же это был просто новый этап в жизни? Теперь его семьёй могла стать Шайори.

Место их встречи держалось в тайне. Это была секретная информация в послании, скрытая между ненужными подробностями. Разгадка была в голове Семъязы. Чтобы найти её, ему нужно было вспомнить всё, что было у него с Шайори общего. Не только вспомнить, но ещё надеяться, что система не удалила из его воспоминаний ничего важного. Иначе он никогда не найдёт свою новую семью.

В голове сохранились воспоминания о прошлой жизни. Хоть начальник «Тиктоники» – Раф Вэдимас – снова встретился с ним и поздравил с исправлением, решив, что это будет хорошим рекламным ходом для его карьеры, Семъяза не чувствовал перемен. Сердце оставалось холодным. Сердце принадлежало убийце. И этот лёд не могла растопить даже любовь. Убийца хотел отыскать Шайори не столько ради того, чтобы остаться с ней, сколько ради того, чтобы ещё раз столкнуться с членами её клана, потому что Мисору не будет сидеть сложа руки, пока его дочь бросает тень на семью, вступив в отношения с якудзой из враждебного клана. Семъяза знал, что за ним будут следить. Сообщение Шайори дойдёт до её отца, и он пришлёт убийц.

Они пойдут по следу Семъязы, скрываясь до тех пор, пока он не выведет их к Шайори. Тогда они убьют его, а сбежавшую дочь вернут строгому отцу. И на этот раз отсечёнными кистями она не отделается. Возможно, Мисору устроит показательное наказание – публично отсечёт дочери голову в назидание всему клану. Именно поэтому Семъяза и не мог отступиться. Даже если он не ответит на послание Шайори, на ней всё равно лежит клеймо предателя. И ей придётся вернуться к отцу. Так что хуже не будет.

Жалко, что верный наномеч нельзя вернуть. Он обречён пылиться в отделе улик мёртвым нанометаллоломом. Друг. Этот меч был продолжением руки владельца. Он дополнял не только кисть, превращая плоть в сталь, но и подчинялся мысли хозяина. Семъяза не помнил ареста, но люди вокруг, когда система посчитала его исправившимся, шептались, что наномеч якудзы убивал и после того, как хозяина сковали.

Первым пострадал силовик, имевший глупость забрать наномеч у Семъязы. Сталь утратила твёрдость, изогнулась, почувствовав чужака, и отсекла силовику голову. Вторым

пострадавшим стал хранитель отдела улик, забывший по неосторожности проверить работу силового поля, окружавшего меч. Суд ждал, когда привезут главную улику, а хранитель, который должен был доставить наномеч, корчился в луже крови, пытаясь перетянуть отсечённую по локоть правую руку.

Последнее убийство случилось уже в зале суда. Наномеч почувствовал близость своего хозяина, попытался бороться с силовым полем, пленившим жидкую сталь, а когда понял, что терпит поражение, утратил целостность, окатив присутствующих в зале россыпью раскалённой стали, которая несла смерть так же, как пули. Таким был последний подарок старого доброго друга. Люди в зале суда кричали, обливаясь кровью, но ни один из осколков не зацепил Семъязу. Наномеч дал ему возможность спастись.

Семъяза слушал рассказы о своей попытке бегства, но не помнил этого – система стёрла из головы эти события, чтобы корректировать личность для исправления. После коррекция не проводилась, полученный коэффициент сочли приемлемым для возвращения в общество. Что ж, так было лучше – Семъяза не помнил боль, которую пережил, когда наномеч превратился в осколки.

Редко можно встретить такое преданное оружие. Оно принадлежало многим поколениям семьи, сохраняя верность. Другие наномечи, которые получали якудзы, были более сложными и современными, но ни один из них не привязывался к своему владельцу, к его родовой линии. Якудза должен был работать с наномечом каждые сутки, держать его, напоминать ему, кто хозяин, иначе оружие забывало о нём.

Эти мечи были запрещены законом. Они были непокорнее самых опасных хищников. Их невозможно приручить. Как тигр, который не бросается на дрессировщика, потому что в руках дрессировщика кнут, так и современные наномечи не трогали хозяев, пока чувствовали в их сердце холод, безразличие, спокойствие. Не раз во время боя наномечи давали сбой, отсекая конечности хозяевам. Рука, которая держит такое оружие, должна быть твёрдой, мысли открытыми, взгляд прямым. Вступая в бой, настоящий якудза не имел права бежать от смерти. Он должен был искать её. Именно это было тем кнутом, заставлявшим современные наномечи подчиняться. Но смотреть в глаза смерти могут не все. Семъяза мог, хотя его меч и был тем хищником, готовым умереть, сражаясь за своего хозяина…

Теперь в память об этой верности осталась лишь нейронная татуировка, которую Семъяза сделал ещё мальчишкой, впервые прикоснувшись к наномечу. Холодный и опасный, он висел на

стене, дожидаясь после смерти отца Семъязы нового владельца. Мать ахнула и побледнела, увидев, как сын вынул наномеч из ножен. Сталь сверкнула – сверкнули налитые кровью глаза хищника. Но холод якудзы был у Семъязы с рождения. Наномеч изогнулся. Хищник зарычал. Но хищник признал своего хозяина. Меч подчинился. Вместе с ним Семъяза прошёл долгий путь. Теперь друг пылился в архивах. После взрыва в зале суда его собрали, но сердце хищника остановилось, и жизнь покинула наносталь.

– Всё уже в прошлом, – сказал Семъязе начальник тюрьмы. – Считайте, что ваше прошлое взорвалось в том зале суда.

– Моё прошлое придёт за мной, – сказал Семъяза.

Он покинул реабилитационный центр, расположенный в больнице, вынесенной за пределы исправительной тюрьмы, раньше, чем прошёл первый из трёх циклов. Семъяза сделал это после того, как Раф Вэдимас завёл разговор о том, что, следом за мечом и природой убийцы, было неплохо, если бы бывший якудза избавился от нейронных татуировок. Особенно от той, что красовалась на шее – яркий, раскрашенный образ Шайори. Она улыбалась и сверкала зелёными глазами, способная очаровать любого. Даже убийцу.

– Сначала вы забрали у меня воспоминания, потом меч, теперь хотите подобраться к нейронным татуировкам? – хмуро спросил Семъяза начальника тюрьмы.

– Ваши татуировки напоминают вам о прошлом, – сказал Раф Вэдимас.

Для верности начальник тюрьмы пригласил доктора Синдзи Накамуру, который долго рассказывал бывшему якудзе о том, какую власть над разумом имеют нейронные татуировки. Подсознательно они считали его убийцей, не особенно доверяя системе, решившей, что Семъяза исправился. «Если не убраться отсюда сейчас, то они не отстанут, пока не заставят меня публично отказаться не только от татуировок, но и от своей кожи как от части прошлого», – подумал Семъяза. Вернее, не подумал – окончательно решил.

Он выбрался из центра реабилитации ночью. Убийцы из клана Гокудо ждали этого. Они скрывались в ночи, наблюдали. Семъяза чувствовал их присутствие своей покрытой нейронными татуировками кожей. Это был его опыт. Это была его жизнь, которую система почему-то решила сохранить, посчитав, что он исцелился, что добро реабилитации проникло в его холодное сердце и сразилось, встретившись лицом к лицу, со злом. Но добро не победило – Семъяза чувствовал это. Он всё ещё был убийцей. Инстинкты превращали его в хищника. И хищник крался

в ночи, чувствуя, как по пятам идут другие хищники. Семъяза понимал, что нарушил закон, сбежав из центра, но ждать нельзя. Он был безоружен и не знал, как сильно система изменила его личность – что если, когда нужно будет действовать, рука предательски дрогнет? Нет, Семъяза не боялся смерти, но как быть с Шайори? Она хочет жить. Она ждёт его.

Общественный транспорт проходил возле центра реабилитации дважды в день, давая возможность людям, которые живут в крохотном городе на краю пустыни, работать в «Тиктонике». Нейронная татуировка судьбы, нанесённая Семъязой много лет назад, позволяла ему просмотреть десятки вариантов сценария, по которому может пройти ближайший день. Ни один из вариантов не предвещал сражения с убийцами из клана Гокудо, если, конечно, он не спровоцирует стычку сам. Он не знает, сколько убийц послано за ним, не знает глубину уровня их бусидо и какие нейронные татуировки покрывают их тело. Так что единственный вариант – бежать, скрываться, выжидать.

Семъяза проскользнул вдоль ограждений стоянки работников «Тиктоники». Искушение угнать одну из машин было велико, но уровень охраны транспорта был неизвестен якудзе, а специальной нейронной татуировки, способной помочь при краже автомобиля, он не делал. Поэтому оставалось нырнуть в пролесок синтетических дубов и попытаться оторваться от преследователей, используя собственные ноги. К тому же так можно будет понять глубину их бусидо. Если удастся сбежать от них, значит, это любители, если нет…

Якудза двигался бесшумно. Синтетические листья дубов – и те громче шелестели на ветру. Нейронная татуировка третьего уровня ловкости воспалилась, предупреждая, что может отказать в любую минуту, но Семъяза готов был рискнуть. Тем более что уже наступал рассвет и скоро появится общественный автобус. Он привезёт в «Тиктонику» рабочих на дневную смену и заберёт тех, для кого только что закончилась ночная. На обратном пути автобуса Семъяза задумал проникнуть в него, оставив своих преследователей у обочины. Это даст ему необходимое время. Но для того, чтобы не пропустить автобус, нужно было держаться вблизи дороги. Поэтому, когда ночь подошла к концу, Семъяза активировал нейронную татуировку ориентации в пространстве. Глубина бусидо Семъязы позволяла сделать это, но энергия тела расходовалась слишком быстро. Хорошо ещё, начали просыпаться птицы, дав возможность уменьшить уровень татуировки ловкости до первого. Но силы всё равно кончались слишком быстро, и когда Семъяза наконец-то выбрался на дорогу, преграждая автобусу путь, энергии тела едва хватило на то, чтобы

активировать нейронную татуировку маскировки, отключив все остальные.

Водитель автобуса увидел дряхлого старика и свернул на обочину. Рабочие «Тиктоники» дремали в креслах, отработав ночную смену. Им снился дом. Им снились их семьи и дети. Семъяза поблагодарил водителя и прошёл в дальний конец автобуса, где находилось окно аварийного выхода. Маскировка старика дважды дала сбой, но сонные пассажиры ничего не заметили. Убийцы клана Гокудо, которые преследовали Семъязу, выбрались на дорогу, но автобус уже набирал скорость и остановить его было нельзя. Да и не собирались они этого делать. Сейчас в их задачу входила лишь слежка. Якудза из клана Тэкия должен привести к дочери оябуна, указать путь, и только после этого им поручено забрать его жизнь.

Автобус доставил Семъязу в небольшой пыльный город. Водитель удивился, не обнаружив среди пассажиров дряхлого старика, которого подобрал утром на дороге, но к тому времени Семъяза давно вышел из автобуса. Подбиравшаяся к городу пустыня ждала его. Татуировка ориентации показывала вероятные маршруты. Но прежде чем отправляться в долгий путь, нужно было восстановить жизненные силы.

Семъяза выбрал пустой дом. Чтобы проникнуть внутрь, не потребовалось особых навыков. Охранявшего дом пса, мускулы которого были напичканы электронными стимуляторами, а мозг улучшен жидким чипом, повышающим интеллект, якудза убил голыми руками. Электронные мышечные стимуляторы пса заклинило, и, разорванный надвое, он продолжал дёргаться, словно испорченная детская игрушка. Да он, по сути, и был игрушкой – не живой и не мёртвый, предназначенный лишь для охраны, с мозгом, выжженным дешёвым жидким чипом. Хотя эти чипы даже за безумные деньги никогда не были достаточно хороши, чтобы соперничать с инстинктами. Семъяза встречал кланы, практиковавшие электронные стимуляторы и жидкие чипы, пытаясь превратить своих сансит в идеальных убийц. Что ж, опытные убийцы расправлялись с ними так же легко, как сейчас Семъяза расправился с уродливым чёрным псом-охранником. Пёс был опасней, потому что у него были клыки.

Якудза прошёл на кухню. Репликатор продуктов не был защищён паролем, и Семъязе не пришлось тратить время на его взлом. Он выбрал протеиновую смесь, добавив десяток химических соединений, способных улучшить работу нейронных татуировок. Примитивный интеллект репликатора предупредил его о несъедобности выбранной смеси. Семъяза проигнорировал совет выбрать что-то другое. Запасы сна были пополнены ещё в

реабилитационном центре. Так что теперь оставалась только пустыня.

Семъяза покинул дом, где дёргалась мёртвая собака, покинул пыльный город. Тратить энергию на активацию маскировки не хотелось, поэтому якудза потратил час времени на поиски попутчика, который мог бы отвезти его в соседний город. Вернее, не город, а большую деревню.

Старый грузовик надрывно гудел, доставляя из города реплицированные продукты. В деревне жили в основном старики и дети. Якудза не удивлялся. Дети вырастут и так же сбегут отсюда, а если у них самих появятся дети, то всегда можно будет отправить их сюда, объяснив поступок дороговизной жизни в большом городе… Не удивлялись и преследователи Семъязы. Не удивлялись до тех пор, пока один из них не пропал.

Его соблазнила молодая женщина, распустившаяся на пороге старого дома, словно дивный цветок посреди песков и зноя, обещая любовь и отдых. Нейронная татуировка Семъязы работала безупречно, но он понимал, что сможет использовать её лишь однажды – потом преследователи узнают об этом и второй раз не попадутся в ловушку.

Женщина не улыбалась, просто смотрела на чужака. Женщина, под образом которой был скрыт якудза. В доме плакал несуществующий ребёнок – ещё одна хитрость Семъязы, чтобы усилить иллюзию.

– Нужна помощь? – спросил якудза женщину с пышной грудью.

– Нужны деньги, – сказала она.

– Деньги у меня есть, – просиял преследователь.

Он вошёл в дом, окунулся в царивший за пыльными стенами полумрак. Плач ребёнка стих. Убийца насторожился, но уровень его бусидо был ниже, чем у Семъязы. Единственной надеждой был наномеч. Он потянулся за ним как раз, когда отключилась нейронная татуировка маскировки Семъязы. И сразу же его преследователь услышал, как хрустнула сломанная кость правой руки. Затем Семъяза сломал ему третий шейный позвонок. Свой меч убийца так и не успел вынуть из ножен. Колени его подогнулись. Он умер раньше, чем упал на грязный пол. Семъяза склонился над ним, изучая наномеч. Модель была новой, ещё недостаточно накормленной кровью. Семъяза осторожно протянул к мечу руку. Холод можно было ощутить на расстоянии. Рукоять меча почувствовала чужака, вздрогнула. Нет, каким бы молодым ни был меч, он всё равно оставался убийцей, хищником. И хищник не любил чужаков. Семъяза сорвал с пола грязный половик и завернул в него наномеч.

Он выбрался из дома прежде, чем преследователи поняли, что случилось. Его главный козырь – нейронная татуировка маскировки – был разыгран. Теперь, если впереди случится бой, придётся встречать врага лицом к лицу.

Семъяза покинул деревню и долго шёл по пустыне, прижимая к груди завёрнутый в половик наномеч. Ему нужно было время, чтобы приручить этого дикого зверя. Семъяза активировал нейронную татуировку охотника и долго шёл по следу тощего шакала. Животное было старым и хитрым. Но животное слишком сильно доверяло своим клыкам, и, когда нужно было бежать, оно решило сразиться с преследователем. Якудза играл с ним – пускал кровь и дразнил свой наномеч. Вернее, ещё не свой, но меч уже тянулся к крови, извиваясь под половиком, искрясь. Семъяза взял его в руку и вынул из ножен. Сомнений не было – сейчас этот меч либо отсечёт ему конечность, либо зарычит и начнёт подчиняться. По крайней мере, пока есть этот шакал. Потом меч захочет ещё крови. И якудза готов был ему это дать.

Ночь ещё не закончилась, когда он вышел к очередной деревне. Старики спали в своих пыльных домах, выстроившихся вдоль единственной улицы. Деревня была ещё меньше, чем та, где Семъяза убил одного из преследователей и присвоил себе его меч. Сейчас этот меч пульсировал и хотел свежей крови. Семъяза чувствовал, как вибрации меча становятся сильнее, когда он проходил мимо домов, где спали дети. Но достойных противников здесь не было, а меч был слишком молод, чтобы питаться кровью слабых и беспомощных. Семъяза не знал, насколько глубоко интегрируется меч в своего хозяина, но на всякий случай показал ему два возможных варианта: меч может отсечь голову новому владельцу, пасть в грязь, и никто больше не прикоснётся к нему, или он может дождаться преследователей Семъязы, настоящих воинов, сразиться с ними, почувствовав себя живым, и в случае победы остаться навсегда с новым хозяином, который приручил его кровью шакала. Меч изогнулся, потянулся к горлу якудзы, словно пробуя крепость его руки и холод сердца на вкус. Быстрая смерть манила тёплой кровью, но обещанный бой привлекал сильнее.

– Мы умрём здесь вместе либо уйдём отсюда вместе, – сказал Семъяза.

Меч распрямился, притих, позволяя убрать себя в ножны. Он приготовился ждать – хищники умеют ждать. Семъяза тоже был хищником. Неважно, как сильно изменили его личность в «Тиктонике», он всё равно остался убийцей.

Дряхлый старик проснулся с первыми лучами рассвета и вышел на покосившееся крыльцо своего дома. Кожа его была

смуглой и огрубевшей от солнца и пыли. Он долго прищуривал азиатские глаза, разглядывая застывшего посреди улицы чужака, затем закряхтел и заковылял, не разгибая спины, к Семъязе. Якудза чувствовал его приближение, но глаз открывать не стал – в старике не было угрозы.

– Кого-то ждёшь? – спросил старик сухим, скрипучим голосом.

Якудза кивнул.

– Прольётся кровь?

– Возможно.

– Твоя или чужаков?

– Для тебя я тоже чужак.

– Но ведь ты уже здесь, и мы ещё живы.

– Ты знаешь, кто я? – Семъяза открыл глаза и уставился на старика, который поднял дряхлую, высушенную прожитыми годами руку и указал на ножны, скрывавшие наномеч.

– От него пахнет кровью, – сказал старик.

– Это кровь шакала.

– Так твой клинок молод?

– Мой прежний меч пал в бою.

– Почему же ты жив?

– А почему твоя деревня всё ещё жива? Меч хочет крови, и если ты понимаешь это, то должен понимать, что и твоя жизнь – чудо, дар.

– Я не боюсь смерти, якудза. В мои годы главный враг – это время. Не меч и не рука, которая его держит.

– Тогда возвращайся в свой дом и не мешай мне ждать моих врагов.

– В дом? – Старик улыбнулся, растянув сухие, почти чёрные губы. – Ты думаешь, эти хрупкие стены смогут защитить меня?

– Значит, собирай вещи и уходи в пустыню. К вечеру всё будет кончено.

– А как же остальные жители?

– Забери их с собой, – Семъяза снова закрыл глаза.

Старик какое-то время смотрел на него, затем кряхтя заковылял прочь. Семъяза слышал, как он ходит по домам, поднимая таких же дряхлых, как и сам, жителей. Пара грудных близнецов, которых мать привезла своим старикам, а сама снова сбежала в большой город, плакали, не понимая, что происходит. Деревня ожила, забурлила дюжиной семей, а затем стихла. Люди уходили в пустыню. Возможно, рядом находилась ещё одна деревня, или они просто готовились переждать день смерти среди песков – Семъяза не знал, да и не было ему до этого дела.

Враги приближались с севера – он чувствовал это. Дряхлый

старик, с которым Семъяза разговаривал утром, подошёл к нему, чтобы попрощаться. В его руках был кувшин с водой и гуиноми – он налил в него воду и предложил якудзе. Вода была тёплой, с привкусом пыли. Семъяза выпил две чашки и кивнул старику в знак признательности. Старик кивнул в ответ, протянул руку, чтобы забрать гуиноми. Семъяза заметил у него на запястье старую нейронную татуировку маскировки. Старик проследил за его взглядом.

– Каким был твой уровень глубины бусидо, якудза? – спросил Семъяза.

Старик не ответил, лишь снова поклонился и начал пятиться. Семъяза потерял к нему интерес и закрыл глаза. Впереди был, возможно, последний бой в его жизни. Преследователи уже близко. Они зайдут с подветренной стороны так, чтобы не слепило глаза.

Семъяза достал из ножен наномеч, позволяя ему вдохнуть свободу, почувствовать близость битвы. Меч всё ещё был непокорным, но иного друга у якудзы сейчас не было. Он активировал нейронную татуировку внимания. Преследователи вышли на единственную улицу пустынной деревни. Они были молоды и неопытны – Семъяза видел это, изучая их оружие. Ни один опытный якудза не доверит свою жизнь огнестрельному оружию, если жив его верный наномеч. Мечи преследователей оставались зачехлёнными. Всего их было четверо. Вернее, пятеро, но жизнь одного Семъяза уже забрал. Два преследователя появились с севера и юга, неспешно приближаясь к жертве. Два других крались вдоль домов.

Семъяза видел всё это благодаря нейронной татуировке слежения – глаза его оставались закрыты. Лишь наномеч, обнажённый и жаждущий крови, покоился в правой ладони, продолжая руку. Семъяза вскинул его, когда громыхнули первые выстрелы. Меч был молод, но мастерски изогнулся, отбив пули. Семъяза замер. Наномеч снова обрёл твёрдость – свинец пуль не был кровью. Семъяза ждал, когда громыхнёт ещё один выстрел.

Он активировал татуировку невидимости. Пули прошили воздух и устремились дальше вдоль улицы. Они прошили грудь зазевавшегося преследователя, заходившего с юга, и взорвались россыпью смертоносных осколков. Убийца покачнулся и упал на спину, подняв облако пыли. Два других борекудана, крадущиеся вдоль домов, открыли хаотичный огонь, надеясь, что одна из случайных пуль заденет якудзу. Молодые и неопытные – Семъяза чувствовал их трепет. Они должны были пленить его, но сейчас мечтали лишь об одном – забрать жизнь. Их вёл страх – на это он и рассчитывал.

Семъяза видел их нейронные татуировки, способности которых выдавали в преследователях бывших байкеров-босодзоку. И они всё ещё не обнажили свои наномечи. Трое – уже не пятеро. А если забрать жизнь ещё двоих, то можно будет устроить честный бой. Наномеч Семъязы потянулся к ближайшему борекудану. Нейронная татуировка невидимости начала сбоить, перегреваться, выжигая плоть, из которой черпала свои силы. Невидимость продлится ещё пару секунд, но Семъяза знал, что этого времени ему хватит, чтобы добраться до следующей жертвы.

Борекудан увидел его слишком поздно. У него был выбор – либо стрелять, либо выхватить свой наномеч. Бывший байкер доверился пулям. Меч Семъязы отбил три из четырёх выпущенных пуль. Пятая вспорола плоть на плече якудзы, уничтожив одну из нейронных татуировок. Но рана была поверхностной. Рука осталась твёрдой. Рука, несущая смерть. Наномеч разрубил преследователя надвое. В воздух вырвался фонтан кровавых брызг.

Борекудан на другой стороне улицы бросил зажигательную гранату. Спасая себе жизнь, Семъяза навалился на закрытую дверь в дом. Высушенное солнцем дерево уступило закалённой в боях плоти. Громыхнул взрыв. Огонь охватил дом почти мгновенно, вцепился в стены, крышу. Одежда на якудзе задымилась. Жар подобрался к покрытой татуировками коже.

Бросивший зажигательную гранату борекудан пересекал улицу, ожидая, когда Семъяза, превратившись в свечку, выскочит из дома. Тогда от пуль не спастись. Семъяза видел врага за пеленой огня и дыма. У него было время. Одежда вспыхивала и гасла. На коже появлялись ожоги, вздуваясь водянистыми пузырями. Но время ещё было – тело может вынести много боли, укрепив веру.

Борекудан разглядел свою жертву в тот миг, когда из охваченного огнём дверного проёма вылетел, извиваясь, брошенный Семъязой наномеч. Борекудан выстрелил, но сила руки, бросившей меч, оказалась сильнее пуль – они лишь лязгнули о сталь. В следующее мгновение наномеч пробил бывшему байкеру грудную клетку. Пытаясь устоять, борекудан всплеснул руками. Он ещё был жив, когда восставшим фениксом из горящего дома выскочил объятый пламенем Семъяза.

Оставался ещё один преследователь. Якудза выдернул из груди бывшего байкера распалённый кровью наномеч. На южной стороне улицы стоял последний борекудан. Обнажив наномеч, он ждал, оценивал. Он был готов умереть – Семъяза видел это в его глазах. Борекудан ждал смерть, готовился встретить её. Но

Семъяза был мёртв. Мёртв уже сотни раз, оставшихся за плечами сражений. Спасти борекудана мог только его наномеч. Но меч дрогнул. Вернее, меч не пожелал крови. Не пожелал так, как этого желал меч Семъязы. Наносталь лязгнула, сцепилась. И менее сильный, менее кровожадный меч сломался.

Борекудан вскрикнул. Меч врага вспорол ему грудь. Следующим ударом Семъяза рассёк противнику брюшную полость. Борекудан выронил обломок своего наномеча и зажал ладонями живот, пытаясь удержать вываливающиеся внутренности. Третий удар Семъязы пришёлся бывшему байкеру в спину, перерубив позвоночник. Руки борекудана безвольно повисли, ноги подогнулись, но прежде чем он упал, разбив лицо о пыльную дорогу, его внутренности вывалились, окрасив жёлтый песок бурыми и чёрными цветами. Борекудан ещё был жив – боли не было, он знал, что умирает, понимал, что это конец, но не мог ничего изменить.

Семъяза убрал наномеч в ножны, избавился от дотлевавших лохмотьев одежды. Сухой ветер вцепился в обожжённую плоть.

– Тебе бы мазь для восстановления, – услышал Семъяза скрипучий голос старика-азиата.

Якудза попытался активировать нейронную татуировку маскировки, чтобы спрятать свои увечья, но то ли сил у него почти не осталось, то ли… Семъяза растерянно уставился на чистый участок кожи на своём теле, где раньше находилась татуировка маскировки, которую сейчас он видел на запястье старика. Скрипучий, надтреснутый смех прорезал тишину пустой деревни. Безобидность дряхлого старика лопнула, растаяла. Семъяза потянулся к рукояти своего наномеча, но старик активировал нейронную татуировку невидимости и исчез.

Он не нападал. Но якудза чувствовал опасность. Не явную и ежеминутную, а более глубокую, как новый уровень бусидо, который так сложно заслужить. Но уровень этот был для Семъязы недосягаем. На этом уровне ты борешься не за то, чтобы приобретать умения, а чтобы сохранять их. Старик уже украл каким-то непостижимым образом у Семъязы тату маскировки – это случилось ещё утром, когда он приносил воду. Теперь он украл татуировку невидимости. На её месте у Семъязы красовался бугристый ожог. И старый вор был где-то рядом – Семъяза понял это не сразу.

Сначала он решил, что это просто какой-то трюк, на который он попался. Скорее всего, старик провернул это, когда угощал его водой. Возможно, он добавил туда наноботы или что-то ещё. Теперь две украденные нейронные татуировки можно продать на чёрном рынке, обеспечить свою дочь или сына, живших в

большом городе еле-еле сводя концы с концами. Семъяза снял с одного из своих мёртвых преследователей плащ для путешествий в пустыне. Микроорганизмы, которым надлежало поглощать жару, были уничтожены прямым попаданием пары свинцовых пуль. Теперь плащ был просто плащом, способным скрыть наготу якудзы. Он надел его и покинул деревню. Отец Шайори не успокоится. Он пошлёт новых убийц уже в этот вечер, когда его люди не выйдут на связь. Так что времени почти нет. Нужно найти Шайори и спрятать её.

Семъяза шёл по пустыне, не останавливаясь на ночлег или отдых. Он восстановит силы потом. Сначала нужно встретиться с девушкой, нейронная татуировка которой красовалась на шее якудзы.

На утро второго дня якудза снова встретил старика. Вернее, сначала Семъяза обнаружил его следы, когда забрёл в мёртвый город, надеясь найти там скважину с водой. Но скважина была суха. Поэтому люди и покинули это место. Но кто-то уже был здесь – следы на пыльной дороге тянулись к скважине. Сначала Семъяза решил, что упустил ещё одного преследователя, надеявшегося выйти на Шайори, но затем якудза увидел уже знакомый кувшин и заполненный водой гуиноми. Это был старик. И старик умел искушать. Впрочем, второй раз попадаться на один трюк Семъяза не собирался.

Он осмотрел кувшин с водой, жалея, что не получил в своё время нейронную татуировку распознавания ядов. Хотя вряд ли в кувшине был яд. Семъяза огляделся, надеясь отыскать старика в одном из заброшенных окон, – ведь старое тело не может генерировать так много энергии, чтобы обеспечить бесконечную невидимость…

Он обернулся, услышав за спиной шорох. Даже не шорох, а звук жадных глотков. Никого за спиной не было, лишь гуиноми опустел. Старик выпил воду, но… Семъяза увидел свежие следы на пыльной дороге. Что ж, татуировка невидимости может обмануть глаза, но не законы природы. Семъяза метнулся к невидимому старику. Следы потянулись прочь: быстро, спешно, словно у дряхлого старца открылось второе дыхание. Якудза активировал нейронную татуировку преследования. Плащ мешал, раздирал обожжённую кожу. Семъяза сбросил его, решив, что воспользуется одеждой старика, когда свернёт тому шею и заберёт свои татуировки. Но следы, оставляемые невидимым человеком, двигались слишком быстро.

Деревня осталась далеко за спиной. Нейронная татуировка преследования перегрелась и взорвалась, вырвав из предплечья Семъязы кусок плоти. Якудза остановился, не понимая, как

старик мог сбежать от него. Или же не сбежать? Семъяза видел, как следы приближаются к нему. Он достал из ножен заскучавший наномеч.

– Ты можешь забрать мои татуировки, но моя рука останется, как и прежде, твёрдой, – предупредил старика Семъяза.

Татуировки на правой руке побледнели и покинули покрытую ожогами кожу. Образ старика проявился на безопасной близости. Семъяза молниеносно метнул в вора меч. Сталь вспорола воздух, но старик уже переместился в другое место. Наномеч упал в пыль. Якудза подобрал его почти мгновенно, но старик-азиат снова находился от него на безопасном расстоянии. Семъяза мог поклясться, что вместе с нейронными татуировками этот хитрец каким-то образом приобрёл ещё и молодость. Но татуировки он воровал у якудзы, а молодость черпал откуда-то извне. Семъяза не чувствовал, что стал старше, наоборот, израненное тело, казалось, омолаживается. Пропала даже пара свежих шрамов, полученных во время ареста.

Якудза притворился, что едва стоит на ногах, затем активировал нейронную татуировку ловкости и метнулся к старику-азиату. Вор замешкался на мгновение, но всё-таки успел скрыться раньше, чем Семъяза снёс ему с плеч голову. Наномеч рассёк воздух и, казалось, разочарованно вздохнул.

– Ты не сможешь ускользать вечно! – зарычал Семъяза, устремляясь за стариком, следы которого уже растаяли в начинавшихся пустынных сумерках.

Татуировка ловкости позволяла якудзе двигаться как ветер. Вдобавок к ней он активировал татуировку гнева, способную высосать из тела все силы, но увеличивающую в разы способности активированной ловкости.

Преследование продолжалось почти всю ночь. Ближе к полуночи активированные татуировки Семъязы начали сбоить, но вместо того, чтобы сгореть от перегрузок, просто растаяли, покинув его кожу. Это не остановило якудзу.

– Я доберусь до тебя, даже если моя кожа станет чистой, как у младенца! – закричал он старику.

Утро осветило пустыню, которая теперь медленно переходила в саванну. Преследование превратилось в смертельную схватку. И Семъяза готов был умереть. Это был вызов. Он не знал, насколько ещё хватит сил и сколько на его теле осталось нейронных татуировок, но он не собирался останавливаться. Обгоревшие ботинки сносились до дыр, ступни кровоточили. Якудза продолжал бежать. Он не остановится, пока бьётся сердце или пока… Он замер, увидев, как старик, вернее, уже не старик, а молодой азиат, нырнул в гигантский разлом, к которому привела

их погоня. Сердце в груди ёкнуло и остановилось. Якудза не понимал, как могло так случиться, что старый вор привёл его к месту встречи с Шайори.

«Может быть, я всё ещё нахожусь в «Тиктонике»? – подумал Семъяза. – Может быть, это часть моего исправления? Почему тогда я помню об аресте? Нет, система так не работает». Он вздрогнул, услышав далёкий голос Шайори. В гигантском, уходящем за горизонт разломе, вспоровшем саванну, кишела жизнь. Голос любимой женщины сливался со звоном ручья. Кричали птицы. Якудза видел семью шимпанзе. Самец недовольно смотрел на чужака. Где-то далеко внизу раздавался треск, рождённый стадом слонов. И… Сердце замерло в груди. Крик Шайори казался острее клинка.

Якудза обнажил меч и начал спускаться в разлом. Вор ждал его. Вор, тело которого покрывали нейронные татуировки Семъязы. У самого Семъязы осталась лишь одна – татуировка Шайори, сделанная незадолго до ареста. Но вор не хотел забирать эту нейронную копию. Ему нужен был оригинал. Он уже забрал у якудзы навыки, забрал зрелость, забрал даже лицо, а теперь хотел забрать любимую женщину.

«Всё это не может быть явью, – говорил себе Семъяза, спускаясь по отвесным склонам разлома. – Наверное, это какая-то маскировка, какой-то зрительный обман или…» Он снова подумал, что, возможно, находится в «Тиктонике». Может быть, это какая-то новая программа исправления или специальный режим для особо опасных преступников, но… Но как заставить себя не слушать крики о помощи? Как заставить себя выйти из этой системы? И как, что самое главное, выяснить, доказать, что это не реальность, что в этом мире нет никого?

Семъяза услышал новый крик Шайори и отбросил сомнения. Да, кто-то забрал у него все навыки, но ведь с ним оставался доказавший свою преданность наномеч. Да и рука его была тверда. Он пересёк ручей, не подумав о том, чтобы утолить жажду. Жажда – это последнее, что должно волновать человека, который готовится встретить смерть.

– Отпусти её! – крикнул Семъяза, увидев своего двойника.

Вор был похож с ним как две капли воды, но Шайори каким-то образом смогла распознать, что это чужак. Семъяза понимал, что вору хватит украденных навыков, чтобы забрать жизнь девушки за мгновение.

– У меня кое-что есть для тебя, – прокричал Семъяза, показывая вору наномеч. – Тронешь девушку – клянусь, я буду сражаться с тобой до последнего вздоха. И меч тебе не удастся украсть. Меч, без которого все твои навыки ничего не значат.

– Ты предлагаешь обмен? – спросил вор.

– Или попробуй забрать его у меня силой.

Якудза смотрел вору в глаза. Нет, как далеко бы ни ушли навыки и технологии, украсть твёрдость руки и холод сердца никогда не удастся. Вор нервничал. Семъяза видел это. Но Вор был алчен и хотел получить наномеч.

– Хорошо, давай обменяемся, – сказал он.

Шайори почувствовала свободу и осторожно шагнула к якудзе. Семъяза убрал наномеч в ножны. Шайори обернулась, заглянула вору в глаза. В эти знакомые, но в то же время чужие глаза. Она знала каждую нейронную татуировку на теле вора, знала каждый его шрам, но вот взгляд… Взгляд был чужим.

– Двигайся! – прикрикнул на неё вор.

Он не сводил глаз с наномеча в вытянутой руке Семъязы. Шайори сделала один неуверенный шаг, другой, затем побежала к якудзе. Вор мог догнать её и свернуть ей шею. Семъяза понимал это. Как только Шайори приблизится к точке невозврата, вор доберётся до неё, если только не дать ему то, что он хочет. Спасти девушку можно было, лишь соблюдая условия сделки. Семъяза размахнулся и бросил наномеч так далеко, как только мог. Несколько секунд вор смотрел на меч, вычисляя траекторию, затем, активировав нейронную татуировку ловкости, кинулся его ловить. А Шайори упала Семъязе в объятия.

– Теперь беги, – сказал якудза. – Беги отсюда так быстро, как только сможешь. Я знаю, на твоём теле достаточно нейронных татуировок, чтобы скрыться.

Других слов было не нужно. Шайори выросла в клане и знала правила. Она понимала всё без слов. Если она хочет доказать Семъязе свою любовь, то должна спастись. Спастись ради него. И она побежала…

Якудза отвлёкся лишь на мгновение, чтобы увидеть, как Шайори скрылась за деревьями. Теперь её жизнь зависит от него. Чем дольше он сможет противостоять вору, тем лучше будет для Шайори.

– Ты не остановишь меня, – сказал вор.

Он подобрал наномеч и собирался извлечь его из ножен. Стальной хищник ждал, вместе с ним ждал и Семъяза. Он накормил этот меч, приручил его. Хищник должен сохранить преданность… Вор вытащил наномеч из ножен. Сталь вздрогнула и замерла, не признав, что его держит рука клона, копия прежнего хозяина.

– Ты ждал другого? – спросил вор, растягивая узкие губы в усмешке.

– Ждал, – согласился якудза, поборов искушение ещё раз

обернуться, убеждаясь, что Шайори не передумала, не вернулась.

Вместе с якудзой на зелёные заросли посмотрел и вор.

– Я убью тебя, а затем догоню и убью её, ты ведь понимаешь? – спросил он.

– Так иди и убей, – сказал якудза.

Вор выждал мгновение, словно размышлял, какие нейронные татуировки лучше активировать, затем метнулся к противнику. Семъяза подхватил с земли два увесистых камня и швырнул их во врага. Наномеч превратил камни в пыль, но пыль попала вору в глаза, и когда он поравнялся с якудзой, то почти ничего не видел. Наномеч рассёк воздух. Семъяза увернулся от трёх смертельных ударов и нанёс противнику удар в колено. Тот ахнул и отступил. Но кости его остались целы. Наномеч извивался в твёрдой руке.

– Тебе не спастись, ты понимаешь это? – спросил вор якудзу, наконец-то активируя нейронную татуировку ловкости.

Семъяза не ответил. Слова сейчас не нужны. Смерть уже была здесь, и смерть знала, кого заберёт в ближайшие мгновения. Но смерть не получит сегодня больше никого. Семъяза отступил назад, готовясь к защите. Смерть хочет Шайори, но смерть не получит её. Не в этот день. Нет.

Вор вскинул наномеч и устремился к якудзе. Активированная нейронная татуировка ведения боя с якудзой показывала ему каждый вариант атаки. У противника лишь одна возможность уцелеть – нанести точный и смертельный удар. Вот только Семъяза уже приготовился к смерти. Он не боролся за свою жизнь. Он боролся за жизнь Шайори. И ни одна нейронная татуировка не могла показать это вору. Он ждал точечного, разящего смертельного удара, готовый отразить любой из них. Но чтобы спасти Шайори, не нужно было убивать врага, достаточно лишь травмировать. Вор вонзил наномеч Семъязе в грудь в тот миг, когда якудза нанёс ему ещё один удар в больное колено. На этот раз кость уступила. Сталь обожгла якудзе грудь, разделив надвое сердце, но он успел услышать крик вора. Крик досады и разочарования. Потом наступила темнота.

Румит Кин
Оцепеневший человек

Квуп проснулся оттого, что кто-то водил пушистой кисточкой по его лицу. Кисточка пахла душной химической сладостью. Запах ассоциировался с Улой.

– Чего? – вслепую отбиваясь от кисточки, спросил он.

Кисточка исчезла. Где-то далеко хихикнула Ула. Квуп открыл глаза.

Его ложе было устроено на дне бывшей купальни для принудительных ванн. По стенкам свешивались ржавые цепочки со скобами для крепления рук и ног; из овальных отверстий торчали жала ионизаторов воды; сверху нависали две механические руки с соплами для водного массажа. А между робобрандспойтами, чуть наклоняясь над Квупом, стояла Ула – манто из сотни пушистых кисточек и весёлое прыщавое пятнадцатилетнее лицо в светящихся зелёных очках.

– Она работает! – восторженно подпрыгивая, сказала Ула.

– Та машина? – переспросил Квуп.

– Да.

– Сейчас, – сказал Квуп, и Ула убежала.

Квуп выкарабкался из уютного углубления купальни. Он был на сорок седьмом этаже заброшенной и сквотированной башни Центра пенитенциарной психиатрии. В темноту уходили ряды душевых кабин и снабжённых кандалами купален. За полуразбитыми окнами был виден купол Нового Города, сиявший в ночи золотисто-розовым светом. Вокруг него лежали руины старого мира – мерцающая тусклыми огоньками паутина замусоренных улиц. Если подойти к окну вплотную и глянуть прямо вниз, то видно лежащую у подножия башни Площадь Правосудия – четыре фонаря, красный узор выложенных в брусчатке символов и огромную каменную тушу обезглавленной взрывом статуи.

Квуп поправил смявшийся со сна ирокез, потянулся, хрустнул затёкшими суставами, накинул куртку на тощие плечи и пошёл вслед за Улой.

Общий коридор был полон голосов, смеха, воплей, движущихся в танце фигур. Звучало шесть видов музыки. Растворяющуюся в темноте даль то и дело озаряли вспышки голубого и зелёного света – оскотинившегося зомбогука дрессировали электрошоком. Зомбогук выл и стенал. По полу рассыпались пустые банки из-под зуча и красной смерти. На

одной стене двое юных художников спешно закрашивали граффити конкурента. Вдоль другой кто-то тянул бозоноволоконку в бывший кабинет хумиляционной терапии. Девочки торговали жвачкой и ушанчиками. Чел по имени Чах на общественном объёмном принтере печатал новую рукоятку для своего рельсотрона. Изобретателя торопила очередь.

Квуп решил, что ушанчики продаются не каждую ночь, поторговался, двух купил за старые деньги и ещё четырёх выменял на игровую матрицу от зоттера. Пока он рассовывал ушанчиков по карманам, девочки обхихикали его жадность.

Когда Квуп проходил мимо Чаха, тот поприветствовал его.

– Что, ты теперь у нас тоже технический гений?

– Я всегда им был, – возразил Квуп. – А почему ты спрашиваешь?

– Народ глаголет, что по твоей схеме отремонтировали машину, – объяснил Чах, – но я, по правде, ставлю это под сомнение: если устройство начало мигать лампочками, это ещё не значит, что оно работает.

Квуп пожал плечами. На него пялились человек шесть – все, кто стоял в очереди за Чахом, и ещё некоторые. Это было приятно, но в то же время заставляло нервничать. Квуп прикидывал, что теперь, когда про машину заговорили все, его засмеют, если он не сможет её по-настоящему запустить.

– Ничего не знаю, – сказал он. – Последние шесть часов я спал.

– Но если она всё же работает, я хочу с ней поиграться, – предупредил Чах.

– За ваши деньги – всё, что угодно, – лучезарно улыбнулся Квуп.

– Значит, рассчитываешь сделать бизнес? – жёлчно оценил Чах.

На это Квуп отвечать уже не стал – пошёл к лестницам.

Подростки сквотировали верхние двадцать этажей башни – ниже селились взрослые бродяги и беженцы из горячих районов, а ещё были притон вальтритов и привесной блок, занятый сектантами техло-амоки. Подростки своих нижних соседей побаивались, поэтому заблокировали лифтовые шахты и подорвали почти все лестничные пролёты между сорок вторым и сорок четвёртым. Сорок третий этаж после взрывов стал почти непроходим. В единственном годном коридоре работал открытый для взрослых публичный дом «Юная Плоть», а сразу за ним был блокпост молодёжной банды Шритла, через который не пропускали тех, кто на вид старше двадцати.

Подходя к лестнице, Квуп чуть не погиб под электрокаталкой.

На каталке, угорая от кайфа, носилась пара малолетних энцефалонариков. Их трепанированные бошки сверху были закрыты прозрачными куполами, а мозг плавал в светящемся жёлтом эфире. Когда каталка врезалась в стены, было видно, как серое вещество в головах детишек взбалтывается и липнет к стеклу.

На лестнице Квуп встретил Ваки – тот по перилам съехал ему навстречу.

– Привет, – сказал Квуп.

– Так она работает? – ловко тормозя, спросил Ваки.

– И ты туда же? – поразился Квуп.

– Я хочу в мозг убийцы, – сообщил Ваки.

Они вместе взбежали на сорок восьмой этаж. Там играл классический эмбиент-варп-данс.

– Кто разнёс слух? – с досадой спросил Квуп.

– Так она не работает? – огорчился Ваки.

– Даже если машина работает, – ответил Квуп, – я последний, кто об этом узнал.

– Чёрт, ясно, – осознал Ваки. – Кажется, виновата Ула, но по большей части слух разнёсся сам.

Меньше года назад Квуп жил в совсем другом мире – учился на проектировщика энтропических светосетей, играл в джет-бол, спал в мягкой постели, не дрался, не знал вкус спиф-смога, был влюблён в свою пустоголовую белокожую однокурсницу Фабли и искренне страдал из-за её равнодушия.

Потом был конфликт с учителем новой теории пространства. Квуп всё время ловил этого мужика на ошибках. А тот вёл себя, как лживый гад, затыкал Квупа, ставил ему плохие баллы и не допускал до экзамена на виртуальном терминале. Квуп дошёл до ручки и пробрался ночью в школу, чтобы сдать экзамен на терминале и доказать свои знания. Кончилось всё это исключением. Затем последовала фатальная ссора с родителями. Квупа попытались сослать. В ответ он обчистил отцовский счёт и ушёл из-под Купола. И вот он оказался здесь – один из множества несовершеннолетних беглецов, собравшихся в безымянной коммуне.

– Меня бы устроила и запись с мозга жертвы, – изрёк Ваки. – Пережить чужую смерть… да… в этом что-то есть.

Слова приятеля вернули Квупа в действительность. Они подходили. У входа в зал машины, пританцовывая и помахивая кисточками, ждала Ула.

– Здесь ведь казнили людей, ага, – с нехорошим блеском в глазах продолжал Ваки, – я точно знаю. На восьмом этаже был центр утилизации – для тех, кто не поддаётся коррекции.

– А он всё о своём, – глянув на Ваки, отметила Ула.

– Зачем ты всем говоришь, что она уже работает? – спросил у Улы Квуп. – Вдруг что-нибудь пойдёт не так? Я же буду в заднице.

Ула смутилась.

– Но… – неуверенно возразила она.

Они вошли внутрь, и Квуп остановился как вкопанный. Машина светилась. Квуп удивлённо осознал, что слова Чаха насчёт лампочек, похоже, не были метафорой. В комнате было светло от тысячи мелких огоньков. Огромный панорамный экран моргал десятками табло. Под экраном синими, зелёными и жёлтыми рядами сияли подсвеченные клавиши длинного изогнутого пульта. На удалении от пульта широким веером были установлены пять кресел виртуальной реальности, и четыре из них тоже светились – своими датчиками и индикаторами они сигнализировали о готовности машины к работе.

В зале были двое: Ирвич и Снахт. Снахт, сидя в обычном кресле-крутилке, мудрил над пультом. Ирвич, распластавшись на широком подоконнике большого окна, поедал батончик осквамола.

– Вау, – оценил Квуп.

– О, Квуп, – обрадованно вскинулся Снахт.

– Работает? – спросил Квуп.

– Всё, кроме пятого кресла, – сказал Снахт.

– Вообще-то не совсем, – возразил Ирвич.

Квуп перевёл на него взгляд.

– Ничего запустить мы не смогли, – пояснил Ирвич. – Похоже, мёртв её блок памяти. То есть она как бы пашет, но ей нечего нам показать.

Ваки за спиной Квупа грустно вздохнул.

– Подробнее, – потребовал Квуп. – Что вы вообще сделали, чтобы она так засветилась?

– Шли по твоему плану, – подцепляя с пульта бумажку, ответил Снахт, – и вдруг сработало.

– Квуп, это был твой пункт пятый, – вставая с подоконника, уточнил Ирвич. – Я не спал часов тридцать и прошёл по пунктам весь предложенный тобой путь. В конце запаял по твоей схеме шестнадцатый и восьмой блоки в распределительном коммутаторе, а в световоде поменял местами жестянку и склянку.

Квуп недоверчиво глянул в свою бумажку. Там значилось: «5. Попробовать от балды, если не сработало всё остальное (но можно не пробовать, потому что это тогда тоже не сработает)». Дальше всё было, как описал Ирвич, а внизу стояла приписка: «Беречь руки при замене жестянки и склянки».

– Странно, – пробормотал Квуп. – Пусти-ка.

Снахт встал с кресла, а Квуп плюхнулся на его место.

– Самое странное здесь – это ты, – сказал Ирвич. – Сам же зачем-то всё это мне написал. Значит, думал, что в этом есть какой-то смысл.

– Интуиция, – предположил Квуп. – Нет… Не знаю… Мне надо подумать. Все должны замолчать.

– Как будто кто-то шумел и ему мешал, – шёпотом прокомментировала Ула.

Стало тихо, остались лишь далёкая музыка да шум порывистого ветра за окном.

Квуп, закусив губу, сидел за пультом и разглядывал экран. Он понял, что Снахт сумел заставить машину вывести все данные о самой себе – медленно изменяясь, моргали списки частот и уровни заполнения энергоёмкостей. Квуп потыкал пульт, потом закрыл всё, что открылось в ответ на его запросы, и снова стал изучать данные, добытые Снахтом. Светился один системный ресурс – тот, на котором помещалась программа самой машины. Под ним тусклыми значками были отмечены порты для подключения других резервов памяти.

– Её память, – вслух подумал Квуп.

– Я же говорю, она убита, – подтвердил Ирвич.

– По-моему, другой памяти, кроме базовой, просто нет, – возразил Квуп. – Машина предоставляет нам возможность подключить что-нибудь ко всем этим портам.

Он ткнул пальцем в экран.

– Памяти не может не быть, – сказал Снахт.

– Очень даже может, – возразил Квуп. – Из этой штуки могли просто вытащить память.

– Ага, точно, – подтвердил Ирвич. – Во времена переворота правительство приказало чиновникам уничтожить все секретные данные. Вот они и вынули из машины главное.

Квуп вывел на экран список последних команд, которые машина выполняла до обесточивания здания. Экран почернел, на нём шевельнулись и замерли строчки кода.

– Смотрите, – сказал Квуп.

– На что? – не понял Снахт. – На то, как ты сломал всё?

– Я ничего не сломал, – возразил Квуп. – Это просто архив команд. Посмотри на нижние строчки.

Подростки сгрудились у него за спиной.

– «Терминал прекращён», – прочитал Ирвич.

– Это она выключила саму себя, – объяснил Квуп. – А выше читаем: «Критический дефицит питания», «Потеря сервера данных», «Коллапс даймона поддержки сервера данных», «Метакритический дефицит питания», «Потеря периферийного

оборудования». Дальше бла-бла-бла, это она по очереди перечислила коллапс всех даймонов периферии. Потом она перечисляет отключение вообще всех своих даймонов и, наконец, говорит про аварийное выключение самой себя.

– И что? – спросил Снахт.

– Квуп, ты гений, – сказал Ирвич.

Квуп самодовольно хмыкнул.

– А я вообще ничего не понял, – заметил Ваки.

– Народ, посмотрите вон на те циферки, – указал Ирвич. – Это дата. Семьсот девяносто второй год с начала колонизации Нео-Земли. То есть это было семнадцать лет назад – здания были обесточены окончательно через пару лет после переворота. Её память – это древняя реликвия. Я тогда пешком под стол ходил.

– А я был у мамы в животе, – кивнул Квуп. – Ну да это всё не суть. А суть в том, что машина потеряла свой сервер данных. Это логично. Когда отключалось питание здания, сервер – а он требует больше мощности – отключился чуть раньше машины.

– Сервер, – осознал Ирвич. – Ну конечно, у неё не было своей встроенной памяти.

– Я думаю, это тот сервер, который в соседних комнатах, – махнул рукой Квуп. – Можно больше не гадать, зачем им столько общих каналов бозоноволоконки – через них обмен и шёл.

– Сервер-то мёртв, – напомнил Снахт.

– Выходит, у нас всё равно нет другого способа опробовать её, кроме как оживить тот грёбаный огромный сервер? – огорчился Ирвич. – Ну, это работёнка надолго… Зачем вообще тогда начинали?

Квуп мотнул головой.

– Не надо весь сервер, – возразил он. – Достаточно выдернуть из него один живой блок с записью и подключить его прямо к машине, к тем портам, которые на экран вывел Снахт.

Снахт чуть улыбнулся, поняв, что ему сделали комплимент. Ирвич щёлкнул пальцами.

– Идея, – согласился он. – Пошли искать живой блок.

Квуп встал.

– Нам нужен источник, – сказал он. – Что-нибудь небольшое.

Снахт за мотню проводов поднял с пола тройку зетареечных боксов. Квуп кивнул, и они двинулись в соседние комнаты.

– Если заработает с чем-нибудь одним, – на ходу продолжал Квуп, – то не жалко убиться и поднять какую-то часть сервера, собрав вместе все живые блоки. Только представь, Ирвич. К нам хоть по разу, но весь сквот зайдёт, чтобы новую развлекуху попробовать.

– Там записи с мозгов кучи преступников и сумасшедших, –

согласился Ваки. – Об этом мечтает каждый ребёнок.

– Ха-ха-ха, – прокомментировала Ула.

– А разве нет? – обиделся Ваки.

* * *

Серверные анфиладой лишённых окон комнат уходили в кромешную темноту. Ребята включили карманные фонарики, и лучи света побежали по обросшим махровой пылью стальным стеллажам.

– Давай я возьму эту линию, ты – ту, а Снахт – дальнюю, – предложил Квуп.

– Лады, – ответил Ирвич.

– А нам что делать? – спросила Ула.

– Светить, – сказал Квуп.

Ребята разошлись. Ваки пошёл с Ирвичем, а Ула с Квупом. Теперь они двигались медленно – у каждого блока Квуп останавливался, отряхивал с рельсиков пыль и совал в разъём питания зетареечный штекер.

– Тут могут быть убийцы? – поинтересовался Ваки. – Или записи смерти людей?

– Откуда я знаю? – отозвался Квуп. – Пока надо найти хотя бы один работающий блок. Любой.

– Свети лучше, – обращаясь к Ваки, сказал Ирвич, – а то я сам стану убийцей. Убийцей бедного Ваки.

– Если догонишь, – уточнил Ваки, но поднял фонарь выше.

– Я от него устала, – вздохнула Ула.

Некоторые блоки, когда Квуп давал им энергию, приветливо мигали зелёным огоньком, но потом показывали, что информация с них была стёрта.

– Ничего нет, – пожаловался Ирвич.

– Я думаю, большую часть работоспособных блоков отсюда растащили ещё в те времена, когда мы были карапузами, – сказал Квуп.

– Кому они тогда могли понадобиться? – удивилась Ула.

– Ну, нам вот они сейчас нужны, – рационально рассудил Ирвич. – Думаешь, за прошедшие двадцать лет мы первые умники, которые сюда залезли поживиться старой техникой?

– Скорее уж последние, – согласилась Ула.

– Я знаю несколько парней, которые ходили сюда за бозоноволоконкой, – донёсся из-за стеллажей голос Снахта. – Нарезали люктов двадцать, но мелкими кусками. Ничего не смогли с ней сделать. Даже продать.

Стеллаж кончался. Если так же будет и в других комнатах, то Ирвич прав – их труд был проделан зря. И тут очередной блок мигнул ему сразу двумя лампочками.

– Есть, – громко сказал Квуп.

– Живой и с данными? – подходя, спросил Ирвич.

Вместо ответа Квуп показал пальцем на огоньки.

– Нашли? – обрадовался Снахт.

– Возможно, – подтвердил Квуп.

Срывая ногти, они разжали старые защёлки и вытянули блок наружу. Пыль полетела такая, что Ула закашлялась.

– Тяжёлый, – крякнул Ирвич.

Подоспел Снахт.

– Вчетвером возьмём, – сказал Квуп.

Не у дел остался только Ваки – он шёл позади остальных и светил им под ноги. Задыхаясь, подростки донесли блок до машины и бережно установили его на пол рядом с коммутационным щитком пульта. Ирвич сел на корточки, выцепил из-под коммутатора свободный штекер бозоноволоконки и сунул его в инфогнездо блока, а Квуп снова дал блоку питание с зоттера.

Все в ожидании уставились на экран машины. Несколько мгновений ничего не происходило, а потом вдруг лавиной начали выскакивать и исчезать окна сообщений от заработавших даймонов – Квуп не успевал их читать. Пропали все графики и командные строки, которые были развёрнуты ранее. На экране, вызвав у подростков восторженный вздох, появилась оживлённая анимацией статуя с Площади Правосудия: могучая фигура развернулась и опустила свой карающий меч. В какой-то миг угроза её удара казалась столь реальной, что Ула вжала голову в плечи, а Ваки машинально шарахнулся на шаг назад. Наконец анимация красиво раскололась на тысячу осколков, и подростки увидели новый – перенастроившийся – интерфейс машины.

– Вот это да, – пробормотал Ирвич.

– Она нашла годную для воспроизведения запись умственной деятельности, – рассматривая новые меню, сказал Квуп, – и предлагает нам сеанс.

Ваки сглотнул.

– То есть у нас получилось? – спросил Снахт.

– Должно быть, да… – неуверенно подтвердил Квуп.

– Кому не стрёмно засунуть в это свои мозги? – поинтересовался Ирвич.

Подростки переглянулись.

– Ну, мне, – вызвался Ваки.

– Нет, только не ты, – запретил ему Ирвич. – Маленький ещё

на рожон лезть.

Квуп, прищурив один глаз, оглянулся на кресла воспроизведения.

– Мне стрёмно, – сказал он, – но я это сделаю.

– Почему ты? – удивился Снахт.

– Мои мозги решали, как её чинить, – ответил Квуп, – так что, если она их пережжёт, всё будет честно. А если она пережжёт мозги кому-нибудь из вас…

Он пожал плечами. Это означало «я не смогу с этим жить».

– Квуп, не надо, – упавшим голосом произнесла Ула. – Вы должны как-то по-другому её испытать.

– Как? – откидываясь в кресле, спросил Квуп.

Он вздрогнул, когда под ним, принимая его тело в глубь конструкции, задвигались металлические пластины.

– Она нашла тебя, нашла человека, – сказал Снахт.

Пластины продолжали вращаться, обхватывая голову Квупа.

– Ирокез помнёт, – предупредил Ирвич.

– Он у меня всегда мятый, – ухмыльнулся Квуп.

Затем он перевёл взгляд на Снахта.

– Поставь на одну минуту, – попросил он. – Надеюсь, это меня не убьёт.

Снахт послушался – повёл руками над пультом. Вокруг головы Квупа сомкнулись металлические зажимы. Ирокез смяло. Ула кусала губы и выглядела очень испуганной.

– Аккуратнее, – попросил Квуп.

– А я предупреждал, – напомнил Ирвич.

– Ты точно хочешь это сделать? – беспокойно спросил у Квупа Снахт. – Я не хочу стать тем, кто отправил тебя в расход.

Квуп ощутил неприятный холодок в груди – струсить было легко.

– Ну, давай уже, – поторопил он, – включай.

– Ладно, – согласился Снахт. – Но имей в виду, я делаю это в первый раз, и…

Конец фразы Квуп не услышал. Стальные пластины зашевелились с удвоенной быстротой. Ощущение было странное – будто над твоим телом катится невысокая волна из ожившего металла. Исчезли звуки, стало прохладнее. Квупу стало страшно, но закричать он уже не мог – его тело перестало существовать. Он остался один в пустоте, без рук и ног, без глаз, без кожи, без дыхания.

Квуп успел подумать, что машина, должно быть, его убила. Но потом мысль ушла, рассеялась, ведь она на самом деле была не его мыслью, на самом деле он – человек по имени…

– Дегора Липаш.

Он чувствует, как произносит своё имя, как привычно оно слетает с губ. Ещё он чувствует страх. Страх от того, в каких обстоятельствах ему приходится называть себя: он прикован к креслу подсудимого, его голову холодит обруч мыслесканера, а напротив него, склонившись над своими пультами, работают шесть судей и двенадцать наблюдателей.

– Ваш возраст? – спрашивает младший судья.

– Сорок шесть лет.

По виску Липаша течёт пот, но он не может его вытереть – руки тоже прикованы к креслу. Вот нелепость: всё устроено так, будто он – загнанный в угол, одышливый, слабый и неуклюжий толстяк – может быть опасен для этих людей.

– Где вы родились? – уточняет младший судья.

– Тиркуниум, район Мирух, – отвечает Липаш.

Всё куда-то уплывает, и, кажется, что теряешь сознание…

А потом Квуп вспомнил, что он – Квуп. На мгновение вокруг снова стало совсем темно, а потом – раз, и пластины начали разъезжаться, пропуская свет. Квуп лежал, чувствуя, как бешено колотится его сердце – два страха, собственный страх перед машиной и страх Липаша перед судом, слиплись в одно целое.

– Ты жив? – озабоченно спросила Ула.

Квуп моргнул.

– Да жив он, – слегка испуганно сказал Снахт.

– Я был жирным, – произнёс Квуп.

В то же мгновение его заполнила радость – от того, что у него снова собственный голос, что он не подсудимый Дегора Липаш. Квуп резко вздохнул – почти вскрикнул – и начал ощупывать своё лицо, потом безумно рассмеялся.

– Хочешь сказать, что это всё? – разочарованно спросил Ваки. – Эта машина заставила тебя думать, что ты жирный?

– Или она всё-таки пережгла тебе мозги? – Ула повела перед лицом Квупа рукой. Он отстранился.

– Как тебя зовут? – спросил Ирвич.

– Квуп, – начиная слегка злиться, ответил Квуп, – и я нормально себя чувствую. Только подташнивает.

Ула мгновенно раздобыла откуда-то из-под своих кисточек кислую конфетку. Квуп захрустел обёрткой. Ребята молчали. Вид у них стал немного разочарованный, особенно у Ваки: тот явно рассчитывал или на героическую смерть Квупа, или на то, что тот увидит что-то невероятное и запредельно жестоко-злобное.

– Нет, народ, вы не поняли, – вскинулся Квуп. – Она работает на сто пять, потому что я был жирным сорокашестилетним мужиком, которого звали Дегора Липаш.

– Как? – опешила Ула.

– Дегора Липаш, – повторил Квуп. – Всё было реальным – я был в другом месте и чувствовал всё, что чувствовал этот хрен.

– Что за имя такое? – переспросил Ваки.

– Двойное, старинное, – со знанием дела объяснил Ирвич. – Теперь таких нет. Отменили после переворота.

– То есть правда сработало? – восхитилась Ула.

Квуп с азартом кивнул.

– Я был подсудимым, – сказал он, – и был жутко напуган.

Ула чуть подняла левую бровь.

– Но это был не мой страх, – быстро пояснил Квуп. – Это был его страх. Этот Липаш реально что-то натворил, раз так боялся.

Квуп сунул конфетку в рот и на мгновение задохнулся от кислятины, но тошнота сразу ушла.

– Я чувствовал его страх, – продолжал он, – видел всё его глазами и говорил его голосом всё, что он тогда говорил.

– Ни фига себе, – восхитился Ваки. – Значит, этот Липаш – реальный преступник?

– Наверное, – пожал плечами Квуп. – Но, если честно, не думаю, что он убийца.

– А за что его судили? – спросил Ирвич.

– Я не разобрался, – ответил Квуп. – Я же был там всего минуту.

– Чуть больше на самом деле, – признался Снахт. – Я поставил машине задачу воспроизвести одну минуту, но ты был в капсуле в шесть раз дольше.

– Да? – удивился Квуп.

Ирвич кивнул.

– Странно, – сказал Квуп. – Значит, пять минут куда-то пропали.

Снахт пожал плечами.

– Я не знал, как тебя вытащить, а ползунок на экране ехал, и жизненные показатели были в норме. Поэтому я решил, что можно подождать.

– Может, это переход занял столько времени, – предположил Квуп. – До и после видения была темнота. Мне казалось, что она ушла быстро, но вдруг она длилась долго…

– Две с половиной минуты на загрузку и выгрузку всех параметров мозга – звучит реалистично, – подтвердил Ирвич.

– Ну и ладно, – подытожил Квуп.

Он всё ещё сидел в кресле виртуальной реальности. Все затихли.

Тишину нарушил Ирвич.

– У нас получилось, получилось, у нас получилось, – три раза повторил он.

Снахт захохотал. Ула запрыгала. Ваки захлопал в ладоши. А Квуп досасывал кислую конфетку, смотрел на друзей и просто наслаждался происходящим.

– Ладно, – согласился Ирвич. – Тогда вопрос: что делать дальше? Я имею в виду с машиной.

– Пробовать? – предположил Ваки.

– Пробовать, – в тон ему повторила Ула.

– Кто-то должен остаться снаружи, – порываясь встать с кресла, сказал Квуп. – Чтобы разбудить остальных, если дела пойдут плохо.

– Сиди, – остановил его Снахт. – Я останусь.

– Уверен? – удивился Квуп. – Я-то уже видел эту байду.

– А я уже видел твои жизненные характеристики, – сказал Снахт. – Я лучше кого угодно за вами послежу.

Квуп подумал, что, в конце концов, ему будет интересно досмотреть финал истории Липаша, и уж точно это лучше, чем пялиться в экран и скучать, пока другие развлекаются.

– Ладно, – согласился он.

Ула, Ирвич и Ваки заняли оставшиеся кресла. Квуп со стороны увидел, как его друзей вбирает внутрь себя цепочка метаморфирующих металлических пластин, а потом стальная волна накрыла его самого и он вновь поплыл в прохладную темноту.

* * *

– Дегора Липаш, вам известно, почему вы здесь находитесь? – спрашивает младший судья.

Липаш нервно обводит взглядом своих мучителей. Вопрос кажется ему идиотским. Потому что так устроено общество? Или потому, что я запутался? Или потому, что я был неосторожен? Или потому, что на меня донёс мой брат? Или…

– Потому что… – начинает Липаш. Замолкает и не может закончить.

Обыск у него в квартире. Его поймали с поличным. Он хорошо помнит это. Ощущая себя в полной безопасности, он смотрел долгую запись, одну из самых своих любимых – ту, на которой восьмилетняя девочка играет в подкупольном парке со своей старшей сестрой.

– Я должен убедиться, что вы осведомлены о том, какой закон нарушили, – поясняет судья.

Игра была простой: старшая горстями бросала в воздух светящихся виртуальных бабочек, а младшая гонялась за ними с

цифровым сачком. Обе хохотали и врезались друг в друга. В свете двух солнц пригашенный Купол был бесконечно красив – будто навеки застыл вечер летнего дня.

А потом запись кончилась, Липаш очнулся и увидел, что вокруг него, наслаждаясь эффектом, стоят солдаты. Его квартира уже разгромлена. Его тайники разворошили, блоки с записями тащили на улицу. Вместе с солдатами и копами по его дому, не снимая ботинок, ходили соседи. А он сидел в одних трусах, уничтоженный, одинокий.

– Дегора Липаш, – окликает младший судья.

– Да, я… – произносит Липаш.

– Суд не рекомендует вам отмалчиваться, – говорит судья. – Молчание будет интерпретировано как отказ сотрудничать.

– Я… – Липаш силится собраться с мыслями, – я смотрел записи, которые нельзя смотреть.

– Это недостаточный уровень понимания ситуации, – возражает судья пятого ранга. – Вы можете объяснить, почему записи, которыми вы обладали, запрещены к просмотру?

– Потому что они сделаны с мозга детей, – признаёт Липаш.

– Достаточно? – обращаясь к старшему, спрашивает судья пятого ранга.

– Нет, – говорит тот. – Дегора Липаш, объясните, почему записи, сделанные с мозга детей, запрещены к просмотру?

– Потому что так решили люди? – предполагает Липаш.

– Всё решают люди, – раздражённо вступает младший судья. – Прошу вас указать конкретную причину.

– Потому что… – мямлит Липаш и снова замолкает. Он устал говорить, устал объяснять. Он хочет покоя. Говорить ему не хочется, а хочется, чтобы на него перестали смотреть.

– Я не знаю, – признаёт он.

Наблюдатели что-то вводят в свои пульты – должно быть, выставляют ему оценку социальной сознательности.

– Потому что все записи, сделанные с мозга детей, классифицируются как высшая категория детской порнографии, – объясняет второй по рангу судья. – Дегора Липаш, вы нарушили сексуальную неприкосновенность ребёнка. Вы заглянули к ребёнку внутрь. Вы могли ощущать себя в его теле, в том числе вы ощущали, как ребёнок прикасается к самому себе и к другим детям. Через эти записи вы вступили в аморальную интимную близость с множеством детей, и хотя дети ничего об этом не узнают, вы фактически изнасиловали их – через доступные вам записи.

Липаш чувствует слабость и тяжело дышит. По лицу всё обильнее течёт пот, но руки прикованы, и он не может утереться.

– Младший судья, огласите результаты следственной описи, – призывает старший судья.

– «В тайниках Дегоры Липаша обнаружено четырнадцать блоков, содержащих более пятидесяти записей разной длины, – читает младший судья. – Все записи сделаны с мозга детей или подростков. Из них четыре записи содержат элементы детской и подростковой мастурбации (описания этих отвратительных сцен я опущу из уважения к суду); несколько записей содержат воспоминания об обнажённом детском теле (такие, к примеру, как омовение девятилетнего мальчика, причём в упомянутой сцене у мальчика наблюдается эрекция); несколько записей содержат заигрывания между детьми и детьми, детьми и взрослыми (заигрывания эти такого рода, что позволяют допустить сексуальную интерпретацию: к примеру, поцелуи между сёстрами и между матерью и её сыном)».

– Дегора Липаш, признаёте ли вы, что получали извращённое эротическое удовольствие от воспроизведения данных сцен? – спрашивает третий судья.

– Нет, – ощущая своё прерывистое дыхание, отвечает Липаш.

Мгновение спустя до него доходит, что их машина наверняка уже определила его ложь. Конечно, он ощущал. У него была запись, сделанная с мозга мальчика одиннадцати лет. Тот лишь обнаружил свою сексуальность, как и сам Липаш когда-то давным-давно обнаружил свою. Ощущение тела, возбуждающегося от одного лишь прикосновения. Оргазм, такой быстрый, такой сильный, какого не бывает у взрослых.

– Не всегда, – поправляется Липаш. – Не всегда. Я настаиваю на том, что эротическое удовольствие не было главным для меня, когда я смотрел эти записи.

Он в отчаянии от собственного бессилия. Это конец.

– И какое же удовольствие было для вас главным? – спрашивает старший судья. – Откройте нам этот секрет.

Липаш слышит издёвку в голосе судьи. Его выжигает изнутри невыносимый стыд. Они хотят вывернуть его наизнанку. Они хотят заглянуть в него, но не так, как он это делал, когда заглядывал в детей.

– Я хотел вернуться… – Липаш заплакал. Судья терпеливо ждёт, когда подсудимый договорит.

– …вернуться к жизни, – заканчивает Липаш.

Дорожки слёз на толстых щеках. Ощущение неконтролируемого подёргивания в мышцах лица.

– Подсудимый, вы способны самостоятельно выйти из истерического состояния?

– Я? – переспрашивает Липаш. – Я… Да.

Он глотает слёзы и силится успокоиться.

– Прошу пояснить, что вы имели в виду, когда сказали о возвращении к жизни, – требует второй судья.

– То, что я мёртв, – осипшим от слёз голосом отвечает Липаш. – И вы тоже мертвы, ваша честь.

– Но я жив, – спокойно возражает судья.

– Почти все взрослые мертвы, – стараясь правильно произнести каждое слово, объясняет Липаш. – Мы все мертвы.

– Но мы живы, – вновь возражает судья. – Осознаёте ли вы, насколько сильно ваши суждения расходятся с действительностью?

«Ваша честь, – мысленно обращается Липаш, – мертвы наши души. Мы сбивчиво думаем. Мы видим тусклый мир. В нас нет огня». И тут же у него внутри с новой силой распускается чёрный цветок отчаяния. Он уже не может сказать то, что подумал.

– Вы не поймёте меня, – испуганно и сбивчиво мямлит он. – Если бы вы хоть раз испытали то, что… дают эти записи, тогда бы вы поняли.

Липаш осознаёт, что этого говорить не следовало.

– Вы понимаете, что сейчас призвали членов судебной комиссии совершить по вашему примеру череду антиобщественных действий, запрещённых законом и омерзительных для любого порядочного человека? – спрашивает первый судья.

– Да… я прошу прощения, – хнычет Липаш.

– И что же вы испытывали, когда просматривали свою коллекцию запрещённых материалов? – спрашивает третий судья. – Не стесняйтесь: в вашем положении это уже не имеет смысла. Обнажите язву своего порока.

Бег. Прыжок. Послушная гибкость маленького тела. А вокруг необычайно яркий и отчётливый мир; он мчится тебе навстречу, и ты видишь его: каждую пылинку, травинку, камень, птицу далеко в небе. Ты ощущаешь движение воздуха вокруг своей кожи. И мокрый мяч в твоих руках.

– Я был лёгким, – бормочет Липаш.

Он остро переживает пребывание в своём оплывшем теле. Его ожиревшие сердце и печень мечтают об обновлении, кожа покрыта болячками и трещинками, слабые ноги ноют после ходьбы, а задница страдает от пребывания в жёстком кресле.

Липаш хнычет. Ему страшно от мысли о том, что с ним будут делать, к чему его приговорят. И уж точно никогда больше не позволят погружаться в его сладкие искусственные сны о детстве.

– Подсудимый, – чуть наклоняясь вперёд, говорит старший из судей, – вы должны прекратить истерику и говорить ясно и чётко.

Иначе…

– Я переживал их интерес к жизни! – вскрикивает Липаш.

Он вспоминает про свой архивчик из Центра школьного тестирования – записи, сделанные с мозга дюжины десятилетних мальчишек. Их лёгкие шаги. Их возбуждение от того, что вокруг них происходит что-то новое. Их желание трогать мыслесканер, вертеть его вокруг своей головы. Их рвущиеся с языка вопросы. И само это ощущение – быть ребёнком в толпе других возбуждённых детей: толкаться, тянуть шею, ощущать чужие острые локти, запах чужого молодого пота.

– Их мысли, – зажмурившись, продолжает Липаш, – ясные, быстрые, чистые и фантастические. Они всё время фантазируют. Любой предмет, когда они смотрят на него, говорит с ними сразу на десяти языках. Они превращают… – его голос вздрагивает, – они превращают всё что угодно во всё что угодно.

Какой интерес и трепет вызывают у школьников учёные, столпившиеся за пультом. Как роятся в детском разуме вопросы. И какие это вопросы. Липаш помнил, что его поразила ясность, с которой дети понимают статус и возможности взрослых. Они выбирали, о чём спросить, делали свои вопросы проще, чем те были на самом деле – как будто жалели взрослых, как будто знали, что души взрослых заторможены и наполовину мертвы. При этом – вот парадокс – они знали, что взрослые чем-то стали. Чем-то законченным. Поэтому они завидовали взрослым, завидовали долгой жизни.

– То есть, помимо извращённого сексуального удовольствия, вы получали удовольствие, подобное наркотическому, наслаждались изменённым способом видения мира?

– Да, – обессиленно соглашается Липаш.

– Дегора Липаш, мы благодарны вам за содействие, – говорит старший судья. – Теперь суд видит, что вы причинили себе непоправимый ущерб. В вашем случае лечить одну только сексуальную девиацию бесполезно. Ваша личность будет полностью стёрта.

К своему удивлению, Липаш ощущает волну покоя. Они не станут его переделывать. Он умрёт, будучи собой, уйдёт в свои сны. И, может быть, мяч снова будет у него в руках.

* * *

Сгустилась темнота. Зал заседаний исчез. Больше нет потной кожи, страха, складок жирного тела. Но есть тошнота – Квуп ощущал её совершенно отчётливо, и она была раз в десять

сильнее, чем после первого сеанса.

Кресла раскрылись. Квуп и его друзья снова оказались в своих телах и в своём мире. Снахт спал, положив голову на пульт, и это должно было означать, что прошло ужасно много времени.

– Ублюдок безответственный, – успел сказать Квуп.

А потом они все – он сам, Ула, Ирвич, Ваки – повалились со своих кресел и начали блевать. Рвотный спазм изматывал, но и одновременно освобождал, как будто с каждой пульсацией пищевода в них возвращалась жизнь. Между двумя приступами рвоты Ирвич всхлипнул, и Квуп понял, что его друг плачет. Он позавидовал, потому что сам в эту минуту плакать не мог. Стоя на четвереньках и ощущая под собой зловонное содержимое своего желудка, он смотрел на свет за окном – на далёкую бело-голубую полосу горизонта.

– Никогда больше… – прохрипел Ваки.

Всхлипы Ирвича затихали. Квуп, шатаясь, поднялся на ноги, посмотрел на остальных и на мерцающую экранами машину. Она казалась ему гнездом кошмаров.

– Пойдём отсюда, – позвал он.

– Не могу, – еле слышно ответила Ула.

Квуп помог ей подняться. Они вышли в коридор. На мягких пакетах дремали угомонившиеся психонарики. Музыка больше не играла. В полной тишине подростки дошли до лестницы, спустились на пролёт вниз и остановились у большого полуразбитого окна.

– Лучше бы это был убийца, – потерянно сказал Ваки, – а то у меня в голове теперь след этого трахнутого задрота…

Всходило первое солнце. В его лучах купол Нового Города изменил цвет и обрёл бледно-голубые тона. Старый мир спал, его огни погасли, а проваленные крыши зданий серебрились битым стеклом. По дну улиц-ущелий стелился серый смог.

– Что же нам делать, – тихо спросил Квуп, – если мы тоже растём и должны стать взрослыми?

– Не обязательно такими, как этот… – пробормотал Ирвич.

Квуп покачал головой. Никто не переспросил, что он имеет в виду. Ула молча смотрела вниз, на пустынную Площадь Правосудия – как будто оценивала возможность смертельного прыжка.

Наталья Духина
Грава

Закуток Римана лишь на словах закуток, на самом деле здесь столько потайных ходов… Все обшарила – пусто. А ведь это последняя из вероятных областей обитания потеряшек. Следовательно, ребятки вовсе не потеряшки. Невозвращенцы, вот они кто! А невозвращенцы у нас где?

Метнулась в исходник, куда выводила «петля тупых». Девять неверных ответов и затем верный образовывали цикл, позволяя оставаться невидимым. Циклить можно до бесконечности, вопросы простенькие, главное – соблюдать схему 9–1. Разработчики реально лоханулись, пропустив эту петлю.

И в исходнике пусто! Однако…

Неужто цикл Винера? Обучалка для студентов-математиков. Лишь владевший в совершенстве тематикой мог крутиться там. А тематика – не фунт изюма: высшая алгебра. Сколько нервных клеток я потратила в своё время, пока обнаружила сей прокол… до него ещё поди доберись. Горестно вздыхаю. Дома дел полно, сын один как перст, а тут возись с этими…

Встречайте, господин Винер! Бодро щёлкаю задачку, с двумя последующими расправляюсь уже не столь легко и подвисаю на четвёртой. Хитрый интеграл увёртывается, не даётся. А если вот так? – ухватываю хвост, выхожу на идею. Решение – дело техники, а техника у меня отточенная, на автомате. Ответ программу удовлетворяет… Не сомневалась. Осталась формальность. Выплыл вопрос и список с ответами. Выбираю заведомо неверный – и я на месте.

Вот они, красавы, сидят рядышком в потайном чуланчике. Съёжились, увидев меня, обнялись… Поняли, кто перед ними: костюмчик мой за версту семафорит, патлы торчком, нос крючком – специально облик бабы-яги выбрала.

Неужто у ребяток любовь?.. любовь… Я мягчею. А то ведь собралась за шиворот да в реал. На «петле тупых» ещё можно отговориться, будто случайно, но здесь… нарушение сознательное, злостное. Паренёк регулярно расправлялся с четвёртой и запарывал пятую. Силён! А может, не он, а она? Было бы здорово!

Подсаживаюсь, завожу беседу. Начинаю издалека – как зовут, откуда родом, где учились. Молчат… лишь теснее жмутся друг к другу.

– Давай уже, хватит! – бросает парень сквозь зубы. В меня,

надо полагать. Некультурный тип.

Значит, всё-таки он. Жаль. Ребят у меня и так завались, есть из кого выбирать.

– Хватит – значит, хватит! – поднимаюсь, достаю пульт.

– Подождите! – пищит девчонка. Всхлипывает. – Вы не понимаете! Это я! Я уговорила! Мы любим друг друга, и всё равно будем вместе!

– Солнышко, не стоит унижаться, – целует он её в губы.

Я бледнею, хватаюсь за сердце и сползаю по стеночке. Они всполошились, помогать бросились. Прошли тест, прошли… Изображаю, что отпустило, и вновь сажусь рядом. Есть контакт!

Слово за слово, рассказывают свою историю. Маша из богатой семьи, Сева из обычной. Её отец жениха не одобрил, вот они и сбежали в виртуал. Проблем с телами тут нет, есть лишь полное единение душ. Что над их реальными телами трясутся хозяева, обеспечивая полновесный жизненный цикл, – ребятушек не волнует.

– Вы что же думаете, так вам и позволят здесь шляться? – удивляюсь.

– Так это… – краснеет пацанчик. – Режим нуль. Я и лазейку присмотрел.

Офигеваю, натурально. Мальчик осведомлён о подноготной спасателей!

– До нуля не дорос ещё, Сева. Там козявки бегают, проныр вроде тебя отлавливают – и в бочоночек. В общем, так. Беру вас к себе. Согласны?

Гляжу, парень засиял. Девчонка не понимает, но, глядя на друга, тоже засияла. Зачётно!

– Да! – выдавили оба.

На поверхности сдаю нарушителей принимающей стороне.

Отец обнимает дочь, слезу смахивает. Волнуется. Но крепится, чувства прячет. Ну-ну, допрячется… неужто, идиот, не понимает, что с девчонками так нельзя?!

– Вы полегче с детьми, папаша! – включаю менторский тон.

Он кривится – не привык к нотациям. Но мне можно. Я дочь его спасла, так что внимай, олух. Разразилась тирадой о родительском долге, понимаемом некоторыми зашоренными неверно. Что приводит к плохому концу, вместо счастья – калечит. Ему это надо?

Развернулась, не собираясь вступать в полемику, он уже воздуха набрал, чтоб возразить. И ушла. Мне некогда, меня сын ждёт.

Сын не ждал – в доме пусто. Более того, ни одна вещь не сдвинута. Мать, значит, в командировку, и Ванька – тоже? Занятно.

Кулем осела на диван.

Одна растила ребёнка, никто не помогал. И вырастила, сын у меня хороший. Ужин мне готовил! Он – мне, а не наоборот… в глазах повлажнело, в носу защипало. Горе-мать, называется. А ещё других учу, глупая. В подсознании всплыл Машкин отец, ухмылялся эдак насмешливо, коз-зёл… или не козёл?

В последнее время Ванька ходил какой-то не такой. Ловила иногда его взгляд – странный, изучающий. Поговорить бы… но некогда – работа. И потом, что может случиться со студентом младшего курса? – любовь какая-нибудь, несчастная и безответная… С этим – без меня, я в данном аспекте не специалист, сама, вон, кукую в тоскливом одиночестве. Потому, может, и отдаюсь работе, что больше некому…

Когда тоска навалилась так, что не продохнуть, я плюнула на этику и влезла в компьютер сына, взломав защиту. Глянула журнал – и пот прошиб. Грава, сплошная Грава, аж целый год! Нашёл, чем досуг заполнить, балбес! В пси-виртуал ушёл. За реальными ощущениями. Жизнь, значит, ему пресная… тайно, зараза, слинял – знал, мать стеной встанет. Ладно, чего взъярилась… пусть пробует. Плохо, что сразу в полымя – нет бы с обучалок начать.

К Граве мы давно присматриваемся. Щупаем. Чтобы когда объявят SOS, быть в теме. Нутром чую – мутная штука. Никто из нас, спасателей, не добрался до верхних уровней, в то время как другие смогли… предполагаю подлянку. И хозяева затихарились, о сертификате не просят…

Разболелась голова. Выключила комп и пошла спать. Жили же когда-то люди нормально… А после изобретения пси-моста понеслось. Пси-виртуал выносит мозг почище наркотика, но опомнились властные структуры поздно. Народ подсел. Запрещённые игровые миры ушли в подполье, и хрен их оттуда выковыряешь. Что гладиаторы эти дикие или войнушки жестокие – мрак. Кровавый бизнес. Ненавижу. Но я не по той части, мягкая слишком.

Моя группа работает в официально разрешённых мирах. В основном, вытаскиваем застрявших. Ещё тот дебилизм: ямы, куда регулярно засасывает игроков, – известны, а засыпать те ямы – не моги. Потому что частная собственность. Тьфу на них! Исправления вносятся лишь в следующую версию. Получается, мы не только спасаем, но и за бесплатно выявляем глюки, безмозглое законодательство.

Звонок шефа застал врасплох – занималась гимнастикой. Это в виртуале я обалденно ловкая, гибкая, быстрая, в жизни же – ровно наоборот. Мозги на работе устают до чёртиков и в реале бастуют. Не противлюсь, не насилую понапрасну – должны же бедняжки хоть иногда отдыхать! Но если чего – могу собраться и выложиться. Наверное. Давненько не приходилось. Уверенность в себе тает, тает… взбодрилась, чучело! Я – крутая! Ко мне в группу мечтает попасть геймерский контингент всей зоны! Мы – спасатели! Звучит!

– Ко мне с вещами! – квакнула трубка.

– Есть!

Заметалась туда-сюда. Поесть не успела! А надо. Застряну опять неизвестно на сколько, и будет бедное тело питаться внутривенно, хоть покормить на дорожку. Хорошо, массировать научились, по возвращении не чувствуешь себя трупной болванкой, как бывало когда-то, в начале освоения пси-миров.

Шеф старательно отводил взгляд и вид имел несчастный. Поняла: произошло нехорошее.

– Сын? Грава? – спросила, отчаянно желая, чтоб только не это.

– Да! – не стал юлить он.

Федералы по своим каналам выявили незаконный портал Гравы и устроили этой ночью налёт. Улов богатый – нашли склад, где висели в пси-анабиозе десятки тел, молодых и не очень. Среди них – мой сын.

Пси-анабиоз – это плохо. Очень. Разорвана связь сознания с телом, пси-мост порушен. Без связи с телом оболочка действовать не может, скукоживается и виснет, это вам не фантастика, где души отрываются и бегают по Вселенной. Поди найди её, маленькую, иссохшую, в огромном пси-мире, а если кто ещё и специально спрятал…

Тело без сознания не может стать полноценным человеком. Стыкуется лишь своё к своему, чужое отторгается. Но даже своё не всегда приживается, сколько случаев знаю… мозг – дело такое, до конца не изученное. Прекратить панику! Положительных результатов – больше! Восстановим мост, пристыкуем убитую оболочку, заведём – и всё наладится. Наладится, я сказала!

Игру теперь не отключишь. Более того, всеми силами необходимо следить, чтобы вдруг, в силу непредвиденных обстоятельств, она не остановилась. Иначе кошмар наяву: растение вместо сына. Ушлёпки, убила бы… Валяется где-то на чердаках Гравы сознание моего Ванечки… Сдохну, а найду! Срочно надо в игру.

Мысли метались, не давая сосредоточиться. Я очень старалась казаться сильной, но мешал нервный озноб, сотрясал, подлый, тело. Сжала кулаки, прикусила губу. Я спокойна! А то отстранят, с них станется, шеф, вон, уставился, заботливый…

К работе привлекли не только нас, но и коллег из соседних зон. ЧП потому что. Плюс федералы прислали подмогу. Ну какие из них игроки, анекдот… но спорить не буду. Пусть. Основание – серьёзней не бывает: среди анабиозных тел нашли несколько криминальных, принадлежащих преступникам. Банк какой-то грабанули. Только этого не хватало! Взвинченная, пошаркала вон из кабинета.

– А вы куда? – уставилась грозно на новеньких: вчера лишь стажёрами оформились – и сразу в бой? Чудики. – Детского сада нам не хватало…

– Я знаю игру. Гиперболоид Месса, туннель Эвона, бутылка Клейна… Скрытую сущность знаю, в смысле алгебру. Подозреваю, мы с вами одни тут её и знаем! – нагло заявил Сева.

Почему нагло? Ведь он прав! Мои архаровцы больше по маханию кулаками и скорострельности специализируются; хоть и программисты через одного, но в мозгах коды, шифры…

– Ладно, уговорил, – согласилась.

Пусть, в самом деле. И Мария при нём, что ценно: новички в игре – товар востребованный. Не напасёшься ими, новичками.

Пойдём врассыпную, с разных порталов и в разное время. Что мы – группа, афишировать нельзя. Не все дойдут до места сбора, кто дойдёт – те и скучкуются. В одиночку не выжить. Вперёд, в игру!

Обожаю первые мгновения: грузное тело сменяется невесомой оболочкой, можешь летать быстрей птиц, торпедой бороздить воду, продираться сквозь джунгли… Красота!

Интерфейс Гравы создавал талантливый человек, надо признать. Наслаждайся, пари, кувыркайся… Заработала первый балл, устояв на горке, – всё, больше я не новичок. Пространство начало меня чувствовать, больше баллов – сильнее отдача. Едва не прозевала грав – резкое утяжеление (от слова «гравитация»). Внимательней, тютя! Мерно чавкает болото, зудят комарики… подхватила ритм и поскакала козочкой по бугоркам собирать бонусы. Такой вот простой нулевой уровень в Граве. Чем больше вошло народу, тем норов пространства круче… но всё равно – простой. Дают разогреться, нет в игре сэйва.

С первого уровня начинается рубилово. Отбиваю у хмыря зеркальце, управляющее обликом, превращаюсь в старушку и

мочу необходимый десяток игроков – невзначай, враскоряку. Притворяться – надо. Заведомо сильных игроков уничтожают гобы (от слова «бог»). Присосутся к небу, незаметные снизу для игроков, и наблюдают, гравитация на них не действует. И если наметят тебя в жертву – хана, сметут, начинай сначала.

На втором уровне сменила имидж на громилу с квадратной мордой: потребуется грубая сила, координация у меня и так хорошая. И тут увидела Севу с Машей; Мария всё ещё в статусе новичка, ай молодцы! Держась за руки, девчонка посередине, пошли по канату, что при скачущей гравитации отнюдь не просто. В одиночку стрёмно, с незнакомцами страшно – запросто сбросят, чтоб самому устоять. Смахнула испарину со лба – глаза заливало. Играя с гравом на противоходе (пригодилась сила!), синхронизируя балансировку, перебрались-таки через пропасть.

– Мы в туннель! – кидает Сева.

– Прикрою! – киваю.

Мысль отличная. Сохранить новичка проще именно в туннеле Эвона. Сева может пройти, он математик. Нематематику там делать нечего – замурует, те ещё ощущения, бр-р.

А мы по-простому, с боем и песней. Нас десять подгребло к месту сбора – команда. Сражаемся и против других команд, и против враждебной среды. Хотя нельзя так про среду – враждебная! На любую её злостную выходку существует артефакт, с помощью которого можно спастись. Среда мне как раз нравится, я и отвечаю в команде за среду, определяю, так сказать, стратегическое направление. А мужички дерутся, меня в серёдке отряда хоронят, словно бриллиант.

Перебираясь с уровня на уровень, теряем в борьбе товарищей, но к нам прибиваются уцелевшие из разбитых групп. Чем дальше, тем больше достают гобы. Соседнюю группу разнесло в клочья бомбой, подло скинутой сверху безо всякого предупреждения. Мы и зарылись в землю, два уровня солнышка не видели, провоняли, обессилели.

На девятом нас выкинуло на поверхность. Здесь все тёрки между бойцами прекращаются, начинается битва с гобами. Висят, твари летучие, поджидают… А путь преграждает бутылка Клейна, известное двумерное замкнутое многообразие, которое вкладывается в четырёхмерное пространство, а в наше, трёхмерное, лишь погружается. Ух, я и обрадовалась – привет, бутылочка!

– Отвлекайте! Знаю! – крикнула своим.

– Точно? – переспросил Алекс, надёжный и сильный. Из реальных вояк. Обожаю таких.

Я кивнула. Он подошёл и без слов сунул мне в запасник

взрывпакет. Бесшумный. Крутейшая штука! Вслед за ним то же проделали остальные. Самое дорогое отрывали от себя – кровью заработанные артефакты. Блин… до слёз…

Ползла, и грохотали орудия – наши ввели в бой артиллерию. Гобы – существа нежные, страдать не любят, а снаряды их хоть и не убивают, но треплют. Реально больно треплют – слыхала однажды истошный гобов вой, перемежаемый матом… добил он меня тогда, гад, не простил страданий.

Ребята гибнут за меня! – билось в мозгу. Будто и вправду гибнут, обалдеть, до чего реально… но боль-то они испытывают по-настоящему!

Грав прижимал к земле, пересечь край не было никакой возможности. А мне и не надо – ползя по поверхности в бутылке Клейна, не переходя краёв, ты можешь извне попасть внутрь. Топология. Врубила моторчик и поползла в горку оптимальным маршрутом.

И доползла! Вывалилась на последний – десятый – уровень. Впервые здесь, никогда раньше досюда не добиралась. Спасибо, ребята!

И вдруг… из туннеля, нос к носу, выныривают стажёры! Потрясно! Ну Сева даёт! Как он смог?! Гений! Отяжелённые бонусами, мы стояли друг против друга и улыбались. Им тоже досталось – дышали тяжело, грязные, окровавленные.

До высшего уровня оставался лишь шаг – чтобы взлететь, надо заполучить антиграв. Фишка в том, что антиграв отдавался лишь в руки новичка. Хочешь – тащи с собой, оберегай и холи, как Сева Марию. А можно через меню, но только если ты – воин, гобам данная опция недоступна. Логично, иначе натащили бы в рай своих приятелей.

– Список! – проорала.

Предо мной заколыхался свиток пергаментной бумаги с начертанными именами новичков, которые сейчас в игре.

Не до чтения – пространство волновалось, вихрилось, норовило в фарш вымесить. Потянулась ткнуть… и сорвалась, пропустив подлый грав. В падении сыпанула бонусами, но сумела лишь вертикальный полёт сменить на вращательное скольжение по воронке.

И – Сева. Выдернул меня на излёте. А ведь конец был близок…

Но не такая уж я простушка – пока пространство занималось мной, я врубалась в него. Расчухивала, как собака кость.

– Есть ритм! – вскричал Сева.

– А у меня – траектория! – провизжала. Надо будет сменить облик кикиморы на что поприличнее.

В просвет между гравами ринулась по гипоциклоиде параметра шесть, как есть цветочек. Несла Севу, погружённого в ритм, Мария сзади держалась. На катарсисе он сделал знак – поднял руку. И у меня как раз узел. Тормознула. Либо здесь и сейчас, либо швах, второй попытки сделать не дадут.

Хвала небесам – получилось! Антиграв материализовался перед нами. Красненький такой, миленький, в виде сердечка…

– Хватай! – заорали мы с Севой Машке.

Мария вздрогнула – и схватила. Мы впились в неё, и все втроём вознеслись на небо – высший уровень. Тем самым превратились в гобов.

Я ещё помню – зачем явилась сюда? или игра перевернула сознание?

Встретили нас торжественно. Главный гоб в красной мантии и с короной на голове – во принарядился-то, нимб забыл! – поднялся с королевского кресла и величаво поплыл навстречу. Я ж кикимора – пританцовывала, строила рожи… и потихоньку озиралась: численность, расположение, вооружение. Если раньше из реала нас видели, то здесь, на небе – скрытая зона, рассчитывать приходилось лишь на себя.

А неплохо устроились ребятки, организовали себе райскую жизнь! Кто они, от каких тел? У Главного аж пять антигравов на поясе, у остальных меньше. Чем больше артефактов, тем выше статус?

И никаких взбрыков пространства, осподи, хорошо до чего. Самое место оболочки прятать, вон их сколько, потайных ходов. Ванька, иду!

Но идти мне не дали. Окружили. Классический охват перед захватом! Жить осталось – секунды! Хоть парочку господ рассекретить, мля!

Конфузливо щерюсь и оповещаю общество, что меняю имидж – неудобно, мол, кикиморой. Превращаюсь в осьминога и громко ужасаюсь, что не в ту кнопку ткнула. А сама ненароком потихоньку выпрастываю щупальцем пульт.

– Щас, господа, извините, в принцессу хочу, сей момент! – извиваюсь всеми метастазами и – втыкаю пульт в Главного. Вынос в реал!

Он ржёт. Да, он – ржёт!

– Мадам! – булькает сквозь смех. – Примите, наконец, достойный облик и прекратите свои шпионские штучки!

Выдёргивает пульт из щупальца и засовывает себе за пазуху, осуждающе качая головой. Кивает охране. Меня обращают в принцессу и обездвиживают. Хорошо, не убили… добренькие!

Да знаю я, что раз нет связи с внешним миром, то потуги вынести в реал бессмысленны. Пульт – девайс сложный. Кроме функции выноса есть ещё один такой ма-аленький модуль… моё ноу-хау. Мне нужен пульт. Кровь из носу нужен!

– Почему не сработало? – старательно изображаю удивление. Мышцы лица не шевелятся, как и прочие, но голос – он сам по себе. – Дай пульт, будь другом, сделай одолжение тётке перед смертью!

Но на меня не обращают внимания. Главный подходит к Марии, протягивает холёную длань.

– Антиграв. Антиграв, будь любезна, девочка!

Но наша девочка не любезна. Медленно достаёт сердечко из складок одежды и… бьёт ногой в область мужского средоточия. Пока Главный, согнувшись в три погибели, воет «у-у-у», она швыряет артефакт Севе, стоящему возле выхода на игровое поле.

– Севка, держи! – кричит отчаянно.

Машу опутывают гобовой сетью, обездвиживают.

Сева ловит и невозмутимо вертит сердечко в руках.

– Спасибо! – говорит. Идёт к Главному, помогает разогнуться.

Мы во все глаза таращимся на Севу. Паника тихой сапой подступает и овладевает. Паника и тоска.

– Страстная какая… Хорошо! – произносит Главный. Я б на его месте… ух, убила бы. А он невозмутим. – В карцер обоих!

Охрана возвращает нам подвижность, заключает в кокон и толкает к выходу. Оглядываюсь – картина маслом: Главный и Сева братски обнимаются.

Ну и опростоволосилась я… Никогда ещё не чувствовала столь острого унижения. Меня – крутую, умную, командира группы Спасения – и развели словно лоха! А ведь я и правда ему верила! А внедрился-то как… стильно! Сама, своими руками внедрила! Ну и Сева!..

Активирую бесшумный взрывпакет Алекса – кокон в клочья. Сигаю назад. Они не ждали, в нашу сторону не смотрели, потому получили знатно: силёнок в ручонках принцессы немного, зато коготочки – блеск! Вот ими и… А по-хорошему ведь просила – дай! Выдрала пульт из-за пазухи Главного, отскочила взад с падением-перекрутом и врубила модуль.

Шок сковал все мои члены, реальные и виртуальные. Охране и надрываться особо не пришлось, чтобы поднять меня и вновь заключить в кокон. Но прежде они нагло влезли в мой запасник, опустошили.

Я не реагировала. Я ни на что больше не реагировала, а лишь смотрела во все глаза на Главного. Так вот он чего так любезен!

Пульт показывал, что оболочка Главного вошла в Игру с тела

Ивана Петрова. То есть Главный – мой сын!

Сынуля, просмотрев экран пульта, укоризненно цокнул.

– Ну здравствуй, мамочка! – усмехнулся. И кивнул охране.

Обнявшись, мы с Марией сидели в карцере и рыдали. Душа моя просто сочилась горем.

Нет, так нельзя, мать. Слезами горю не поможешь. Давай работай!

– Как ты познакомилась с Севой? – задала, всхлипывая, вопрос. Надо разобраться до мелочей, разложить по гаечкам и шурупчикам.

Целый час спрашивала. Мария стоически отвечала, правдиво и полно, изо всех сил стараясь помочь. Поначалу я и её подозревала – а ну как тоже засланная? Но потом мнение изменила. Не может человек так врать, разве что великая актриса. А Машка не была великой актрисой. Она и простой актрисой не была. С Севой знакома со школьной скамьи, доверяла ему больше, чем себе, выполняла всё, что скажет, вот и весь сказ.

Зачем нас сюда приволокли? Кто им нужен в первую голову – я или Мария? Назад теперь точно не отошлют, слишком много знаем. Скорее всего, в анабиоз отправят, это несложно: р-раз – заточил оболочку в склеп и отключил.

То-то стажёры так легко прошли десять уровней… пару охраняли и мы, и гобы! Для того и втёрлись в доверие, очевидно.

Стоп. Стоп, мать! Тебе же русским языком шеф сказал – твой сын в анабиозе! В а-на-биозе! А этот Главный живёт-поживает… ни в каком он не анабиозе. Обычный невозвращенец, взаимодействует с телом из невидимой зоны, я таких сотни наизвлекала из программ. Ничего не понимаю!

Бог мой, рассуждаю так, будто мне противостоит чужой человек, враг, а не собственный сын! Схватилась за локоны и, подвывая, начала дёргать, до головной боли. Машка испуганно обняла меня за плечи. Девочка, а ты им зачем? Ни разу Мария с Иваном не пересекались в реальной жизни, ни единого самого малого разику!

* * *

С утра нас повели в зал. Там по-прежнему торжественно, чинно; классическая музыка ласкает слух, солнечный свет льётся сквозь окна. Что-то мы услышим? Всё больше склоняюсь к нехорошей мысли… Как войду – проверю. И будь что будет.

И проверила.

– Дорогу! – буркнула Главному.

– Какую дорогу? Ты о чём, мать? – не понял он.

Зато я поняла. Главный – не мой сын! Ванька бы ответил «осилит!», а я б завершила «идущий!». Фенька у нас такая, с детства. Кричалка. На всякий случай подстраховалась:

– Идущий?

Он лишь пальцем у виска покрутил. Сбрендила, мол, от переживаний.

А я и вправду сбрендила. Потому что сие означало – некто внедрился в тело сына, жил со мной в доме. Потом стартанул в Граву с подпольного портала. И после поменял тело – как преступник, уходя от погони, меняет машину. Причём поменял, не выходя из игры, потому что тело сына в анабиозе, а оболочка, с него ушедшая, – вон, расхаживает, строит из себя Всевышнего. Да, только так можно объяснить непонятку. Караул! Что делать-то? Ребятки, по всему, научились внедряться в чужие тела! а мы считали, что это невозможно! Какие ж мы идиоты…

Ваня, видать, не раз тайно от меня погружался в Граву, и его в какой-то момент использовали. И сознание Ванечки – уже до-олго! – валяется где-то! Поплохело мне не на шутку. Взбодрись, тютя, страдать после будешь!

А ведь и с Севой наверняка та же история – липовый! По словам Марии, не был её Сева гением, лишь простым отличником и отличным парнем. А нынешний Сева – однозначно гений. Но и я не промах, включаем мозги, старушка!

Глянула в окна. Там рубились мои коллеги. Уже на девятом уровне! Упорные, вновь с нуля поднялись. Тормозили всем отрядом, вперёд не шли. Я знаю, чего ждали – бутылку Клейна: видели, как её преодолевать. И правильно, через седло Гессе им не перевалить.

Игра продолжалась на всех уровнях. Возможно, её и перекрыли, перестали пускать игроков со стороны… подставных используют? – ведь пока не прикончишь определённое число воинов, на следующий уровень не переберёшься… ладно, буду верить, что помощь идёт. Вот только дойдёт ли? Пространство не сахар! Ребяты, вперёд, одна я не справлюсь!

Гобы нисколько не встревожены, переговариваются, смешок за смешком. И это плохо. Значит, у них готовы пути отхода. Оседлают чужие тела – и адью. В любой момент. И никто не узнает. Спишут вопли индивидуума, несогласного с новым телом, на неудачное пси-перемещение, обзовут сумасшедшим и заточат в дурку. Или в тюрьму – срок отбывать: подозреваю, что индивидуумами окажутся как раз криминальные тела. И все довольны: преступники кайфуют в молодых горячих телах на

Багамах, полиция получает премию за поимку преступников… А про бедолаг, двинувшихся умом, никто и не вспомнит.

Мамочки! Вот для чего нужна Мария… девка красивая, холёная, здоровая… тело её им приглянулось! Одна из банды – баба! И эта баба желает молодости. Не удивлюсь, она в эту авантюру влезла именно и только из-за нового тела.

Как они смогли – в чужие тела? Невозможно ведь! А вот тебе и невозможно, тютя. Любуйся на невозможное. Где мой сын?

Марию увели. Наверное, с будущим телом желает ознакомиться та самая баба из банды…

А меня осчастливил свиданием Сева. Или кто он там… Не удивлюсь, если именно он и взломал тот Банк. Бандит!

Он не догадывается, что его раскусили, и дальше пусть пребывает в неведении. Принцессовым сладким голосом пою, что нехорошо предавать Ромео свою Джульетту. Как он мог! Мария же его любит!

– Хватит! Любит, не любит… Я к тебе пришёл!

– Ко мне? – поперхнулась я. Он что, решил женщиной стать? Занять моё место? А-а!

– Да не трясись ты! Просто хотел пообщаться. Любопытно, чтоб дама – и секла в топологии.

Сомнительный комплимент.

– Но-но! Не ты, а вы! На брудершафт не пили! – ставлю его на место.

– Так в чём дело, давай, восполним пробел! – Он щёлкнул пальцами, и перед нами возник поднос с рюмками. – Закольцуемся, мадам?

– Закольцуемся лентами Мёбиуса, хватанём из бутылки Клейна! – восторженно ляпнула я. – А четвёртое измерение, чтоб бутылочка полноценной стала, организовать могёшь?

– Н-ну-у… А заманчиво, чёрт возьми. Интересно, вдруг и правда оно в программе заложено? Писал-то программу умный чел…

– Погоди, не растекайся. Есть проблема: не пью с малолетками. Не могу, правда. У меня ж сын твоего возраста.

Он загоготал. И хитро так глянул…

– А если не с малолеткой? К тому же одиноким?

– А с удовольствием! – подлила я маслица.

Он тут же преобразился в весьма интересного мужчину.

– Такой пойдёт?

– А пойдёт! Ещё б тебя Машка не любила… не хочу счастья на несчастье других.

– Какая Машка? Ах, Мария… дык она для Ивана… Иван да

Марья… Ты, мать – и не знала?

Во время беседы я нет-нет да и поглядывала в окно. Наш полз в бутылку! с моторчиком! Через пару минут взойдёт на десятый уровень – и его прикончат гобы, азартно толпящиеся у лаза! Вру, не на воина они зарятся – на антиграв… без паники. Флиртую дальше. Стоп! Что он там про четвёртое измерение выдал?

– Хочу! Сделай мне Клейна настоящего! Дай четвёртое! – выдохнула жарким шёпотом ему в ухо.

Очуметь – Сева раскрыл хэлп! Он что, дурак? Или не знает? Там же спрятана кнопка спасателя! Страница тридцать семь, под иконкой с безобидной аббревиатурой.

Пока Сева рыскал в хэлпе в поисках возможного расширения размерности, я готовилась. Мысленно собиралась для рывка.

Вот она! Сева быстро пролистнул страницу. Зачем так быстро – знает всё-таки? Набралась духу и попросила вернуться. Глубокомысленно углубилась в текст на тридцать пятой, тридцать шестой… и тридцать седьмой.

– Смотри! – сказала. Метнулась фурией и ткнула.

– А ну, отошла! – опомнился Сева. Но как-то вяло.

Возникла менюшка – наша, спасательская! И я со всей дури грохнула на последнюю строку.

Время будто застыло – и разорвалось. Окружающие меня гобы сдувались на глазах, будто кто выдернул пробку из резиновых кукол. Логично, я же запустила процесс всеуровневого анабиоза.

Сама я тоже сдуюсь, но не сразу. Вызвавшему катастрофу полагался бонус в две минуты жизни.

Внизу, на десятом уровне, отчаянно дёргались мои коллеги – марлезонский балет, в натуре. Один за другим бойцы вылезали с девятого уровня, вызывали с первого новичков… и проваливались в преисподнюю. Не давались им артефакты!

Первое, что сделала, – собрала антигравы. Открыла люк, заорала:

– Эй! Ловите!

Швыряла по очереди прямо в них.

Всё. Теперь главное. У меня минута. Вызвала лист бумаги и карандаш. Писала разборчиво, секунды тикали в башке, успеваю.

«Главный не мой сын, Сева не Сева, Маша норм. Гобы банда. Найдите сына, умоляю! Ада».

Схватила бумагу, прижала к груди и приготовилась к отходу. Возможно, что и в мир иной. Это молодым хорошо, быстро приспосабливаются, легко выздоравливают. Не то что мы, старички-старушки.

Прежде чем схлопнуться, помутившееся сознание отметило родную грязную морду Алекса, вынырнувшего из лаза.

Уловила тихое «мама». Сын? Сыночек… Я растеклась… и вновь улетела.

…Очнулась оттого, что услышала:

– Аделаида Васильевна!

У-у, лапочки, сейчас я вам выдам, навек забудете меня так кликать!

Ненавижу вот это – Аделаида Васильевна. Удружили родители. Мало того что погибли, оставив меня ребёнком на попечение государства, так ещё и имечком наградили… Но сменить не могу. Не хочу. Какая ни есть, а память. Всё, что от них осталось. Но ненавижу. Кто там меня домогается? Наши все знают и полным именем-отчеством не обращаются. Для своих я просто Ада.

Сколько времени прошло? Где я вообще?

Распахнула глаза – а передо мной Сева с Машкой, собственными персонами. И… Ванёк?

Господи, благодарю! Губы мои непроизвольно сложились в ниточку, пальцы скрючились – от избытка чувств.

Белые стены… Госпиталь? Тело – моё. Неуклюжее, но до чего родное!

Вошёл Машкин отец, ни к селу ни к городу.

Неотрывно. Глядел. Аж до печёнки пробрал.

Захлопнула очи, изобразила обморок. Болваны, зачем впускать постороннего, я же в ужасном виде! И пусть в ужасном, даже к лучшему, что в ужасном – женатиками не интересуюсь принципиально.

Но тут одна мысль пронзила мозг, и я подскочила, словно ошпаренная.

– Дорогу! – сказала, глядя в упор на сына.

Он склонился ко мне и шепнул на ухо:

– Осилит! Мам, ты б легла, а! Ты же… кхм… в ночнухе.

Я проворно нырнула обратно и зарылась в одеяло. Севочку потом проверю, не избежит… хотя чего проверять – ясно, он Машкин жених. Наши разобрались.

Но почему мне тревожно, если всё хорошо?

А, вот. Как стажёры добрались до десятого уровня по туннелю? Невозможно это, я ж пробовала. А что если лже-Сева и есть создатель Гравы? Мориарти виртуального мира создал рай, чтоб безопасно отсиживаться после дел. Недаром я не знаю ни одного геймера, ставшего гобом, – все бандиты, небось.

Но тогда… Мориарти должен был знать про кнопку спасателя.

Он позволил мне уничтожить банду.

Почему? Ох…
Я найду его. Хочу на брудершафт!

Павел Губарев
Мексиканка

Они извинились за то, что придётся сделать прокол на шее. Какие пустяки.

Да я бы руку отдал за то, чтобы попасть в это хранилище.

Вот то-то и оно: выжечь кожу на пальцах, чтобы подделать рисунок отпечатка, – мелочи для грабителей. Надо быть на шаг впереди злоумышленников. Поэтому я ничуть не возражал против имплантата. Безопасность того стоит.

Меня провели за стальные двери, оставили одного, обдали каким-то аэрозолем с потолка, потом сигналом лампочки дали понять, что можно пройти дальше. Шипение, клацание механизмов, какое-то жужжание. Чем дальше, тем страшнее и торжественнее. И воздух будто стерильнее, и моё отражение в стальных поверхностях очередных дверей всё ошарашеннее выглядит.

А дальше – я один в скупо освещённой комнате, уставленной драгоценными картинами. И глухая тишина, такая непривычная в мегаполисе. Мне дали минут пятнадцать. Я старался не моргать, чтобы наглядеться впрок. За такое время можно обойти всю комнату, и я обошёл её, не торопясь, мелко шагая по часовой стрелке. Но в первую же секунду я почувствовал, в какой точке комнаты стоит «Мексиканка». Конечно, меня потянуло именно к ней. Наверное, она была чуть ярче освещена, чем все другие картины. В какую-то секунду мне почудился шорох платья и смешок с той стороны, я даже дёрнулся и обернулся. Но нет: в хранилище был я один. Просто она нарисована как живая, и я краем глаза засёк её взгляд. Тот самый знаменитый взгляд. Кто-то говорит, что она смотрит насмешливо – так же, как «Мона Лиза». И так же переоценена. И то, и другое ерунда. Я бы сказал, что она смотрит на тебя так, как будто знает все твои мысли. Наверное, над чьими-то мыслями она и смеётся. Вот эти люди такие слухи и распускают. Я понял, как это правильно, что «Мексиканка» не стоит в музее, а спрятана за семью печатями. Зачем смущать людей этим рентгеновским взглядом? Довольно с них репродукций.

Я тоже знал её по репродукциям: каждый локон, каждую пуговку на платье. Но и близко не ожидал, что она меня так обожжёт, когда я увижу её вживую. И за что мне только такая честь?

Действительно, за что?

Я спросил об этом Виктора. Виктор объяснил, что иметь дело с современными искусствоведами – это всё равно что добровольно пускать лису в курятник. Их всех купили, даже тех, кто не продавался. Они испорчены деньгами и конъюнктурой так называемого современного искусства. А что такое современное искусство? Сунуть мышь в блендер, продать фарш за миллион долларов. Ну, в общем, я должен понимать, что к чему. А раз понимаю, то именно такой молодой, незашоренный талант из провинции – тот, кто им нужен. Сам Папа имел себе за правило привлекать к любым проектам «свежую кровь». А ему не откажешь в прозорливости.

И я не отказывал в прозорливости человеку, который создал технологическую компанию, знаменитую на весь мир. Поговаривают, что он продал душу дьяволу, чтобы научиться создавать таких поразительных роботов. Возможно, он просто был очень умён. Его гигантская фотография украшает холл этого небоскрёба: десять шагов от левого уха до правого. Виктор похож на своего великого отца, хотя тот и не поджимал губы так капризно. Впрочем, эта привычка делает Виктора похожим на аристократа. У меня дух захватило, когда я его увидел. Словно имеешь дело с человеком тех времён, из которых дошла до нас «Мексиканка».

Кстати, говорят, что когда связываешь судьбу с этой картиной, то с тобой начинают происходить всякие странности. Суеверия. «Мексиканку» изучает огромное количество специалистов по всему миру. У кого-то рано или поздно звонит телефон, и его приглашают в столицу работать с оригиналами. Это, собственно, всё необычное, что пока произошло со мной.

Я вышел из хранилища и отправился в гостиницу отдыхать и готовиться к новому рабочему дню. Точнее, меня отправили, наказав хорошо отдохнуть и переварить впечатления. Легко сказать: титанических размеров высокотехнологичное хранилище картин ошарашивало, но и огромный дорогой отель производил впечатление. Конечно, стальных дверей с кодовыми замками в отеле нет, но если ты провинциал, то тебя легко поразить, например, пылесосом. Особенно если он роботизированный, хромированный, а горничная, которая им помыкает, одета в униформу, достойную космических войск.

В баре гостиницы убивают вечера уставшие командированные. Я не умею заводить знакомства, но само собой получилось так, что меня распирало от впечатлений, а барные стойки вроде как предназначены для ненавязчивых бесед. Так по крайней мере следует из фильмов.

– Вы знаете, я тоже в последние годы занималась картинами.

– Так вы искусствовед?

– Нет, я биолог. Меня привлекли к одному проекту. Видите ли, на некоторых старых картинах у персонажей очень странные пальцы. Люди бог знает что выдумывают, чтобы это объяснить. Мы считаем, что у них попросту ревматоидный артрит. Или подагра.

Я помнил эти скрюченные пальцы у одной из граций Рубенса. Сам Рубенс страдал артритом. Как, возможно, и его жена, позировавшая для этой картины. В те времена мало кто был полностью здоров. Меня рассмешило то, что кто-то всерьёз пытается разобраться, чем именно мучались эти несчастные. Мою собеседницу, похоже, ничто особенно не смущало. Впрочем, она медик, биолог. Знаете, они имеют привычку говорить сухо и обыденно на такие темы, которые обычно озвучивают с неловким смешком. Мне даже на секунду показалось, что на ней белый халат. И тогда я окинул её взглядом, чтобы убедиться, что она одета во вполне обычное платье. Бывает, за годы профессия накладывает отпечаток на манеры.

Я осмеял заказчиков исследования.

– Что ж такого, – возразила биолог, – людям свойственно искать объяснения. Можно сказать, что люди выживают только потому, что умеют искать и находить объяснения. В каком-то смысле, хм, это делает нас людьми.

– Но многое остаётся необъяснимым. В людях. То же искусство. Разве можно объяснить искусство? Что заставляет людей рисовать картины?

– Отсутствие фотоаппаратов? – Она говорила серьёзно.

– Это раньше. А сейчас?

Женщина задумалась.

– Вы знаете, есть такая птица – австралийский шалашник. Её самцы для своих самок строят такие беседочки, арочки. Чрезвычайно затейливые. Жить в них нельзя, яйцо в них не отложить. В общем, никакой пользы. Они их украшают цветами, всякими перьями, ворованными пуговицами. Доходит до того, что они могут раздавить ягоду и красить шалашик соком ягоды, окуная в сок листик как кисточку. Всё для того, чтобы обворожить невесту. Мой бывший муж, кстати, тоже за мной очень красиво ухаживал. И как у птички-шалашника на ухаживании его роль в продолжении рода закончилась. Искусство появилось просто как реклама качеств, необходимых для продолжения рода. Индикатор приспособленности.

– Погодите, но это инстинкты. Настоящее искусство необъяснимо.

– Ну, если бы мы могли поговорить с птицей, она бы тоже не смогла объяснить, почему у неё такая страсть к тому, чтобы украшать арочки. Она ощущает, эм-м-м, творческий импульс. Не связанный явно с поиском партнёра.

– Но это не творчество!

Наверное, я слишком громко это выпалил. В баре на пару секунд притихли, и я услышал вдалеке короткий женский смешок, как будто Мексиканка сама спустилась сюда за бокалом вина и теперь веселилась над подвыпившим молодым человеком. Биолог, впрочем, оставалась невозмутимой как метроном.

– Почему не творчество? Если дать ей жёлтые и красные пуговицы, то жёлтые она уверенно отбросит, а за красные ещё станет драться.

– Но Рубенс это не пуговицы!

Мы спорили два часа, пока бар не опустел. Женщина методично объясняла, как гены, отвечающие за вкус к прекрасному, передаются по популяции. Кто сильный – у того шалашик красивее. У кого шалашик красивее, тот и папа. Кто любит красивые шалашики – тот и мама. А дети все в папу и маму. Логично? Логично!

Я ничего не мог возразить, но твердил, что всю жизнь занимаюсь искусством и точно понимаю, что в нём полно необъяснимого. Мы разошлись ни с чем.

А ночью мне приснилась птица-шалашник, которая говорила: «Отказавшись от присущих моим ранним работам локального света, я достигла тончайших градаций повышенных тонов. А мой секрет в том, что заключительные света наносятся корпусно, после лессировки».

Утром следующего дня Виктор со своей аристократической чуткостью немедленно предложил кофе, оценив мой невыспавшийся вид. Я окончательно его полюбил. Про Виктора ходят слухи не менее фантастические, чем о его великом отце. Оно понятно: легко возбудить подозрения, если ты с рождения богат, нелюдим и прячешь от всего света драгоценную коллекцию полотен. Я, однако, старался не засорять голову предрассудками. И, видимо, был прав. Два настоящих ценителя искусств найдут общий язык.

За чашкой Виктор осчастливил меня тем, что меня снова отправят в святая святых. В камеру, как выяснилось, неохотно запускают людей, чтобы не разрушать микроклимат, и мне вновь предстоит зайти одному, чтобы вынести в лабораторию «Девочку на пляже». Я не возражал.

К моему удивлению, новый визит меня не слишком

обрадовал. Оказавшись под взглядом «Мексиканки», я вдруг почувствовал себя виноватым. Как будто вчерашний полуночный спор был важной битвой, и я её проиграл. Не то чтобы я выронил копьё, но коня из-под меня выбили. Как странно: всю жизнь я служил прекрасному, но вот появляется сухой биолог и что-то говорит такое, от чего я вдруг чувствую себя смешным. Искусство тянется вверх, так? У нас есть слово «возвышенное». Нас возвышает. Но вот появляется человек, который объясняет наши души снизу вверх, а не сверху вниз. Ничего у нас не отнимает. Даже ни с чем конкретно не спорит. Но почему же я чувствую, что у меня украли тайну? Почему я эту тайну не смог отстоять?

«Мексиканка» не осуждала меня, не смеялась надо мной, но её взгляд был таким понимающим, что я растерялся. Когда я руками в белых перчатках взял модерновую «Девочку на пляже» со стойки, у меня появилось ощущение, что я её краду.

Что за чушь? Я не вор. Я здесь работаю. Меня пропустил целый взвод охраны, у меня даже где-то в черепе нейроимплантат, сообщивший местной системе безопасности, что я тот же самый человек, который вчера проходил сто двадцать проверок на компетентность и моральную прочность. А нейроимплантаты не лгут. Не лгу и я.

Я честно отработал этот день, сгорбившись над лабораторными сканерами. К вечеру у меня в глазах плавали цветные пятна от цветокалибровщиков. Я твёрдо решил не идти в бар и не искать знакомств, а всё-таки выспаться. Когда я спускался в лифте, вякнул телефон: пришло сообщение. Сообщение меня доконало.

Чёрт с ним, девушка, конечно, может тебя бросить. Хуже то, что девушка может тебя бросить, просто отправив сообщение пока ты в отъезде. Три строчки. Вроде как это всё, чего ты достоин. Почему она не хочет брать трубку? Не хочет оправдываться? Ей тяжело с тобой поговорить? Быть может, она прямо сейчас занята кем-то другим?

Я в пятый раз набрал её номер, сбросил вызов и зажмурился: сперва было просто темно, потом снова поплыли пятна бурого цвета: выцветшая охра, невыцветшая охра, потом опять возникло лицо «Мексиканки».

Может, это тест, подумал я. Проверка, испытание. Кто ты такой, чем занимаешься, почему ты достоин приходить к этой картине? А если пошатнуть твои убеждения, твою страсть, смешать тебя с зоологией, распять тебя на хирургическом столе, размазать тебя по предметному стёклышку? А потом отнять любовь? Что от тебя останется, искусствовед? Где твоя страсть? Где твоё чувство прекрасного?

Где истина?

Нет, я не считаю, что она в вине, но, вот так размышляя, я снова оказался за барной стойкой. Бармен дежурно осведомился, что мне предложить. Я проскользил взглядом по подсвеченным бутылкам, стоящим вдоль зеркальных полок за спиной бармена.

– Что-нибудь покрепче, – равнодушно ответил я.

– Покрепче, чтобы отпраздновать? Покрепче, чтобы забыть? Покрепче, чтобы прийти в себя? Дайте я угадаю: сперва немножечко, чтобы забыть, а потом ещё немножечко, чтобы прийти в себя, ведь завтра снова на работу.

Я рассмеялся.

– А вы проницательны.

– Как и всякий, кто каждый день стоит за стойкой.

Он налил что-то пахучее. Я молча выпил. Бармен ушёл возиться со стаканами, а потом вновь появился, словно выждал, пока я переведу дух после глотка крепкого и снова захочу говорить.

– Ждёте, пока подействует? – участливо спросил он.

– Прижигаю раны, – сухо ответил я, – во дни Рубенса порезы солдат заливали кипящим маслом. Не то чтобы солдатам становилось лучше…

– Женщина, – заключил бармен. – Несчастный человек за этой барной стойкой бывает двух типов: «сорвавшаяся сделка» и «женщина». Если бы у вас были неприятности в бизнесе, то вы бы попросили льда и пили мелкими глотками, потому что бессознательно решили бы экономить. А тех, кто глотает крепкое, не чувствуя вкуса, вот как вы сейчас делаете, – тех ударили по сердцу, а не кошельку. Почему женщины так любят рвать отношения на расстоянии? Мужчина в столицу по делам – а ему нож вдогонку. В спину!

– А что, нас много таких?

Бармен сделал многозначительный жест полотенцем.

– Вы ведь не бизнесмен? Судя по одежде: высокооплачиваемый с недавних пор специалист?

– Искусствовед, – мгновенно признался я и тут же пожалел: ещё полчаса назад я пообещал себе ни с кем больше не говорить о прекрасном в этом проклятом городе.

– Так пейте не спеша! – неожиданно предложил бармен. – Виски это тоже искусство. В этом напитке вкус солода и торфяного дыма, которым коптили солод, а также чуть морской солёности, чуть вязкости от дубовой бочки. Какой урок можно извлечь? Что наши чувства нежны, как ростки ячменя, и так же недолговечны. Но боль всегда улетает, как торфяной дым. Что

следы, оставленные нами, смываются морем. Что мощный дуб пошёл на бочку, а значит, и после смерти ты можешь чем-то послужить…

– Да вы поэт!

– Любой бармен – поэт, философ, телеведущий и врач в одном флаконе.

– Тяжёлая, должно быть, работа.

– Не стану отпираться. Но буду скромничать. Кто я? Слушатель. Приходят разные люди, садятся за стойку, начинают говорить. Заезжие бизнесмены и столичные специалисты, иностранцы и прожигатели жизни. Моё дело наливать, стоять рядом и не затыкать пальцами уши. Если вам вдруг покажется, что я изрёк мудрость, то я вас разочарую: я её у кого-нибудь подхватил. Благодарите тех, кто сидел за стойкой до вас. Я посредник. Лишь посредник.

– Почётная миссия.

– Если бы мне ещё платили за каждое слово!

Я извлёк из кармана брюк помятую купюру.

– Да бросьте! Спрячьте деньги, они вам понадобятся! Слушайте бесплатно. Я буду сорить словами, а вы выбирайте, что понравится. Вы обижены на кого-то? Так вот: «Для каждого человека ближний – зеркало, из которого смотрят на него его собственные пороки».

– Кто это сказал?

– Ну откуда же мне знать. Какой-нибудь Шпенглер или Шопенгауэр. Но я это услышал от облысевшего раньше времени гуманитария, который перебрал текилы, сидя вот за этой табуреткой. Вы потеряли веру? «Душа не любит, она сама есть любовь. Она не существует, она само существование. Она не знает, она само знание».

– Это какой-то подвыпивший буддист?

– Новообращённый кришнаит в костюме из тонкой шерсти. Грузил товарища весь вечер.

– А тот ему возражал?

– Ещё бы. Он говорил: «Наука не губит душу, а берёт её за руку и выводит из мира сказок в огромный, прекрасный мир реальности».

Я слушал и хмелел. Бармен сыпал цитатами без перерыва. Я уже было устал от его трескотни, когда он вдруг упомянул женщину-биолога в годах, беседовавшую с бородатым коллегой.

– …сто миллиардов нейронов. Каждый из них связан с другими тысячами отростков.

Я встрепенулся.

– И что?

– А ничего! Он ей говорит: как это изучить? Как в этом разобраться? Вот изобрели нейроинтерфейсы. Шуму было! Построили мостик в мозг, так? А толку? Мостик в бездонный, неизмеримый океан информации, в хаос импульсов, в бесконечный лабиринт, перестраивающий сам себя каждую долю секунды, в сокровенный сгусток диковинной ткани, которым Вселенная познаёт сама себя!

– Да вы поэт!

Бармен посмотрел на меня с тревогой.

– Знаете, время позднее.

Я снова извлёк купюру из кармана брюк и почувствал, что ладонь у меня вспотела.

– Спокойной ночи. Но сперва вы дорасскажите, кто выиграл спор.

– Да разве споры выигрывают? Их только проигрывают. И то виду не подают. Но ту женщину мне было немножко жалко. Её собеседник всё сыпал числами: миллиардами лет да сотнями веков, да триллионами синапсов. В конце концов он её придавил. Вы, говорит, антропологи, просто дети, которые нашли ракушку на берегу. Но по ней судите о целом океане.

– Океане… в который мостик?

– Так… Покажите-ка ключ. Ваш номер 411. Лифт из прохода направо. Четвёртый этаж. Что касается океана, то, я думаю, вы всё правильно поняли.

Меня обдало аэрозолем с потолка, и я почувствовал запах стерильности. «Может, спросить у неё?» – подумал я. Разговаривают же люди с иконами. Звучит странно, но что в этом такого? Всё равно кроме меня никого в хранилище не будет. Вот только что спросить? Посылает ли она ко мне этих людей? Зачем они со мной говорят об этих материях? Смущают почём зря.

Время шло, но двери в хранилище почему-то не открывались.

Я устал ждать и стал звать охрану. Никто не отозвался. Я прождал ещё минут десять и стал выбираться обратно. Двери поддались, я вышел в коридор. Коридор, обычно заполненный сотрудниками хранилища, был пуст. Что за чёрт?

Справа зашуршало. Какой-то знакомый шорох. Я пошёл в ту сторону. За углом никого не оказалось. Но что-то мелькнуло в конце коридора. И опять что-то смутно знакомое. Я шагнул в ту сторону, чувствуя, как что-то защекотало в животе. То, что мелькнуло, было такого цвета… Оно было цвета, который я видел… Который я видел только…

Стоп! Я остановился и попытался собраться с мыслями. Что происходит? Почему в коридоре так пусто? Что-то мелькнуло, ну

и что? Какая-то сотрудница спешила по своим делам, и я увидел подол её платья. Почему мне так жутко?

Я почувствовал, что за углом кто-то есть. Кто-то дышал чуть взволнованно. Я набрал воздуха в грудь, готовясь заговорить, и шагнул за угол.

Там стояла Мексиканка. Во плоти и крови. И улыбалась. И смотрела мне прямо в душу.

Я почувствовал, как в груди что-то нарастает. Будто я был пустым бокалом, который наполняют шампанским. И оно шипит, как то море, возле которого играет маленькая девочка, что станет биологом. Я улыбнулся, должно быть, во весь рот. И вдруг понял, что спрошу у неё. Но прикусил язык. А вдруг привидение исчезнет просто от звука моего голоса? Думая об этом, я краешком сознания, фоном, но в бешеном темпе делал то единственное, что хорошо умел: сличал цвета. Так вот какой оттенок у её платья – на самом деле. Так вот какого цвета кожа – на самом деле! Пыль, патина, микротрещинки – ничего нет между мной и этой прекрасной женщиной. И тут я заговорил.

И сам не поверил тому, что произнёс.

– У тебя прививка на плече, – сказал я.

Мексиканка чуть приподняла брови, как будто не понимала моего языка.

– У тебя след прививки на плече. Шрам от БЦЖ. Этого не может быть. «Мексиканка» жила в девятнадцатом веке.

Мексиканка очень удивлённо посмотрела на меня, а потом сказала:

– Ну… твою мать!

Развернулась и пошла от меня по коридору, цокая каблуками.

Я ошалело помотал головой и последовал за ней. В конце коридора обнаружился ярко освещённый кабинет с дубовыми дверями. Возле дверей стоял, скрестив руки, Виктор. Рядом с ним стояла женщина-биолог. Из дверей выглядывал бармен.

– Вы хотите знать, что это всё значит? – спросил Виктор и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я сейчас объясню. Как вы знаете, технологии компании моего отца совершили прорыв в нейроинтерфейсах. Но это не значит, что мы научились читать мысли. Мозг человека – это тёмный лес и сад расходящихся тропок. Всё, что мы можем сделать, – это послать массу сигналов на вход и получить сигналы на выходе. Как они преобразовались? Почему мы получили такой ответ, а не иной? Как устроен этот конкретный мозг? Загадка. Это всё равно что закинуть кусок в мясорубку и по форме фарша попытаться установить, какой формы ножи.

Я, должно быть, поморщился.

– Да, что-то я не с того конца начал. Неважно. – Виктор всегда говорил тоном человека, уверенного, что его внимательно слушают. Его «неважно» было очень мягким, но подразумевающим, что никто не станет возражать. И ещё капелька монотонности: я понял, что он это всё рассказывает далеко не в первый раз.

– Мой отец незадолго до смерти перевёл львиную долю состояния в предметы искусства. Вы их видели. Дверь в хранилище открывается обычным нейроключом. Такой вам и вживили с вашего согласия. Есть нюанс. Обычно биометрические замки работают так, чтобы не пускать незнакомых людей, но пускать знакомых. А замок в хранилище работает не совсем так. То есть совсем наоборот. Он пустит незнакомого человека, но не пустит знакомого. Зачем? Объясняю. Мой отец был необычным человеком. Он постоянно развивался. Посвятил жизнь личностному росту, как говорят его биографы. Поэтому у него не было времени на семью. Когда он понял, что умирает, то решил, что подрастающим детям нужно не столько наследство, сколько отец. Учитель. Тот, кто будет заставлять нас расти, меняться. Поэтому он расставил нам барьеры на пути к получению наследства.

– Я что-то не… – перебил я Виктора. Виктор сделал приглашающий знак своей тонкой ладонью, и заговорила женщина-биолог.

– Нейроинтерфейс даёт нам доступ в гиппокамп. Через него – в долговременную память. Если отправить на вход пучок хаотичных сигналов, то на выходе мы получим другой пучок, тоже хаотичный. Но его статистические характеристики будут одинаковыми для одного и того же человека, и будут они зависеть от его жизненного опыта. И меняться они будут очень медленно, по мере того как копится опыт. Таким образом, хоть и косвенно, замок хранилища замеряет, сколько вы накопили жизненного опыта со времени прошлого визита. Если не слишком много, то не откроет дверь. А если достаточно, чтобы считать вас другим человеком, то откроет.

– Я могу получать своё наследство по одной вещи за раз, – перебил биолога Виктор, – раз в несколько лет я могу зайти и вынести одну картину. Чтобы получить следующую, я должен накопить опыт. То есть измениться.

– Измениться, – продолжила биолог, – долговременная память работает на так называемый «кристаллический интеллект». Если у вас другой жизненный опыт, то вы принимаете решения по-другому. Чтобы отпереть замок два раза

подряд, не обязательно ждать, достаточно, чтобы вы изменили взгляды на жизнь. Реагировали по-другому на входящие сигналы. Переобучились.

– Папа боготворил изменения. Это была его вторая натура. Когда он слышал фразу «Просто будь собой», то начинал скрипеть зубами: он-то считал, что каждый день нужно стараться стать кем-то большим, чем просто собой. Вот его главное наследство. Самое сладкое во всём завещании. Он не захотел, чтобы богатство досталось его детям разом. Пусть растут над собой. Собственно, замок пускает любого человека, но даёт право вынести одну картину, начиная со второго посещения. И количество попыток ограничено. И количество кандидатов ограничено.

– И никак не… – проблеял я.

– И никак не обойти. Стоит защита, стоят баки с серной кислотой и компьютер, готовый уничтожить коллекцию в случае взлома. Вокруг нас кружат юристы фонда, учреждённого отцом, готовые грудью защищать картины. Всё, что остаётся нам, – это ждать у дверей и выцарапывать своё наследство по крохам. Слава богу, что публика всего этого не знает. Вы сейчас предположили, что нет никаких проблем расти над собой. Но в этом нет ничего приятного, уверяю вас.

Я не перебил его, но, должно быть, скептически скривился. Виктор заговорил ещё холоднее.

– Я и мои сёстры перепробовали многое: путешествия, тренинги, психотерапию. Чтобы пройти замок в очередной раз, требуется большая внутренняя перемена. Болезненная, как правило. Душевное потрясение. Это больно. Ты растёшь, но теряешь вкус к жизни. Бросаешь очередную жену, уходишь из проекта, проклинаешь церковь, вступаешь в партию… со старыми друзьями тебе становится скучно, ты пакуешь чемоданы в неизвестность или, наоборот, рвёшь билеты в любимые места… В общем, как жил мой отец. Поверьте, ему было не до семьи и не до счастья. Меняться больно. До двадцати пяти мозг пластичен. Дальше обучение даётся с трудом. Большинство людей застревают в развитии примерно в этом возрасте. Выбирают себе образ жизни и живут как принято. Отца это бесило. Он считал, что человек должен учиться всю жизнь. Постоянно переизобретать себя, несмотря на боль.

– Но он создал эту компанию, – вдруг вступился я.

– Создал, – с готовностью согласился Виктор, как будто уложил ещё один безрадостный для него факт в копилку. – Создал, конечно. В общем, иногда мы приглашаем людей под предлогом работы над картинами. Они делают несколько попыток войти в хранилище. А между попытками мы стараемся

изменить их взгляды на жизнь. Те спектакли, которые вы наблюдали, именно для этого были предназначены. Если вы думаете, что сможете нас засудить или разгласить эту историю прессе, то вы заблуждаетесь. Мои помощники вам напомнят условия договора.

Виктор жестом не дал мне себя перебить.

– Завтра у вас будет ещё одна попытка войти в хранилище. Последняя. В этот раз за хорошее вознаграждение. Около десяти процентов от стоимости полотна. Этого хватит на приличный дом для вас и вашей девушки.

Я усмехнулся:

– У меня, кстати, уже не…

– Есть у вас девушка. Сообщение было фальшивым.

– Так… так… а сейчас я почему должен вам верить?

– Вот! – сказала биолог со своей фирменной интонацией учёного, констатирующего факт. – Не должны. Именно для этого мы вам сейчас раскрываем карты. Чтобы вы начали сомневаться в наших словах. Вам двадцать четыре, а вы всё ещё так доверчивы и открыты новым идеям. Верите взрослым, можно сказать. Но сегодня вам преподали урок. Урок в том, что вас могут взять и нагло использовать. Как отмычку. В мирное время. Приличные люди.

Я не знал, что сказать.

– Ну, – сказал Виктор, – пойдите домой, поспите, ваш гиппокамп за ночь перегонит эту информацию в долговременную память. А завтра вы с этим новым опытом наверняка сможете зайти в хранилище. Я бы на вашем месте очень на это надеялся.

Виктор написал на бумажке сумму и показал мне.

– На этом мы расстанемся, большего из вас нам не выжать. Но вы можете гордиться: вы показали блестящую амплитуду перемен за эти дни.

– И я не биолог, – сказала биолог, – я специалист по информационной безопасности, которая перешла на сторону зла. Скажем так, я специалист по информационной опасности.

– И запомните: поэтичных барменов не бывает, – вдруг добавил бармен.

– Да, это образ из кино, – кивнул Виктор. – Хорош, правда? Ну так что, договорились?

Он вопросительно на меня посмотрел.

Договорились ли мы? Я не сразу осознал вопрос, а потом понял, что настало время выругаться. И отправиться домой. Но тут я вспомнил слова Виктора, предлагавшего мне новый дом. Он ведь знал, что я живу в съёмной квартирке. От этого я ещё больше разозлился и уже открыл было рот, чтобы послать его подальше.

Но что-то мне помешало. Вспомнилось, как бармен говорил о том, что у всех есть общие пороки, и злимся мы на людей только потому, что в этот момент пороки проявились не в нас самих. Могу ли я возмущаться? Чем? Жадностью этих людей? Но я-то ведь тоже прямо сейчас думаю о деньгах, которые мне предложил Виктор, и я хочу их до жути.

Нежеланием меняться? А хотел ли меняться я сам? Нет, я цеплялся за свои идеи о сакральности искусства. С другой стороны: в конце концов я эти идеи отпустил, раз смог пройти в хранилище. Могу этим гордиться. Гордиться? Да он мной манипулирует, такая сука! И этот фальшивый бармен… Да, но почему я поверил ему? Ведь это образ из кино. Быть может, я хотел поверить, только и всего?

Я ощутил, что мои губы сохнут: должно быть, я уже минуту сижу с открытым ртом. И, наверное, глупым выражением лица. Я закрыл рот и набрал воздуха в грудь, не зная, что сказать. В который раз за эти дни я ощутил, что мне не на что опереться: мои привычные мысли и представления ускользают из-под пальцев. Я нащупывал что-то новое вместо них. Это новое было непривычным и холодным.

Я беспомощно посмотрел на Виктора.

– Вот! – печально ответил он. – Я же говорил: меняться больно.

Ярослав Веров
Реакция отторжения

В терминале нуль-таможни оказалось многолюдно.

Тем лучше, решил Эрш Джокер, есть время упорядочить матерьял. Получив электронный жетон, прайм-репортёр «Гэлэкси-моушн» устроился в угловом мини-боксе, активировал «третий глаз». Свернул в тугой комок и зашвырнул куда подальше сладко кружившие в голове мысли о скором и немалом гонораре. Работа, работа.

Эпизод первый. Горящее здание. Несколько трупов мирных тхагов. Крупный план. Сюда чуть больше крови. Крови никогда не бывает много. Так, вот эту женщину… чёрт, ноги оторваны, это перебор. Ноги на место, ретушь на ожоги. Вполне аккуратный труп. Теперь выжившая. «Будьте прокляты, убийцы!» Вопрос: «Кто вас обстреливает?» Взгляд, полный презрения, на эмблему «Гэлэкси-моушн» и нецензурная брань. Варвары эти повстанцы, всё верно, чистые варвары. Так не уважать прессу… Взгляд отрезаем. С ругательством хуже. Подгонка артикуляции – его конёк. Он, Эрш Джокер, – мастер своего дела. Теперь женщина произносит: «Твари, наши же тхаги, будь они все прокляты!» Кадр вниз – у юбки аборигенши пятилетний малыш, не повезло пацану: взгляд стеклянный, изо рта тонкая струйка слюны. Попал, значит, под удар облучателя. Ничего, дебилом останется, зато живым. Может быть, останется.

Прогоняем через чип-контроль. Есть, вполне аутентичная сцена, хоть на главный мнемоскоп пускай.

В телепорт пачками грузят «тяжёлых» урхов. Где, интересно, им так вломили? И чем? Видел он, чем тхаги воюют – таким старьём только на эндилоп охотиться где-нибуть на курортной Гнее, а не воевать в мятежной колонии. А, не всё ли равно? Урхи – шлак, расходный матерьял, так же, как и тхаги. Сжать всё это, спрессовать в комок и выкинуть из головы. Не хватало ещё…

Эпизод второй. Военный госпиталь урхов. Так, репортаж раненого героя, отлично. Вот здесь подчистить. Тяжёлый боец мечется на койке в бреду: «Сволочи! Какие же мы все сволочи!» И так далее, и в том же духе. Экий пустячок: были «мы», стали «они». Не всё ли равно: и те сволочи, и эти. Видели – знаем.

Эпизод третий… Стоп, стоп, стоп…

Интересненько. Через зал ведут процессию. Прямо этот… Пит Брендон… Тьфу, Пит Брейгель. Эрш покидает бокс, переводит взгляд в режим сканирования и включает на запись резервный

чип. Это надо отдельно и под личный шифр. Это пригодится…

Через терминал два поводыря ведут колонну… нет, не слепцов. Парни попали под излучатель. Только парни ох не простые. Имперские пехотинцы в полном боевом, вернее, в том, что от него осталось. Вон и шевроны спецподразделения «Громовержец». А нет на Ургее никаких имперских сил. Официально, по крайней мере. А у повстанцев нет излучателей. Как бы нет. «Ещё как есть», – подумалось, но Джокер сделал привычную свёртку и отправил мысль в утилизатор.

– Журналист! – окрик, как щелчок курка.

Кр-расавец. Имперский таможенный офицер. Ну и верзила. Челюсть квадратом, глаза как прицелы.

– Вернитесь в свой бокс, журналист.

– А что с парнями?

– Несчастный случай, – цедит сквозь зубы таможенник. – Наблюдатели от Содружества. Дружественный огонь. Ещё вопросы?

Вопросов у Джокера не было, и он вновь воцарился в своём кресле.

Пока отправляли «Громовержцев» и несколько семей беженцев-тхагов – всё больше чумазые бабы с потомством, домонтировал третий эпизод – пытки пленных урхов, четвёртый – раздача продовольственных паёв на освобождённых территориях (с ликованием народа пришлось поработать) и пятый – эксгумация массового захоронения жертв повстанцев. Тут тоже пришлось потрудиться. Всё-таки туземцы макеты полуразложившихся трупов изготовили из рук вон плохо. Пришлось напрячь творческое воображение, но не сильно. Нервы зрителей надо щадить.

Последние формальности, досмотр, дежурное «счастливой сборки, мистер Джокер», и он в камере. Мысль о том, что тело его превратится в какой-то волновой пакет и тут же возникнет точно в такой же камере на Земле, никогда не посещала его голову. Технология она везде технология. Дорого, но когда фирма платит – не всё ли равно?

Предчувствия ни разу не обманывали Джокера. Журналист сразу почуял неладное, когда после дежурной процедуры сканирования его пригласили пройти в медицинский бокс. Не приглашали – а тут пригласили. Нет, годное объяснение наличествовало: всякий, кто проваландался неделю среди голодных, грязных повстанцев и таких же голодных и грязных правительственных регуляров на богом забытой планете, мог приволочь на себе или в себе любую дрянь.

Но Эрш Джокер не верил в подобную чушь. Он верил в универсальную сыворотку «ТриХит», циркулировавшую в его крови, как и в крови любого порядочного военкора. Не та планетка, чтобы придумать штуку, способную одолеть «три хита». Если только… Никаких только.

Пока после рентген-камеры истуканоподобная медсестра с лычками сержанта нуль-таможни брала у него кровь, Эрш развлекался придумками сюжетов для жёлтой прессы.

«Скажите, Джокер, откуда у повстанцев ракетное вооружение? Ведь Империя не поставляет тхагам технологий?» Сделать значительное лицо. Нет, снисходительное: «О, мисс, знаете ли, даже животные, когда их припрут к стенке, проявляют чудеса изобретательности. Вы слышали что-либо об их новейшей разработке?» Взять эффектную паузу. «Фекальный ускоритель!» – «Простите, мистер Джокер, что? Что значит „фекальный“?» – «О, мисс! Повстанцы развивают биотех. Но неужели вы думаете, что мне вот так (щелчок пальцами) раскрыли военные тайны? Хотя кое-что я разнюхал!» – «Расскажите же нашим читателям!» – «Вещество биогенного происхождения, которое они называют «фекалии», смешивают с другим биогенным веществом «дрожжи», и в герметическом корпусе ракеты происходит неизвестная науке реакция. Дальность стрельбы фекального ускорителя – до пятнадцати миль. Это варварское оружие они производят сотнями и тысячами единиц…»

И ведь сожрут, подумалось Эршу. Как миленькие слопают за чистую монету и не поперхнутся. Фекальный ускоритель! Ха! Песня…

Облачившись в комплект новенькой формы, выданной взамен аннигилировавшей при переходе, он переступил порог кабинета начальника нуль-таможни, полковника Хёрста Оберста, как гласила голограмка на шлюзодвери. Нехорошие предчувствия никуда не делись.

– Рад сделать знакомство со знаменитым Джокером! – На полковнике, сверкая погонами, красовалась расстёгнутая чуть ли не до пупка белоснежная форменная рубашка, открывая могучую волосатую грудь.

Нижнюю часть полковника скрывал стол, он же рабочий пульт. Эрш включил сканеры, вперил взгляд в заплывшие жиром серые очи чиновника, точнее сказать – поросячьи глазки, и обнаружил, что сканеры-то заблокированы. Полковник между тем не представился – ну да, на шлюзодвери ж начертано, от кресла зад не оторвал и руки не подал. И, похоже, знакомство делать был вовсе не рад. Кстати, сам оборот речи выдаёт уроженца Кесарии, отметил Джокер. Изобразить возмущение или не

дёргаться? Эрш выбрал второе.

Уселся в кресло и выжидательно уставился на Оберста. Тот никуда не спешил. Извлёк из недр стола бутылочку чего-то запотевшего, изрядно приложился, крякнул.

Интересно, с чего бы в кабинете начальства стояла такая жара? Предположим, Кесария – планета холодная и выходцы оттуда любят погреть кости, но не настолько же?

– Нарушаете законы Содружества, журналист? – наконец заговорил боров.

– С какого Бодуэна? – блеснул знанием древней лексики Эрш.

Ответом было жужжание пульта, полковник вытянул на свет божий, небрежно швырнул на стол рентгеновский снимок и расцвеченный голограммами официальный бланк, в котором Эрш без труда распознал судмедзаключение. Джокер поднял со стола снимок, глянул на просвет. Тазобедренный сустав – очевидно, его собственный – не вызвал у него никакого интереса, а вот выше… Что за чертовщина?

Хёрст Оберст уже раскуривал сигару – несомненно контрабандную – и сочувственно кивал. Знаки безнаказанности и превосходства.

– Три почки, журналист! – Полковник выставил три жирных пальца. – Раз, два, три. Одна – «левая». Контрабанда человеческих органов из зон боевых действий под прикрытием профессиональной деятельности наказывается снижением общественного статуса вплоть до нулевого со всеми вытекающими, не так ли, друг мой?

«Гнейский птицерух тебе друг», – ответил пословицей Джокер, но про себя, вслух же ничего не сказал.

На снимке и в самом деле рядом с его законной правой почкой угнездилась ещё одна, и тонкая нить мочеточника смыкалась с его же законной нитью на входе в мочевой пузырь.

– Не сомневайся, журналист, никто тут не блефует, – продолжал полковник несомненно отточенную заранее речь. – Их три. Скоро ты в этом убедишься сам. Кстати, с тобой всё окей?

Джокер поёжился. Прав сукин сын, зябко. В кабинете, как в адском котле, а ему зябко. Неужто, уроды, впрыснули чего?

– Знобит чего-то.

– Гы-ы! – обрадовался полковник, веско пыхнул сигарой. – «Чего-то». Сейчас я тебе скажу – чего. Реакция отторжения, знаешь такую штуку? Не знаешь? А с виду неглупый. У тебя в теле чужой орган. Смекаешь? Чужой – значит, враг. Враг – значит, убить. Вот ты тут сидишь, на меня пялишься, а кровь разгоняет антитела, чтобы почку контрабандную угробить. И угробит…

вместе с тобой. Только это… про адвоката там личного бодягу не разводи. Юристы, сам понимаешь. Мы это дело затянем на недельку – экспертизы, согласования, консультации, этот, как его… консилиум соберём, случай-то какой… гы. Особый. Ты и загнёшься тихо. Так что решай.

– Полковник, хватит тягать мышь за усы.

– Мышь, гы. Эх, как я вас, репортёришек, ненавижу. – Хёрст Оберст пыхнул сигарой и мечтательно воздел очи горе. – Вот тут, – приставил два пальца к горлу, – вы у меня. Наснимал хрени, думаешь – герой? Да не мышь ты, а дерьмо коровье. Думаешь, не знаю, какие дела на Ургее творят? Всё знаю. А ты за свой пузырь розовой воды хороший гонорар получишь. Да не пялься на меня, не пялься, всё заэкранировано. Захочу – весь твой грёбаный репортаж из твоих грёбаных мозгов высосу.

Он отложил сигару.

– Одним словом, парень, такое предложение. Сейчас поедешь в одну клинику. Там тебе эту твою контрабанду аккуратнейшим образом изымут и утилизируют. Половина твоего гонорара мне, половина, сам понимаешь, – доку. И без шансов. Окей? Вижу, что окей.

Не то, что же здесь не то? Полицейский антиграв скользил так, что, собственно, и движения никакого не ощущалось, голову Эршу опутывала сетка-экран с застёжкой-самоликвидатором под подбородком, а Джокер всё не мог поймать, что же не то в поведении таможенного чиновника, в дурацком, да что там дурацком – безнадёжном, его, Эрша, положении, в чудесном появлении дополнительного органа выделения. Мысли путались, репортёра «Гэлэкси-моушн» бросало то в жар, то в холод, и предательская слабость то охватывала тело, то вновь отпускала. Реакция отторжения, будь она неладна.

Он, прайм-журналист могущественной медиакорпорации. С ним – как с каким-то полуправным то ли третьего, то ли четвёртого уровня рейтинга гражданином. Стоп. Вот оно. Вот.

Джокера замутило. Никогда начальник нуль-таможни не стал бы так вести себя с прайм-репортёром. Кроме одного случая.

Полковник Хёрст Оберст разговаривал с заведомым покойником.

– Вам плохо, господин журналист?

Охранец. Сама вежливость.

– Воздуху…

Конвоир дёрнул за верёвочку, и на колени Эрша упала кислородная маска. Джокер жадно схватил её и пару минут шумно дышал.

В сторону панику. Не с трупом разговаривал полковник. Потому что – репортаж. Начальство ждёт репортажа. Ай да Джокер, ай да сукин сын. Чутьё, вот что значит чутьё. Как вовремя он всё смонтировал заранее. Хотел бы Оберст его трупа – зачем бы дал говорить с боссом? Ясно, босс от нетерпения на яйцах подпрыгивает, но знает же, что монтаж – дело тонкое. Аж позеленел, когда Эрш по подсказке Оберста двенадцать часов потребовал. «Даю, но надеюсь, это будет твой лучший репортаж, Эрш! Понимаешь – лучший!»

Где ж не понять. Джокер с тоскливой злобой вспомнил о пятистах юнитах, ушедших в карман начальника таможни, и стольких же – на счёт клиники… Опять же – засветили счёт клиники, а не доктора. Хорошо это или плохо? С одной стороны, только мёртвые не выдают тайн, с другой – счёт наверняка подставной…

Перед глазами всплыло измученное лицо женщины тхага: синяки под глазами, заострившиеся черты лица, два передних зуба выбиты. Губы шевелятся, она что-то говорит… «Прокляты… все прокляты…» Кто – все? А, это из репортажа… И то верно, будь они все прокляты… Кто – они? Память в корзине… Очистить корзину… очистить корзину к такой-то матери, не хочу память, будь они все прокляты, журналистов он не любит, боров, жирный боров…

Отпустило. Это бред. Реакция отторжения. А в сухом осадке – шеф должен через двенадцать часов получить репортаж. По личному каналу. Значит…

– Вам луч…

Гравилёт нешуточно тряхнуло. Вежливый охранник не мешкая замкнул на запястьях Джокера электронные браслеты, а второй забубнил неразборчиво в браслет связи. Джокер разобрал только слово «курса». А потом подушка отключилась, и всё заверте…

Свет. Мягкий и матовый, он льётся с высокого потолка и совсем не режет глаз, даже после того, как с третьей попытки удаётся раскрыть слипшиеся веки. Эрш Джокер обнаруживает себя в… да, пожалуй, апартаментах: мягкая удобная кровать, письменный стол с узлом связи, пол устлан тёплым пласт-покрытием. Всё выдержано в ровных серо-фиолетовых тонах. Вот только окон нет. Но есть дверь.

Встать удаётся тоже с третьей попытки. За дверью – небольшой бассейн: вода изумрудно и призывно искрится; тут же изощрённо техногенная душевая – душ обычный, душ ионный, душ озонированный, и прочие службы – вне зависимости от воли

отмечает разум.

Тюрьма. С узлом связи? Эрш бросается к столу, запускает аппаратуру. Время: после катастрофы гравилёта прошло около восьми часов. Настраивает личный канал, и в голове раздаётся недовольный голос босса:

– Справился?

– Старался, мистер Маккьюз.

– Сейчас, погоди. Давай трансляцию.

Эрш сливает боссу содержимое чипа. Откуда ощущение, что из головы льётся поток дерьма? Ах, это… «Наснимал хрени, пузырь розовой воды». Реникса. Забыть. Эрш закрывает глаза и тут же открывает их не без испуга: перед внутренним взором тяжелораненый боец, от бинтов – гангренозная вонь, запах давно не мытого тела и хриплый, протяжный то ли голос, то ли стон: «Сво-олочи…» Откуда, зачем? Очищал же корзину!

Пауза. Босс осознаёт полученное. Наконец, заветное – «дзинь-звяк» – сообщение о заходе суммы на счёт. Одобрил, значит, босс. Жаль, что денежек этих уже того… след простыл.

– Отлично, Эрш. Это твой лучший репортаж, без врак. То, что надо, парень. Завтра проснёшься знаменитым, – изрекает босс и гасит канал.

О, что-то новенькое. Скупой на похвалу Маккьюз выдал. Эрш бросается в душевую, задирает перед зеркалом пижаму, поворотясь спиной, пытается разглядеть поясницу – никаких шрамов. Впрочем, какие шрамы, при современной коллоидной-то медицине. Интересно, она ещё там или уже того?..

– Почка в тебе, – голос раздаётся, кажется, прямо из воздуха.

– Ты кто? Призрак забытого замка? – мрачно острит Джокер.

– Хранитель ключа и замка, – в тон отвечает голос.

– Неужели я и ключ, и замок?

Голос бархатисто смеётся. Довольно смеётся.

– В каком-то смысле, малыш, в каком-то смысле. Ты пока отдыхай. Скоро тебе снова сделается нехорошо. Мы впрыснули тебе немного сыворотки, которая блокирует выработку антител, но совсем-совсем немного. Чтобы не навредить твоей… хм… беременности. Отдыхай. Питаться тебе сейчас тоже ни к чему.

Джокер метнулся обратно к узлу связи, уже понимая, что его ждёт: всё верно, терминалы обесточены. Бессильно выругался и рухнул на кровать.

Думать. Только это может его спасти. Спасти? Полноте. Им играют, как картой, пусть и козырной. Но думать. Джокер распаковал все материалы по поездке на Ургею. Заурядный колониальный конфликт. Две метрополии ведут войну руками идиотов-колонистов. Колония основана сто пятьдесят лет назад,

первоначальное название Тхаргея. Дальше всё как обычно, столкновение интересов Высоких Шишек, крейсера Империи и линкоры Содружества остаются в орбитальных доках, колонистов переформатируют так и эдак, одну группу стравливают с другой, Высокие Шишки меряются пиписьками, и всё это носит гордое название «большая галаполитика». Попутно Мелкие Шишки делают свои мелкие гешефты, но при чём тут, дьявол её забери, третья почка?

Он не заметил, как провалился в зыбкий полусон. В этом полусне реактивные системы залпового огня ровняли аккуратные дома тхагов, горели поля с несобранным урожаем, а у обочин дорог валялись неубранные раздутые сизые трупы урхов и тхагов, и торчали остовы разбитой бронетехники, а где-то поодаль страшно кричала беременная женщина, которую волокли в сарай двое молодчиков, а потом – протяжный свист, и кровавое месиво на месте всех троих, и он видит собственные прищуренные глаза-сканеры, прикидывающие направление и скорость снаряда, да какой же это снаряд, это фекальный ускоритель, который он же сам и придумал, и всё это – фекалии, боль, вывороченные внутренности, сожжённые дотла урхи и выпотрошенные тхаги – смерть, лицо смерти…

Он вынырнул на поверхность бреда. Выпотрошенные. Разархивированная память гудела, как улей. И услужливо подсказывала: аборигены, попавшие под излучатель, пойдут на органы. Женщины-тхаги и солдаты-урхи – органы. Зародыши беременных тхагов – стволовые клетки. Вот и почка.

Он распаковал давно не используемый отдел «математика нуль-переходов». Тело превращается в информационный пакет вне времени и пространства. По сути, набор формул. Можно дописать ещё одну. Легко. На словах. При этом где-то надо эту формулу в информационном пространстве задержать. Нуль-переход в нашем пространстве-времени мгновенен, это квантовый процесс. Над решением такой задачи должен биться целый институт, и не один год. Значит, решили. Если бы две параллельные нуль-камеры сопрячь и проводить два перехода одномоментно… тоже ещё та задачка. Впрочем, камера на Ургее одна.

Снова эта женщина, этот полный презрения взгляд на его эмблему, эмблему «Гэлэкси-моушн», он же стёр, стёр, этого нет в его памяти, откуда…

«Посмотрите на беднягу, он бредит… Да, сыворотку, конечно… Мы же не звери… Штурмовать бесполезно… Мои условия неизменны… Как вы говорите – время жить и время умирать…»

Камера… камера на потолке… его показывают… кому-то. Хозяину почки.

Из стены над изголовьем выдвинулась механическая рука, аккуратно отвернула ворот пижамы и впрыснула в предплечье Джокера порцию сыворотки.

– Голос! Отзовись, сукин сын!

– Зачем? – раздалось из воздуха.

– Эта почка… Она для кого-то очень… В общем, оттуда? – Джокер ткнул пальцем в потолок. – Так что даже нельзя вырезать и доставить на льду?

Голос вздохнул – лирично так вздохнул, приторно.

– Сейчас это неважно. Уникальная операция – телепортационная подсадка, комар носа не подточит, а ты, малыш, здесь. Не волнуйся, скоро тебя обменяют, почка получит своего законного владельца…

– Законного?! – неожиданно для себя Джокер захохотал – истерически, до слёз. – Хотел бы я видеть действительно законного владельца.

– Ты видел его, сынок. Сержант «Громовержцев» в телепорту. Его ДНК-матерьял, – Голос сказал именно «матерьял», как любил называть свои репортажи сам Джокер, и снова сладко вздохнул, – просто идеально совпал с матерьялом настоящего Хозяина. А зачем он ему после излучателя?

– Кто?

– ДНК-матерьял.

– Про дружественный огонь расскажи, – пробормотал Джокер еле слышно, однако же Голосу хватило.

– Умный мальчик. Такие нужны в моей команде. Когда победим, я тебя не забуду. Видишь ли, Президенту Содружества очень хочется жить. Собственные клоны его организм отвергает. Законы демократии суровы. А заварушка на Ургее – отличный полигон ДНК-матерьяла…

– Не произноси этого слова, сволочь! – рявкнул Эрш.

– Но это же твоё слово, – якобы удивился Голос. – Твою совесть недоработали, но мы это поправим.

Эрш пропустил мимо ушей странное слово «совесть». Пока Голос в настроении, надо его дожимать.

– Что дальше?

– Дальше – услада моего сердца. Мы изничтожим тхагов на Ургее, даром что сто пятьдесят лет назад она звалась Тхаргея, кто теперь это помнит, кроме самих тхагов, этой горстки глупцов? В моём распоряжении отныне – в обмен на жизнь Президента – вся вооружённая мощь Содружества. Я уничтожу Империю, этот

рассадник зла, и мне помогут верные союзники – урхи. Они доблестно погибнут все до одного во славу Содружества. И заметь, малыш, добровольно и счастливо! Мы дадим этим недолюдям счастье – всем, даром. Но я не расскажу тебе весь план, да ты его и не поймёшь. Отдыхай пока, ещё один раунд переговоров мне предстоит, важный раунд. Воды можешь попить, но не увлекайся.

* * *

Эрш Джокер ждал. Ждал? Неправильно. Впервые в жизни прайм-репортёр ничего не ждал и ничего не хотел. Верно сказал полковник, коровье дерьмо. Дерьмо просто лежит на дороге и сохнет под лучами солнца. Ничего не ждёт, ни о чём не думает, и ничего от него не зависит. Потом кто-то подбирает его и топит печь. Как на Ургее. На разрушенной выпотрошенной планете, где упрямые тхаги бьются против всей Галактики за свою глупую, никому не нужную независимость… Но они хотя бы не коровье дерьмо. Они так захотели сами. Их толкали, но толкали не к этому. Их пока не победили. Пока. Джокер просунул руку под поясницу. Оно ещё там.

Сквозь расходящиеся волны вновь начавшегося бреда он ощущал лишь одно. И, пожалуй, название вертелось в голове, но он не спешил озвучить даже для себя. Действие сыворотки вновь заканчивалось, антитела взялись за свой адский труд и что-то странное творили с башкой. Голос назвал это совестью. Нет. Голос не всеведущ.

Он снова видел цепочку «слепцов Брейгеля», свой сканирующий взгляд, и вот он – сержант «Громовержца» – здоровенный парень, в комбезе, но без шлема, спокойное каменное лицо, высокий лоб в залысинах, бессмысленный голубой взгляд. Что-то сместилось в памяти, что-то далёкое, какое-то интервью… Сержант имперской пехоты, позывной «Ара», герой трёх войн, образование высшее техническое… Взгляд… взгляд тяжёлый, но спокойный, взгляд умного и видавшего виды человека. И тебя, Ара, превратили в стеклянного дебила… ДНК-матерьял… матерьял… матерь…

Что случилось? Чего от него снова хотят? Зачем? Почему в камере пещера? Нет? Не пещера? Аха-ха, передвижной нуль-портал… а вы кто? Воины освобождения Тхаргеи? Что ты говоришь, Голос? Чтобы я не бузил? Я вижу, что у них нет сыворотки, откуда у них сыворотка, у них только фекальные ускорители… Аха-ха… Да не бейте по щекам, я пошутил. Что ты

говоришь, Голос? Чтобы я не бузил?! А вот хрен тебе! Мне нравятся эти парни! Парни, я пойду с вами, об одном прошу: не режьте меня там у себя живьём, я скоро и так загнусь! Потом выпотрошите. Только мой вам совет: сожгите. Сожгите вы её к такой-то матери, не поможет она вам, сдохнет эта сволочь и ладно, а за почку вам всё пообещают: и ещё три планеты землеподобные в придачу пообещают, и десять астероидов платиновых, и тыщу сто десять железных, только потом всё едино наколют. Не-е, на почки, парни, не надейтесь, а на ускорители… фекальные. Ладно, не бейте. На излучатели, на ракеты, на силу свою надейтесь, а уродам – не верьте. И мне не верьте, я сам урод. Слышишь, Голос? Я пошёл! Да помню я! Там. Сыворотки. Нет.

Просто у меня эта… Реакция отторжения.

Владимир Калашников
Головоляпы

Был в древности народ, головотяпами именуемый… Головотяпами же прозывались эти люди от того, что имели привычку тяпать головами обо всё, что бы ни встретилось на пути.

М. Е. Салтыков-Щедрин

Поле до сих пор волнистое из-за пахоты. У нас давно уже не ковыряют почву плугом – съедобную органику проще выращивать на гидропонике. Волны просели за минувшие годы. Чернозём слежался и отвердел. На меже стоят рядком наголо выбритые люди, мужчины и женщины разных возрастов, и на противоположной стороне поля тоже – переминаются с ноги на ногу. По сигналу – клёкоту зуммера – начинается забег.

Друг навстречу другу. Стенка на стенку. С виду люди ожесточены, и взгляд поневоле ищет в их руках оружие, которого нет. Они прыгают с гребня на гребень, спотыкаются и катятся кувырком, встают. Кое-кто берёт секундную паузу, сгибается пополам, уперев руки в колени, чтобы извергнуть поток белой рвоты. Наверное, укачали земляные волны. Люди неумолимо сближаются. Зачем они бегут? Кто знает. Нарики, подумает случайный свидетель. Сектанты. Безумцы. И в каждом предположении отчасти будет прав. Но нельзя забывать – только отчасти.

Наконец, лидеры гонки сталкиваются в прыжке головами, замирают в неестественных позах, на полушаге, в полудвижении, срастаясь в единое целое: два тела, склонившихся к шару, в который слились головы. Самые быстрые – качок и анорексичная девица. Мужчина давит с пригорка всей массой, и тоненькая девушка ухитряется поддерживать его. Тела становятся жёсткими, как при столбняке. Жизнь их покинула.

Цефалопагами – сросшимися головами однояйцевыми близнецами – они оставались не долго. В их шар ввинчивается третий человек. Ещё один подныривает и утыкается башкой в самую сердцевину и без того немаленькой головной массы. Подтягиваются отставшие и идут на стыковку – с замаха, для надёжности. Мельтешение на поле прекращается. Все участники

забега столкнулись головами и срослись. Среди старых, изгладившихся борозд стоят ещё пять или шесть таких конструкций – сюрреалистические скульптуры, издали похожие на составленные из человеческих тел перевёрнутые икебаны.

* * *

Как дошли мы до такой жизни, спросите вы?

То, что вы узрели, – инициация. Таких роликов много в сети.

Несколько лет тому назад человечество получило в подарок технологию Слипания. Кем был даритель? Наверняка нельзя сказать до сих пор, зато множатся версии. Зелёненькие гуманоиды, нацепившие человеческую личину. Пришельцы из восьмимерного измерения. Самозародившийся в глубинах сети разумный программный код. Мы сами, из будущего. Боги, древние или, напротив, новорождённые. Друзья человечества. Враги.

Сторонники теорий заговора сошлись во мнении, что всё это – эксперименты правительства. Патриоты как обычно клянут заграницу. Хакеры сновидений толкуют головоляпство как своеобразный вирус, внедряющийся в коллективное бессознательное человечества. Неостароверы точно знают: головоляпов ввёл в прелесть кибернетический Диавол, и круглые сутки жгут за них светодиодные лампадки в каждой своей коммуне-«корабле». Старообрядцы пироманического согласия в знак протеста спалили несколько дата-центров, в самом сердце пожарища устроив радение в противоогневых скафандрах из асбеста. Одни староверы-бегуны проскочили мимо, ничего по привычке не замечая, и побежали себе дальше в извечных кошках-мышках с судебными приставами, которые годами пытаются вручить под расписку набор необходимых гражданских документов.

В назначенный день не назвавшиеся господа в дорогих костюмах презентовали препарат, инъекция которого позволяла подключаться к особой виртуальности посредством собственных тел и объединять таким образом мощности разумов. В качестве разъёма – вся поверхность головы, модем – содержимое черепной коробки. Благодетели человечества в прямом эфире продемонстрировали возможности своего дара: грянулись лбами и застыли абсурдистской статуей.

При масштабной травме головы человек должен в считаные минуты умереть от кровотечения из лопнувшего синуса. Но этого не происходило, настолько масштабными были изменения,

производимые инъекцией. Модифицировались самые основания физиологии человеческого организма. Внедрённый в кровь контагий с лёгкостью проникал через гемато-энцефалический барьер и начинал перестраивать центральную нервную систему. Кровообращение замыкалось на туловище и конечностях, голова отныне являлась обособленным органом. Пластинки костей растворялись. Мозг превращался в желеобразную однородную массу, имеющую память формы. Некоторые нейробиологи утверждают, что в подобном физическом носителе не может пребывать разум. Будто бы сознания головоляпов хранятся на неком «сервере» и оттуда управляют телами. Однако это не более чем умопостроения, если не сказать жёстче – домыслы.

Известно, что Слипание есть поле, всепроникающее и вездесущее, не поддающееся фиксации современными приборами. Вселенская виртуальность, порождаемая то ли флуктуациями в вакууме, извечным «кипением» межпланетной пустоты, то ли вибрацией струн, слагающих пространство-время. Точнее сформулировать нельзя. С чем сравнить физическую природу Слипания, чтобы дать о нём более ясное впечатление? Наверное, с резонансом Шумана или реликтовым излучением. Для входа в Слипание нужны как минимум двое: чужая голова – вроде ключа, открывающего доступ. Погружаться рекомендовалось на голодный желудок и предварительно опустошив мочевой пузырь, иначе стоило ожидать неприглядных физиологических отправлений.

Я сам чуть было не польстился на дармовщину. Удержало известие, что все вживлённые в голову имплантаты в ходе первого же слипания элиминируются – выплёскиваются наружу потоком белёсой субстанции. К тому времени у меня были усилители зрения обоих глаз, по гайморовым пазухам ползал крохотный медбрат и в затылочной кости имелись три скважины для подключения к вирту. Жалко было терять такое оборудование.

Кроме журналистов, приглашения на пресс-конференцию получили чиновники и политики, но большинство, кроме политических карликов и маргиналов, проигнорировали. Недовольные же увидели в Слипании способ ускользнуть из-под опеки государственной системы, не желавшей отмирать назло всем прогнозам о приближении будущего.

Как всегда бывает, правительство запретило препарат «до проведения экспертизы». Но из запрета ничего не вышло. Попробуй останови распространение популярности Слипания, когда вещество можно сцедить из уха любого липкоголового!

* * *

Заказчик приказал разнюхать, что происходит у липкоголовых. Вроде что-то интересное намечается. Меня ждут премиальные, если удастся поставить прямо в голову какого-нибудь слипшегося «жучок», покрытый веществом, не провоцирующим мгновенное отторжение.

Да у меня же есть знакомый липкоголовый! С него и надо начать. Это во всех отношениях годный для разработки кадр. Мы его, дурачка, терпим уже лет десять. Чрезвычайно непоседливый персонаж. Аферист из него был никудышный, того хуже – наивный. Ему бы стоять на углу со свечкой – пожертвования собирать, а не пускаться в заведомо непосильные авантюры. Последним делом Козьмы была какая-то жалкая финансовая пирамида. Он замучил всех знакомых россказнями про «быстрый заработок». Потом вышел на магната районного масштаба, заключил с ним убыточную сделку и несколько месяцев прятался от спрашивавших о нём крепких мужиков, носивших киберпротезы со встроенными инструментами для металлообработки.

Удивительное совпадение – на днях Козьма позвонил мне и назначил встречу. При его подлой натуре следует ожидать, что он снова начнёт завлекать меня в свои нелепые махинации.

* * *

Условленный день. Я иду по городу в заведеньице, облюбованное липкоголовыми. В прилегающих к нему улочках ощущаешь себя так, будто заблудился на складе магазина одежды: кругом десятки манекенов и ни одного живого человека. Склонившиеся друг к другу манекены стоят на тротуарах, на аппарелях, ведущих на верхние уровни города, на террасах и балконах. Столбнячные тела заполняют парковки и скверики. Искусственный ветер колышет занавески, и за ними видны опять манекены, манекены, манекены с уродливыми головами.

Гигантская крыса – наверное, специально выращенная и выпущенная на волю в город сектантами-злыдарями, – нацелилась на высунутый из сандалии большой палец липкоголового. Наглая, привыкшая к присутствию людей, она даже не вздрогнула, когда я замахнулся.

Из-за спины раздаётся гнусавое:

– Паскуда, зачем обижаешь моих друзей-липкоголовых?!

Это подонок из числа тех, что отираются вокруг застывших

головоляпов. Будто бы «смотрящие», на деле они обчищают карманы своих подопечных. По всей видимости, он караулил какого-нибудь доброхота, который решит позаботиться о беспомощном ляпуне.

Я оборачиваюсь и вновь выстреливаю из пальцев наноспицы – свёрнутые в трубку углеродные кристаллической решётки. Это запрещённое оружие, но ещё не было прецедента, чтобы кого-нибудь поймали с поличным. Стержень из атомов углерода невидим. Тем не менее я не хочу никого убивать. Я не херувим, у меня нет крыльев, но я чту Уголовный кодекс, говаривал трикстер прошлого века. Глядишь, и пробуду на воле до того дня, когда смастерят способные оторвать человека от земли биомеханические крылья.

Я пронзаю мерзавца выскользнувшими из рук нанотрубками. На них тотчас формируются прозрачные аэрогелевые листочки-распорки, чтобы противник не добрался до меня, насаживая своё тело на острия. Советую:

– Не шевелись. Не нужно. Пока ты проколот насквозь, вреда никакого. Но если двинешься вбок, рассечёшь себя. Глянь на крысу.

Грызун бьётся об асфальт и пытается ползти, коготки передних лапок скребут гудроновое покрытие… А где же задние лапки? В метре позади. Крыса разваливается на пласты. Тонко нарезанные дольки сыплются как из-под ножа шеф-повара, превратившего свои навыки шинковки в аттракцион.

Принимаюсь выговаривать пленнику:

– А ты хуже этой крысы. Гаже. Вредоносней. Ты хоть догадываешься, идиот, что амортизация моего оборудования за эти секунды будет оценена в сумму, большую, чем ты настрелял у прохожих за всю свою жизнь? Ты понимаешь, болван, тебе никогда не расплатиться за то, что я тебя спицей протыкаю? Никогда!..

Он не понимает. Воет бабьим голосом, когда я пускаю лёгонький разряд гулять по его нервам.

Я взламываю его банковскую карту, чтобы перечислить себе завалявшиеся там копейки. Которые – известно же – рубль берегут. Затем сканирую идентификационный номер головоляпа и выставляю ему официальный счёт за спасённый большой палец. И ухожу.

* * *

Мы сидим в клубе – я и Козьма, друг против друга внутри

уютного купе. Мне всё ещё непривычно видеть его бритым под ноль.

Козьма вопрошает:

– Как ты относишься к Системе? Себя в ней видишь?

– Вижу.

– Ну и дурак, – безапелляционно заявляет головоляп. – Будущее за горизонтальными связями. Только сеть, только горизонталь!

– Ха! Будто у ляпунов нет иерархии!

– Хочешь верь, хочешь нет. Всякий, хоть раз посетивший Слипание, равен в правах и возможностях старожилу.

– Ты что-то имел мне сказать? – обрываю его я. – Что-то важное?

– Мы собираемся уходить!.. – таинственным шёпотом докладывает Козьма.

– Куда? – спрашиваю в тон ему. – К чёрту?

Кажется, он не замечает моей мрачной шутки. Или я попал в цель? Забавно, если в итоге окажутся правы кибернетические староверы.

– В сингулярность. Трансгрессию. Астрал. Логос. Плерому. В Слипание!.. Главное, прочь из обрыдлой экзистенции! Прочь из Системы! Навсегда!

– Зачем? – хочу уточнить я.

– Мы сделаем рывок, какого человечество не совершало последние два миллиона лет, – с воодушевлением говорит Козьма. – Освоим биологическую виртуальность! Настало время эволюционировать. Взамен вашему кибернетическому Homo Ludens придёт Homo Extra Ratio – Человек Внесистемный.

– Вы бы ещё это… Не головами срастались, а…

– Ты на что намекаешь?

Козьма так смешно выглядит, когда пытается сыграть агрессивность.

– Говорят, в копчике находится нервный узел – «задний ум» из поговорки, – объясняю я. – О нём и речь, – я позволяю себе усмешку. – По крайней мере, будучи в Слипании, могли бы крыс давить. Так с какой целью вызвал?..

Головоляп всплёскивает руками:

– Я часто тебя вспоминаю и удивляюсь: такой прогрессивный человек, а до сих пор не присоединился к Слипанию!

Я решаю не возражать.

– Твой вшитый в роговицу интерфейс… – Козьма презрительно морщится. – Пусть он самой новейшей модели, но в сущности… Уж извини. Прошлый век. Эти штуки морально устарели. Кибернетические протезы бесперспективны. Не

получится без конца увеличивать в теле концентрацию крутых устройств. Закон Мура можно распространить и на киберпротезирование. В одно прекрасное время в твоём теле просто не останется плоти, чтобы склеивать груду железок. А принцип Ландауэра? Рано или поздно микросхемы вскипятят твой мозг! Далее, с годами, ты заменишь конечности, и вдруг – сюрпри-из! – оставшееся «мясо» пойдёт вразнос. Вот увидишь!.. Сердце в соответствии со своей животной программой будет прилагать усилия много большие, чем нужно для прокачивания крови по сократившемуся впятеро метражу сосудов. Насос сам изнашивается, и трубопроводы рвёт избыточным давлением. Кровь разжижится, потому как остатка костного мозга уже недостаточно, чтобы своевременно её обновлять.

Я нахмуриваюсь. Профаны частенько выдают устаревшие правила за непреложные аксиомы. К тому же я не собираюсь ампутированные руки и ноги кремировать и прах развеивать над морем, как делают киберрадикалы. Пусть хранятся в морозильной камере районной поликлиники. На всякий пожарный.

Вероятно, Козьма решает, будто я уже достаточно озабочен старостью, потому что протягивает мне пластмассовую ампулку с чем-то белым внутри и говорит отрывисто:

– Будь с нами.

Я беру ампулу, как бы в раздумье кручу в пальцах.

Мимо нашего столика идёт девушка. Я таращусь ей вослед.

– Мне примерещилось или… У неё голая задница?

– Это обтягивающие леггинсы в цвет кожи, – отвечает головоляп.

– Новая мода? – интересуюсь я.

– Старая. Отстал ты от жизни! Десять лет назад ты где был? В спячке? – смеётся Козьма. – В берлогу забился?

– По-видимому, – я невозмутим. – Как раз тогда появилась новая модель робоняни.

Это чистая правда. Мы долго не вылезали из постели. Потом у неё вышел из строя важный патрубок, пришлось вызывать ремонтников.

– Хочешь, познакомлю? – подмигивает головоляп. – Неонила!

Я зашикал на Козьму, но девушка уже откликнулась, подсела к моему собеседнику.

Козьма посмотрел на девушку, потом на меня:

– Загляну в Слипание. Что там творится? Всего минуточку! Жди!..

Неонила сдёргивает парик.

Они легонько стукнулись темечками и уподобились сиамским близнецам.

Я разглядываю их в упор. Из приоткрывшегося рта девушки капает белёсая жидкость – та загадочная субстанция, основа существования головоляпов. На столешнице успевает образоваться лужица, прежде чем губы мигрируют в верхнюю часть щеки. Теперь между ними видны коренные зубы – моляры. А вот и маленькое ушко Неонилы решило попутешествовать по размягчившемуся черепу. К моменту отключения от Слипания облик липкоголовой, конечно же, восстановится. Органы на лице Козьмы тоже колобродят, но его преображение меня нисколько не трогает. Чего хорошего, в самом деле, от него можно ожидать? Но вот девушка…

Наконец, ляпуны с влажным чмоканьем разъединяются.

– Я уже вернулся! – бормочет Козьма. Будто разбуженный человек, который очень старается казаться бодрым.

Я предлагаю:

– Давай пройдёмся!

Мне противно смотреть на Неонилу. Так же гадко, наверное, монаху было смотреть на красивую девушку, оказавшуюся ведьмой.

Козьма любезно прощается с липкоголовой. Поцелуи в губы и объятия… Я примечаю, что парочка старается не соприкоснуться черепушками. Неконтролируемое слипание? И такое бывает?

Поднимаясь из-за стола, я убираю в карман салфетку.

* * *

Мы выходим на улицу. Какие всё же откормленные крысы снуют поблизости головоляпских притонов…

– Если ты боишься инициации, – возвращается к нашей теме Козьма, – то можно поступить иначе. Мы с тобой люди серьёзные. Поле, бег, таран друг друга лбами – показуха. Это не для нас с тобой. Я сам проведу твоё первое слипание. В узком кругу.

Я отказываюсь от этой сомнительной чести.

– Ну что ты ломаешься!..

Я непреклонен.

– Так и будешь со своими железками сидеть.

Я говорю, что обожаю свои железки.

– Да ты испугался!

Я усмехаюсь.

– Я же тебе добра хочу!

Я замыкаюсь в себе.

Козьма избирает новый подход:

– Да ты знаешь, каково там?.. Зажмуриваешься, ляпаешь

головой, а через миг открываешь глаза уже в Слипании – перед тобой мириады огоньков. Кр-расота!.. Звёзды – невероятные, проливающие потоки зеттабайтов. Каждая есть прошедший Слипание разум. Сразу и не поймёшь, визуализация виртуальности кругом или ты на самом деле попрощался с бренной оболочкой и ныне обретаешься в далёком галактическом скоплении.

Я настораживаюсь. Козьма никогда не был романтиком. С чего бы сейчас его так разобрало? Можно предположить, что говорит он не своими словами, а слоганами из методички. Я не слыхал о такой методичке, и нигде не было упоминаний. Если таковая существовала, головоляпы не допускали её распространения за пределы Слипания. Что же она из себя представляет? Руководство по привлечению новых адептов? Точнее, по заманиванию. Почитать бы…

Как узнать наверняка, собственные это слова Козьмы или цитата?

Устроить, что ли, проверку?

Я привычно расфокусирую зрение. В пространстве между мной и Козьмой повисает видимый мне одному интерфейс мировой сети. Нахожу базу данных русской поэзии и запускаю поиск. Формируется выборка – список цитат. Мне остаётся лишь время от времени туда подглядывать.

– А какие они, эти звёзды? – спрашиваю Козьму. – Электрические розаны, газа голубые пионы? Или ржавые, в странных прожилках? Эти звёзды как рыбки блестят?

– Это вопрос второстепенный…

– Нет, ты погоди! Надо разобраться! Хочу разобраться.

Он притворяется удивлённым:

– Откуда мне знать!

– Как – откуда? Ты мне плёл, вот только!..

Козьма глупо улыбается:

– Да какая разница-то?

– Нет, ты скажи! Ты ответь! Я понять хочу! Горние звёзды как росы?.. Или звёзды – невод, рыбы – мы, боги – призраки у тьмы?

– Слипнешься и сам увидишь…

– Да погоди ты со своим Слипанием! Годить надо. Ты сперва объясни, какие там звёзды!

– Обычные. Ну, такие…

Ясно. Как и в прежние времена, Козьма непроходимо туп в плане романтики.

– Когда человек в последний раз наблюдал их? – продолжаю я. – В реальности, имею в виду. Световое загрязнение, смог, углекислые испарения миллионов людей… В городах даже луну

трудно различить! Потому и спрашиваю. Как они выглядят-то?

– Это к делу не относится, – упорствует в своей приземлённости Козьма.

Очевидно, методичка. Самостоятельно он рифмы не способен связать. Но остановиться уже не могу – вошёл во вкус.

– Пёрышко огнистое, рассветная звезда? Ядовитый изумруд звезды? А, что скажешь?.. Магнитящие и слезотворные звёзды? Звёзд иглистые алмазы? Однообразные звёзды?

– Чего пристал? – жалобно тянет Козьма.

– Плевочки, которые кто-то называет жемчужинами? Какая звезда в «слипшейся» виртуальности главная? Отвечай! Большая чёрная звезда? Предречённая звезда, что в карих сумерках всегда кукушкой окликала нас? Звезда-Полынь – ветвь иссохшая, прах выжженных пустынь?

– Да не знаю я! – сердится он.

Точнее, делает вид, будто сердится. На самом деле Козьма напуган до смерти.

– Каково там, в Слипании? – говорю я с жаром. – Говоришь, кругом пустая бесконечность? Только жёлтая заря, только звёзды ледяные, только миллионы лет?..

– С ума подвинулся? – слабеющим голосом вопрошает Козьма.

– Я тебе добра хочу! Слышишь?! Добра! – надрываюсь я. – Про звёзды расскажи! Человек облагораживается, когда вспоминает о высоких материях. Ты от меня теперь не отвертишься! Договаривай, раз начал! Звёзды – это архиважно!

Козьма ускоряет шаг, пытаясь отвязаться от меня. Я дёргаю его за рукав, разворачиваю к себе, кричу в лицо:

– Звезда зелёная, что ангел поднял в пустоту? Звезда омега?.. Весь в искрах, Сириус цветной? Немая Вега, оледенела над Землёй?

Козьма берётся за левую сторону груди, его походка становится неровной – это имитация сердечного приступа, стандартный фокус, чтобы не побили. Он как тот зверёк, притворяющийся мёртвым в случае опасности. Неужели до сих пор работает? Выглядит жеманно, а не измученно.

Я хлопаю Козьму по плечу, оправляя на нём одежду. Его колотит крупная дрожь. Возможно, я переборщил. Козьма глядит на меня во все глаза. Ждёт, что его будут бить. Значит, за ним вина, и куда большая, чем я полагал вначале.

– Ну, всё, – примирительно говорю я. – Пошутил. Эй, слышишь, шутка это была! Ты меня уговорил. Попробуем. Я полчаса уже как сделал инъекцию. Пока ты слипался с этой бабенцией… Ох, и болючий же укол! Давай прямо здесь! Чего

тянуть.

Вероятно, моё представление серьёзно пошатнуло душевное равновесие Козьмы. Он должен был почуять неладное, но в панике «ляпнул» меня лбом в лоб. Вхолостую!

Совсем не больно, будто мокрым полотенцем хлестнули. Козьма забрызгал меня своими мозгами, то есть тем, что заменяет их у головоляпов. Я достаю из кармана салфетку и отираюсь. Головное желе с шипением кипит на асфальте и медленно стекается к обрубку шеи, где уже сформировалась завязь восстанавливающейся головы. Я втыкаю туда выданное заказчиком устройство – булавку из материала, к которому фирменная субстанция липкоголовых якобы толерантна. Плюю под ноги, перешагиваю тело и удаляюсь, насвистывая.

* * *

О том, что нас с Козьмой «вели», я догадываюсь, лишь когда меня настигает троица липкоголовых боевиков.

Я запрашиваю сеть, как справиться с таким количеством врагов. Программа запрашивает характеристики моего тела и сообщает: «Вы труп!», после чего перебрасывает на сайт ритуальных услуг. Мне на почту приходит приглашение на мои же собственные поминки.

Я ныряю в толпу погружённых в Слипание головоляпов, оскальзываясь в луже разлившихся под ними нечистот. Амбалы посчитали, что я решил затеряться среди неподвижных тел, и никуда не торопятся. На самом деле мне нужно, чтобы они не могли накинуться все разом. Я петляю среди статуй из плоти, крови и белой субстанции.

Тут уж не до Уголовного кодекса.

Взмахом руки я срезаю бугор с чьих-то склеившихся голов. Амбал по ту сторону застывшей троицы если и заметил мой жест, то принял его за проявление паники. Он уже тянет ко мне руки, когда я смахиваю отрезанную часть прямо ему на лысину. Сочащийся белой жидкостью кусок прилипает и уносит боевика в Слипание. Хотя бы на минуту я устранил одного из противников.

Жаль, у ляпунов нет волос – было бы удобно держать за них отрезанную часть.

Я отделяю новый пласт. С внутренним содроганием хватаю его обеими руками и бросаю в приближающегося амбала. Тот пробует уклониться, почти получается. К счастью, мой метательный снаряд разваливается в полёте и ошмётки забрызгивают лысину противника. Его тотчас выкидывает из

реального мира в Слипание.

Спокойно выхожу из гайд-парка головоляпов на свободное пространство. Уж с одним противником я как-нибудь справлюсь. Кажется, амбал немного смущён.

А вот и Козьма, притащился-таки следом. Вид у него потрёпанный – не прошло даром разбрасывание мозгов по мостовой. Заметив меня, растерянно мигает. Определённо, не хочет со мной разговаривать и поэтому подскакивает к оставшемуся амбалу и, не спрашивая разрешения, утыкается лобной костью тому в затылок. Боевик содрогается всем своим огромным телом, и мне чудится, будто по замершим вокруг фигурам тоже пробегает рябь.

От греха подальше я ретируюсь так быстро, как только могу.

* * *

Ляпуны отстояли восемь дней на страже Слипания, а на девятый, невзирая на протесты родственников, правительство призвало армию содействовать санитарным службам в очистке улиц. Бойцы стройбата грузят бездыханных липкоголовых в армейские ЗИЛы и отправляют на переработку – в топки мусоросжигательных заводов. Огромное количество разлагающихся тел не представляется возможным захоронить в соответствии с традициями. Как разделять слипшихся по трое-четверо? А если перед прозектором раскорячился кластер из дюжины головоляпов?

Так в наш мир вернулась старая добрая гиперинформационная постиндустриальная реальность. Антиобщественные элементы, только и мечтающие разрушить устоявшийся порядок, самоликвидировались.

Мой любимый заказчик – ему не жалко денег, и задания он выдаёт равнодушно, будто читает с циркуляра, составленного вышестоящим сотрудником, – я начинаю догадываться, кто он. Конечно, доказательств у меня маловато – одна лишь рябь, мгновенное сотрясение тел липкоголовых. Может, это и вовсе совпадение. Может, гибель головоляпов никак не связана со шпилькой, которую я воткнул в голову Козьмы. С чего я решил, что то была флешка с вирусом? Вдруг ляпуны в самом деле удалились в своё райское Слипание? Да ведь я не собираюсь никому и ничего доказывать. Громогласно раскрывать заговоры – удел конспирологов. А мне больше по вкусу получать денежки за выполненную работу.